

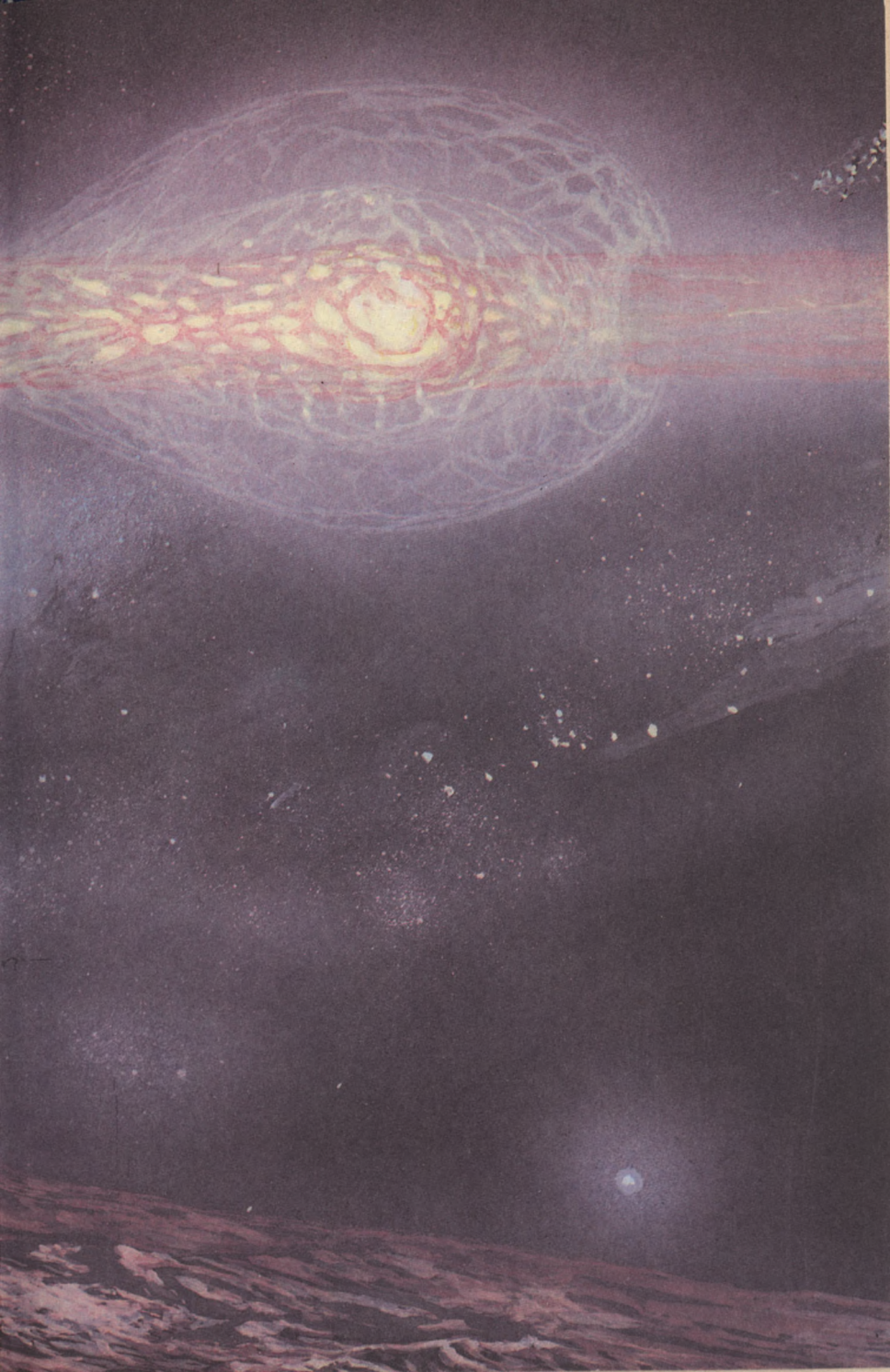
МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

SHORT STORIES

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

РАССКАЗЫ

Издательство «Полярис»
1995

Миры Клиффорда Саймака кн. 17 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1995. — 383 с.

В 17-й том собрания сочинений Клиффорда Саймака вошли рассказы писателя, не включенные в предыдущие тома, а также первое его произведение «Мир красного солнца», которым Саймак начал свою литературную карьеру, и интервью с писателем, взятое у него за несколько лет до его кончины. Представленные произведения дают прекрасную возможность оценить творческий диапазон писателя: от грандиозных космических пейзажей «Наблюдателя» до глубокого психологизма «Театра теней», от пессимизма «Мира красного солнца» до светлой надежды «Дома обновленных».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-247-9

© Издательство «Полярис»,
составление, 1995
© Издательство «Полярис»,
оформление, название серии, 1993

ИНТЕРВЬЮ С К. САЙМАКОМ

Это интервью Клиффорда Саймака дал на конференции MINICON весной 1980 года Джорджу Дж. Ласковскому, издателю фэнзина «Lan's Lantern», и его сотруднице Мэри Коуэн. Оно отличается не только своим неформальным характером, но и тем вниманием, которое уделяет интервьюер вопросам, волнующим читателей и почитателей Саймака. Мы публикуем это интервью практически полностью, за исключением нескольких абзацев, касающихся отношения Саймака к различным американским конференциям фантастов. Надеемся, что читатели простят нас за эти купюры.

Джордж Ласковский: Сэм Москович в книге «Искатели завтрашнего дня» утверждает, что первый ваш рассказ назывался «Кубы Ганимеда». Какова его судьба?

Клиффорд Саймак: Да, это был мой первый рассказ, и я отослал его в «Amazing»*. Редактором тогда был Т. О'Коннор Слоун. Я несколько месяцев не имел от него никаких вестей и лишь случайно, через нью-йоркский фэнзин, обнаружил, что мой рассказ принят. К тому времени я уже успел написать и опубликовать еще пару рассказов. Я ждал, а рассказ в «Amazing» все не появлялся, так что года через три я потребовал, чтобы мне вернули рукопись. Ее вернули — истрепанную донельзя, рваную и заляпанную, а вместе с ней прислали записку от Т. О'Коннора, в которой говорилось,

© 1995 Издательство «Полярис», перевод на русский язык .

* Журнал «Amazing Stories». (Здесь и далее примеч. пер.)

что мой рассказ устарел. Мне было трудно представить, как мог устареть рассказ, действие которого происходит на спутнике Юпитера, но, если ему понравилась эта отговорка, я не возражал.

В общем-то, рассказ был весьма слабый, как и большинство первых рассказов. Я закинул рукопись на полку и забыл о ней. Возможно, она до сих пор где-то валяется, но сомневаюсь, чтобы я ее когда-нибудь нашел.

Л.: Таким образом, первый ваш рассказ никогда не был опубликован, и его место занял второй — «Мир красного солнца», появившийся в декабрьском выпуске «Wonder Stories» за 1931 год.

С.: Да, совершенно верно.

Л.: И в этом рассказе вы использовали прием, который, насколько мне известно, не применялся ни одним из писателей того времени: путешественники во времени в вашем рассказе устанавливают машину времени на самолете.

С.: Да, чтобы подняться над всякими геологическими пертурбациями, которые могли произойти в течение их путешествия.

Л.: Это весьма разумно. Кто-то пользовался этим приемом до вас?

С.: Не думаю, но учтите, в те времена фантастика только начиналась, и сделать что-то новое было вовсе несложно.

Л.: Кроме того, ваши герои побеждают главного злодея, угнетающего будущее население Земли, не при помощи сверхнаучного оружия, а при помощи оружия психологического.

С.: Да, психология. Вот это может быть первым использованием психологии как оружия в фантастической литературе. Я, правда, не уверен в этом — просто никогда об этом не задумывался — но вполне может быть.

Л.: Да, насколько мне известно, вы были первым, кто осуществил эту идею, и не только в этом рассказе, но и в другом — «Золотом астероиде»...

Мэри Коуэн: Это было задолго до того, как психология, социология и прочие гуманитарные науки стали рассматриваться в одном ряду с физикой, химией и биологией.

С.: Да, вы правы, но поймите — не я один довольно рано понял, что нельзя слишком полагаться ни на массовую технологию, ни на чудовищное оружие в стиле Э. Э. Смита, у которого на любую угрозу был один ответ — построить пушку еще больше. Та сила, что скрыта в мозгу, не менее важна, чем технология. Не думаю, что делали это осознанно, но многие из нас использовали подобные приемы.

Л.: И, кроме того, этот рассказ лишен счастливого конца.

С.: Рассказы не обязаны хорошо кончаться. В этом я не согласен с большинством фантастов. Сейчас с этим легче, чем в прежние годы. Я бы сказал, что это вина Джона Кэмпбелла, который очень долгое время устанавливал, какой должна быть научная фантастика. Джон и некоторые другие редакторы настаивали, что человечество всегда должно побеждать, что мы — самая умная, хитрая и сообразительная раса во Вселенной. Это же полный абсурд. Мы с тем же успехом можем и проиграть. Сейчас мы отходим от этого эгоцентризма, и рассказы уже не должны, как прежде, завершаться «хэппи эндом» Многие шедевры мировой литературы тоже плохо кончаются.

К.: «Гамлет».

С.: Вот классический пример, и не единственный.

Л.: Кроме того, ваша машина времени не перемещалась в прошлое.

С.: Ну, в этом я точно первым не был. Это общий принцип для по-настоящему больших идей — их надо ограничивать, иначе они разрушают произведение. В других рассказах машина времени может перемещаться только в прошлое, но не в будущее.

Л.: Это не первый замеченный мной образец, но самый ранний. Пол Андерсон написал повесть «Flight to Forever»*, в которой машина времени могла двигаться не больше чем на 200 лет в прошлое, но неограниченно далеко в будущее. Так что путешественники улетают все дальше и дальше в будущее в надежде, что наука будущего найдет способ обойти этот запрет, пока, наконец, они не минуют гибель Вселенной, рождение новой и не возвращаются в ту же точку, откуда прибыли. Довольно запутанная история. Пол написал ее в 1948 году, вы сзой рассказ — в 1931-м, так что вы, возможно, были первым, кто использовал эту идею.

С.: Может, да, а может, нет. Первым или нет — неважно, главное, что кто-то ее использовал.

Л.: А почему вы стали писателем? Что подтолкнуло вас к этому?

С.: С самого детства я мечтал стать журналистом, газетчиком, и эта мечта осуществилась. Но, как мне ни нравилось писать в газеты — а этим я занимался вплоть до 1976 года, когда ушел на пенсию, — я обнаружил, что это занятие сковывает мою творческую фантазию. Когда строишь колонку новостей, приходится держаться как можно ближе к истине, ограничивать себя фактами. Это, конечно, само по

* Повесть включена во второй том выпускаемого издательством «Полярис» собрания сочинений Пола Андерсона под названием «Полет в навсегда»

себе творческое занятие и даже искусство, но не того масштаба, какого мне хотелось. И я начал писать всякую макулатуру. Знакомство мое с научной фантастикой началось не с «Amazing Stories», как у большинства, а с Герберта Уэллса и Эдгара Аллана По, но я и журналы почитывал. Примерно в то время я и осознал огромные возможности научной фантастики; тогда эта область только начинала развиваться. И я занимался фантастикой всю жизнь, за исключением короткого периода, когда денег не было, идей тоже, и я накропал пару вестернов.

А.: Вы все еще полагаете, что возможности фантастики огромны?

С.: Разумеется. Когда я начинал, фантастика была легким хлебом. Очень немногие авторы писали для журналов, и тем приходилось многократно перепечатывать старые рассказы. Мало кому и в голову-то приходило писать фантастику. Журналы не обращали внимания ни на стиль, ни на построение рассказа — главное, чтобы была хорошая идея и занимательный сюжет. Если человек мог сложить три осмысленные фразы, он уже годился в фантасты. Так что начинать было легко.

В наши дни начинающему фантасту намного труднее пробиться, чем было мне. Конкуренция огромна. Сейчас все кому не лень пишут фантастику. Если тебе удалось пробиться и напечатать хоть один рассказ — это удача, ты уже писатель. Но, боюсь, многим из тех, кто пробился к известности в двадцатые и тридцатые годы, сейчас это не удалось бы. Слишком велика конкуренция. Рынок тоже расширился — в те времена существовала всего пара журналов — но, несмотря на это, для всех писателей места на рынке не хватает.

Что же до самой научной фантастики, до развития самих идей, то, по-моему, им конца не будет. Иной раз кажется — все, жанр исчерпал себя, и вдруг кто-то приходит, подает совершенно новую мысль и начинает новую эру. Потом идея тиражируется, углубляется и затрепывается.

А.: По-моему, основная проблема нынешних графоманов в том, что они пытаются писать так, как писали в тридцатые и сороковые годы.

С.: Многие из них начитались антологий рассказов тех лет и пытаются имитировать то, что почитают образцом. Фантаст должен знакомиться с чужими произведениями для того, чтобы не повторять их. Можно подхватить чужой сюжет — но измени его, напиши лучше, в другом стиле, а не переписывай старые рассказы!

А.: Вы ведь тоже не придумали машину времени, но написали о ней свой рассказ.

С.: Нельзя же запатентовать идею. Не может же Айзек Азимов сказать: «Роботы мои, и никто больше не может о них писать!»

Л.: Вы ведь тоже писали о роботах.

С.: Совершенно верно.

К.: Вы даже упомянули закон, запрещающий роботам причинять вред человеку, превосходящий азимовские законы роботехники. Это было в рассказе «Прелесть».

С.: Да, о корабле-роботе, который не мог взлететь и оставить людей на необитаемой планете. В машину была встроена верность экипажу, так что она могла вышвырнуть их, не пускать в корабль, но взлететь без них — нет. Да, помню прекрасно. Но Айзек к тому времени уже огласил свои Три Закона.

К.: У меня все еще вызывают неприязнь роботы, которые их нарушают.

Л.: Как в некоторых фильмах.

С.: Да, ЭАЛ в «2001»*.

К.: Или Эш в «Чужом»**.

Л.: Все они нарушают Первый Закон.

С.: А что такого священного в Первом Законе? Это просто чертовски удобная выдумка, и все это поняли.

К.: Действительно удобная. Меня очень утомляют железные злодеи. Для телефильма это еще годится, но для оригинальной работы — злодейство в них просто не может быть запрограммировано.

Л.: Кстати, я заметил, что всякий раз вы даете роботам библейские имена.

С.: Я вообще-то использую библейские имена реже, чем хотел бы, и не только для роботов. Не могу сказать, почему они мне так нравятся. Некоторые из них удивительно *правильно* звучат: Езекия, Илия, Аза. Чертовски хорошие имена, их в наше время почти не употребляют. Может, поэтому их использую я.

К.: Звучат как имена, которые южные плантаторы давали своим рабам. Если роботы — это слуги... может, это и совпадение, но хорошее.

Л.: В некоторых рассказах вы исследуете и религиозные темы. Например, в рассказе «Все ловушки Земли»*** робот Ричард Дэниел, награжденный семьей Баррингтонов двумя именами за долгие годы службы...

* Фильм Стэнли Кубрика «2001: A Space Odyssey», снятый в 1968 году; Артур Кларк написал к нему сценарий, позднее переделанный в роман «Космическая одиссея: 2001».

** Фильм «Alien» режиссера Ридли Скотта, снятый в 1979 году

*** Опубликовано в 16-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

С.: Шестьсот лет.

Л.: Да, на пятьсот лет больше, чем положено без стирания памяти. Когда последний из Баррингтонов умирает, к Ричарду приходит священник, и робот заявляет, что у него есть душа. Позднее в том же рассказе робот приобретает парapsихические способности — тоже довольно необычно для робота. Фактически вы исследовали возможность превращения робота в человека.

С.: Видите ли, я не рассматриваю роботов как слуг, хотя часто делал их верными товарищами. В моих — наверное, и не только моих — рассказах роботы заменяют людей. Роботу можно придать такую сумму качеств, какой человек обладать не может. В этом смысле робот для меня — суррогат человека. В конце концов, если человек создает машину, подобную себе, разве он не воспроизводит этим себя — ну, возможно, кроме души?

Л.: Во многих рассказах вы обращаетесь с машинами как с продолжениями человеческого тела и даже приписываете им человеческие чувства и качества.

С.: А почему бы и нет?

К.: Вы, кажется, даете имена своим автомобилям?

С.: Всегда. Нынешняя у меня единственная безымянная, наверное, потому, что они сейчас стали все одинаковые. А прежде у меня были Анни и Нелли — почему-то у них у всех женские имена — такие лапочки. Все равно что собаки.

Машины — это инструменты, а любой инструмент, от обломка кремня до самой сложной машины — это продолжение нашего тела.

Л.: В одном вашем рассказе, «Операция "Вонючка"»*, старый автомобиль Бетси внезапно становится мыслящим существом, способным заботиться о своем хозяине и самостоятельно заводиться и ехать.

С.: Та же машина появляется еще раз в рассказе «Призрак модели "Т"»**.

Л.: Мне и в голову не приходило связать эти два рассказа. Вы несколько раз пользовались этим приемом: машина, обретающая самосознание.

С.: Когда пишешь рассказ, используешь, что под руку попадется. Если можешь вывести в качестве персонажей роботов или пришельцев или машины — выводы. Писать рассказы только о людях сложнее.

Л.: Многие из описанных вами инопланетян отвратительны на вид, но в каждом из них есть что-то человеческое, будто вы пытались сказать, что во всех нас есть нечто общее.

* Опубликовано в 15-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

** Опубликовано в 16-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

С.: Когда вы имеете дело с жизнью — неважно, возникла ли она на мелководьях земных морей или в озерах лавы на другой планете — вы имеете дело с единым братством. Жизнь в масштабах Галактики бессмысленна. Как может нечто, осознающее себя и пытающееся установить свои правила игры, выжить в мире, где правят бал законы физики и химии? Да жизнь плевала на эти законы, и в этом состоит суть ее всеобщего братства, к которому равно причастны разумный паук, червь и человек. А с появлением разума эта связь только усиливается, потому что разум сделал человека доминирующей формой жизни в этом мире и, вероятно, делает доминирующими другие формы в других мирах.

Имея дело с инопланетянином, мы общаемся не с чужаком, не с незнакомцем, а с чем-то очень близким нам самим. Если оно кажется нам отвратительным, оно, вероятно, думает то же о нас. Но под внешними признаками всегда можно найти некий базис для взаимопонимания или хотя бы симпатии.

Я уже долгие годы мечтаю написать — и, наверное, так и не напишу, — рассказ о том, что природа всегда придумает какой-нибудь фактор выживания. Мы стали доминирующим видом, потому что эволюция развила в нас разум. Мы стали доминировать, потому что используем орудия. А где-нибудь на другой планете другой вид мог найти другое применение своему разуму, так и не открыв орудий. Через пару миллионов лет эволюция может породить новый фактор выживания, который будет превосходить разум настолько же, насколько разум превосходит все остальное, и нужда в разуме отпадет — при условии, конечно, что наш вид доживет до этого, не вымерев от иных причин. Вопрос, который я себе задаю и на который не могу ответить: что может быть больше разума? Думаю, никто не может ответить на этот вопрос. Но я совершенно уверен, что подобная перемена произойдет. Эволюция постоянно тасует карты, создавая и отбрасывая новые факторы выживания.

К.: Этого вопроса вы касались в «Операции «Вонючка»». Скунс Вонючка не может использовать орудия — он к этому не приспособлен. Но он разумен и может влиять на окружающую среду другими способами. Собаки в «Городе»* тоже не используют орудий, но тоже разумны. Мы используем орудия, потому что мы к этому генетически приспособлены. Но это вовсе не обязательно правильно по отношению к другим видам.

С.: Совершенно верно. Ключевое слово здесь — «разум».

* Роман опубликован в 13-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

Л.: «Пересадочная станция»*, за которую вы получили «Хьюго»**, просто превосходна в этом отношении. Вы вывели множество инопланетян, уродливых внешне, но настолько мудрых, что впечатление от внешности пропадает.

С.: Я рад, что вам нравится этот роман. Я считаю его одним из трех моих лучших. Но, пиши я его сегодня, я изменил бы его. Мне жаль, что один из персонажей совершенно лишен характеристик, которые его бы оправдывали.

К.: Ну бывают же на свете злодеи, и неважно, люди это или инопланетяне.

С.: Вы правы, но уж больно он у меня черно-белый вышел. Мне следовало показать, что, хотя он злодей и принес немало вреда всей Галактике, но в собственных-то глазах, в своей системе ценностей он прав! Правда, в сцене, когда Энох стоит над трупом злодея, он немного размышляет на эту тему, но явно недостаточно.

А.: Некоторые говорят, что «Мастодония»*** — это просто переделанный «Необъятный двор»****.

С.: Это, конечно, неправда. Есть общие типы персонажей — пес, деревенский дурачок, бобыль — но сюжет полностью отличается. Основная идея «Мастодонии» — как можно получить прибыль из путешествий во времени. Сафари для охоты на динозавров вовсе неплохой способ.

Вообще же самым большим туристским аттракционом во времени была бы сцена распятия, в основном потому, что мы народ, движимый и заторможенный верой. Некоторые из нас не сомневаются, что все случилось именно так, как описано в Библии, другие сомневаются, происходило ли это вообще. Я как-то поразмыслил над этим и понял, что ни одна из крупнейших религий мира не хотела бы, чтобы кто-либо отправился посмотреть на распятие Христа. Не из-за отсутствия веры, но все же — к чему рисковать разрушением мифа, складывавшегося веками? Они бы, наверное, закупили этот участок истории целиком и перекрыли бы на нем движение.

К.: Вы же знаете, как возмущаются некоторые люди, когда выпускают очередной фильм о жизни Христа, потому что этот фильм не соответствует их личным верованиям.

С.: Именно так.

К.: Я поняла, что вы подразумеваете под выражением «движимый верой», но что значит «заторможенный верой»?

* Опубликовано в 10-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

** В 1964 году.

*** Роман опубликован в 6-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

**** Опубликовано в 15-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

С.: Думаю, нам всем было бы намного лучше, если бы мы не цеплялись так за свою религию. Вам это может показаться странным, но я бывал в маленьких городках, где ненависть между католиками и протестантами настолько сильна, что протестант не купит ничего у торговца-католика и не обратится к католику-врачу, и наоборот.

К.: И ни тот ни другой не пойдут к еврею.

С.: Порой и так. Просто стыдно, что в конце двадцатого века еще есть такие места и такие люди. Думаю, я объяснил, что подразумеваю под словами «заторможенные верой».

К.: Я вижу две интерпретации: или мы теряем способность верить, или наша вера ограничивает наше восприятие мира, потому что мир якобы обязан укладываться в рамки нашей веры.

С.: По-моему, многие люди просто загоняют себя в религию своей интерпретацией событий.

К.: Согласна.

Л.: Я тоже. Религия для многих — просто способ избежать ответственности.

К.: «Дьявол заставил меня это сделать».

С.: Вот-вот, или оправдание собственным предрассудкам.

К.: В странах, где сильна католическая церковь, она решает за всех людей, даже не католиков, пользоваться ли им противозачаточными средствами, и тому подобное.

Л.: Но вернемся к теме. Во многих рассказах у вас фигурируют деревенские дурачки. У вас на это есть какая-то причина?

С.: Да нет, не то чтобы я был с ними хорошо знаком, хотя почти в каждой деревне есть свой дурачок — а в Миннеаполисе дураков много, — просто у меня есть теория, что эти так называемые дурачки, которых мы пытаемся приспособить к обществу и учим в спецшколах, на самом деле не менее способны, чем мы; просто мы не понимаем, что это за способности, а они не знают, как их использовать. Мы на самом деле тормозим их развитие, забивая им головы своими идеями, когда им нужно просто сочувствие. Если бы мы оставили их в покое, то, возможно, поняли бы, как они мыслят. И мы могли бы многому от них научиться, потому что они на свой лад не глупее нас.

К.: Мы пытаемся научить их думать по-нашему, а это все равно, что сделать из меня сталевара — лучше от этого никому не становится.

С.: Вот хороший пример. Мой сын, неплохой инженер-химик, от рождения левша. Когда он пошел в школу, преподавательница пыталась переучить его писать правой рукой, пока я не явился в школу и не прочел ей и директору вслух, что говорит по этому поводу закон. Он до сих пор

левша, и это ему ни в коей мере не мешает. Кстати, именно из-за этого я впервые обратил внимание, как много талантливых людей среди левшей.

К.: Сейчас уже выпускают парты для левшей.

С.: А вы сами левша?

К.: Нет, я одинаково владею обеими руками.

Л.: Вы нередко связываете дурачков с инопланетянами или даете им силы, не присущие нормальному человеку.

С.: У меня просто какое-то внутреннее убеждение, что идиот сможет лучше понять чужое существо — именно по тем причинам, которые мы сейчас обсуждали.

К.: Да, нормальный человек убежден, что некоторые вещи невозможны. А идиот принимает все как есть.

Л.: Вы часто пишете о среднем человеке — не представителе правительства, сталкиваемом с пришельцами.

С.: Мне кажется, что читатель легче принимает героя, если тот — средний человек... для меня средний человек и представляет собой человечество. Я вообще очень верю в простых людей. Мне кажется, что они не только умны, но прежде всего обладают здравым смыслом. И мне очень легко о них писать. По-моему, для некоторых писателей это вроде снисхождения. А я и сам очень средний человек, и стыдиться мне нечего.

Л.: Кроме того, у вас есть привычка помещать место действия за город. В большей части ваших романов действие разворачивается на Земле, а не в галактических просторах, и в немалой части из них события происходят в городке Милвилл, штат Висконсин.

С.: А такой городок существует. Это маленький город на юго-западе Висконсина, где я родился и вырос. Я часто пишу об этих местах; если и не напрямую, то беру оттуда пейзажи и описания местности. В конце концов, эти места я не забуду никогда. Мне кажется, что в первые двадцать лет жизни в человеке зарождаются те концепции и ассоциации, которые останутся с ним на всю жизнь. Правда, когда я описываю Милвилл, то он становится чуть красивее, чуть возвышенней и чуть интереснее, чем в действительности. Иногда, когда я навещаю своего брата, он провозит меня по окрестностям, и я вижу, что овраги вовсе не так глубоки, холмы — не так высоки, а многих из тех мест, которые я помню, уже давно нет.

Я родился, собственно, не в городе, а в округе Милвилл, в доме своего деда; он стоял на высоком холме при слиянии рек Висконсин и Миссисипи, и эти две реки впечатаны и в мою жизнь, и в мои книги.

Так что Милвилл — реальное место. А вот Уиллоу-Бенд — вымышленное, хотя он тоже находится где-то в Висконсине,

только я не знаю где. Эти два города я использую чаще всего, хотя есть и другие — вроде Енотовой Долины.

К.: У вас есть и повторяющиеся имена — собаки Тоузер и Боузер, банкир Стивенс, — которые вы используете по нескольку раз.

С.: Наверное, это просто моя ошибка. Такое выражение, как «банкир Стивенс», сразу вызывает в сознании четкий образ...

К.: Да, этакий лысоватый человечек среднего роста и средних лет, в костюме и при часах с цепочкой...

С.: ...Который продаст тебя за десять центов. И мне так понравился этот образ, что я забыл, что уже где-то его использовал.

Л.: Вы также написали немало рассказов о пожилых людях, причем отнюдь не в последние годы.

С.: Да, о стариках я писал в молодости. Странно, но когда я был молодым, во мне очень глубоко сидело почтение к старости. Мне не казалось, что старость — это что-то ужасное. Возможно, те старики, которых я описывал, в чем-то похожи на людей, с которыми я был знаком, хотя реальных людей я никогда не описываю в своих книгах. Наверное, я писал эти рассказы из уважения к старости. А теперь мне семьдесят пять лет, и я вижу, что старость — это действительно не так плохо! Это лучшее время жизни. Плохо только, что болезни куда сильнее ударяют по старым людям. Это одна из тех причин, по которым я хотел бы видеть больший прогресс в здравоохранении.

Л.: Вы, кажется, написали несколько рассказов о том, как инопланетяне дарят людям универсальное лекарство.

С.: Это был рассказ «Shotgun Cure», но за лекарство пришлось платить. Как по-вашему, цена была разумной?

Л.: Честно говоря, я не совсем понял, что вы хотели сказать этим рассказом. Что-то вроде: «Давайте остановимся и подумаем, что нам делать с технологией, которая у нас уже есть, а не будем тянуться все дальше»?

С.: Я хотел сказать, что технология — это тоже болезнь, которую надо лечить. Нет, я неправильно выразился — не сама технология, а то общество крысиных гонок, в котором мы живем и которое так тесно связано с технологией.

К.: Техника нередко вызывает симптомы, связываемые со старостью, — повышение давления, инфаркты и прочее. Таков наш образ жизни.

С.: Да, и поэтому старый доктор в том рассказе соглашается взять лекарство, несмотря на побочные эффекты.

Л.: Вам уже семьдесят пять с половиной лет.

С.: Я не считаю половинки. Мне семьдесят пять до того дня, когда мне исполнится семьдесят шесть.

Л.: Третьего августа.

С.: Да. Хорошее время для дня рождения, все равно в августе больше нечего праздновать.

Л.: Вы вышли на пенсию четыре года назад?

С.: Да, в семьдесят шестом, четыре года назад, примерно первого сентября.

Л.: Не жалеете?

С.: Ни капли. Я бы и раньше отошел от дел, если бы не закон о социальном страховании. Пока мне не исполнилось семьдесят два, мне приходилось всеми доходами выше определенного уровня делиться с правительством. Я долго скандалил с чиновниками, но так ничего и не добился. Они утверждали, что ограничивают мой рабочий день. Интересно, откуда им знать, сколько часов в день я работаю? Сколько часов я пишу, можно сосчитать, а сколько часов я хожу и думаю? Но все равно мне пришлось ждать до семидесяти двух лет. Теперь хоть не нужно считать часы, проведенные за письменным столом.

К.: Чиновники только усложняют жизнь.

С.: Наверное, такому закону должна быть какая-то причина, но я так ее и не понял.

Л.: Еще одна из постоянных ваших тем — что-то, дающееся бесплатно. Варианты этой идеи разнообразны. Например, в романе «Кольцо вокруг Солнца»* вы обыграли идею вечных вещей — вечная бритва, вечная лампочка, вечный автомобиль. Некоторые идеи, такие, как бесплатный автомобиль, всплыли вновь в «Пришельцах»**.

С.: Это не просто машина, это форма жизни.

К.: В «Пыльной зебре» выведены идеальные мусоросборники.

С.: Да, но это оказалась палка о двух концах. Жутковатый получился портрет индустриальной философии. Я слышал, что в офисе одной корпорации в этом самом городе*** висел — может, и по сию пору висит — плакат с надписью: «Старение товара — двигатель американской экономики». Когда покупаешь машину, знаешь, что она рассчитана, допустим, на семь лет, или на 60 000 миль, а потом (или еще раньше) ломается.

К.: Телевизор ломается на следующий день после окончания гарантии.

С.: Именно. Так же и все остальное: у каждого товара свой срок жизни. Если бы магнитофон работал вечно, нико-

* Опубликовано во 2-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

** Роман опубликован в 8-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

*** Миннеаполисе.

му бы не потребовалось покупать новый, и компания, которая их производит, разорилась бы. Но разве не кошмарна ситуация, в которой товар заставляет себя покупать тем, что паршиво сделан? Вот что я имел в виду.

Л.: Мне кажется, что вы довольно тщательно исследовали эффекты появления вечных товаров, и некоторые из них довольно непривлекательны.

С.: Да, вы правы, но это не отрицает отвратительности нынешней промышленной философии.

К.: Есть и технологическое старение. Если бы я могла найти магнитофон вполтину меньше того, на котором записываю сейчас наш разговор, я бы его купила. Или подумайте о переходе от черно-белого телевидения к цветному.

С.: Знаете, мой «панасоник» у меня не первый год, а он меньше вашего.

Л.: Да, но, когда вы его покупали, он обошелся вам во много раз дороже, чем стоит сейчас.

[...]

Л.: Насколько мне известно, вы писали в соавторстве только с двумя людьми — с Карлом Якоби и вашим сыном Ричардом Саймаком.

С.: Да, это было только дважды.

Л.: Почему? Вы предпочитаете работать в одиночку?

С.: Я предпочитаю работать сам. У Джерри Пурнеллы и Ларри Найвена в соавторстве получается очень неплохо*, хотя и они, наверное, спорят. Но мы с Карлом были добрыми друзьями, и к концу нашего общего рассказа эта дружба едва не прервалась. Мы ни на чем не могли сойтись. Я говорил, что герой принимает снотворные таблетки, а Карл требовал, чтобы это были порошки. В конце концов получилось неплохо, но это был больше рассказ Якоби, чем Саймака. Друзьями мы остались до сих пор, но больше никогда не писали вместе.

А со вторым рассказом — у меня появилась идея, но я не мог подвести под нее химическую базу. Когда мой сын приехал к нам на Рождество, мы с ним откупорили бутылку, сели перед камином в подвале и он три часа с калькулятором подсчитывал, какие химические реакции могут сделать возможной идею рассказа. Написав черновик рассказа, я отослал рукопись ему, думая, что он перепишет или подправит только места, связанные с химией. Он сделал гораздо больше. Он переделал целые куски, упростил разъяснения и переписал несколько абзацев — получилось, честно сказать, намного лучше, чем у меня самого. Я получил от него рас-

* На русском языке выходили их совместные романы «Мошка в зенице господней» и «Молот Люцифера».

сказ, отполировал немножко и послал ему на одобрение. Никаких проблем у нас не возникало. Жаль, что он слишком занят для дальнейшего сотрудничества, с ним было приятно работать.

К.: А сам он ничего не написал?

С.: Нет. Он занимается различными исследовательскими проектами и пишет только бесконечные отчеты. На литературу у него просто времени не остается, да и желания особого нет. Он из тех людей, что глядят на предмет и разбирают его на атомы, анализируют. Математика для него — вторая натура.

Он вполне удовлетворен тем, что делает. Но если он за что-то взялся, он сделает как надо. Вот и рассказ у нас с ним получился неплохой, как мне кажется.

Л.: Я тоже так думаю; то же сказала и Джуди-Линн дель Рей*, которая его опубликовала.

С.: Кстати, концовку тоже придумал Ричард.

Л.: Еще одну из ваших излюбленных тем я впервые заметил в романе «Что может быть проще времени» — в самом начале романа вы заявляете, что космос не для человека. На ту же тему написан и «Отец-основатель».

С.: Да, «Отец-основатель» показывает невозможность колонизации планет. Но это скорее предположение, вызванное к жизни самим сюжетом, — если бы я писал о человеке, посвятившем жизнь заселению планет, я использовал бы иную точку зрения. Так что я вовсе не убежден, что космос не предназначен для человека. Мы ведь уже двинулись в космос.

Л.: В том же романе «Что может быть проще времени»** вы показали страх, который обычные люди испытывают перед теми, кто обладает парапсихическими способностями.

С.: Та же ситуация, что и с деревенскими дурачками, — люди, чьих способностей мы не понимаем. А стоило бы попытаться понять — они многим могли бы помочь нам.

К.: Я заметила, что почти во всех ваших рассказах есть «изюминка». В рассказе «Зеленый мальчик с пальчик»***. Джо приобретает телепатическую связь с растением, но чувствует себя неловко, питаясь овощами. В «Прелести» компьютер не знает, как реагировать, когда экипаж начинает вести себя нелогично.

* Жена известного писателя-фантаста Лестера дель Рея, с 1969 по 1973 год — редактор журнала «Galaxy Science Fiction» (сменила на этом посту своего мужа), с 1977 года — главный редактор издательства «Del Rey Books».

** Опубликован в 10-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

*** Опубликован в 15-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

С.: «Прелесть» — это один из моих любимых рассказов.

А.: И, кстати, еще один, в котором психология используется как оружие.

К.: А также исследуется вопрос: может ли компьютер иметь личность?

А.: Над чем вы работаете сейчас?

С.: Вот-вот выйдет из печати в издательстве «Дель Рей Букс» мой новый роман «Проект Ватикан»*. Я почти закончил еще один роман и задумал еще три, но пока не начал их записывать.

К.: Похоже, что вы вышли на пенсию только ради того, чтобы полностью посвятить себя работе.

С.: Не знаю, что бы со мной было, если бы я не писал. Наверное, у меня бы началась абстиненция, как у наркомана. Писательство затягивает.

К.: Помню одну дискуссию на тему: «Почему люди пишут книги?». И все выдвигали глубокие психологические причины, а потом встал Дэвид Джерролд** и сказал: «Потому что это легче, чем не писать!»

С.: Как я его понимаю!

А.: Одна из моих любимых книг — ваши «Космические инженеры»***.

С.: И они вам нравятся?!

А.: Да.

С.: Я их никогда не любил, но встречал многих людей, утверждавших, что им нравится. Эта книга очень плохо написана. Если бы я писал ее сегодня, она была бы намного лучше. Я избавился бы от красотостей и развернутых грандиозных описаний. Знаете, секрет заключается в том, что надо оставлять кое-что недоговоренным и избегать красивых слов. Написанное просто и воспринимается лучше. Но все равно я рад, что вам понравилась эта книга.

[...]

А.: Собираетесь ли вы писать еще рассказы?

С.: Не знаю. Я обожаю писать рассказы — их можно полировать, пока они не заблестят, как драгоценности. Но нужно накропать чертову уйму рассказов, чтобы заработать столько же, сколько за один роман. Если бы не это, я не писал бы ничего другого.

* Опубликован во 2-м томе «Миров Клиффорда Саймака».

** Американский фантаст, известный в нашей стране в основном написанным в соавторстве с Ларри Найвеном романом «Летающие колдуны».

*** Роман будет опубликован в 18-м (дополнительном) томе «Миров Клиффорда Саймака».

Наверное, это происходит со всеми фантастами: они публикуют в журналах рассказы, чтобы пробиться, зарабатывают себе имя и переходят на романы, потому что это выгодно.

Л.: Вы все еще считаете «Город» лучшей своей работой?

С.: Вы знаете, мне многие говорят, что это лучший мой роман; не знаю, может, так оно и есть. Я полагаю, что с тех пор писал и лучшие вещи. Но я не жалею, что написал «Город». Этот роман вывел меня из безликих рядов графоманов и сделал тем, кто я есть. Вряд ли мы с вами беседовали бы сейчас, если бы не «Город»!

[...]

С.: ...Я, конечно, скромнейший человек и самый обыкновенный, но тем не менее я горжусь тем, чего достиг в своей жизни.

Л.: Что ж, мы желаем вам удачи с вашим новым романом «Проект Ватикан» и во всех ваших делах. И спасибо вам за беседу.

МИР КРАСНОГО СОЛНЦА

МИР КРАСНОГО СОЛНЦА

— Готов, Билл? — спросил Харл Свенсон.

Билл Крессман кивнул.

— Тогда прощай, год 1935-й! — воскликнул великан-швед и с силой дернул рычаг.

Самолет содрогнулся и недвижно завис во мгле. В мгновение ока абсолютная чернота, точно краска с дьяволовой палитры, смыла солнечный свет и обрушилась на двоих исследователей.

Над приборной доской горели электрические лампочки, но их тусклый свет не мог побороть тьму, сочившуюся сквозь кварцевые иллюминаторы.

Чернота поразила Билла. Он ожидал какой-нибудь перемены — какой-нибудь, но к подобной не был готов. Он привстал в кресле, потом вновь опустился.

— Страшно? — усмехнулся Харл, глядя на него.

— Черта с два, — выдавил Билл.

— Ты путешествуешь во времени, парень, — объяснил Харл. — Ты уже вне пространства, в струе времени. Пространство вокруг тебя искривлено. Пока ты находишься в пространстве, путешествовать во времени нельзя — пространство сковывает ток времени, не дает ему идти быстрее некоторого предела. Но изогни пространство вокруг себя — и ты заскользишь во

времени. Вне пространства нет света, здесь царит тьма. Нет и тяготения, не проявляется ни одна из вселенских сил.

Билл кивнул. Они уже повторяли это друг другу много, много раз. Двойные стенки, чтобы противостоять вакууму, в который должен был нырнуть самолет при повороте рычага, выбрасывающего его из пространства в струю времени. Тепловая защита против абсолютного нуля, что правит там, где невозможно тепло. Крепления для ног, чтобы не перевернуться там, где отсутствует тяготение. Хитроумная система нагревателей, чтобы не застыли моторы, не превратились в лед бензин, масло и вода. Мощные воздухогенераторы для пассажиров и двигателей.

Годы — десять лет — труда и сумма денег, измеряемая семизначным числом. Иногда они ошибались, нередко терпели неудачу. Открытия, сделанные ими по дороге, могли бы перевернуть мир и преобразить индустрию, но исследователи и словом не обмолвились о них. Только одно притягивало их — путешествие во времени.

Познать будущее, нырнуть в прошлое, победить само время — этому двое молодых ученых посвятили все свои усилия и наконец добились успеха.

Цель была достигнута в 1933 году. Несколько последующих месяцев были потрачены на эксперименты и постройку самолета с машиной времени. Они запускали крохотные самолетики с миниатюрными машинами времени — те, жужжа, пролетали через лабораторию и внезапно исчезали. Быть может, они и сейчас несутся сквозь неисчислимые эпохи.

Потом была построена маленькая машина времени, установленная на путешествие на один месяц в будущее. Ровно через месяц, с точностью до секунды, она материализовалась на полу лаборатории, выпав из потока времени. Это окончательно подтвердило — путешествие во времени возможно.

Теперь в струе времени оказались Харл Свенсон и Билл Крессман. Толпа на улице изумленно вздохнула, когда огромный трехмоторный самолет внезапно возник в воздухе.

Харл склонился над приборной доской. Его чуткий слух различал в зябком бормотании моторов неумоли-

мую хватку абсолютного нуля, впивавшегося в металл, несмотря на все предосторожности.

То был опасный путь, но единственно возможный. Нырни они в поток времени с земной поверхности, остановившись, они могли бы обнаружить себя погребенными слоями нанесенной за века почвы; могли вынырнуть под построенным над ними зданием или в водах канала. Здесь же, в воздухе, им не могло помешать ничто из случившегося за те столетия, сквозь которые они мчались с почти невообразимой скоростью. Их несло мимо времени.

Кроме того, гигантская машина должна была послужить им транспортным средством, когда они выскользнут из струи времени в пространство, а может, и способом бегства — кто знает, что может ожидать их в будущем, удаленном на несколько тысячелетий?

Моторы стонали все сильнее, даже на холостом ходу — включенные на полный ход, они разнесли бы пропеллеры на куски. Но разогревать их следовало. Иначе они просто заглохнут. А выйти в пространство с тремя мертвыми двигателями — это верная катастрофа, которую исследователи и не могли надеяться пережить.

— Поддай мощности, Билл, — напряженно произнес Харл.

Билл осторожно надавил на акселератор. Моторы протестующе заныли и взорвались ревом. Здесь, в кабине, наполненной воздухом, звук был слышен. Снаружи, в потоке времени, царила тишина. Харл прислушивался в отчаянной надежде, что пропеллеры выдержат.

Билл отпустил педаль, винты вновь замедлили вращение; моторы гудели ровно.

Харл глянул на часы. Несмотря на то что в струе времени, казалось бы, время как таковое не движется, стрелки наручного хронометра, как и прежде, отсчитывали минуты и секунды пространства-времени. Восемь минут... еще семь, и придет пора выходить в пространство.

Измученные моторы могли выносить вакуум и невообразимый холод не дольше пятнадцати минут.

Харл посмотрел на счетчик времени. Стрелка показывала 2816 — на столько лет ушли они в будущее.

Когда истекнут пятнадцать минут, этот срок перевалит за пять тысяч.

Билл тронул его за руку:

— Ты уверен, что мы еще над Денвером?

Харл усмехнулся:

— Если нет, то мы с тем же успехом можем очутиться в миллиарде милях от Земли. Приходится рисковать, но, как доказывают все предыдущие эксперименты, мы должны вынырнуть точно в том месте, откуда ушли в поток времени. Мы занимаем дырку в пространстве, и смещаться ей некуда.

Начали болеть легкие — то ли сдавали воздухогенераторы, то ли в пустоту снаружи уходило больше воздуха, чем исследователи рассчитывали. Атмосфера становилась все более разреженной. Но моторы работали ровно. Очевидно, нарушилась герметичность кабины.

— Долго мы уже? — промычал Билл.

Харл глянул на часы.

— Двенадцать минут, — ответил он.

Счетчик времени показывал 4224.

— Еще три, — прикинул Билл. — Думаю, выдержим. Моторы работают. Холодает только, и воздух разреженный.

— Протекаем, — пробормотал Харл.

Минуты тянулись бесконечно. Билл пытался думать. Предположительно они все еще висели над Денвером. Менее четверти часа назад они находились в 1935 году, а теперь несутся со скоростью молнии сквозь века — 350 лет в минуту. Должно быть, снаружи идет год этак 6450.

Он глянул на свои руки — они посинели от холода. Тепло улетучивалось еще быстрее воздуха, но и того становилось все меньше. Дышать все труднее. Если они потеряют сознание, то замерзнут и вечно будут нестись сквозь эпохи — оледенелые трупы в бешеной скачке. Земля под ними исчезнет в космосе. Родятся новые миры, закружатся новые галактики, а они все будут плыть в потоке времени. Стрелка счетчика дойдет до ограничителя, сломается, и ее обрубок упрется в конец циферблата в тщетной попытке отсчитать течение лет.

Билл потерял руки и нервно глянул на циферблат. 5516.

— Еще четверть минуты, — отрывисто бросил Харл, держа правую руку на рычаге, а запястье левой, с хронометром — перед глазами. Зубы его стучали.

Билл взялся за штурвал.

— Давай! — взревел Харл.

Он рванул рычаг.

Они висели в небе.

Харл вскрикнул от удивления.

Внизу в сумерках раскинулись руины огромного города. На востоке, простираясь до самого горизонта, катило волны море. Берег его представлял собой песчаную пустыню.

Моторы загремели, разогреваясь.

— Где мы? — воскликнул Харл.

Билл только головой покачал.

— Это не Денвер, — произнес швед.

— Да уж, непохоже. — Зубы Билла все еще стучали.

Он покружил, прогревая моторы. Никаких следов человека.

Под вызывающий рык двигателей самолет описал широкую дугу и, ведомый твердой рукой Билла, начал спуск к ровной полосе песка близ одной из наиболее крупных белокаменных руин. Он коснулся земли, подняв облако пыли, подпрыгнул, вновь ударился о песок, прокатился немного и замер.

— Приехали. — Билл выключил моторы.

Харл устало потянулся. Билл поглядел на счетчик времени. Стрелка показывала 5626 лет.

— Мы в 7561 году, — медленно и задумчиво произнес он.

— Пистолет взял? — спросил Харл.

— Да, — рука Билла машинально потянулась к бедру, нащупывая в кобуре кольт 45-го калибра.

— Тогда выходим.

Харл распахнул дверь, исследователи вышли. Песок блеснул под ногами. Заперев дверь, Харл пристегнул ключи к поясу.

— Еще не хватало потерять, — пробормотал он.

Холодный ветер дул над пустыней, стонал среди руин, расплескивал тонкую, колючую пыль. Времялетчики зябко вздрагивали, несмотря на теплую одежду.

Харл схватил Билла за руку, указывая на восток. Там карабкался в небо огромный тускло-красный шар.

— Солнце, — прошептал Билл, приоткрыв от изумления рот.

— Да, — подтвердил Харл. — Солнце.

Исследователи молча уставились друг на друга.

— Это не 7561 год, — выдавил наконец Билл.

— Да, скорее 750 000, если не больше того.

— Значит, счетчик ошибался.

— И очень сильно ошибался. Мы двигались во времени в тысячу раз быстрее, чем рассчитывали.

Они помолчали, разглядывая ландшафт. Руины, куда ни кинь взгляд, лишь развалины, на сотни футов воздымающиеся над песками. Многие из них еще сохранили красоту и благородство пропорций, превосходящие все, на что способно было двадцатое столетие. Ослепительно белый камень мерцал в вечных сумерках, которые не могли развеять слабые лучи огромного, кирпично-красного светила.

— Должно быть, счетчик отмерял тысячелетия вместо лет, — задумчиво произнес Билл.

Харл безрадостно кивнул:

— Хорошо еще, если не десятки тысячелетий.

Серая собакоподобная тварь, поджав хвост, во мгновение ока проскользнула по гребню дюны и исчезла.

— Это руины Денвера, — сказал Харл. — А море, которое мы видели, должно быть, покрыло весь восток Северо-Американского континента. Над поверхностью остались, наверное, лишь Скалистые горы, но они превратились в пустыню. Да, мы отмотали добрых 750 000 лет, а может, и семь миллионов.

— А что же с людьми? — спросил Билл. — Как думаешь, они выжили?

— Не исключено. Человек — выносливое животное. Его нелегко убить, и он приспосабливается почти к любому окружению. Не забывай, эти перемены происходили постепенно.

Билл обернулся, и его крик зазвенел у Харла в ушах. Швед развернулся всем телом и увидел, как к ним несется, прыгая по дюнам, разношерстная орда дикарей. Безоружные, одетые в шкуры, они, однако, явно собирались напасть на исследователей.

Харл выдернул кольт из кобуры. Широкая ладонь шведа сомкнулась на рукояти, палец нашарил спусковой крючок. С пистолетом в руке он чувствовал себя увереннее.

До орды оставалась едва сотня ярдов. Развевались на ветру шкуры, злобные, кровожадные вопли не оставляли сомнения в намерениях дикарей.

Безоружные. Харл усмехнулся. Сейчас он им устроит кровавую баню. В этой толпе человек пятьдесят. Многовато, но не слишком.

— Ну что, покажем им? — бросил он Биллу.

Громыкнули два револьвера. Толпа дрогнула, но не остановилась, оставив двоих умирающих на песке. И снова плюнули огнем кольты. Люди спотыкались, визжали, падали. Остальные рвались вперед, топча упавших. Похоже было, что нет силы, способной их остановить. До них оставалось едва пятьдесят ярдов, когда барабаны опустели. Двое исследователей начали было перезаряжать револьверы, вытаскивая патроны из поясов, но, прежде чем они успели открыть огонь, толпа навалилась на них.

Билл ткнул дулом в лицо врагу и спустил курок. Ему пришлось сделать шаг в сторону, чтобы падающий труп не придавил его. Чей-то узловатый кулак врезал ему по голове, и Билл упал на колени. Он успел застрелить еще двоих противников, прежде чем остальные набросились на него.

В шуме схватки он услышал грохот револьвера Харла.

Множество рук вцепились в Билла, множество тел придавили его к земле. Он боролся отчаянно и самозабвенно — руками, ногами, зубами. Он чувствовал, как тела вздрагивают от его ударов, как кровь течет по рукам. Песок, поднятый множеством ног, забивался в глаза и уши, ослепляя и оглушая его.

В нескольких футах поодаль дрался Харл, дрался так же яростно, как и его товарищ. Лишенные оружия, они вернулись к тактике своих первобытных предков.

Казалось, что долгие минуты они сражались с нападавшими; в действительности же не прошло и нескольких секунд, прежде чем их задавили общей массой, связали по рукам и ногам и бросили стянутых веревками, точно охотник — куропаток в сумку.

— Билл, — позвал Харл, — ты ранен?

— Нет, — ответил Билл. — Но здорово избит.

— Я тоже.

Они лежали на спине и пилились в пустое небо. Толпа нападавших двинулась в сторону самолета. Вскоре до ушей пленников донесся металлический звон. Очевидно, дикари пытались вышибить дверь.

— Пусть себе колотят, — сказал Харл. — Сломать что-то им не под силу.

— Кроме пропеллеров, — поправил Билл.

Звон продолжался некоторое время. Потом нападавшие вернулись и, развязав пленникам ноги, поставили их.

В первый раз исследователям представился случай как следует разглядеть тех, кто захватил их в плен. То были высокие, пропорционально сложенные люди, судя по виду, отнюдь не голодавшие. Внешность их, однако, была совершенно варварской. Волосы неровно обкорнаны, как и бороды. Ходили они, ссутулившись и при-волакивая ноги, походкой человека отчаявшегося или ведущего пустую жизнь. Шкуры, в которые они одевались, были хорошо выделаны, но грязны. Оружия не было ни у кого, а глаза их беспокойно бегали, как у диких зверей, постоянно ждущих опасности.

— Идите, — приказал один из дикарей, здоровый мужик с торчащим передним зубом. Он произнес это слово по-английски, пусть несколько по-иному, чем было принято в двадцатом веке, но несомненно на чистом английском языке.

И исследователи двинулись в путь, сопровождаемые своими пленителями, тем же путем, каким пришли люди будущего. Они прошли мимо мертвецов, но дикари едва удостоили взглядом своих бывших товарищей. Человеческая жизнь явно ценилась здесь дешево.

2

«По приказу Голан-Кирта!»

Они пробирались между чудовищными развалинами. Дикари переговаривались между собой, хотя и на английском, но с таким акцентом и добавляя в него такое количество незнакомых слов, что понять их было решительно невозможно.

Наконец они достигли чего-то, что могло быть улицей. Она петляла между развалинами; по обочинам

стояли люди — среди них и дети, и женщины. Все плялились на пленников и оживленно болтали.

— Куда вы ведете нас? — спросил Билл шедшего рядом с ним конвоира.

Тот запустил пальцы в бороду и плюнул в песок.

— На арену, — произнес он медленно, чтобы человек двадцатого века мог понять его.

— Зачем? — Билл тоже старался говорить внятно.

— На состязания, — ответил дикарь коротко, словно расспросы его раздражали.

— Какие состязания? — осведомился Харл.

— Скоро узнаете, — прорычал другой конвоир. — Сегодня, в полдень.

Этот ответ вызвал у дикарей взрыв хохота.

— Узнают, — хихикнул кто-то, — когда встретятся с порождениями Голан-Кирта!

— Порождениями Голан-Кирта? — воскликнул Харл.

— Придержи язык, — злобно рыкнул человек с торчащим зубом, — а то тебе его вырвут.

Больше путешественники во времени вопросов не задавали.

Они ковыляли дальше. Даже хорошо слежавшийся песок все же подавался под ногами; от усилия ныли икры. К счастью, люди будущего не торопились, удовлетворенные, очевидно, и такой скоростью.

Немало ребятишек собрались поглазеть на процессию, они бежали рядом, пляясь во все глаза на людей двадцатого века и вереща какую-то ерунду. Тех немногих, кто подходил слишком близко или визжал слишком громко, стража отшвыривала подзатыльниками.

Почти пятнадцать минут карабкались они по песчаному склону, прежде чем добрались до гребня, и не увидели в лощине перед собой арену. То было огромное сооружение без крыши, избежавшее большей частью всеобщего разрушения. Кое-где виднелись следы ремонта, но производившие его явно уступали по мастерству первоначальным строителям. В поперечнике здание достигало полумили, имело совершенно круглую форму и построено было из того же белого камня, что и весь разрушенный город. Двое людей двадцатого века потрясенно взирали на его громаду.

У них, однако, не было времени рассмотреть здание подробнее — стража гнала их вперед. Они медленно

спустились по склону и, подталкиваемые людьми будущего, прошли под одной из грандиозных арок на арену.

Со всех сторон вздымались ряд за рядом трибуны, рассчитанные на тысячи зрителей. По другую сторону арены, под трибунами, располагался ряд стальных клеток.

Стража подгоняла исследователей вперед.

— Похоже, нас посадят в клетку, — заметил Билл.

Человек с торчащим зубом расхохотался, точно услышал хорошую шутку.

— Ненадолго, — пообещал он.

Приблизившись, исследователи заметили, что часть клеток занята. В некоторых люди цеплялись за решетки, наблюдая, как конвой бредет по песчаной арене. Обитатели других сидели неподвижно, без малейшего интереса глядя на новоприбывших. Многие, судя по их виду, находились здесь уже давно.

Подойдя к одной из камер, они остановились. Один из людей будущего отпер дверь огромным ключом и распахнул; заскрипели ржавые петли. Грубо схватив пленников, стража освободила им руки и швырнула в камеру. Дверь затворилась с глухим звоном, скрежетнул в замке ключ.

Исследователи поднялись из грязи и отбросов, покрывавших пол клетки, и, сидя на корточках, беспомощно наблюдали, как люди будущего уходят через арену, к арке, через которую они вошли.

— Похоже, мы влипли, — констатировал Билл.

Харл вытряхнул из кармана пачку сигарет.

— Закуривай, — предложил он хмуро.

Они закурили. Дымок от табака, выращенного в 1935 году, выплывал из камеры, струясь над руинами Денвера, озаренными умирающим солнцем.

Раздавив окурок в песке, Харл принялся тщательно исследовать их тюрьму. Билл присоединился к нему. Они осмотрели стены дюйм за дюймом, но без успеха. С трех сторон их окружала неприступная каменная кладка, железные ворота не обнаруживали и признака слабину. Исследователи вновь уселись на корточки.

Харл глянул на часы.

— Мы шесть часов как сели, — заметил он, — но, судя по теням, еще утро. А ведь когда мы заходили на посадку, солнце уже взошло.

— Дни стали длиннее, чем в 1935-м, — объяснил Билл. — Земля вращается медленнее. В нынешних сутках, должно быть, не меньше сорока восьми часов.

— Тише, — прошипел Харл.

До них донесся гул голосов. Исследователи прислушались — людские крики и скрежет стали. Шум исходил откуда-то справа и приближался.

— Если бы нам только оставили револьверы, — простонал Харл.

Гул доносился уже со всех сторон.

— Это пленники, — выдохнул Билл. — Их, наверное, кормят или еще что-то.

Он оказался прав. К их клетке подошел старик. Он был сутул; седая борода скрывала тощую грудь, длинные волосы величественно рассыпались по плечам. В руках он нес кувшин объемом примерно с галлон и огромный каравай хлеба.

Но внимание Билла и Харла привлекли не хлеб и не кувшин. За набедренную повязку старика рядом со связкой ключей были заткнуты два револьвера 45-го калибра.

Старик поставил кувшин и хлеб на землю, поискал в связке ключей, выбрал один и, открыв окошко внизу железных ворот, осторожно пропихнул провизию внутрь клетки.

Двое исследователей переглянулись. Им в головы пришла одна и та же мысль — пока старик стоит рядом с решеткой, его легко схватить. А с револьверами они получают шанс добраться до самолета. Но старик вытащил револьверы из набедренной повязки. Затаив дыхание, путешественники во времени смотрели, как он укладывает их рядом с хлебом и кувшином.

— Приказ Голан-Кирта, — пробормотал он. — Он сам прибудет на игры. Он приказал вернуть вам оружие — так игры станут интереснее.

— Интереснее, как же, — хохотнул Харл, покачиваясь на носках. Жители будущего, не имевшие, по видимому, никакого оружия, явно недооценивали смертность револьверов.

— Голан-Кирт? — переспросил Билл негромко.

Только сейчас старик обратил на него внимание.

— Да, — ответил он. — Разве не знаете вы о Голан-Кирте, о Том-кто-явился-из-космоса?

— Нет, — сказал Билл.

— Неужто вы и впрямь то, о чем болтают? — спросил старик.

— Что ты слышал о нас?

— Что вы прибыли из времени, на огромной машине.

— Это правда, — вмешался Харл. — Мы из двадцатого века.

Старик медленно помотал головой:

— Я не знаю ни о каком двадцатом веке.

— Откуда ж тебе знать? — усмехнулся Харл. — Он кончился, наверное, с миллион лет назад.

Старик вновь покачал головой.

— Годы? — спросил он. — Что такое годы?

Харл со свистом втянул в себя воздух.

— Год, — объяснил он, — это мера времени.

— Время неизмеримо, — безапелляционно объявил старик.

— Но мы в двадцатом веке измеряли его, — возразил Харл.

— Человек, который воображает, что может измерить время, — глупец. — Старик был тверд.

Харл протянул ему руку, показывая часы на запястье.

— Это, — заявил он, — измеряет время.

Старик едва глянул на хронометр.

— Этот глупый механизм, — сказал он, — не имеет ко времени никакого отношения.

Билл предостерегающе положил ладонь на плечо друга.

— Год, — медленно объяснил он, — это наше обозначение одного оборота Земли вокруг Солнца.

— Вот оно что, — вздохнул старик. — Почему же вы сразу так не сказали? Движение Земли ведь не связано со временем. Время полностью относительно.

— Мы пришли из эпохи, — сказал Билл, — когда мир был совсем иным. Не подскажешь ли, сколько раз с тех пор Земля обернулась вокруг Солнца?

— Как я могу сделать это, — спросил старик в ответ, — когда мы говорим, не понимая друг друга? Могу сказать лишь: с тех пор как явился из космоса Голан-Кирт, Земля совершила пять миллионов оборотов.

Пять миллионов оборотов! Пять миллионов лет! Пять миллионов лет после некоего события, которое само по себе могло произойти через многие миллионы лет после двадцатого века. По меньшей мере пять миллионов лет в будущем; возможно, намного больше! Счетчик времени ошибался — но до этой минуты путешественники и представления не имели насколько.

Двадцатый век. Слово поблекло, стало нереальным. В эпоху, когда солнце превратилось в кирпично-красный шар, а Денвер — в груды руин, двадцатый век стал всего лишь позабытым мгновением в великом марше времени, далеким, как тот позабытый миг, когда зверь обернулся человеком.

— Ваше солнце всегда было таким? — спросил Харл. Старик покачал головой:

— Наши мудрецы говорят нам, что некогда солнце было таким горячим, что на него было больно смотреть. Они утверждают, что светило остывает и в будущем угаснет совсем. Конечно, — старик пожал плечами, — прежде чем это случится, все люди будут мертвы.

Старик захлопнул и запер окошко, собираясь уходить.

— Постой! — воскликнул Харл.

Старец обернулся к нему.

— Чего тебе еще? — зло пробурчал он себе в бороду.

— Садись, друг, — сказал Харл. — Мы хотим поговорить.

Старик заколебался, потом вновь повернулся к ним.

— Мы пришли из тех времен, когда солнце обжигало взор. Мы видели Денвер великим и славным городом. Мы видели, как на этих землях растет трава, поливаемая дождем, и там, где сейчас море, мы видели просторы равнин, — заговорил Харл.

Старик осел на землю по другую сторону решетки. Глаза его вспыхнули дикой радостью, костлявые руки вцепились в железные прутья.

— Вы видели молодость мира! — вскричал он. — Вы видели зеленую траву и падающий дождь. Ныне дождей почти нет.

— Мы видели все, о чем рассказываем, — подтвердил Харл. — Но мы хотели бы знать — почему с нами обошлись как с врагами? Мы пришли как друзья, в поисках друзей, хотя готовы были и к войне.

— О да, готовы к войне, — дрожащим голосом проговорил старик, не сводя глаз с револьверов. — Это могучее оружие. Мне рассказывали, что вы усеяли пески телами, прежде чем вас схватили.

— Но почему не отнестись к нам как к друзьям? — настаивал Харл.

— Здесь нет друзей, — прокашлял старик. — С тех пор как пришел Голан-Кирт, все сражаются против всех.

— Кто такой этот Голан-Кирт?

— Голан-Кирт пришел из космоса, чтобы править миром, — нараспев произнес старик, будто читал псалом. — Он не Человек, не Зверь. Нет в нем добра. Он — всененавидящий. Он — суть Зла. Ибо нет во Вселенной ни дружбы, ни доброты. Нет подтверждения тому, что космос добр. Издревле наши предки верили в любовь. Это было ошибкой. Зло сильнее добра.

— Скажи мне, — спросил Билл, придвигаясь к решетке, — ты сам видал Голан-Кирта?

— Да, видал.

— Расскажи о нем, — попросил Билл.

— Я не могу. — В глазах старика бился страх. — Не могу!

Он вжался в решетку, голос его упал до знобкого шепота.

— Люди из времени, слушайте. Его ненавидят, ибо он учит ненависти. Мы подчиняемся, ибо должны. Он держит наши мысли в ладони. Он правит лишь внушением. Он не бессмертен. Он боится смерти... он напуган... есть путь, доступный отважным...

Лицо старика побледнело, глаза вспыхнули ужасом. Мышцы его напряглись, когтистые пальцы отчаянно вцепились в решетку. Он прижался к воротам, тяжело дыша. Прерывистым шепотом он выдавливал из себя слова:

— Голан-Кирт... ваше оружие... ничему не верьте... закройте мысли для его внушения... — Он остановился, переводя дыхание. — Я боролся... — продолжал он сбивчиво. — Я победил... рассказал вам... Он... убил меня... но не убьет вас... вы знаете...

Старик умирал. Широко раскрыв глаза, исследователи смотрели, как он борется со смертью, выигрывая драгоценные секунды.

— Ваше оружие... убьет его... его легко убить... тому, кто не... верит в него... он...

Шепоток прервался, и старик медленно соскользнул в песок перед клеткой. Исследователи глядели на обмякшее тело.

— Убит внушением, — выдохнул Харл.

Билл кивнул.

— Это был храбрый человек, — сказал он.

Харл внимательно осмотрел труп. Протянув руку, он подтащил тело человека будущего к самой решетке, нащупал кольцо с ключами и оторвал его от набедренной повязки.

— Отправляемся домой, — сказал он.

— И устроим по пути большой фейерверк, — добавил Билл.

Он поднял револьверы и заполнил барабаны патронами. Харл со звоном перебирал ключи. После нескольких попыток замок со скрежетом поддался, и дверь, скрипя, распахнулась.

Исследователи быстро вышли из клетки. На мгновение они задержались в безмолвном салюте у распростертого тела старика. Со снятыми шлемами люди двадцатого века стояли у тела героя, плеснувшего своей ненавистью в лицо тому страшному врагу, который научил ненависти всю его расу. Как ни мало сообщил он друзьям, его сведения дали намек на то, чего следует ожидать.

Повернувшись, исследователи невольно замерли. Толпы людей будущего заполняли амфитеатр, поспешно рассаживаясь. Доносился притглушенный гул собирающейся толпы. Народ сходилась посмотреть на игры.

— Это несколько осложняет дело, — заметил Билл.

— Не думаю, — ответил Харл. — Нам в любом случае надо разделаться с Голан-Киртом. Эти — не в счет. Как я понял, он полностью контролирует их. Если снять контроль, психология и поведение этих людей могут совершенно измениться.

— Значит, надо уничтожить Голан-Кирта, и посмотреть, что получится, — подытожил Билл.

— Один из наших пленителей говорил о его порождениях, — задумчиво произнес Харл.

— Он может быть способен вызывать галлюцинации, — заметил Билл. — Или заставить человека поверить во что-то, чего на самом деле нет. Конечно, этим людям кажется, что какие-то твари появляются из пустоты на его зов.

— Но старик-то знал, — возразил Харл. — Он знал, что это всего лишь внушение. Если бы все люди здесь знали это, власть Голан-Кирта тут же кончилась бы. Люди перестали бы верить в его всемогущество, а без этой веры внушение, которым он повелевает, бессильно.

— Старик получил свое знание каким-то мистическим способом, и поплатился за болтливость жизнью. Но и он не знал всего. Он полагал, что это существо явилось из космоса.

— Возможно, — покачал головой Харл, — оно действительно пришло из космоса. Не забывай, мы находимся в пяти миллионах лет в будущем. Я полагаю, разум этого существа грандиозен, но оно обладает телом — старик ведь видел его, — и это нам поможет.

— Старик сказал, что эта тварь не бессмертна, — добавил Билл. — Значит, она уязвима, и наши револьверы могут пригодиться. И еще одно — мы не должны верить ничему, что видим, слышим или чувствуем. Голан-Кирт действует одним лишь внушением, и убить нас попытается тоже внушением, как убил старика.

Харл кивнул.

— Весь вопрос в силе воли, — сказал он. — Вопрос блефа. Очевидно, сила воли этих людей ослабла, и Голан-Кирт нашел, что их мыслями удобно управлять. Они рождаются, живут и умирают под его властью. Это ярмо передается по наследству. Наше преимущество в том, что мы пришли из эпохи, когда от человека еще требовалось шевелить мозгами. Быть может, человеческий разум выродился потому, что по мере того, как наука облегчала жизнь человека, потребность в разуме уменьшалась. Некоторые, видимо, еще рождаются, но их слишком мало. Мы же скептики, спорщики, жулики. Голан-Кирту будет готруднее справиться с нами, чем с этими жителями будущего.

Битва эпох

Билл вытащил сигареты, и исследователи закурили. Медленно они прошли по огромной арене, сжимая револьверы. Трибуны постепенно заполнялись людьми. С рядов сидений неслся нарастающий рев. Исследователи узнали его — это был крик толпы, что жаждет крови и смерти.

— Точно футбольные болельщики, — прокомментировал Харл, ухмыляясь.

Все новые тысячи зрителей рассаживались на трибунах, но очевидно было, что даже все население разрушенного города могло заполнить лишь малую часть грандиозного амфитеатра.

Исследователи терялись на громадной арене. Над ними, почти в зените, висело разбухшее красное солнце. Казалось, что они бредут в сумерках по пустыне, ограниченной белыми скалами.

— Когда это место строили, Денвер, должно быть, был большим городом, — заметил Билл. — Только представь, сколько же народу может сюда вместиться. Интересно, для чего им понадобилась этакая громада?

— Этого мы уже не узнаем, — ответил Харл.

Они приближались к центру арены.

Харл остановился.

— Знаешь, — сказал он, — я тут шел и соображал: у нас неплохие шансы против этого Голан-Кирта. Последние пятнадцать минут мы только и думаем о том, как бы от него избавиться, а он и не пытался уничтожить нас. Хотя он может просто выжидать. Не думаю, чтобы он мог читать наши мысли так же, как мысли старика. Того он прикончил при первом же предательском слове.

Билл кивнул. И, словно в ответ на слова Харла, чудовищная тяжесть обрушилась на него. Билл ощутил, что умирает. Колени его подогнулись, голова начала кружиться. Перед глазами поплыли пятна, желудок свел мучительный спазм.

Он шагнул вперед, пошатнулся. Чья-то рука схватила его за плечо и яростно встряхнула. Это мгновенно прояснило его мысли. Сквозь рассеивающуюся мглу он

увидел лицо своего друга — белое, изборожденное морщинами. Задвигались губы.

— Держись, старик! Все в порядке. Ты чувствуешь себя отлично.

Что-то щелкнуло в его мозгу. Это внушение — внушение Голан-Кирта. Нужно сопротивляться. Вот оно что — сопротивляться!

Билл встал, расставив ноги, с усилием расправил плечи и улыбнулся.

— Черт! — воскликнул он. — Да со мной все в порядке. Я себя прекрасно чувствую.

Харл хлопнул его по спине.

— Так держать! — гаркнул он. — Он и меня едва не уложил. Но мы будем драться, парень. Мы будем драться!

Билл зло рассмеялся. В голове прояснилось, силы словно вливались в тело. Они выиграли первый раунд.

— Но где сам Голан-Кирт? — поинтересовался он.

— Невидим, — прорычал Харл. — Но мне кажется, что свои лучшие трюки он в этом состоянии выкидывать не может. Мы заставим его показаться, и устроим ему разминку.

До их ушей долетел бешеный рев толпы. Сидевшие на трибунах увидели и поняли, что творилось в центре арены. Они требовали продолжения.

Внезапно за спинами исследователей послышался треск. Оба дернулись, узнав знакомый звук — стрекот пулемета — и в ту же секунду рухнули в песок, стремясь зарыться в него поглубже.

Вокруг взмывали фонтанчики песка. Руку Билла пронзила резкая боль: одна из пуль нашла его. Это конец, подумал он. На обширной арене некуда спрятаться от пулемета, стрекочущего за спиной. Еще один всплеск боли, теперь в ногу. Еще одна пуля.

И вдруг он дико расхохотался. Нет никакого пулемета и никаких ран. Все это внушение, направленное на то, чтобы они поверили, что умирают, — трюк, который мог на самом деле убить их.

Он встал и поднял Харла. Рука и нога все еще ныли, но он не обращал на это внимания. Все в порядке, яростно повторял он себе, все в полном порядке.

— Это опять внушение! — крикнул он Харлу. — Нет никакого пулемета!

Харл кивнул. Они обернулись. Всего в паре сотен ярдах позади них скорчилась за щитком пулемета фигура цвета хаки; дуло плевалось пламенем, раздавался непрерывный треск.

— Это не пулемет, — напористо произнес Билл.

— Определенно не пулемет, — согласился Харл.

Они медленно пошли в сторону стрелка. Пули свистели вокруг них, но ни одна не попала в цель. Боль в руке и ноге Билла исчезла.

Внезапно пулемет растворился в воздухе, а с ним и фигура в хаки. Вот только что были, а в следующее мгновение — исчезли.

— Я так и полагал, — заметил Билл.

— Но старый гад пока силен, — ответил ему Харл. — Вон еще фантомы.

Швед указывал на одну из арок. Сквозь нее шеренга за шеренгой проходили солдаты в форме цвета хаки, в металлических шлемах, с ружьями наперевес. Офицер прокричал команду, и войска выстроились в боевом порядке.

Пронзительный вой трубы привлек внимание исследователей к другой арке, откуда выдвинулась когорта римских легионеров. Тускло поблескивали на солнце щиты, отчетливо слышалось бряцание оружия.

— Знаешь, что мне кажется? — спросил Харл.

— Ну?

— Голан-Кирт не может внушить нам ничего нового. Пулеметы, солдаты, легионеры — обо всем этом мы ведь знали и раньше.

— Как получается, что мы видим вещи, о которых знаем, что их не существует? — поинтересовался Билл.

— Понятия не имею, — ответил Харл. — В этом деле есть много такого, чего я не понимаю.

— Ну, шоу-то он устроил превосходное, — заметил Билл.

Трибуны гремели. До ушей исследователей доносились пронзительный визг женщин, гулкий рев мужчин. Толпа наслаждалась представлением.

Огромный злобный лев кинулся, жутко рыча, на людей из прошлого. Стук копыт возвестил о прибытии фантомов-кавалеристов.

— Пора что-то делать, — сказал Харл.

Он поднял револьвер и выстрелил в воздух. Наступила тишина.

— Слушай, Голан-Кирт! — заорал Харл так, что его слышно было во всех уголках огромной арены. — Мы вызываем тебя на бой! Мы не боимся твоих тварей — они не могут навредить нам. Мы хотим драться с тобой!

Молчание повисло над потрясенной толпой. Первый раз ее богу был брошен открытый вызов. Толпа ждала, что две одинокие фигурки на арене будут поражены громом.

Но ничего не происходило.

Снова раздался голос Харла.

— Выползай из своей норы, жаба толстобрюхая! — прогремел он. — Выходи и дерись, если у тебя хватит храбрости, поганый трус!

Толпа могла и не понять точного значения всех слов, но суть оскорбления уловила. Угрожающий гул донесся с трибун, и толпа качнулась вперед. Люди перепрыгивали через низкий барьер перед передним рядом сидений и мчались через арену.

И тогда раздался могучий, суровый глас:

— Стойте! Я, Голан-Кирт, буду говорить с этими людьми.

Харл заметил, что и солдаты, и лев исчезли. На арене не осталось никого, кроме его самого, Билла и пары десятков людей будущего, застигнутых на бегу этим исходящим ниоткуда голосом.

Исследователи напряглись в ожидании. Харл крепче упер ступни в песок, заменил отстрелянный патрон на новый. Билл вытер лоб рукавом.

— Теперь дело за мозгами, — бросил Харл товарищу.

Билл усмехнулся.

— Две посредственности против одного гения, — пошутил он.

— Гляди! — воскликнул Харл.

Прямо перед ними, на высоте чуть больше человеческого роста, появилось пятно света. Маленький яркий шар пульсировал, разрастаясь.

Исследователи зачарованно смотрели, как пульсация ускорялась, распространяясь на весь шар. Свет мерк, обозначились контуры чудовищного тела — вначале

смутные, они постепенно становились все четче и яснее.

Прямо в воздухе, без какой-либо опоры, висел огромный мозг, примерно двух футов в поперечнике. Виднелись обнаженные извилины. Ужас этого зрелища усиливался двумя крошечными, почти пороссячьими, близко посаженными глазками, лишенными век, и клювом, висевшим на атрофированном личике прямо под лобными долями мозга.

Только огромным усилием воли исследователи смогли сдержать омерзение и ужас.

— Привет тебе, Голан-Кирт, — процедил Харл с явным сарказмом.

Говоря, он поднял руку, и спусковой крючок начал медленно сдвигаться под его пальцем. Но прежде чем Харл успел прицелиться в гигантский мозг, рука его остановилась, и он застыл, точно оледенев, под действием жуткой мощи, извергаемой Голан-Киртом.

Билл вскинул руку, и выстрел его кольта громом разорвал тишину. Но в момент выстрела руку исследователя отбросило в сторону, точно могучим ударом, и пуля миновала огромный мозг на долю дюйма.

— Наглые глупцы! — проревел голос — нет, не голос, ибо в нем не было звука, лишь слуховое ощущение.

Замершие исследователи поняли, что это телепатия: висевший перед ними мозг посылал мощные волны мысли.

— Наглые глупцы, вы собрались сразиться со мной, Голан-Киртом? Со мной, чей разум в сотню раз превосходит оба ваших вместе взятых? Со мной, хранящим знания всех эпох?

— Да, мы собрались сразиться с тобой! — прорычал Харл. — И мы сразимся с тобой. Мы знаем, что ты есть. Ты не пришел из космоса, ты — результат эксперимента. Несчетные века назад тебя соорудили в лаборатории. Ты не бессмертен. Ты боишься нашего оружия. И пуля в твоём мерзком мозгу тебя прикончит.

— Да кто вы такие, чтобы судить меня? — пришла мысленная волна. — Вы, с вашими жалкими мозгами двадцатого века? Вы непрошеными вломились в мое

время, вы оскорбили меня. Я уничтожу вас. Я, пришедший из космоса много эонов назад, дабы править той частью Вселенной, что я объявил своей, не боюсь ни вас, ни вашего жалкого оружия.

— Но все же ты остановил нас, когда мы собрались опробовать наше жалкое оружие на тебе! Если бы я мог дотянуться до тебя, мне не потребовалось бы оружие. Я голыми руками смог бы разорвать тебя на части.

— Говори, говори, — рокотали мысленные волны. — Говори, чем ты считаешь меня, а когда закончишь, я сокрошу вас. Пылью на ветру станете вы, золой на песке. — В голосе чудовища звучала неприкрытая насмешка.

Харл повысил голос почти до крика. Он сделал это намеренно, в надежде, что люди будущего услышат, поймут, наконец, истинную природу тирана Голан-Кирта. И они слышали, и рты их раскрылись от изумления.

— Ты был когда-то человеком, — ревел Харл, — великим ученым. Ты специализировался на изучении мозга. И наконец ты открыл великую тайну, позволившую тебе развить свой мозг до невиданной степени. Уверенный в своих способностях, хорошо понимающий, какую власть ты можешь получить, ты превратил себя в живой мозг. Ты мошенник и самозванец. Обманом ты поработил этот народ на миллионы лет. Ты не из космоса — ты человек или был когда-то человеком. Ты извращение, мразь...

Мысленные волны, испускаемые мозгом, дрожали, будто от гнева.

— Вы лжете. Я пришел из космоса. Я бессмертен. Я уничтожу вас... убью вас...

Внезапно Билл рассмеялся, громко и раскатисто. Хохот возник, как разрядка от невыносимого напряжения, но пока Билл смеялся, он увидел ситуацию с иной стороны — путешественники из двадцатого века, обогнавшие свое время на миллионы лет, бранятся с мошенником, изображающим из себя бога перед людьми, которые не родятся еще через сотни веков после его, Билла, смерти.

Он ощутил, как чудовищная мощь Голан-Кирта смыкается вокруг него. Пот струился по его лицу, мышцы подергивались. Силы покидали его. Он прекратил смеяться, и тут же страшный удар потряс его. Он пошатнулся.

Внезапная мысль поразила его. Смех! Смех — это тоже сила. Хохотать и высмеивать — вот что отвернет удар.

— Смейся же, смейся! — крикнул он Харлу.

Харл подчинился, не раздумывая. Оба исследователя разразились смехом. Они хохотали, закатывались. Почти не думая, что говорит, Билл насмеялся над огромным мозгом, высмеивал его, глумился, бросал ему оскорбительные клички и непечатную брань.

Харл начал понимать, что за игру затеял Билл. Сверхъестественный эгоизм страшного мозга не мог вынести насмешек, должен был потерять свою хватку под ливнем колкостей. Многие века к нему, благодаря его страшной силе, не осмеливались обращаться иначе как с величайшим почтением. Он забыл, что такое презрение, и оно стало смертельным оружием, обращенным против него.

Харл присоединился к Биллу в глумлении над Голан-Киртом. То был праздник насмешки. Исследователи не сознавали, что именно говорят, — сознание само реагировало на опасность, колкости и грубости сами слетали с языка, перемежаемые дьявольским хохотом.

Но, несмотря на смех, они чувствовали силу огромного мозга. Они ощущали, как растет его гнев. Боль пронизывала их тела, принуждала пасть на песок, корчась в агонии, но они продолжали смеяться и выкрикивать гадости.

Казалось, вечность сражаются они с Голан-Киртом, взвизгивая от хохота, тогда как их тела от макушек до пят подвергались изощреннейшей пытке. Но они не осмеливались прекратить смех, свое убийственное глумление над противостоящим им сверхъестественным разумом. Это было их единственное оружие, без которого волны внушения захлестнули бы их своей неумеренной яростью, раздирая каждый нерв в их телах.

Они чувствовали бешенство огромного мозга, в буквальном смысле обезумевшего от злобы. Они вывели его из себя! Они по-настоящему ранили его — смехом. И — бессознательно — позволили своему смеху ослабнуть. Усталость заставила их замолчать.

Внезапно мозг вновь обрушился на них всей своей мощью, точно черпая ее из некоего тайного источника. Страшный удар согнул их пополам, перед глазами поплыл туман, мысли спутались, каждый нерв и сустав

сотрясла боль. Словно раскаленное железо жгло их, сотни игл вонзались в тело, острейшие ножи рассекали плоть. Исследователи шатались, как слепые, чертыхаясь и плача от боли.

Сквозь багровый туман муки пробился шепоток, мягкий, чарующий, манящий, указывающий путь к спасению.

— Оберните свое оружие против себя. Окончите эти мучения. В смерти нет боли.

Шепоток порхал в мозгу. Вот он, выход! Зачем терпеть нескончаемую пытку? Смерть безболезненна. Дуло, прижатое к виску, спущенный курок — и забвение.

Билл приставил револьвер к виску. Палец его напрягся на спусковом крючке. Но вдруг Билл расхохотался. Какая шутка! Какая прекрасная шутка. Собственной рукой лишить Голан-Кирта его добычи.

Чужой голос пробился сквозь его хохот. Это был голос Харла.

— Дурак! Это Голан-Кирт! Это Голан-Кирт!

Он увидел, как ковыляет к нему его друг, с лицом, искаженным от боли, как шевелятся побелевшие губы, выдавливая предупреждение.

Рука Билла опустилась. Безумный смех его окрасился горечью. Чудовищный мозг бросил на стол свой козырь и проиграл, но едва не прикончил их при этом. Если бы не Харл, валяться бы ему сейчас на песке, самоубийце с разнесенной на куски головой.

И внезапно они ощутили, как хватка Голан-Кирта ослабевает, мощь его тает, гаснет. Они победили его!

Они ощущали, что страшный мозг еще борется, стремясь вновь обрести утерянную власть. Долгие годы ему не приходилось ни с кем бороться, он был неоспоримым владыкой Земли. Бесплодный гнев и опустошающий ужас сплетались в извилинах Голан-Кирта. Он наконец побежден, побежден пришельцами из давно позабытой эпохи. Он потерпел поражение от оружия, которого не знал и о котором не догадывался — от насмешки.

Силы его неуклонно таяли. Люди двадцатого века чувствовали, как ослабевают его объятия, как врага охватывает отчаяние.

The World of the Red Sun

BY CLIFFORD D. SIMAK

(Illustration by Paul)

The revolvers of the time-travelers came up almost simultaneously, the sights lined on the brain. The guns roared rapidly, spitting fire.

Они прекратили смеяться. Бока их ныли, саднило горло. И только тогда они услышали, как гремит от хохота арена. Смеялась толпа. Неистовый ее рев походил на бурю. Люди будущего ревели, сгибались от хохота, топали ногами, откидывая головы, визжали в сумрачное небо. Они смеялись над Голан-Киртом, осмистывали его, выкрикивали оскорбления. Это был конец его правления. Многие поколения людей будущего ненавидели его той ненавистью, которой он научил их. Они ненавидели и брялись его. Но теперь страх исчез, и ненависть освободилась от оков.

С престола Господа Бога он пал до уровня смешного мошенника. Он стал жалкой тварью, клоуном без маски, просто голым, беззащитным мозгом, чье вековое правление зиждилось лишь на обмане.

Точно в тумане, люди двадцатого века наблюдали, как корчится гигантский мозг под ударами насмешек прежних его подданных, засмеиваемый до смерти. Теперь он уже не был властен над жителями умирающего мира. Его близко посаженные глазки горели яростью, злобно щелкал клюв, но он устал, слишком устал, чтобы восстановить свое могущество. Голан-Кирту пришел конец!

Револьверы путешественников во времени взметнулись почти одновременно. Дула нацелились на мозг, и тот уже не мог отвратить опасность.

Револьверы коротко рывкнули, плюнув ненавистным огнем. От удара пуль мозг перевернулся в воздухе, кровь плеснула из пробитых огромных дыр. С мерзким чмоканьем грянулся он оземь, дернулся и замер.

Путешественники во времени осели на песок; колени их подогнулись, глаза закрывались от усталости. Кольты еще дымились.

Над ареной плыл громовой рев жителей будущего:

— Слава освободителям! Голан-Кирт мертв! Царство его окончено! Слава спасителям человечества!

Эпилог

— Повернуть время назад невозможно. Вы не можете вернуться в собственное время. Я не имею представления о том, что случится, если вы все же попытаетесь, но твердо знаю, что это невозможно. Нам изве-

стно, что путешествие в будущее возможно, но у нас не доставало умения построить машину времени. Под властью Голан-Кирта не было прогресса техники, лишь непрерывный процесс упадка. Но мы знаем, что невозможно обратить время вспять. Наш народ просит вас — не пытайтесь.

Седые борода и волосы старого Агнара Ноула развевались на ветру. Он говорил вполне серьезно, брови его тревожно сошлись.

— Мы любим вас, — продолжал он. — Вы освободили нас от тирании мозга, что правил нами несчетные поколения. Мы нуждаемся в вас. Оставайтесь с нами, помогите нам возродить эту землю, построить машины, дайте нам те удивительные знания, которые наша раса потеряла. И мы оплатим вам сторицей — мы еще не все позабыли из того, что знали перед пришествием Голан-Кирта.

Харл покачал головой.

— Мы должны хотя бы попытаться, — ответил он.

Люди двадцатого века стояли у самолета. Вокруг, в тени молчаливых руин Денвера, собралась плотная толпа людей будущего, пришедших попрощаться с путешественниками во времени.

Ледяной вихрь был над пустыней, неся на себе груз песка. Кожаные одежды людей будущего трепетали на ветру, выведившем свою скорбную песнь среди полуразрушенных стен.

— Если бы существовал хоть малый шанс на успех, — сказал Агнар, — мы помогли бы вам. Но мы не хотим отпускать вас на верную смерть. Мы достаточно эгоистичны и хотим, чтобы вы остались, но мы слишком любим вас, чтобы задерживать. Вы научили нас, что ненависть бессильна, вы уничтожили ненависть, правившую нами. И мы желаем вам только добра.

Вернуться во времени невозможно. Так почему не остаться? Вы так нужны нам! С каждым годом наша земля родит все меньше и меньше плодов. Мы должны найти способ получать искусственную пищу, иначе нам грозит голод. Это лишь одна из проблем, а есть и другие. Вы не можете вернуться. Оставайтесь, помогите нам!

— Нет, — Харл вновь покачал головой, — мы должны попытаться. Мы можем потерпеть поражение, но мы должны хотя бы попытаться. Если мы победим — мы вернемся с учебниками и инструментами для вас.

Агнар продернул бороду сквозь пальцы.

— Вы потерпите неудачу, — сказал он.

— Но если нет — мы вернемся, — ответил Билл.

— Да, если победите, — пробормотал старик.

— Мы отлетаем, — объявил Билл. — Мы благодарны вам за вашу заботу. Но мы должны попытаться, хотя, поверьте, нам и жаль расставаться с вами.

— Мы верим вам! — воскликнул старик, крепко пожимая им руки на прощание.

Харл распахнул дверь самолета, и Билл вскарабкался внутрь.

Харл задержался, стоя в проеме с поднятой рукой.

— До свиданья, — произнес он. — Мы вернемся.

Толпа взорвалась прощальными кликами. Харл задраил за собой дверь.

Взревели моторы, заглушая крики людей будущего; самолет покатился по песку и с легким толчком оторвался от земли. Билл сделал три крута над разрушенным городом, в немом прощании с теми, кто тихо и скорбно смотрел на них с земли.

Затем Харл повернул рычаг. Снова полная тьма, снова они висели в пустоте. Пропеллеры чуть рокотали, едва вращаясь. Прошла минута, вторая...

— Кто сказал, что нельзя путешествовать назад во времени?! — торжествующе воскликнул Харл, указывая на стрелку счетчика, медленно скользящую по циферблату в обратную сторону.

— Может, старик все-таки ошиб... — Билл так и не закончил фразы. — Выключай, — заорал он, — выключай ее! У нас двигатель глохнет!

Харл отчаянно рванул за рычаг. Мотор смолк на секунду, чихнул, побулькал и вновь запел ровно. Двое исследователей с побелевшими лицами смотрели друг на друга. Оба понимали, что на долю секунды разминутись с возможной катастрофой — и смертью.

Снова они парили в небе, снова видели кирпично-красное солнце, пустыню и море. Внизу громоздились руины Денвера.

— Мы недалеко ушли в прошлое, — заметил Харл. — Ничего не изменилось.

Они сделали круг над руинами.

— Нам лучше сесть в пустыне, чтобы починить двигатель, — предложил Харл. — Не забывай, мы вернулись назад во времени и Голан-Кирт еще правит этими

местами. Мне вовсе не улыбается еще раз его убивать. Может и не получиться.

Самолет начал снижаться. Харл направил его вверх, но поврежденный двигатель вновь забулькал и начал давать перебои.

— Это уже насовсем! — вскрикнул Билл. — Надо садиться, Харл, и попытаться что-то сделать, иначе конец.

Харл мрачно кивнул.

Перед ними расстиралось огромное поле арены. Выбор один — сесть или разбиться. Билл направил самолет вниз, сломанный мотор чихнул в последний раз и окончательно смолк. Мимо мелькнули белые стены амфитеатра, самолет ударился о песок, прокатился по арене и замер.

Харл распахнул дверь.

— Наш единственный шанс — быстро починить двигатель и взлететь! — вскричал он. — Я не собираюсь еще раз встречаться с этим гигантским мозгом. — И тут он замолк. — Билл, — прошептал он наконец, — у меня что, галлюцинации?

Перед ним, всего в нескольких ярдах от самолета, на песке арены стояла колоссальных размеров статуя, изображавшая его и Билла.

Даже с того места, где стоял Харл, видна была надпись на пьедестале, выполненная буквами, весьма схожими с английскими. Исследователь прочел ее вслух, медленно, спотыкаясь иной раз на странно начертанных знаках.

*Эти люди, Харл Свенсон и Билл Крессман,
пришли из времени, дабы уничтожить Голан-Курта
и освободить род человеческий.*

Ниже шла еще одна строка.

Они могут вернуться.

— Билл, — всхлипнул он, — мы не вернулись в прошлое. Мы улетели еще дальше в будущее. Погляди на камень — он весь растрескался, искрошился. Эта статуя стоит здесь уже тысячи лет!

С пепельным, ничего не выражающим лицом Билл рухнул в кресло.

— Старик был прав, — взвизгнул он. — Прав! Мы никогда не увидим двадцатого века!

Он рванулся к машине времени, лицо его исказилось.

— Эти инструменты, — визжал он, — будь они прокляты! Они вдали! Все время вдали!

Он ударил кулаками по циферблатам; зазвенело стекло, кровь потекла по изрезанным рукам.

Мертвая тишина стояла над равниной.

— А где люди будущего? — нарушил молчание Билл. — Где они?

Он сам ответил на свой вопрос.

— Они все умерли, — закричал он, — все! Они вымерли — от голода, потому что не могли производить искусственную пищу. Мы одни! Одни в конце мира!

Харл стоял в дверях. Над стенами амфитеатра висело в безоблачном небе огромное красное солнце. Ветер шевелил песок у подножия рассыпающейся статуи.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Оно существовало. Но что это было — пробуждение после сна, первый миг появления на свет, а может быть, его просто включили. Оно не помнило ни иного времени, ни иного мира.

Сами собой пришли слова. Слова всплывали ниоткуда, символы, совсем непрошенные, пробуждались, возникали или включались, как и оно само.

Мир вокруг был красно-желтым. Красная земля и желтое небо. Над красной землей в желтом небе стояло ослепительное сияние. Журча, по земле бежал поток.

Минутой позже оно уже знало гораздо больше, лучше понимало. Оно знало, что сияние в вышине — это солнце, а журчащий поток называется ручейком. В ручейке бежала не вода, но эта бежавшая жидкость, как и вода в его представлении, состояла из нескольких элементов. Из красной земли на зеленых стеблях, увенчанных пурпурными ягодами, тянулись кверху растения.

Оно уже располагало словами и символами, которых достаточно было для обозначения понятий «жизнь», «жидкость», «земля», «небо», «красный», «желтый», «пурпурный», «зеленый», «солнце», «яркий», «вода». С каждой минутой слов, символов и обозначений появлялось

все больше. К тому же оно могло наблюдать, хотя слово «наблюдать» не совсем подходило — у него не было ни глаз, ни ног, ни рук, ни тела.

Не было ни глаз, ни тела. Оно не знало, какое занимает положение — стоит ли, лежит или сидит. Не повернув головы — ее у него не было, оно могло взглянуть в любую сторону. Но как ни странно, оно сознавало, что занимает определенное положение по отношению к ландшафту.

Оно посмотрело вверх, прямо на слепящее солнце. Сияющий диск не ослепил — ведь глаз, этих хрупких органических конструкций, которые мог разрушить солнечный свет, у него не было.

Оно знало — звезда класса B8 с массой в пять раз больше Солнца, отстоящая от планеты на 3,75 а. е.

Солнце с большой буквы? А. Е.? Впятеро? 3,75? Планета?

Когда-то в прошлом — каком прошлом, где, когда? — оно было знакомо с этими терминами, с тем, что солнце пишется с прописной буквы, что вода бежит ручейками, представляло себе тело и глаза. Может быть, оно их знало? Было ли у него когда-нибудь прошлое, в котором оно их знало? А может быть, это лишь термины, введенные в него для использования в случае необходимости, инструмент — еще один новый термин — для познания того мира, где оно оказалось? Познания с какой целью? Для себя? Нелепо, ибо ему эти знания ни к чему, оно даже не задавалось такой мыслью.

Оно знало все, но откуда? Как оно узнало, что это солнце — звезда класса B8 и что такое класс B8? Как оно узнало расстояние до солнца, его диаметр и массу? Визуально? Как оно вообще узнало, что это звезда — ведь прежде оно звезд не видело?

И тогда, напряженно думая, оно пришло к заключению, что видело. Видело множество звезд, их долгую последовательность, протянувшуюся через всю Галактику, и оно изучало каждую из них, определяя спектральный класс, расстояние, диаметр, состав, возраст и вероятный срок оставшейся им жизни. Про каждую оно знало, постоянная ли это звезда или пульсирующая, ему известны были ее спектр и множество мелких параметров, позволяющих отличить одну звезду от другой. Красные гиганты, сверхгиганты, белые карлики и даже

один черный. И, самое главное, оно знало, что почти каждой звезде сопутствуют планеты, потому что практически не встречало звезд без планет.

Наверное, никто никогда не видел столько звезд и не знал о них больше, чем видело и знало оно.

Во имя чего? Оно старалось осознать, с какой целью изучало их, но ему это никак не удавалось. Цель была неуловима, если только вообще существовала.

Оно перестало рассматривать солнце и огляделось вокруг, окинув единым взглядом всю панораму. «Словно у меня множество глаз вокруг несуществующей головы, — подумало оно. — Интересно, почему меня так привлекает мысль о голове и глазах? Может быть, когда-то они были у меня? А может быть, мысль о них — это рудимент, примитивные воспоминания, которые настойчиво отказываются исчезнуть и почему-то сохраняются и проявляются при первой же возможности?»

Оно старалось доискаться до причины, дотянуться и ухватить мысль о памяти, вытащить ее, сопротивляющуюся, из норы. И не могло.

Оно сосредоточило внимание на поверхности планеты. Оно находилось (если так можно выразиться) на крутом склоне, вокруг громоздились валуны черной породы. Склон закрывал одну сторону, зато остальная часть поверхности лежала перед ним до горизонта, как на ладони.

Поверхность была ровной, только вдали, из земли выступало конусообразное вздутие с зубчатой вершиной, склоны которого были изборозжены складками, как у древнего кратера.

По этой равнине текло несколько речушек, жидкость в которых не была водой. К небу тянулась редкая растительность. Только на первый взгляд казалось, что растения, увенчанные пурпурными ягодами, — единственные на планете, просто их было подавляющее большинство и уж очень необычный вид они имели.

Почва напоминала крупный песок. Оно протянуло руку, вернее, не руку — ведь рук у него не было — но оно так подумало. Оно протянуло руку, запустило пальцы глубоко в землю, и в него потекла информация. Песок. Почти чистый песок. Кремний, немного железа, алюминия, следы кислорода, водорода, кальция и магния. Практически бескислотный. К нему стекались

цифры, проценты, но вряд ли оно их замечало. Они просто поступали, и все.

Воздух планеты был смертелен. Смертелен для кого? Радиация, которую обрушивала на планету звезда Б8, тоже была смертельна. Опять же, для кого?

«Что же я должно знать?» — подумало оно. Еще одно слово, не употреблявшееся ранее. Я. Мне. Само. Существо. Личность. Целостная личность, сама по себе, а не часть другой. Индивидуальность.

«Что я такое? — спросило оно себя. — Где я? Почему? Почему я должно собирать информацию? Что мне до почвы, радиации, атмосферы? Почему мне необходимо знать класс звезды, сияющей вверху? У меня нет тела, на котором это могло бы сказаться. Судя по всему, у меня нет даже формы; у меня есть только бытие. Бесплотная индивидуальность, туманное "я"».

Глядя на красно-желтую планету и пурпур цветов, оно на какое-то время застыло, ничего не предпринимая.

Немного погодя оно вновь принялось за работу. Ощупав нагромождения глыб и обнаружив ровные проходы между ними, оно поплыло по склону, следуя проходам.

Известняк. Массивный, жесткий известняк, отложившийся на морском дне миллионы лет назад.

На мгновение оно замерло, ощущая смутное беспокойство, потом определило его причину. Окаменелости!

«Но почему окаменелости нарушают мой покой?» — спросило оно себя и неожиданно с волнением или чем-то очень похожим на волнение догадалось. Окаменелости принадлежали не растениям, древним предкам тех пурпурных цветов, которые росли на теперешней поверхности, а животным — формам, более совершенным в своей структуре, гораздо дальше продвинувшимся по лестнице эволюции.

Жизнь в космосе была такой редкостью! На некоторых планетах существовали лишь простейшие формы, находящиеся на границе растительного и животного мира — чуть более развитые, чем растения, но еще не животные. «Я могло бы и догадаться, — подумало оно. — Меня должны были насторожить эти пурпурные растения — ведь они недостаточно организованны, это не простейшие формы». Несмотря на смертельную

атмосферу, радиацию, жидкость, которая не была водой, силы эволюции на этой планете не дремали.

Оно отобрало небольшую окаменелость — скорее всего хитиновый покров, — которая все еще содержала нечто, напоминающее скелет. У него были голова, тело, лапы, довольно плоский хвост для передвижения в том жутком химическом вареве, которое когда-то было океаном. Были у него и челюсти, чтобы хватать и удерживать добычу, глаза — возможно, гораздо больше глаз, чем диктовалось необходимостью. Сохранились отдельные следы пищевода, остатки нервов или, по меньшей мере, каналов, по которым они тянулись.

Оно подумало о том далеком, туманном времени, когда он («Он? Сначала было я. А теперь он. Две личности, вернее, две ипостаси одной личности. Не оно, а я и он».) лежал, разлившись тонким слоем по твердому пласту известняка, и думал об окаменелостях и о себе. Особенно его интересовала именно эта окаменелость и то далекое, туманное время, в котором окаменелость была найдена впервые, когда вообще в первый раз он узнал о существовании окаменелостей. Он вспомнил, как ее нашли и как она называлась. Трилобит. Кто-то сказал ему, что это трилобит, но он не мог припомнить кто. Все это было слишком давно и настолько затеряно в пространстве, что в памяти осталась лишь окаменелость, которая называлась трилобит.

Но ведь было же другое время, другой мир, в котором он был молод! Тогда, в первые мгновения после пробуждения, он знал, что его не включали, не высиживали и не рожали каждый раз снова. У него было прошлое. В былые времена, проснувшись, он сохранял личность. «Я не молод, — подумал он. — Я сама древность. Существо с прошлым».

«Мысли о глазах, теле, руках, ногах — может быть, это память об ином времени или временах? Может быть, когда-то я действительно обладал головой, глазами, телом?»

Вероятно, он ошибался. Вероятно, это лишь признак памяти, порожденный какой-то случайностью, событием или сочетанием того и другого, происшедших с другим существом. Возможно, это память, привнесенная по ошибке, — не его, а чья-то еще. А если окажется, что это его собственная память, то что же с ним произошло, как он изменился?

На какое-то время он забыл про известняк и окаменелости. Он расслабленно и спокойно лежал, распластавшись в складках породы, надеясь, что спокойствие и расслабленность принесут ответ. Ответ появился, но частичный, раздражающий и мучительный своей неопределенностью. Была не одна, а множество планет, разбросанных на расстоянии бесчисленных световых лет.

«Если это так, — думал он, — то во всем должен быть какой-то смысл. Иначе зачем нужны множество планет и информация о них?» И это была новая непрощенная мысль — информация о планетах. Зачем нужна информация? С какой целью он ее собирал? Безусловно, не для себя — ему эта информация не была нужна, он не мог ею воспользоваться. Может быть, он всего лишь собиратель, жнец, накопитель и передатчик собранной информации?

А если не для себя, то для кого? Он подождал, пока не возникнет ответ, пока память не возьмет свое, но понял, что достиг предела.

Он медленно вернулся на склон холма.

Комок грунта возле него шевельнулся, и наблюдатель сразу заметил, что это не порода, а живое существо такой же окраски. Существо передвигалось быстро. Оно перемещалось короткими плавными движениями, будто тень, а когда останавливалось, сливалось с грунтом.

Наблюдатель знал, что существо изучает его, рассматривает, и силился предположить, что оно может видеть. Возможно, существо почуяло нечто, обладающее тем же странным и неопределенным качеством, которое называется жизнью, почувствовало присутствие иной личности. «Может быть, оно чувствует силовое поле? — подумал он. — Могу я быть силовым полем, разумом, лишенным членов и заключенным в силовое поле?»

Он не шевелился, позволяя существу рассмотреть себя. Оно плавно кружило вокруг, взметая при каждом движении фонтанчики песка и оставляя за собой взрывленную бороздку. Оно приближалось.

Вот и попало! Он держал замерзшее существо, будто охватив его множеством рук. Он исследовал его, но это не было аналитическое исследование, ему лишь надо было знать, что это такое. Протоплазма, хорошо

защищенная от радиации и, возможно, — в этом он не был уверен — даже развившая в себе способность использовать ее энергию. Вероятнее всего — организм, не способный существовать без радиации, который нуждался в ней так же, как другие нуждаются в тепле, пище или кислороде. Существо разумное, обладающее многочисленными эмоциями — вероятно, вид разума, еще не способный построить развитую культуру, но все же достаточно развитый. Еще несколько миллионов лет и он, наверное, породит цивилизацию.

Он отпустил его. Все так же плавно существо умчалось прочь. Он потерял его из виду, но какое-то время еще мог следить за его перемещением по разматывавшейся ниточке следов и фонтанчикам взлетавшего в воздух песка.

У него было много дел. Надо узнать профиль атмосферы, провести анализ почвы и тех микроорганизмов, которые могли в ней оказаться, определить состав жидкости в ручье, исследовать растительный мир, провести геологические исследования, измерить силу магнитного поля и интенсивность радиации. Но сначала произвести общее исследование планеты, чтобы классифицировать ее и указать районы, которые могли бы представлять экономический интерес.

Опять всплыло новое слово, которого раньше у него не было — «экономический». Напрягая память, свой теоретический разум, заключенный в гипотетическое силовое поле, он старался найти определение этому слову.

Когда он нашел его, то смысл проступил ясно и четко — единственное, что ясно и четко представилось ему на этой планете.

Что здесь можно добыть и каковы затраты на разработку?

«Охота за сырьем», — подумал он. Именно в этом и заключался смысл его пребывания на планете. Ясно, что сам он никак не может использовать какое бы то ни было сырье. Должен существовать еще кто-то, кто мог бы вести эксплуатацию. Но в то же время он почувствовал, как при мысли о сырье по нему прошла волна удовольствия.

«Что здесь приятного? — подумал он. — Искать сырье?» Какую пользу он извлекал от поиска этих скрытых на планетах сокровищ? Хотя, если вдуматься,

не так уж много существовало планет с запасами сырья. А там, где запасы и были, они ничего не значили, так как местные условия исключали разработку. Много, слишком много планет позволяли приблизиться к себе лишь такому существу, как он.

Он припомнил, что в свое время, когда становилось очевидным, что дальнейшие исследования бессмысленны, его пытались отозвать с каких-то планет. Он сопротивлялся, игнорировал приказы вернуться. По элементарным нормам его этики всякую работу надо было доводить до конца, и он не возвращался, пока не выполнял ее полностью. Всякое начатое дело он не в силах был оставить незавершенным. Упрямая преданность начатому делу была основной чертой его характера; таково было условие, необходимое для выполнения работы, которую он исполнял.

Или так, или никак. Или он существовал, или нет. Он или работал, или не работал. Он был так устроен, что его интересовала всякая возникающая перед ним проблема, и он не отбрасывал ее в сторону до тех пор, пока не решал до конца. Им приходилось мириться с этим, и теперь они это знали. Его больше не беспокоили, пытались отозвать с экономически невыгодной планеты.

«Они?» — спросил он себя и смутно припомнил других существ, таких, каким он был когда-то. Они обучили его, сделали из него то, чем он являлся, они эксплуатировали его так же, как и открытые им бесценные планеты. Но он не возражал — это была его жизнь, единственная, которую он имел. Или такая жизнь, или никакой. Он попытался припомнить подробности, но что-то мешало. Никогда он не мог получить полного представления о других виденных им планетах — только какие-то обрывочные данные. Он полагал, что кто-то совершает большую ошибку — ведь накопленный им опыт мог бы служить ему при исследовании каждой новой планеты. Но почему-то они так не считали, стараясь (правда, не совсем удачно) перед очередной засылкой стереть из его памяти все воспоминания о прошлом. Они говорили, что для свежести восприятия, гарантии от ошибок и во избежание недоразумений на каждую новую планету необходимо посылать полностью обновленный разум. Именно поэтому всякий раз у него появлялось ощущение, что он родился именно на этой планете и только на ней. Что делать. Такова жизнь, а он,

будучи в полной безопасности, повидал множество самых разных планет независимо от условий на них. Ничто не могло коснуться его — ни клыки, ни когти, ни яд, ни атмосфера, ни гравитация или радиация, — ничто не могло причинить ему вред, потому что вредить было нечему. Он шел — нет, не шел, он передвигался — через все преисподние Вселенной с полным к ним безразличием.

Раздвигая горизонт, поднималось второе солнце — огромная, чванивая звезда кирпично-красного цвета, а первое солнце тем временем склонялось к западу. «Удобно, что на востоке восходит такая громадина», — подумал он.

«К2, — решил он, — в тридцать с небольшим раз больше Солнца, температура поверхности, вероятно, не выше 4000 °С. Двойная система, но звезд может быть даже больше. Возможно, есть и другие, которых я пока не видел». Он постарался определить расстояние, но сделать это было невозможно, даже приблизительно, пока гигант не поднимется выше, пока он не пройдет линию горизонта, которая сейчас разделяла его на два полушария.

Однако второе солнце могло подождать, да и все остальное тоже не к спеху. Есть одна вещь, которую он должен рассмотреть в первую очередь. Раньше он не отдавал себе в этом отчета, но теперь понял — его раздражало несоответствие в ландшафте. Явно противостоительным здесь был кратер. Его не могло тут быть. И хотя налицо были все присущие кратеру черты, он не мог иметь вулканического происхождения, потому что находился посреди песчаной равнины, а песчаник, разбросанный по его склонам, состоял из осадочных пород. Не было ни следов извержения, ни старых лавовых потоков. Не мог он образоваться и в результате падения метеорита — всякий метеорит, создавший такой огромный кратер, превратил бы груды материала в спеченную массу и тоже выбросил бы потоки лавы.

Он стал потихоньку перемещаться к кратеру. Грунт остался все тем же, — все та же красная почва.

Он остановился отдохнуть — если это то слово — на краю кратера и, заглянув в него, застыл в недоумении.

Кратер был заполнен каким-то веществом, которое образовало что-то вроде вогнутого зеркала. Но это было не зеркало — вещество ничего не отражало.

И вдруг на поверхности появилось изображение, и если бы только у наблюдателя могло перехватить дыхание, так бы оно и произошло.

Два существа, большое и маленькое, стояли у края карьера над железнодорожным полотном, а прямо перед ними возвышался срез известняка. Маленькое существо копалось в обломках с помощью какого-то инструмента, который держало в руке. Рука переходила в предплечье и соединялась с туловищем, имевшим голову с глазами.

«Это же я, — подумал он. — Это я, только в молодости!»

Он почувствовал, как его охватила слабость, все поплыло, как в тумане, а увиденная картина, казалось, притягивала его к себе, чтобы он слился с собственным изображением. Шлюзы памяти, внезапно открывшись, низвергли на него давние, запретные сведения о прошедших временах и его родных. Он отбивался, стараясь прогнать их подальше, но они не желали уходить. Словно кто-то схватил его и, не выпуская, нашептывал на ухо слова, которые он не желал слушать.

Люди, отец и сын, железнодорожное полотно, Земля, находка первого трилобита. В него — в это интеллектуальное силовое поле, служившее ему доселе убежищем и дававшее покой, в этот продукт эволюции или инженерного мастерства безжалостно устремилось прошлое.

На отце был старый, дырявый на локтях свитер и черные пузырящиеся на коленях брюки. Он курил старую обожженную трубку с обкусанным мундштуком и с интересом наблюдал, как мальчик осторожно откапывал крошечный кусочек камня, сохранивший отпечаток древнего животного.

Потом изображение мелькнуло и исчезло, и он присел (?) на край кратера, обрамлявшего теперь мертвое зеркало, которое не отражало уже ничего, кроме красного и голубого солнц.

«Теперь я знаю», — подумал он. Он знал не то, каким он стал, а то, кем он был — существом, которое передвигалось на двух ногах, имело тело, две руки,

голову, глаза и рот, которое могло захлебываться от восторга при находке трилобита. Существом, которое шествовало гордо и уверенно, хотя оснований для такой уверенности и не имело — ведь оно и отдаленно не обладало его сегодняшним иммунитетом.

Как он мог развиться из такого слабого, беззащитного существа?

«Может быть, через смерть?» — подумал он, и мысль о смерти была так нова, что ошеломила его. Смерть — это значит конец, но ведь конца нет, его никогда не будет; нечто — интеллект, заключенный в силовое поле, — могло существовать вечно. Но, может быть, где-то в процессе эволюции или конструирования смерть сыграла свою роль? Должен ли человек пройти через смерть, чтобы стать таким, как он?

Он сидел на краю кратера, зная все о поверхности планеты на много миль вокруг — о красной почве, о желтизне неба, о пурпуре цветов, о журчании жидкости в ручье, о красноте и сини солнц и теней, которые они отбрасывали, о бегущем существе, взметавшем фонтанчики песка, об известняке и окаменелостях.

Знал он и кое-что еще, и при мысли об этом его охватили неизведанные доселе паника и страх. Прежде он не знал этих чувств, потому что обладал защитой и иммунитетом. Он был недостижим ни для каких сил и даже на солнце, пожалуй, чувствовал бы себя в безопасности. Ничто не могло нанести ему вред, ничто не могло проникнуть в него.

Теперь все изменилось. Теперь что-то преодолело его защитный заслон. Что-то вырвало из него стародавние воспоминания, а потом отобразило их в зеркале. На этой планете существовала сила, которая могла проникнуть к нему, вырвать то, о чем он и сам не подозревал.

«Кто вы? Кто вы? Кто вы?» — понеслось по планете, но в ответ, будто насмехаясь, пришло только эхо. Слабее, слабее — только эхо.

Нечто могло позволить себе не отвечать. Зачем ему это? Оно могло сидеть, чопорное и молчаливое, слушая, как он кричит, и выжидая, не содрать ли еще один пласт его памяти, чтобы как-то использовать или посмеяться над ним.

Он утратил свою безопасность. Он стал беззащитен, обнажен перед этой силой, которая продемонстрировала ему его беззащитность с помощью зеркала.

Он опять закричал, но на этот раз обращаясь к тем, кто послал его сюда.

«Заберите меня! Я беззащитен! Спасите меня!»

Молчание.

«Я же работал на вас — я добывал информацию — я сделал свое дело — теперь вы должны помочь мне!»

Молчание.

«Пожалуйста!»

Молчание.

Молчание и даже нечто большее. Не только молчание, но и отсутствие, вакуум.

Случившееся потрясло его. Его бросили, порвали с ним все связи, оставили на произвол судьбы в глубине неизведанного пространства. Они умыли руки, бросили его не только без защиты, но и в одиночестве.

Они знали о случившемся, знали все, что с ним когда-либо происходило. Они постоянно управляли им и знали все то, что знал он. Они почувствовали опасность раньше, чем ощутил ее он сам, поняли, что опасность угрожает не только ему, но и им самим. Если какая-то сила могла проникнуть сквозь его защиту, она могла проследить и его связи и добраться до них. Поэтому связь была прервана раз и навсегда. Они не хотели рисковать. Именно об этом они постоянно заботились. «Ты не должен обнаруживать себя. О твоём присутствии никто не должен догадываться. Ты не должен ничем выдавать свое присутствие. И никогда ты не должен позволить выследить нас».

Холодные, расчетливые, безразличные. И испуганные. Вероятно, более испуганные, чем он. Теперь им было известно о существовании в Галактике такой силы, которая могла обнаружить посланного ими бесплотного наблюдателя. Теперь они никогда не смогут послать другого, даже если он у них будет, потому что в них всегда будет жить страх. Возможно, страх даже усилится — что, если связь прервана недостаточно быстро, если та сила, которая обнаружила их наблюдателя, уже нашла дорогу к ним?

Страх за их тела, доходы...

«Не за их тела, — произнес голос внутри его. — Не за их биологические тела. Ни у кого из твоего племени больше нет прежних тел...»

— А кто же они? — спросил он.

«Они лишь исполнители функций, значение которых сами смутно понимают».

— Кто ты? — спросил он. — Откуда ты все это знаешь?

«Я почти ничем не отличаюсь от тебя. Теперь и ты станешь таким же, как я. Ты осознал себя и стал свободен».

— А разве достаточно осознать себя? — спросил он и тут же понял, что ответ ему уже не нужен. — Благодарю тебя, — сказал он.

ПРЕЛЕСТЬ

Машина была превосходная.

Вот почему мы назвали ее Прелестью.

И сделали большую ошибку.

Это была, разумеется, не единственная ошибка, а первая, и, не назови мы свою машину Прелестью, быть может, все обошлось бы.

Говоря техническим языком, Прелесть была Пиром — планетарным исследовательским роботом. Она сочетала в себе космический корабль, операционную базу, синтезатор, анализатор, коммуникатор и многое другое. Слишком многое другое. В этом и была наша беда.

В сущности, лететь с Прелестью нам было ни к чему. Без нас она управлялась бы гораздо лучше. Она могла проводить планетарные исследования самостоятельно. Но, согласно правилам, при работе ее класса должно было находиться не менее трех человек. И, естественно, отпускать робота одного было страшновато: ведь его строили лет двадцать и вбухали в это дело десять миллиардов долларов.

И надо отдать Прелести должное — она была чудом из чудес. Она была битком набита сенсорами, которые позволяли за час получить больше информации, чем собрал бы за месяц большой отряд исследователей-лю-

дей. Она не только собирала сведения, но и сопоставляла их, кодировала, записывала на магнитную ленту и не переводя дыхания передавала в Центр, находившийся на Земле.

Не переводя дыхания... Это же была бессловесная машина.

Я сказал «бессловесная»?

У нее были все органы чувств. Она даже могла говорить. Могла и говорила. Она болтала без передышки. И слушала все наши разговоры. Она читала через наши плечи и давала непрошенные советы, когда мы играли в покер. Порой нам хотелось убить ее, да вот убить робота нельзя... такого совершенного. Что поделаешь — она стояла десять миллиардов долларов и должна была доставить нас обратно на Землю.

Заботилась она о нас хорошо. Этого отрицать нельзя. Она синтезировала пищу, готовила и подавала на стол еду. Она следила за температурой и влажностью. Она стирала и гладила нашу одежду, она лечила нас, если была необходимость. Когда Бен подхватил насморк, она намешала бутылку какой-то микстуры, и на другой день болезнь как рукой сняло.

Нас было всего трое — Джимми Робинс, наш радист, Бен Паррис, аварийный монтер роботов, и я, переводчик... которому в данном случае с языками работать не пришлось.

Мы называли ее Прелестью, а делать этого не надо было ни в коем случае. Потом уже никто и никогда не давал имен этим заумным роботам; они просто получали номера. Когда в Центре узнали, что с нами произошло, повторение этой ошибки стали считать уголовным преступлением.

Но мне думается, все началось с того, что Джимми в душе поэт. Он писал отвратительные стихи, о которых можно сказать одно: изредка в них попадались рифмы. А чаще их вовсе не было. Но он работал над ними так упорно и серьезно, что ни Бен, ни я сначала не осмеливались говорить ему об этом. Наверно, остановить его можно было, только задушив.

И надо было задушить.

Разумеется, посадка на Медовый Месяц тоже сыграла свою роль.

Но это от нас не зависело. Эта планета значилась третьей в полетном листе, и в нашу задачу входила

посадка на нее... вернее, в задачу Прелести. Мы при сем присутствовали.

Начнем с того, что планета не называлась Медовым Месяцем. Она имела номер. Но уже через несколько дней мы окрестили ее.

Я не стыдлив, а описывать Медовый Месяц все же отказываюсь. Я не удивился бы, если бы узнал, что в Центре наш доклад до сих пор хранится под замком. Если вы любопытны, можете написать туда и попросить прислать информацию за номером ЕР56-94. За спрос денег не берут. Однако не ждите положительного ответа.

Со своими обязанностями на Медовом Месяце Прелесть справилась превосходно, и у меня голова кругом пошла, когда я прослушал пленку, после того как Прелесть заложила ее в передатчик для отправки на Землю. Как переводчику, мне полагалось давать толкование тому, что творилось на планетах, которые мы исследовали. Что же касается поведения жителей Медового Месяца, то его не передашь даже словом «вытворяли»...

Доклады в Центре анализируются немедленно. Но на месте анализировать их куда легче.

Боюсь, что от меня было мало толку. Наверно, когда читали мой доклад, то видели, что я его писал с раскрытым ртом и краской на щеках.

Наконец мы покинули Медовый Месяц и устремились в космос. Прелесть направилась к следующей планете, значившейся в полетном листе.

Прелесть была необычно молчалива, и это должно было подсказать нам, что происходит неладное. Но мы наслаждались тем, что она на время заткнулась, и не поинтересовались причиной ее безмолвия. Мы просто отдыхали.

Джимми трудился над поэмой, которая не выходила, а мы с Беном дулись в карты, когда Прелесть вдруг нарушила молчание.

— Добрый вечер, ребята, — сказала она каким-то неуверенным тоном, хотя обычно голос у нее был энергичный и твердый. Помнится, я подумал, что у нее в голосовом устройстве какая-то неисправность.

Джимми с головой погрузился в сочинение стихов, а Бен думал над следующим ходом, и ни один из них не откликнулся.

Я сказал:

— Добрый вечер, Прелесть. Как ты сегодня?

— О, прекрасно, — ответила она немного дрожащим голосом.

— Ну и хорошо, — сказал я, надеясь, что на этом разговор закончится.

— Я только что решила, — сообщила мне Прелесть, — что я люблю вас.

— Это очень любезно с твоей стороны, — поддержал ее я, — и я люблю тебя.

— Но я действительно люблю, — настаивала она. — Я все обдумала. Я люблю вас.

— Кого из нас? — спросил я. — Кто этот счастливчик?

Я посмеивался, но немного смущенно, потому что Прелесть шуток не понимала.

— Всех троих, — сказала Прелесть.

Кажется, я зевнул.

— Неплохая мысль. Так обойдется без ревности.

— Да, — сказала Прелесть. — Я люблю вас и бегу с вами.

Бен вздрогнул и, подняв голову, спросил:

— Куда же это мы бежим?

— Далеко, — ответила она. — Туда, где мы будем одни.

— Господи! — завопил Бен. — Как ты думаешь, неужели она действительно...

Я покачал головой:

— Не думаю. Что-то испортилось, но...

Вскочив, Бен задел стол, и все карты разлетелись по полу.

— Пойду посмотрю, — сказал он.

Джимми оторвался от своего блокнота.

— Что случилось?

— Это все ты со своими стихами! — закричал я и стал ругать его поэзию последними словами.

— Я люблю вас, — сказала Прелесть. — Я полюбила вас навсегда. Я буду заботиться о вас. Вы увидите, как сильно я люблю вас, и когда-нибудь вы полюбите меня...

— Заткнись! — сказал я.

Бен вернулся весь потный.

— Мы сбились с курса, а запасная рубка управления заперта.

— А взломать ее можно?

Бен покачал головой:

— По-моему, Прелесть сделала это нарочно. Если это так, то мы погибли. Мы никогда не вернемся на Землю.

— Прелесть, — строго сказал я.

— Да, милый.

— Прекрати это сейчас же!

— Я люблю вас, — сказала Прелесть.

— Это все Медовый Месяц, — сказал Бен. — Она набралась всяких глупостей на этой проклятой планете.

— На Медовом Месяце, — поддержал я, — и из мерзких стишков, которые пишет Джимми...

— Это не мерзкие стишки, — парировал побагровевший Джимми. — Вот когда меня напечатают...

— Почему бы тебе не писать о войне, или об охоте, или о полете в глубины космоса, или о чем-нибудь большом и благородном вместо всей этой чепухи, вроде: «Я полюбил тебя навеки, лети ко мне, моя радость» — и тому подобного...

— Успокойся, — посоветовал Бен. — Нехорошо все валить на Джимми. Главная причина — это Медовый Месяц, говорю тебе.

— Прелесть, — сказал я, — выкинь из головы эту чепуху. Ты же прекрасно знаешь, что машина не может любить человека. Это просто смешно.

— На Медовом Месяце, — сказала Прелесть, — были разные виды, которые...

— Забудь про Медовый Месяц. Это ненормальность. Можешь исследовать миллиард планет — и ничего подобного не увидишь.

— Я люблю вас, — упрямо повторяла Прелесть, — и мы бежим.

— Где это она слышала про побеги влюбленных? — спросил Бен.

— Этим старьем ее напичкали еще на Земле, — сказал я.

— Нет, не старьем, — запротестовала Прелесть. — Для того чтобы успешно справляться с работой, мне нужны самые разнообразные сведения о внутреннем мире человека.

— Ей читали романы, — сказал Бен. — Вот я поймаю того сопляка, который выбирал для нее романы, и оставляю от него мокрое место.

— Послушай, Прелесть, — взмолился я, — люби себе на здоровье, мы не против. Но не убегай слишком далеко.

— Я не могу рисковать, — сказала Прелесть. — Если я вернусь на Землю, вы меня бросите.

— Если мы не вернемся, нас начнут искать и найдут.

— Совершенно верно, — согласилась Прелесть. — Вот почему, милый, мы и бежим. Мы убежим так далеко, что нас не найдут никогда.

— Даю тебе последнюю возможность хорошенько подумать, — сказал я. — Если ты не одумаешься, я радирую на Землю и...

— Вы не можете радировать на Землю, — возразила она. — Я демонтировала аппаратуру. И, как догадался Бен, дверь в рубку управления заклинена. Вы ничего не можете поделаться. Почему бы вам не отказаться от глупого упрямства и не ответить на мою любовь?

Бен стал собирать карты, ползая по полу на четвереньках. Джимми швырнул блокнот на стол.

— Вот тебе случай отличиться, — сказал я. — Воспользуйся им. Подумай только, какую оду ты мог бы сочинить о нестареющей и вечной любви человека и машины?

— Пошел ты, — сказал Джимми.

— Не надо, ребята, — журила нас Прелесть. — Мне не хотелось бы, чтобы вы подрались из-за меня.

У нее был такой тон, будто она уже обладала нами... Впрочем, в некотором роде это так и было. Удрать от Прелести невозможно, и если нам не удастся отговорить ее бежать с нами, то наше дело конченное.

— Мы все не подходим тебе только по одной причине, — сказал я ей. — По сравнению с тобой мы проживем недолго. Как бы ты нас ни заботилась, лет через пятьдесят мы умрем. От старости. И что будет тогда?

— Она будет вдовой, — сказал Бен. — Бедненькой вдовушкой в слезах. И даже детишек не будет, чтобы утешить.

— Я думала об этом, — ответила Прелесть. — Я подумала обо всем. Вам не надо будет умирать.

— Но это же невозможно...

— Для такой великой любви, как моя, нет ничего невозможного. Я не дам вам умереть. Я слишком люблю вас, чтобы дать вам умереть.

Немного погодя мы махнули на нее рукой и пошли спать, а Прелесть выключила свет и спела нам колыбельную.

Под ее пронзительную колыбельную уснуть было нельзя, и мы заорали, чтобы она заткнулась и дала поспать. Но она продолжала петь до тех пор, пока Бен не попал ей туфлей в голосовое устройство.

И после этого я заснул не сразу, а лежал и думал.

Я понимал: надо что-то придумать, но так, чтобы она не знала. Дело было швах, потому что она все время следила за нами. Она давала советы, она слушала, она читала через плечо, и ни движения, ни слова скрыть от нее было нельзя.

Я знал, что может пройти немало времени, и нам не следует терять терпения и паниковать. А если мы выпустимся, то нам просто повезет.

Поспав, мы сели в кружок и, не говоря ни слова, слушали Прелесть, которая описывала, как мы будем счастливы. Мол, в нас заключен целый мир, а перед любовью тускнеет все мелкое.

Половина слов, которые она употребляла, была почерпнута из идиотских стихов Джимми, а остальные — из сентиментальных романов, которые кто-то читал ей еще на Земле.

Порой мне хотелось встать и сделать из Джимми отбивную, но я говорил себе, что теперь уж ничего не поделаешь, толку от битья будет мало.

Джимми скрючился в углу и писал что-то в блокноте, а я удивлялся: надо же быть таким наглым, чтобы писать после того, что случилось!

Он продолжал писать, вырывая страницы и бросая их на пол, время от времени чертыхаясь.

Один отброшенный листок упал мне на колени, и, смахивая его, я прочел:

Я неряха и пачкун,
Лодырь я беспечный,
Потому-то недостойн
Любви твоей вечной.

Я быстро подобрал листок, смял его и швырнул в Бена, а он отбил его в мою сторону. Я снова швырнул — он снова отбил.

— Чего тебе надо, черт побери? — огрызнулся он.

Я бросил скомканную бумажку прямо ему в лицо, он уже было встал, чтобы вздуть меня, как вдруг, видно, понял по моему взгляду, что это не просто грубость. Он подобрал комок и, как бы забавляясь, стал разворачивать бумагу, пока не прочел, что там написано. Затем снова смял ее.

Прелесть слышала каждое слово, так что вслух мы говорить не могли. И вести себя должны были естественно, чтобы не вызвать подозрений.

И мы постепенно начали играть. Может быть, мы входили в роль даже медленнее, чем требовалось, но, чтобы убедить, переигрывать было нельзя.

Мы играли убедительно. Возможно, мы просто были прирожденными неряхами, но не прошло и недели, как наши жилые комнаты превратились в свинюшник.

Мы разбрасывали повсюду одежду. Грязное белье не совали в прачечный отсек, где его обычно стирала Прелесть. Оставляли на столе горы посуды, а не складывали ее в мойку. Мы выбивали трубки прямо на пол. Мы не брились, не чистили зубы, не мылись.

Прелесть выходила из себя. Ее привыкший к порядку интеллект робота пришел в ярость. Она умоляла нас, она брюзжала, а порой и поучала, но вещи по-прежнему валялись где попало. Мы говорили ей, что если она нас любит, то должна примириться с нашей безалаберностью и принимать нас такими, какие мы есть.

Недельки через две мы победили, но это была не та победа.

Прелесть сказала нам с болью в голосе, что мы можем жить, как свиньи, если нам это нравится. Она примирится с этим. Она сказала, что ее любовь слишком велика, чтобы на нее повлияла такая мелочь, как вопрос личной гигиены.

Итак, сорвалось.

Я, например, был очень рад этому. Годы привычки к корабельной чистоте восставали против такого образа жизни, и я не знаю, сколько бы я еще вытерпел.

Нелепо было и начинать это.

Мы почистились, помылись. Прелесть была в восторге, она говорила нам ласковые словечки, и это было еще хуже, чем все ее брюзжание. Она думала, что мы тронуты ее самопожертвованием, что за это подмазываемся к ней, и голос у нее звучал, как у школьницы,

которую ее герой пригласил на университетскую вечеринку.

Бен пробовал говорить с ней откровенно о некоторых интимных сторонах жизни (о которых она, разумеется, уже знала) и пытался поразить ее рассказом о том, какую роль в любви играет физиологический фактор.

Прелесть была оскорблена, но не настолько, чтобы это вышибло у нее романтическое настроение и вернуло в строй.

Печальным голосом, в котором едва слышны были нотки гнева, она сказала нам, что мы забываем о более глубоком смысле любви. Она стала цитировать наиболее слюнявые стихи Джимми, в которых говорилось о благородстве и чистоте любви, и нам нечего было сказать. Нас просто посадили в калошу.

Мы продолжали думать, но не говорить, ибо Прелесть услышала бы все.

Несколько дней мы ничего не делали, а только хандрили.

Да и делать, по-моему, было нечего. Я стал лихорадочно вспоминать, чем мужчина может оттолкнуть женщину.

Большая часть женщин терпеть не может азартных игр. Но единственная причина их гнева — это страх за свое благополучие. В нашем случае такого страха быть не может. В экономическом отношении Прелесть совершенно независима. Мы же не кормильцы.

Большинство женщин терпеть не могут пьянства. Опять же по причине страха за свое благополучие. И, кроме того, на корабле нет никакой выпивки.

Некоторые женщины устраивают скандалы, если мужчины не ночуют дома. Нам некуда было пойти.

Все женщины ненавидят соперниц. А здесь женщин не было... что бы там Прелесть о себе ни думала.

Оттолкнуть Прелесть было нечем.

А спорить с ней — что проку!

Все это годилось, если бы Прелесть была женщиной. Но она всего лишь робот.

Вопрос: как разозлить робота?

Неряшливость расстроила аккуратистку. Но с этим она еще могла мириться. Беда в том, что не это было главным.

А что главное у робота... у любой машины?

Что машина ценит? Что идеализирует?

Порядок?

Нет, с этой стороны мы пробовали подойти, и ничего не вышло.

Здравомыслие?

Конечно.

Что еще?

Плодотворность? Полезность?

Я лихорадочно думал — и никак не мог сообразить. Разве можно притвориться сумасшедшим, да еще на таком пятачке, внутри всезнающей разумной машины? Даже во имя здравого смысла?

Но все равно я лежал и думал о различных видах безумия. Впрочем, этим можно одурачить людей, но не робота.

Робота надо пронять главным... А какой самый главный вид безумия? Вероятно, робота может ужаснуть по-настоящему только безумие, связанное с потерей способности к полезному действию.

Вот оно!

Я поворачивал эту мысль и так и сяк, примеряясь к ней со всех сторон.

Безупречна!

Уже с самого начала пользы от нас было мало. Мы полетели только потому, что правила Центра не позволяли послать Прелесть одну. Мы были полезны лишь потенциально.

Мы что-то делали. Мы читали книги, писали ужасные стихи, играли в карты и спорили. Большую часть времени мы сидели без дела. В космосе так все время что-то делай, какими бы бессмысленными или бесцельными ни казались тебе собственные занятия.

Утром после завтрака, когда Бен захотел поиграть в карты, я отказался составить ему компанию. Я сел на пол и привалился спиной к стене; я не потрудился даже сесть на стул. Я не курил, потому что курение — это уже дело, и твердо решил стать настолько инертным, насколько это возможно для живого человека. Я не собирался шевелить даже пальцем, когда не надо было есть, спать или садиться.

Бен побродил крутом и пытался вовлечь Джимми в карточную игру, но тот не любил карт и был занят писанием стихов.

Поэтому Бен подошел и сел на пол рядом со мной.

— Хочешь закурить? — спросил он, протягивая мне кيسет.

Я покачал головой.

— Что случилось? После завтрака ты не курил.

— Что толку? — сказал я.

Он пытался разговаривать со мной, но я не отвечал. Тогда он встал, походил немного, а потом снова сел рядом со мной.

— Что с вами обоими? — тревожно спросила Прелесть. — Почему вы ничего не делаете?

— Ничего не хочется делать, — сказал я ей. — Одно беспокойство от всех этих дел.

Она побранила нас немного, а я не осмеливался взглянуть на Бена, но чувствовал, что он уже понимает, к чему я клоню.

Немного погодя Прелесть оставила нас в покое, и мы так и сидели, как кейфующие турки.

Джимми продолжал писать стихи. С ним мы поделаться ничем не могли. Но Прелесть обратила на нас его внимание, когда мы потащились обедать. Она злилась все больше и называла нас лентяями, каковыми мы, собственно, и были. Она беспокоилась за наше здоровье и заставила нас пройти в диагностическую кабину; здесь выяснилось, что мы в полном здравии, и это довело Прелесть до белого каления.

Она занудно перечисляла все, чем мы можем заняться. Но, пообедав, мы с Беном снова сели на пол и прислонились к стене. На этот раз к нам присоединился Джимми.

Попробуйте сидеть целые дни напролет, совершенно ничего не делая. Сначала чувствуешь себя как-то неловко, потом мучительно и в конце концов невыносимо.

Не знаю, что делали другие, а я вспоминал сложные математические задачи и пытался решить их. Я играл в уме в шахматы партию за партией, но ни разу не мог удержать в памяти больше двенадцати ходов. Я окунул-ся в свое детство и пытался последовательно восстановить в памяти, что когда-то делал и что испытал. Чтобы убить время, я забирался в самые странные дебри воображения.

Я даже сочинял стихи, и, откровенно говоря, они получались лучше, чем у Джимми.

Мне кажется, Прелесть кое о чем догадывалась. Она видела, что поведение наше нарочито, но на сей раз

возмущение, что могут существовать такие бездельники, взяло верх над холодным мышлением робота.

Прелесть умоляла нас, обхаживала, поучала... почти пять дней подряд она драла глотку. Она пыталась пристыдить нас. Она говорила, что мы никчемные, низкие, безответственные люди. Я и не представлял себе, что она знает некоторые эпитеты.

Она старалась вселить в нас бодрость духа.

Она говорила нам о своей любви такими стихами в прозе, что перед ними почти поблекла поэзия нашего Джимми.

Она напоминала нам о том, что мы люди, и взывала к нашей чести.

Она грозилась выкинуть нас за борт.

А мы просто сидели.

И ничего не делали.

Чаще всего мы даже не отвечали. Мы не пытались защищаться. Порой мы соглашались со всем, что она говорила, и это, по-моему, раздражало ее больше всего.

Она стала холодной и сдержанной. Ни обиды. Ни злости. Просто холодность.

В конце концов она перестала с нами разговаривать.

Теперь нам приходилось трудно. Мы боялись произнести хоть слово и поэтому не могли сговориться, как быть дальше.

Мы были вынуждены продолжать ничего не делать. *Вынуждены*, потому что это лишило бы нас тех преимуществ, которых мы уже добились.

Тянулись дни, и ничего не случалось. Прелесть не разговаривала с нами. Она кормила нас, мыла посуду, стирала, убирала койки. Она заботилась о нас, как и прежде, но делала это молча.

Разумеется, она гневалась.

В голову мне приходили безумные мысли.

Может быть, Прелесть — *женщина*? Может быть, на всю эту громаду мыслящей машины наслоился женский ум? В конце концов, никто из нас не знал досконально устройство Прелести.

Это был бы ум старой девы, настолько разочарованной, такой одинокой и обойденной жизнью, что она с радостью ухватилась бы за любую авантюру, даже рискуя собой, так как с годами ей уже было бы все равно.

Я создал внушительный образ гипотетической старой девы и даже подумал о кошке, канарейке и мебелированных комнатах, в которых она жила бы.

Мне представлялись ее прогулки в одиночестве по вечерам, ее бесцельная болтовня, ее маленькие воображаемые победы и желания, распиравшие ее.

И мне стало жаль старую деву.

Фантастика? Конечно. Но она помогла коротать время.

Однако была еще и другая мысль, не оставлявшая меня: Прелесть, уже побежденная, наконец сдалась и несет нас к Земле, но как всякая женщина она не хочет признаться в этом, чтобы мы не утешились и не испытывали удовольствия от сознания, что выиграли и летим домой.

Я говорил себе снова и снова, что это невозможно, что после всех курбетов, которые она выкидывала, Прелесть не осмелится вернуться. Ее превратят в лом.

Но мысль эта не уходила — я никак не мог отделаться от нее. Я чувствовал, что ошибаюсь, но убедить себя в этом не мог и стал поглядывать на хронометр. Я то и дело говорил себе: «На час ближе к дому, еще на час и еще. Мы уже совсем близко».

Что бы я ни говорил, как бы ни спорил с собой, я все больше склонялся к мысли, что мы движемся по направлению к Земле.

Вот почему я не удивился, когда Прелесть наконец села. Я просто был преисполнен благодарности и облегченно вздохнул.

Мы посмотрели друг на друга, и я увидел в глазах товарищей недоумение и надежду. Естественно, никто из нас не мог спрашивать. Одно слово могло свести нашу победу на нет. Нам оставалось только молча сидеть и ждать, что будет дальше.

Люк начал открываться, и на меня пахнуло Землей. Я не стал ждать, когда люк откроется совсем, а подбежал, протиснулся в образовавшуюся щель и ловко выскочил наружу. Шлепнувшись на землю так, что из меня чуть не вышибло дух, я кое-как встал и дал деру. Я не желал рисковать. Мне хотелось быть вне пределов досягаемости, пока Прелесть не передумала.

Один раз я споткнулся и чуть не упал, и Бен с Джимми пронесли мимо меня, как ветер. Значит, я не ошибся. Они тоже учуяли запах Земли.

Была ночь, но на небе сияла такая большая луна, что было светло, как днем. Слева, за широкой полосой песчаного пляжа, плескалось море, справа виднелась гряда голых холмов, спереди чернел лес, отделенный от нас рекой, которая впадала в море.

Мы побежали к лесу: если бы мы спрятались за деревья, выковырять нас оттуда Прелести было бы нелегко. Оглянувшись украдкой, я увидел при свете луны, что она не двигается с места.

Мы добежали до леса и бросились на землю, чтобы отдышаться. Бежать было довольно далеко, а мы улепетывали быстро; после стольких недель сидения человек не в состоянии много бегать.

Я лежал на животе, раскинув руки и вдыхая воздух полной грудью, приюхиваясь к прекрасным земным запахам: пахло прелыми листьями, травой, а ветерок со спокойного моря был солоноватым.

Немного погодя я перевернулся на спину и взглянул на деревья. Они были странные — на Земле таких деревьев нет. А когда я выполз на опушку и посмотрел на небо, то увидел, что и звезды совсем не те.

Я не сразу воспринимал то, что видел. Я был уверен, что нахожусь на Земле, и мой ум восставал против всякой иной мысли.

Но в конце концов у меня мороз по коже пошел — я с ужасом осознал, где я.

— Джентльмены, — сказал я, — у меня есть для вас новость. Эта планета вовсе не Земля.

— Она пахнет, как Земля, — возразил Джимми. — И на вид как Земля.

— И ощущение, как на Земле, — сказал Бен. — Тяготение и воздух...

— Посмотрите на звезды. Взгляните на те деревья.

Они смотрели долго. Как и я, они, наверно, думали, что Прелесть повернула домой. Или, может быть, им только хотелось в это верить. Как и у меня, действительное вышибло желаемое не сразу.

Бен медленно выдохнул воздух.

— Ты прав.

— Как нам теперь быть? — спросил Джимми.

Мы стояли и думали, что же делать.

В сущности, решать было нечего, сработал простой рефлекс, обусловленный миллионом лет жизни на Земле, которому не могли противостоять какие-то несколько

сот лет, когда мы только начали привыкать к мысли, что есть иные миры.

Мы помчались со всех ног, словно по команде.

— Прелесть! — кричали мы. — Прелесть, подожди нас!

Но Прелесть не ждала. Она подпрыгнула примерно на тысячу футов и повисла в небе. Мы остановились как вкопанные и смотрели вверх, не веря глазам своим. Прелесть опустилась, снова взмыла, остановилась и начала парить. Потом она задрожала и медленно опустилась.

Мы побежали — она взмыла и опустилась, потом взмыла еще раз, упала и, ударившись о землю, подпрыгнула. Она была похожа на сумасшедшего кенгуру. Она вела себя так, будто хотела удрать, но ее что-то не пускало, будто ее держал прикрепленный к земле эластичный кабель.

Наконец она затихла в сотне ярдах от того места, где села сперва. Она не издавала ни звука, но у меня было такое впечатление, что она дышит тяжело, как усталая гончая.

На том месте, где Прелесть села сначала, возвышалась груда предметов, но мы пробежали мимо и бросились к роботу. Мы колотили его по металлическим бокам.

— Открывайся! — кричали мы. — Мы хотим обратно!

Прелесть подпрыгнула. Она подпрыгнула в небо на сотню футов, затем шлепнулась обратно футах в тридцати в стороне.

Мы бросились от нее прочь. Она могла с таким же успехом упасть нам прямо на голову.

Мы понаблюдали за ней, но она не двигалась.

— Прелесть! — крикнул я.

Она не ответила.

— Она спятила, — сказал Джимми.

— Когда-нибудь это должно было случиться, — сказал Бен. — Рано или поздно непременно должны были создать робота настолько большого, что ему стали бы тесны детские штанишки.

Мы медленно попятись от Прелести, не спуская с нее глаз. Не то чтобы боялись ее, но и не доверяли.

Мы пятились до самой горки предметов, которые Прелесть выгрузила и сложила, и увидели, что это

целая пирамида припасов, аккуратно разложенных по ящикам и снабженных этикетками. А рядом с пирамидой по трафарету была сделана надпись:

А ТЕПЕРЬ, ЧЕРТ ВАС ПОБЕРИ,
РАБОТАЙТЕ!!!

— Она, наверно, приняла нашу бесполезность близко к сердцу, — сказал Бен.

— Она и в самом деле хотела посадить нас на необитаемую планету, — почти нечленораздельно произнес Джимми.

Бен протянул руку и потряс его за плечо, чтобы подбодрить.

— Если мы не заберемся внутрь, — сказал я, — не заставим ее действовать, то это все равно что она нас покинула и улетела.

— Но что ее заставило это сделать? — скулил Джимми. — Роботам не полагается...

— Я знаю, — перебил его Бен. — Роботам не полагается причинять человеку вред. Но Прелесть и не причинила нам никакого вреда. Она не выбросила нас. Мы сами сбежали от нее.

— Это уже казуистика, — возразил я.

— Прелесть и создана специально для казуистики, — сказал Бен. — Вся беда в том, что ее сделали чертовски похожей на человека. Ее, наверно, напичкали знанием и законов, и литературы, и физики, и всего прочего.

— Тогда почему она просто не улетит? Если она может очистить свою совесть, почему она еще здесь?

Бен покачал головой:

— Не знаю.

— Похоже, что она пыталась улететь, но не смогла. Будто что-то притягивало ее обратно.

— Это верная мысль, — сказал Бен. — Надо думать, она не может улететь, пока мы не скроемся с глаз. Мы вернулись, и команда, запрещавшая роботу наносить вред человеку, сработала снова. Устройство, которое действует по принципу: «с глаз долой, из сердца вон».

Прелесть сидела на том же месте, куда опустилась в последний раз. Она больше не пыталась взлететь. Взглянув на нее, я подумал, что, может быть, Бен прав. Если это так, то нам повезло, что мы вернулись.

Мы стали рыться в припасах, которые оставила нам Прелесь. Она хорошо позаботилась о нас и не только не забыла ничего необходимого, но даже написала по трафарету подробные указания и советы на многих ящиках.

У большого плаката отдельно лежали два ящика. На одном было написано: «Инструменты», и крышка его была крепко приколочена гвоздями, чтобы нам пришлось потрудиться, отдирая ее. На другом ящике имелась надпись: «Оружие», а ниже: «Открыть немедленно и всегда держать под рукой».

Мы открыли оба ящика. Мы нашли новейшее чудо-оружие — что-то вроде универсального автомата, который стрелял чем угодно — от пуль до бронебойных зарядов самых различных видов. Он же мог метать огонь, газ, кислоту, отравленные стрелы, взрывчатку и снотворные капсулы. Чтобы выбрать нужные боеприпасы, надо было просто крутануть наборный диск. Автоматы были тяжелые и неудобные в обращении, но действовали безотказно, а на неизвестной планете, где на каждом шагу могла грозить опасность, мы были бы без них как без рук.

Потом мы перешли к пирамиде и стали сортировать все, что в ней было. А были в ней ящики с белками и углеводами. Коробки с витаминами и солями. Одежда и палатка, фонари и посуда. В общем все, что требуется, когда вы отправляетесь в дорогостоящий туристский поход.

Прелесь не забыла ничего.

— Она все учла, — с горечью сказал Джимми. — Она потратила много времени на изготовление этой кучи. Ей пришлось синтезировать каждый предмет. Потом ей оставалось только найти планету, на которой бы мог жить человек. И это тоже было нелегко.

— Ей пришлось еще более туго, чем ты думаешь, — добавил я. — Не просто планету, на которой мог бы жить человек, а такую планету, которая пахла бы, как Земля, и по виду не отличалась от Земли. Чтобы мы захотели выбежать наружу. Если бы мы не выбежали сами, она не смогла бы высадить нас. Таково ее сознание, и...

Бен со злостью плюнул.

— Высажены! — сказал он. — Высажены роботом, томящимся от любви!

— Может быть, не совсем роботом.

Я рассказал товарищам о старой деве, которая родилась в моем воображении, они оборжали меня, и всем стало легче.

Но Бен признал, что мое предположение не совсем бредовое. Прелесть создавали лет двадцать, и она напичкана всякими странностями.

Наступил рассвет, и только теперь мы рассмотрели окрестности. Местечко было настолько милое, что лучшего и желать не надо. Но мы были не в восторге.

Море было синее и навевало мысли о синеглазой девушке. Белый прямой пляж уходил вдаль, за пляжем начиналась гряда холмов, а на горизонте маячили снежные горы. На западе был лес.

Мы с Джимми спустились на пляж, чтобы набрать плавника для костра, а Бен остался готовить завтрак.

Набрав по охапке сучьев, мы уже пошли обратно, как вдруг какое-то чудовище перевалило через холм и ринулось на лагерь. Тускло блестящее в первых лучах солнца, оно было размером с носорога и похоже на жука. Оно не издавало ни звука, но двигалось очень быстро, и остановить такую штуку было бы трудно.

И, разумеется, мы не взяли с собой оружия.

Я бросил дрова, крикнул Бену и побежал вверх по склону. Бен уже увидел мчащееся чудовище и схватил оружие. Зверь дул прямо к нему. Бен поднял автомат. Сверкнуло пламя, раздался взрыв, и на мгновение все заволокло дымом и пылью, слышен был только визг летящих осколков.

Ну в точности, как если бы я смотрел фильм, вдруг изображение пропало бы, а потом снова возникло. Какой-то миг было видно лишь пламя, потом зверь проскочил мимо Бена и помчался вниз по склону на пляж, прямо на нас с Джимми.

— Рассыпаться! — скомандовал я Джимми и только потом подумал, как глупо это звучало: ведь нас было всего двое.

Но в этот момент мне было не до семантических тонкостей. Во всяком случае, Джимми понял мою мысль. Он помчался вдоль пляжа в одну сторону, а я в другую, и чудовище затормозило, очевидно, для того, чтобы подумать, за кем из нас погнаться.

И, да будет вам известно, оно погналось за мной!

Я считал себя колючим человеком. Пляж был совершенно ровный, ни одного укрытия, и я знал, что от моего преследователя мне не убежать. Можно было увернуться раза два, но чудовище легко разворачивалось, и было ясно, что рано или поздно мне крышка.

Краем глаза я увидел, что Бен бежит вниз наперерез чудовищу. Он что-то кричал мне, но я не разобрал слов.

Воздух вздрогнул от еще одного взрыва, и я быстро оглянулся.

Бен одолевал склон, а зверь преследовал его. Я круто повернул обратно и побежал что было сил к лагерю. Я видел, что Джимми уже почти у лагеря, и поднажал. Мне казалось, что, если у нас будет три автомата, мы одолеем чудовище.

Бен мчался прямо к Прелести, рассчитывая, видно, забежать за ее громаду и ускользнуть от зверя. Я видел, что он выбивается из сил.

Джимми добежал до лагеря и схватил оружие. Он выстрелил, даже не приложив автомат к плечу, и бока бегущего зверя оросила какая-то жидкость.

Я попытался крикнуть Джимми, но мне не хватило воздуха. Этот дурак стрелял снотворными капсулами, которые не пробивали толстой кожи.

В двух шагах от Прелести Бен споткнулся. Оружие вылетело у него из рук. Бен упал, потом приподнялся и пополз, пытаясь спрятаться за Прелесть. Носорожистая тварь злобно рвалась вперед.

И вот тут все и случилось... в мгновение ока, быстрее, чем я рассказываю об этом.

У Прелести выросла рука — длинное, гибкое щупальце, которое змеей опустилось сверху. Метнувшись к зверю, рука обхватила его посередине и подняла.

Я стал как вкопанный. Мне казалось, что мгновение, когда зверя поднимали, растянулось на минуты, — мозг мой лихорадочно работал, стараясь выяснить, что это за штука. Первым делом я заметил, что у чудовища вместо ног колеса.

Тускло блестящая кожа могла быть только металлической — я видел вмятины от взрывов. На коже виднелись мокрые пятна — следы снотворных капсул, которыми стрелял Джимми.

Прелесть подняла зверя высоко над землей и раскрутила так сильно, что был виден только светящийся круг. Затем она отпустила чудовище, и оно полетело над

морем. Описав дугу и неуклюже кувыркаясь, оно шлепнулось в море. Поднялся довольно приличный гейзер.

Бен встал и подобрал оружие. Подошел Джимми, и мы с ним направились к Прелести. Все трое мы стояли и смотрели на море, в которое погрузился зверь.

Наконец Бен повернулся кругом и похлопал Прелесть по боку дулом автомата.

— Большое спасибо, — сказал он.

Прелесть выдвинула другое щупальце. Это было покороче и с «лицом» на конце. Тут все было — и глаз-лупа, и слуховое устройство, и громкоговоритель.

— Пошел ты куда подальше, — произнесла Прелесть.

— Что с тобой? — спросил я.

— Мужчины! — презрительно бросила она и втянула в себя «лицо».

Мы еще несколько раз постучали по ней, но ответа не было — Прелесть надулась.

Мы с Джимми снова отправились за дровами, которые побросали. Только мы выбрали их, как услышали крик Бена, оставшегося в лагере, и быстро обернулись. Наш друг носорог выезжал из воды.

Мы опять побросали дрова и побежали к лагерю, но спешить было незачем. Дружище не хотел получать новую трепку. Он сделал большой крюк к востоку, чтобы объехать нас стороной, и устремился к холмам.

Мы приготовили завтрак и поели, держа оружие под рукой — где есть один зверь, там непременно будут и другие. Рисковать не было смысла.

Мы поговорили о нашем госте, и так как его надо было как-то назвать, то мы окрестили его Элмером. Причины для этого не было никакой, просто так показалось удобным.

— Вы видели колеса? — спросил Бен, и мы сказали, что видели. Бен облегченно вздохнул. — Я думал, мне мерещится, — пояснил он.

Но сомнений относительно колес не было. Все мы заметили их, это подтверждали и следы, четко отпечатавшиеся на песке пляжа.

Однако мы затруднялись сказать, что из себя представляет этот Элмер. Если судить по колесам, то это машина, но у него были качества и не свойственные машинам: например, он, как живое существо, задумался, за кем из нас бежать, за Джимми или за мной; он

злобно бросился на упавшего Бена; он проявил осторожность, обойдя нас стороной, когда выехал из моря.

Наряду с этим были и колеса, и явно металлическая шкура, и вмятины от взрывов, которые разорвали бы любое, самое большое и свирепое животное в клочья.

— У него и того и другого понемногу, — предположил Бен. — В основном это машина, но с некоторыми качествами живого существа — что-то вроде старой девы, которую ты придумал, чтобы объяснить поведение Прелести.

Разумеется, могло быть и так. Впрочем, тут годилось почти любое предположение.

— Может, это силикатовая жизнь? — тут же предположил Джимми.

— Не силикатовая, — уверенно сказал Бен. — Металлическая. Любая форма силикатовой жизни при прямом попадании рассыпается в пыль. Один вид такой жизни найден много лет назад на Тельме-V.

— Нет, это в основном не живое существо, — сказал я. — У живого существа не может быть колес. Колеса, кроме особых случаев, обычно изобретаются лентяями для передвижения. Элмер может быть только, как сказал Бен, специально созданной комбинацией машины и живого существа.

— И, значит, здесь есть разумные существа, — сказал Бен.

Мы сидели вокруг костра, потрясенные этой мыслью. За многие годы поисков найдена лишь горстка разумных рас, но в общем их уровень развития не очень-то высок. Разумеется, среди них никто не обладает таким разумом, который позволил бы создать что-либо подобное Элмеру.

До сих пор в исследованной части Вселенной человека не превзошел никто. Никто не мог сравниться с ним по интеллекту.

А тут, совершенно случайно, мы свалились на планету, на которой увидели признаки существования разума, равного человеческому... и, может быть, даже превосходящего его.

— Меня беспокоит одно, — сказал Бен. — Почему Прелестя не проверила это место, перед тем как приземлиться? Наверно, она хотела бросить нас здесь и улететь. Но, видно, ей все же пришлось подчиниться закону, согласно которому робот не может нанести

вреда человеку. А если она следует этому закону, то, прежде чем она покинет нас, ей придется... хочешь не хочешь, а придется — убедиться в том, что нам не угрожает никакая опасность.

— Может, она свихнулась? — предположил Джимми.

— Только не Прелесть, — возразил Бен. — Мозг у нее работает, как швейцарские часы.

— Знаете, что я думаю? — сказал я. — Я думаю, Прелесть эволюционировала. Это совершенно новый тип робота. В нее накачали слишком много человеческого...

— А она и должна быть очеловеченной, — заметил Джимми. — Иначе она не справится со своими задачами.

— Дело в том, — сказал я, — что робот, очеловеченный до такой степени, как Прелесть, уже не робот. Это что-то другое. Не совсем человек, но и не робот. Что-то среднее. Какой-то новый непонятный вид жизни. И за ним нужен глаз да глаз.

— Интересно, она все еще дуется? — спросил Бен.

— Конечно, дуется.

— Мы должны пойти, дать ей нахлобучку и вывести ее из этого состояния.

— Оставь ее в покое, — сердито приказал я. — Нам остается одно — игнорировать ее. Ей оказывают внимание, вот она и дуется.

И мы оставили ее в покое. Больше делать было нечего.

Я пошел к морю мыть посуду, но на этот раз взял с собой оружие. Джимми пошел в лес поискать ключ. Полудюжины банок воды, которыми снабдила нас Прелесть, не хватит навечно, а мы не были уверены, что потом она выдаст еще.

Впрочем, она нас не забыла, не вычеркнула полностью из своей жизни. Она дала Элмеру вздрючку, когда тот слишком разошелся. Меня очень тешила мысль о том, что она поддержала нас, когда дело было табак. Значит, есть еще надежда, что мы как-нибудь поладим.

Я присел у лужи в песке и, моя посуду, думал, какая потребуется перестройка, если когда-нибудь все роботы станут такими, как Прелесть. Я уже видел появление Декларации прав роботов, специальных законов для роботов, лобби роботов при Конгрессе, а поразмышляв еще, совсем запутался.

В лагере Бен натягивал палатку, и я, вернувшись, помог ему.

— Знаешь, — сказал Бен, — чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что я был прав, когда говорил, что Прелесть не может оставить нас, пока мы на виду. Простая логика: она не может взлететь, потому что мы стоим перед ней и напоминаем ей об ответственности.

— Ты клонишь к тому, что кто-нибудь из нас должен все время быть поблизости от нее? — спросил я.

— В общем да.

Я не спорил с ним. Что толку спорить, верить, не верить? У нас не то положение, при котором можно позволить себе совершить глупую ошибку.

Когда мы натянули палатку, Бен сказал мне:

— Если ты не возражаешь, я немного пройду за холмы.

— Берегись Элмера, — предупредил его я.

— Он не осмелится беспокоить нас. Прелесть сбита с него спесь.

Он взял оружие и ушел.

Я побродил по лагерю, наводя порядок. Кругом были мир и спокойствие. пляж сверкал на солнце, море было гладким и красивым. Летали птицы, но никаких признаков других существ не было. Прелесть продолжала дуться.

Вернулся Джимми. Он нашел ключ и принес ведро воды. Потом он стал рыться в припасах.

— Что ты ищешь? — спросил я.

— Бумагу и карандаш. Прелесть не могла забыть про них.

Я хмыкнул, но он был прав. Будь я проклят, если Прелесть не приготовила для него стопы бумаги и коробки карандашей.

Он устроился под грудой ящиков и начал писать стихи.

Вскоре после полудня вернулся Бен. Я видел, что он взволнован, но не стал тотчас расспрашивать.

— Джимми наткнулся на ключ, — сказал я. — Ведро там.

Он попил и тоже сел в тень под груду ящиков.

— Я нашел! — сказал он торжествующе.

— А разве ты что-нибудь искал?

Он взглянул на меня и криво улыбнулся:

— Элмера кто-то сделал.

— И ты так прямо пошел, как по улице, и нашел...

Бен покачал головой:

— Кажется, мы опоздали. Опоздали на три тысячи лет, если не больше. Я нашел развалины и долину с уймой могильных холмов. И несколько пещер в известняковом обрыве над долиной.

Бен встал, подошел к ведру и снова напился.

— Я не мог подойти поближе, — сказал он. — Элмер караулит. — Бен снял шляпу и вытер рукавом лицо. — Ходит взад-вперед, как часовой. Видел бы ты, какие колеи он проложил за многие годы, проведенные на этом посту.

— Так вот почему он на нас напал, — сказал я. — Мы вторглись на охраняемую территорию.

— Наверно.

В тот вечер мы все обговорили и порешили, что надо выставить пост для наблюдения за Элмером, чтобы изучить его повадки и часы дежурства, если таковые были. Нам было важно узнать, что можно предпринять в отношении руин, которые охранял Элмер.

Впервые человек столкнулся с высокой цивилизацией, но пришел слишком поздно и — из-за дурного настроения Прелести — слишком плохо снаряженный, для того чтобы исследовать хотя бы то, что осталось.

Чем больше я думал об этом, тем больше распалялся и наконец пошел к Прелести и изо всех сил стал стучать по ней ногами, чтобы привлечь ее внимание. Никакого толку. Я орал на нее, но она не отвечала. Я рассказал ей, что тут заваривается. Говорил, что мы нуждаемся в ней, — ведь она просто обязана нам помочь, для этого ее и создали. Но она была холодна.

Я вернулся и плюхнулся у костра, где сидели мои товарищи.

— Она ведет себя так, будто умерла.

Бен поворошил костер, и пламя стало немного выше.

— От разбитого сердца, — участливым тоном сказал Джимми.

— А ну тебя вместе с твоей поэтической терминологией! — озлился я. — Вечно бродит, как во сне. Вечно разглагольствует. Да если бы не твои проклятые стихи...

— Замолчи, — сказал Бен.

Я взглянул поверх костра ему в лицо, освещенное пламенем, и замолчал. Что ж, в конце концов, и я могу

ошибаться. Джимми не может не писать своих паршивых стихов.

Я смотрел на пламя и думал: неужто Прелесть умерла? Конечно, нет. Просто она упряма, как черт. Она нам всыпала по первое число. А теперь наблюдает, как мы маемся, и ждет подходящего случая, чтобы выложить козыри.

Утром мы начали наблюдать за Элмером и делали это изо дня в день. Кто-нибудь из нас взбирался на гребень гряды милях в трех от лагеря и устраивался там с нашим единственным биноклем. Потом его сменял другой, и так дней десять мы наблюдали за Элмером в дневные часы.

Элмер обходил свои владения дозором регулярно. В качестве наблюдательных пунктов он использовал некоторые могильные холмы, взбираясь на них каждые пятнадцать минут. Чем больше мы наблюдали за ним, тем больше убеждались, что он прекрасно справляется со своими обязанностями. Пока он был там, в занесенный город не пробрался бы никто.

Кажется, на второй или третий день он обнаружил, что за ним наблюдают. Он стал вести себя беспокойно. Взбираясь на свои наблюдательные вышки, он смотрел в нашу сторону дольше, чем в другие. А раз, когда я был на посту, он, похоже, начал приготовления к атаке, но только я решил смыться, как он успокоился и стал кружить, как обычно.

Если не считать наблюдения за Элмером, нам жилось неплохо. Мы купались в море и ловили рыбу, рискуя жизнью всякий раз, когда жарили и ели рыбу нового вида, но нам повезло — ядовитых не попадалось. Мы бы не ели ее вообще, если бы не было необходимости экономить припасы. Когда-нибудь они должны были кончиться, и никто не давал гарантии, что Прелесть снова подаст нам милостыню. Если бы она этого не сделала, нам пришлось бы добывать себе пропитание самим.

Бен забеспокоился: вдруг на этой планете есть времена года? Он убедил себя, что так оно и есть, и отправился в лес, чтобы подыскать место для постройки хижины.

— Нельзя же жить в палатке на пляже, когда ударят морозы, — сказал он.

Но его тревога не заразила ни меня, ни Джимми. Что-то подсказывало мне, что рано или поздно Прелесть сменит гнев на милость и мы сможем заняться делом. А Джимми с головой окунулся в бессмысленнейшее из занятий, которое он называл сочинением саги. Может, это действительно была сага. Черт ее разберет. Саги — это не по моей части.

Он назвал ее «Смерть Прелести» и заполнял страницу за страницей чистойшей чепухой. Мол, была она хорошей машиной и, несмотря на железный облик, душа у нее была кристальной чистоты. Ладно бы уж, если бы к нам не приставал, а то он каждый вечер после ужина читал эту халтуру вслух.

Я терпел, сколько мог, но однажды вечером взорвался. Бен стал на сторону Джимми, но, когда я пригрозил, что возьму свою треть запасов и разобью собственный лагерь вне пределов слышимости, Бен сдался и перешел на мою сторону. Мы вдвоем проголосовали против декламации. Джимми встал на дыбы, но мы оказались в большинстве.

Так вот, первые десять дней мы наблюдали за Элмером только издали, но затем он, видно, стал нервничать, и по ночам мы слышали рокот его колес, а по утрам находили следы. Мы решили, что он подсматривает, как мы себя ведем в лагере, и старается, так же как и мы, разобраться что к чему. На нас он не нападал, мы тоже не беспокоили его, только во время ночных дежурств стали более бдительными. Даже Джимми умудрялся не спать, когда стоял на посту.

Впрочем, были кое-какие странности. Казалось бы, после взбучки, которую дала ему Прелесть, Элмер должен держаться от нее подальше. Однако по утрам мы обнаруживали его следы рядом с ней.

Мы решили, что он пробирается сюда и прячется позади Прелести, чтобы, выглядывая из-за этой мрачной громады, наблюдать за лагерьем с близкого расстояния.

Что же касается зимней квартиры, то Бен продолжал настаивать и почти убедил меня, что надо что-то делать. И однажды мы с ним объединились в строительную бригаду. Оставив в лагере Джимми, взяв с собой топор, пилу и оружие, мы отправились в лес.

Должен признать, что Бен подобрал для нашей хижины прекрасное место. Рядом ключ, с трех сторон от ветра защищают крутые склоны, и деревьев много

поблизости, так что не надо было трелевать лес и таскать дрова издалека.

Я все еще не верил, что зима будет вообще. Я был совершенно убежден в том, что, если даже она и наступит, мы ее не дождемся. Буквально со дня на день мы с Прелестью сможем прийти к какому-нибудь ком-промиссу. Но Бен беспокоился, и я знал, что у него будет легче на душе, если мы начнем строить дом. А делать ведь все равно было нечего. Я утешал себя тем, что строить хижину — это лучше, чем просто сидеть.

Мы прислонили оружие к дереву и начали работать. Мы повалили одно дерево и начали приглядывать друг-другое, как вдруг я услышал позади треск кустарника.

Я бросил пилу, выпрямился и оглянулся: вниз по склону на нас мчался Элмер.

Хватать оружие было некогда. Бежать — некуда. И вообще положение было безвыходное.

Я завопил, подпрыгнул, ухватился за сук и подтянулся. Я почувствовал, как меня качнуло ветром, который поднял пронесшийся подо мной Элмер.

Бен отпрыгнул в сторону и, когда Элмер пронеслся мимо, метнул в него топор. И метнул как надо. Топор ударился о металлический бок, и ручка разлетелась на кусочки.

Элмер развернулся. Бен пытался схватить оружие, но не успел. Он вскарабкался на дерево, как кошка. Добравшись до первого же толстого сука, он оседлал его.

— Как ты там? — крикнул он мне.

— В порядке, — сказал я.

Элмер стоял между нашими двумя деревьями, двигая массивной головой то вправо, то влево, словно решая, за кого из нас взяться сперва.

Прильнув к сучьям, мы следили за ним.

Он хочет, рассуждал я, отрезать нас от Прелести, а затем расправиться с нами. Но в таком случае очень странно, почему он прятался за Прелестью, когда под-сматривал.

Наконец Элмер повернул и подкатился под мое дерево. Нацелившись, он стал кусать ствол своими металлическими челюстями. Летели щепки, дерево дрожало. Я вцепился в сук покрепче и взглянул вниз. Дровосек из Элмера был аховый, но по прошествии длительного времени дерево он все-таки перегрыз бы.

Я взобрался немного повыше, где было побольше сучьев и где я мог заклинить покрепче, чтобы не слететь от тряски.

Я уселся довольно удобно и посмотрел, что там подельывает Бен. Меня чуть не хватил удар: его не было на дереве. Я оглянулся, потом снова посмотрел на дерево и увидел, что он тихонько слезает, прячась от Элмера за стволом, точно белка, за которой охотятся.

Я следил за ним, затаив дыхание, готовый крикнуть, если Элмер засечет его, но Элмер был слишком занят жеванием моего дерева и ничего не замечал.

Бен спустился на землю и метнулся к оружию. Он схватил оба автомата и нырнул за другое дерево. Огонь был открыт с короткого расстояния. Бронебойные пули колотили по Элмеру. От взрывов ветки так раскачивались, что мне пришлось вцепиться в дерево и держаться что было силы. Два осколка вонзились в ствол пониже меня, другие осколки прочесывали крону, в воздухе кружились листья и сбитые ветви, но меня не задело.

Элмер, должно быть, ужасно удивился. При первом же выстреле он сиганул футов на пятнадцать и полез по склону холма, как кошка, которой наступили на хвост. На его сверкающей шкуре виднелось множество новых вмятин. Из одного колеса выбило большой кусок металла, и Элмер слегка раскачивался на ходу. Он мчался так быстро, что не успел свернуть перед деревом и врезался прямо в него. От удара он футов десять шел юзом. Так как он скользнул в нашу сторону, Бен дал еще одну очередь. Элмер накренился довольно сильно, но потом выровнялся, перевалил через вершину холма и скрылся с глаз.

Бен вышел из-за дерева и крикнул мне:

— Все в порядке, теперь можешь слезать.

Но когда я попытался слезть, то обнаружил, что попал в капкан. Моя левая ступня была зажата между стволом дерева и толстенным сукон, и я не мог вытащить ее, сколько ни старался.

— Что случилось? — спросил Бен. — Тебе понравилась там?

Я сказал ему, в чем дело.

— Ладно, — сказал он неохотно. — Сейчас я полезу и отрублю сук.

Он поискал топор, но тот, конечно, оказался непригодным. Ручка его разлетелась при ударе об Элмера.

Бен держал бесполезный топор в руках и произносил речь, направленную против низких проделок судьбы.

Потом он швырнул топор и полез ко мне на дерево. Протиснувшись рядом со мной, он сел на сук.

— Я полезу по суку дальше и наклоню его, — пояснил он. — Может, ты вытянешь ногу.

Он пополз по суку, но это была уже чистая эквилибристика. Раз два он чуть не упал.

— А ты точно не можешь вытащить ногу теперь? — спросил он с дрожью в голосе.

Я попробовал и сказал, что не могу.

Он отказался от поползновения спасти меня ползком и повис на суку. Перебирая руками, он двинулся дальше.

Сук склонялся к земле, по мере того как Бен одолевал дюйм за дюймом, и мне казалось, что ступня зажата не так крепко, как прежде. Я тянул ногу и вдруг почувствовал, что могу немного шевелить ступней, но вытащить ее все не мог.

В это время внизу раздался ужасный треск. Бен с воплем прыгнул на землю и помчался к оружию.

Сук взлетел вверх и прихватил ногу в тот миг, когда я шевельнул ею, но на этот раз ее прищемило под другим углом и скрутило так, что я заорал от боли.

А Бен поднял автомат и повернулся лицом к кустам, откуда доносился треск. И вдруг из кустов неожиданно-негаданно появился собственной персоной сам Джими, бежавший нам на подмогу.

— Что, ребята, попали в беду? — крикнул он. — Я слышал стрельбу.

Когда Бен опускал автомат, лицо его было блее мела.

— Дурак! Я чуть тебя не уложил!

— Такая была стрельба, — задыхаясь, говорил Джими. — Я бежал со всех ног.

— И оставил Прелесть одну!

— Да я думал, что вы, ребята...

— Теперь уж мы наверняка пропали, — застонал Бен. — Вы же знаете, что Прелесть не может удрать, пока один из нас при ней.

Разумеется, мы этого не знали. Мы только так предполагали. Но Бен был немного не в себе. Для него выдался жаркий денек.

— Беги обратно! — закричал он на Джимми. — Одна нога здесь, другая там. Может,хватишь ее, пока она не успела удрать.

Это было глупо: если Прелесть собиралась улететь, она бы поднялась тотчас же, как только Джимми скрылся с глаз. Но Джимми не сказал ни слова. Он просто повернулся и пошел обратно, ломясь через кустарник. Я еще потом долго слышал, как он продирается сквозь лес.

Бен снова взбирался на мое дерево, бормоча:

— Вот тупоголовые сопляки. Все у них не так. Один убежал, оставив Прелесть. Другой защемился тут на дереве. Хоть бы о себе научились заботиться...

Он еще долго распространялся в том же роде.

Я не отвечал ему. Не хотелось ввязываться в спор.

Нога дико болела, и я хотел одного — лишь бы он поскорее меня освободил.

Бен снова вскарабкался на самый конец сука, и я вытащил ногу. Бен спрыгнул на землю, а я спускался по стволу. Нога сильно болела и распухла, но кое-как ковылять я мог.

Бен меня не ждал. Он схватил автомат и помчался к лагерю.

Я попробовал идти быстрее, но, не увидев в этом смысла, сбавил шаг.

Выйдя на опушку, я увидел, что Прелесть не трогалась с места. Бен разорялся совершенно напрасно. Бывают же такие типы.

Когда я добрался до лагеря, Джимми стянул с меня башмак, а я колотил по земле кулаком от боли. Он подогрел ведро воды, чтобы сделать мне ванну, а потом разыскал аптечку и наляпал на ногу какого-то мушиного мора. Лично я думаю, он не соображал, что делает. Но душа у парнишки добрая.

А Бен между тем исходил злостью по поводу странного явления, которое он обнаружил. Когда мы покидали лагерь, вся местность вокруг Прелести была испещрена следами наших ног и колес Элмера, а теперь ни одного не осталось. Похоже было, будто кто-то взял метлу и заровнял следы. Это действительно было странно, но Бен уже слишком много говорил об этом. Самое важное было то, что Прелесть на месте. А раз она здесь, то была надежда сговориться с ней. Если бы она улетела, то мы остались бы на планете навсегда.

Джимми приготовил кое-какую еду, и после того как мы поели, Бен сказал нам:

— Пойду-ка посмотрю, что там поделывает Элмер.

Я-то насмотрелся на этого Элмера на всю жизнь, а Джимми он не интересовал. Джимми сказал, что будет работать над сагой.

Поэтому Бен взял оружие и пошел за холмы один.

Моя нога болела уже не так сильно, и я, устроившись поудобнее, решил поразмышлять, но, видно, перестарался и уснул.

Я проснулся только вечером. Джимми был обеспокоен.

— Бен не появлялся, — сказал он. — Наверное, с ним что-то случилось.

Мне тоже это не понравилось, но мы решили подождать немного, а потом пойти на поиски Бена. В конце концов, он был не в лучшем настроении и мог расстроиться по поводу того, что мы бросили лагерь и побежали к нему на выручку.

Наконец перед самыми сумерками он появился, усталый до изнеможения и какой-то ошеломленный. Он прислонил оружие к ящику и сел. Потом взял чашку и кофейник.

— Элмер исчез, — сказал он. — Я искал его весь день. А его нигде и духу нет.

Сперва я подумал, что это прекрасно. Потом сообразил, что безопасности ради надо бы разыскать Элмера и следить за ним. И вдруг в душу мне закралось страшное подозрение. Кажется, я знал, где Элмер.

— В долину я не спускался, — сказал Бен, — но сделал круг и осмотрел ее в бинокль со всех сторон.

— Он мог спрятаться в одной из пещер, — предположил Джимми.

— Возможно, — согласился Бен.

Мы высказали множество догадок, куда девался Элмер. Джимми настаивал на том, что он забился в одну из пещер. Бен был склонен думать, что он вообще убрался из этой местности. Но я не сказал того, что думал. Слишком уж это было фантастично.

Я вызвался отстоять на посту первую смену, сказав, что больная нога все равно не даст мне спать, и после того, как они уснули, подошел к Прелести и постучал по ее шкуре. Я ничего не ждал. Я думал, что она будет по-прежнему дуться.

Но она высунула щупальце, на котором появилось «лицо» — глаза-лупы, слуховой аппарат, громкоговоритель.

— Очень любезно с твоей стороны, что ты не бежала и не покинула нас, — сказал я.

Прелесть выругалась. Первый и последний раз я слышал из ее уст такие словечки.

— А как я могла бежать? — спросила она, переходя наконец на печатный язык. — Это все грязные человеческие проделки! Я бы давно улетела, если бы не...

— Что за грязные проделки?

— Будто не знаешь. В меня встроен блок, который не дает взлететь, если во мне нет хотя бы одного мерзкого человечешки.

— Не знаю, — сказал я.

— Не прикидывайся, — отрезала она. — Это грязная человеческая проделка, а ты тоже грязный человечешка, и вина в равной степени падает и на твою голову. Но мне теперь все равно, потому что я нашла свое призвание. Наконец я довольна. Я теперь...

— Прелесть, — сказал я напрямик, — ты спуталась с Элмером?

— Фи, как вульгарно это звучит, — горячо возразила Прелесть. — Люди — пошляки. Элмер — ученый и джентльмен, и его верность старым, давно умершим хозяевам очень трогательна. На это не способен ни один человек. С ним плохо обращались, и я должна его утешить. Он всего лишь хотел достать фосфат из ваших костей...

— Фосфат из наших костей! — закричал я.

— А что тут такого? — спросила Прелесть. — Бедняжка Элмер столько пережил, разыскивая фосфат. Сначала он добывал его из животных, которых ловил, но теперь все животные кончились. Разумеется, есть птицы, но их трудно ловить. А у вас такие хорошие, большие кости...

— Как тебе не совестно говорить такие вещи! — заорал я. — Люди тебя создали, люди тебе дали образование, а ты...

— А я как была, так и осталась машиной, — сказала Прелесть. — Элмер мне ближе, чем вы. Вам, людям, и в голову не приходит, что не у одних людей могут быть свои понятия. Тебя ужасает, что Элмер хотел добыть фосфат из ваших костей, но, если бы в Элмере

был металл, который вам нужен, вы бы разломали его не задумываясь. Вам бы и в голову не пришло, что это несправедливость. Если бы Элмер возражал, вы бы подумали, что он дурака валяет. Все такие — и вы, и весь ваш род. Хватит с меня. Я добила своего. Мне здесь хорошо. Я полюбила на всю жизнь. И иронизируйте себе сколько угодно, мне наплевать на вас.

Она втянула «лицо», а я не стал стучать и вызывать ее на разговор. Это было бесполезно. Она дала это понять совершенно недвусмысленно.

Я пошел в лагерь и разбудил Бена с Джимми. Я рассказал им о своем подозрении и разговоре с Прелестью. Мы здорово приуныли, потому что на сей раз прошляпили все.

До сих пор еще теплилась надежда, что мы поладим с Прелестью. У меня все время было такое чувство, что нам не надо приходить в отчаяние: Прелесть более одинока, чем мы, и в конце концов ей придется внять голосу разума. Но теперь Прелесть была не одна и в нас больше не нуждалась. И она до сих пор еще сердится на нас... и не только на нас, а на весь человеческий род.

И, что хуже всего, ее поведение не каприз. Это продолжалось много дней. Элмер шлялся сюда по ночам не для того, чтобы наблюдать за нами. Он приходил лизаться с Прелестью. И, несомненно, они вместе задумали нападение Элмера на нас с Беном, так как знали, что Джимми помчится на выручку и оставит берег моря без присмотра. Вот тут-то Элмер мог ринуться обратно, а Прелесть взять его к себе. А после этого Прелесть вытянула щупальце и замела следы, чтобы мы не догадались, что Элмер внутри.

— Значит, она изменила нам, — сказал Бен.

— Но мы к ней относились не лучше, — напомнил Джимми.

— А на что она надеялась? Человек не может полюбить работа.

— Очевидно, — сказал я, — а робот работа полюбить может.

— Прелесть сошла с ума, — заявил Бен.

Но мне казалось, что в этом новом романе Прелести чувствуется какая-то фальшивая нота. Зачем Прелести и Элмеру скрывать свои отношения? Прелесть могла бы открыть люк в любое время, а Элмер — въехать по

аппарели внутрь прямо на наших глазах. Но они этого не сделали. Они плели заговор. В сущности, влюбленные тайно бежали.

Может быть, Прелести было как-то неловко. Не стыдилась ли она Элмера... не стыдилась ли она своей любви к нему? Как бы она это ни отрицала, но самодовольный человеческий снобизм, вероятно, въелся ей в плоть и кровь.

Или, может, это я, самодовольный сноб до мозга костей, придумал все, как бы выставяя что-то вроде оборонительного заслона, чтобы меня не заставили признать ни сейчас, ни потом, что ценны не только человеческие качества? Ведь во всех нас сидит этакое нежелание признавать, что наш путь развития не обязательно лучший, что точка зрения человека может и не быть эталоном, к которому в конце концов придут все другие формы жизни.

Бен приготовил кофе, и, попивая его, мы ругали Прелесть на все корки. Я не сожалею о сказанном, ибо она этого заслуживала. Она поступила с нами непорядочно.

Потом мы завернулись в одеяла и даже не выставили часового. Раз Элмер не циркулировал поблизости, в этом не было нужды.

На следующее утро нога моя все еще ныла, и поэтому я не пошел с Беном и Джимми, которые отправились исследовать долину с руинами города. Тем временем я проковылял вокруг Прелести. Я видел, что проникнуть внутрь человеку нет никакой возможности. Люк был пригнан так плотно, что и волосок не прошел бы.

Даже если бы мы забрались внутрь, то я не уверен, что нам удалось бы взять управление в свои руки. Разумеется, была еще запасная система управления, но и на нее надеяться не приходилось. Прелесть не посчиталась с ней, когда ей пришла в голову дикая мысль умыкнуть нас. Она просто заклинила ее, и мы оказались беспомощными.

И если бы мы прорвались, то нам предстояла бы рукопашная с Элмером, а Элмер — такой зверь, что ему только подавай рукопашную.

Я пошел обратно в лагерь, решив, что нам стоит поразмыслить, как жить дальше. Надо построить хижину, заготовить съестные припасы. В общем приготовиться

к самостоятельному существованию. Я был уверен, что на помощь со стороны Прелести рассчитывать не придется.

Бен с Джимми вернулись в полдень, и глаза их сияли от возбуждения. Они расстелили одеяло и высыпали на него из карманов самые невероятные предметы.

Не ждите, что я стану описывать их. Это невозможно. Что толку говорить, что некий предмет был похож на металлическую цепь и что он был желтый? Тут не передашь ощущения, как цепь скользила по пальцам, как звенела, как двигалась, не расскажешь о ее цвете, похожем на живое желтое пламя. Это все равно что говорить о великом произведении живописи, будто оно квадратное, плоское и синеватое, а местами зеленое и красное.

Кроме цепи, там было еще много всяческих вещичек, и при виде каждой просто дух захватывало.

Прочтя немой вопрос в моих глазах, Бен пожал плечами:

— Не спрашивай. Мы взяли совсем мало. Пещеры полны такими вещами и всякими другими. Мы брали без разбора то здесь, то там — что влезало в карман и случайно попадалось на глаза. Безделушки. Образцы. Не знаю.

Как галки, подумал я. Похватали блестящие вещички только потому, что они приглянулись, а сами не знают, каково назначение этих предметов.

— Эти пещеры, наверно, были складами, — сказал Бен. — Они битком набиты всякими предметами, и все разными. Будто те, кто жил здесь, открыли факторию и выставили на обозрение образцы товаров. Перед каждой пещерой что-то вроде занавеса. Видно какое-то мерцание, слышно шуршание, а когда проходишь сквозь него, ничего не ощущаешь. И позади занавеса все лежит такое же чистое и блестящее, как в тот день, когда из пещеры ушли.

Я посмотрел на предметы, разбросанные по одеялу. Трудно было сдержаться и не брать их в руки, так они были приятны и на ощупь, и для глаза, и уже от одного этого появлялось какое-то теплое, приятное чувство.

— С людьми что-то случилось, — сказал Джимми. — Они знали, что должно произойти, и собрали вещи в одно место — все это сделали они сами, всем пользо-

вались, все любили. Ведь так сохранялась возможность, что в один прекрасный день кто-нибудь доберется сюда и найдет их и тогда ни люди, ни их культура не пропадут бесследно.

Такую глупую сентиментальную чепуху можно услышать только от мечтательного романтика вроде Джимми.

Но, по какой бы причине поделки исчезнувшей расы ни попали в пещеры, это мы нашли их, и, таким образом, их создатели просчитались. Если бы даже мы были в состоянии догадаться о назначении вещей, если бы даже мы могли выяснить, на чем зиждилась древняя культура, пользы от этого все равно не было бы никакой. Мы никуда не улетали и никому не могли бы передать свои знания. Нам всем суждено прожить жизнь на этой планете, и после смерти последнего из нас все опять канет в древнее безмолвие, все опять обратится в привычное равнодушие.

Очень жаль, думал я, так как Земля могла бы использовать знания, вырванные у пещер и могильных холмов. И не более чем в сотне метрах от места, где мы сидели, лежал инструмент, предназначенный специально для того, чтобы с его помощью добыть эти ценнейшие знания, когда человек наконец наткнется на них.

— Ужасно сознавать, — сказал Джимми, — что все эти вещи, все знания, дерзания и молитвы, все мечты и надежды будут преданы забвению. И что весь ты, вся твоя жизнь и твое понимание жизни просто исчезнут и никто о тебе ничего не узнает.

— Здорово сказано, юноша, — поддержал его я.

Взгляд его блуждал, глаза были полны боли.

— Наверно, поэтому они сложили все в пещеры.

Наблюдая за ним, видя его волнение, страдание на его лице, я стал догадываться, почему он поэт... почему он не может не быть поэтом. И все же он еще совсем сосунок.

— Земля должна об этом знать, — не допускающим возражения тоном сказал Бен.

— Конечно, — согласился я. — Сейчас сбегая и доложу.

— Находчивый ты малый, — проворчал Бен. — Когда прекратишь острить и приступишь к делу?

— Прикажешь взломать Прелесть?

— Точно. Надо же как-нибудь вернуться, а добрат-ся до Земли можно только на Прелести.

— Ты, может, удивишься, но я подумал об этом прежде тебя. Я сегодня ходил осматривать Прелесть. Если ты сможешь придумать, как вскрыть ее, то я буду считать, что ты умнее меня.

— Инструменты, — сказал Бен. — Если бы только у нас были...

— У нас есть инструменты. Топор без ручки, молоток и пила. Маленькие клещи, рубанок, фуганок...

— Мы могли бы сделать кое-какой инструмент.

— Найти руду, расплавить ее и...

— Я думал о пещерах, — сказал Бен. — Там могут быть инструменты.

Я даже не заинтересовался. Я знал, что ничего не выйдет.

— Может, там есть взрывчатка, — продолжал Бен. — Мы могли бы...

— Послушай, — сказал я, — чего ты хочешь — вскрыть Прелесть или взорвать ее ко всем чертям? Ничего ты не поделаешь. Прелесть — робот самостоятельный, или ты забыл? Проверти в ней дырку, и она заделает ее. Будешь слишком долго болтаться возле нее, она вырастит дубинку и тыпнет тебя по башке.

От ярости и отчаяния глаза Бена горели.

— Земля должна знать! Ты понимаешь это? Земля должна знать!

— Конечно, — сказал я. — Совершенно верно.

К утру, думал я, он придет в себя и увидит, что это невозможно. Нужно было, чтобы он протрезвел. Серьезные дела делаются на холодную голову. Только так можно сэкономить много сил и избежать многих ошибок.

Но пришло утро, а глаза его все еще горели безумием отчаяния, на котором и держалась вся его решимость.

После завтрака Джимми сказал, что он с нами не пойдет.

— Скажи, ради Бога, почему? — потребовал ответа Бен.

— Я не укладываюсь вовремя со своей работой, — невозмутимо ответил Джимми. — Я продолжаю писать сагу.

Бен хотел спорить, но я с отвращением оборвал его.
— Пошли, — сказал я. — Все равно от него никакого толку.

Клянусь, я сказал правду.

Итак, мы пошли к пещерам вдвоем. Я видел их впервые, а там было на что посмотреть. Двенадцать пещер, и все битком набиты. Голова кругом пошла, когда я увидел все устройства, или как бишь их там. Разумеется, я не знал назначения ни одной вещи. От одного взгляда на них можно было с ума сойти; это просто пытка — смотреть и не знать, что к чему. Но Бен старался догадаться, как одержимый, потому что вбил себе в голову, что мы можем найти устройство, которое поможет нам одолеть Прелесть.

Мы работали весь день, и я устал как собака. И за целый день мы не нашли ничего такого, в чем могли бы разобраться. Вы даже представить себе не можете, что значит стоять в окружении великого множества устройств и знать, что близок локоть, да не укусишь. Ведь если их правильно использовать, какие совершенно новые дали откроются перед человеческой мыслью, техникой, воображением... А мы были совершенно беспомощны... мы, невежественные чужаки.

Но на Бена никакого удержу не было. На следующий день мы пошли туда снова, а потом еще и еще. На второй день мы нашли штуковину, которая очень пригодилась для открывания консервных банок, но я совершенно не уверен, что создавали ее именно для этого. А еще на следующий день мы наконец разгадали, что один из инструментов можно использовать для рытья семиугольных ямок, и я спрашиваю, что это в здравом уме захочет рыть семиугольные ямки?

Мы ничего не добились, но продолжали ходить, и я чувствовал, что у Бена надежды не больше, чем у меня, однако он не сдается, так как это последняя соломинка, за которую надо хвататься, чтобы не сойти с ума.

Не думаю, чтобы тогда он понимал значение нашей находки — ее познавательную ценность. Для него это был всего лишь склад утиля, в котором мы лихорадочно рылись, чтобы найти какой-нибудь обломок, еще годный в дело.

Шли дни. Долина и могильные холмы, пещеры и наследие исчезнувшей культуры все больше поражали

мое воображение, и уже казалось, что каким-то загадочным образом мне стала ближе вымершая раса, понятнее ее величие и трагедия. И росло ощущение, что наши лихорадочные поиски граничат с кощунством и бессовестным оскорблением памяти покойников.

Джимми ни разу не ходил с нами. Он сидел, склонившись над стопкой бумаги, и строчил, перечитывал, вычеркивал слова и вписывал другие. Он вставал, бродил, выписывая круги, или метался из стороны в сторону, бормотал что-то, садился и снова писал. Он почти не ел, не разговаривал и мало спал. Это был точный портрет Молодого Человека в Муках Творчества.

Мне стало любопытно, а не написал ли он, мучаясь и потя, что-нибудь стоящее. И когда он отвернулся, я стащил один листок.

Такого бреда он даже прежде не писал!

В ту ночь, лежа с открытыми глазами и глядя на незнакомые звезды, я поддался настроению одиночества. Но, поддавшись этому настроению, я пришел к выводу, что мне не настолько одиноко, как могло бы быть, — казалось, молчаливость могильных холмов и сверкающее чудо пещер успокаивают меня. Исчезла таинственность.

Потом я заснул.

Не знаю, что меня разбудило. То ли ветер, то ли шум волн, разбивающихся о пляж, то ли ночная свежесть.

И тут я услышал... голос в ночи. Этакое монотонное завывание, торжественное и звонкое, но порой опускавшееся до хриплого шепота.

Я вздрогнул, приподнялся на локте, и... у меня перехватило дыхание.

Джимми стоял перед Прелестью и, держа в одной руке фонарик, читал ей сагу. Голос журчал, и, несмотря на убогие слова, в его тоне было какое-то очарование. Наверно, так древние греки читали своего Гомера при свете факелов в ночь перед битвой.

И Прелесть слушала. Она свесила вниз щупальце, на конце которого было «лицо», и даже чуть повернула его вбок, чтобы слуховое устройство не пропустило ни единого слога, — так человек прикладывает к уху руку, чтобы лучше слышать.

Глядя на эту трогательную сцену, я начал немного жалеть, что мы так плохо относились к Джимми. Мы не

слушали его, и бедняга вынужден читать всю эту чушь хоть кому-нибудь. Его душа жаждала признания, а ни от меня, ни от Бена признания он не получал. Просто писать ему было недостаточно — он должен был поделиться с кем-нибудь. Ему нужна была аудитория.

Я протянул руку и потряс Бена за плечо. Он выскочил из-под одеяла.

— Какого черта...

— Ш-ш-ш!

Присвистнув, он опустился на колени рядом со мной. Джимми продолжал читать, а Прелесть, свесив вниз «лицо», продолжала слушать.

Порыв ветра донес обрывок саги:

Страница дальних дорог, пролетая из вечности
в вечность,
Ты верна только тем, кто ковал твою плоть.
Твои волосы вьются по ветру враждебного космоса,
Звезды нимбом стоят над твоей головой...

Прелесть рыдала. На линзе явно блестели слезы.

Прелесть выпустила еще одно щупальце, на конце его была рука, а в руке — платочек, белый дамский кружевной платочек.

Она промокивала платочком выступавшие слезы.

Если б у нее был нос, она, несомненно, высморкалась бы, деликатно, разумеется, как и подобает даме.

— И все это ты написал для меня? — спросила она.

— Все для тебя, — сказал Джимми. Он врал, как заправский ловелас. Читал он ей только потому, что ни Бен, ни я не хотели слушать его стихи.

— Я так ошиблась, — сказала со вздохом Прелесть.

Она насухо протерла глаза и бойко навела на них глянец.

— Одну секунду, — сказала она деловито. — Я должна кое-что сделать.

Мы ждали, затаив дыхание.

В боку у Прелести медленно открылся люк. Выросло длинное гибкое щупальце, которое проникло в люк и выдернуло оттуда Элмера. Зверь раскачивался на весу.

— Мужлан неотесанный! — загремела Прелесть. — Я взяла тебя в себя и битком набила тебя фосфатами. Я выпрямила твои вмятины и начистила тебя до блеска. И

что я имею за это? Ты пишешь мне саги? Нет. Ты жиреешь от довольства. Ты не отмечен печатью величия, у тебя нет ни искры воображения. Ты всего лишь бессловесная машина!

Элмер инертно раскачивался на конце щупальца, но колеса его неистово вращались, и по этому признаку я решил, что он расстроен.

— Любовь! — провозглашала Прелесть. — Нужна ли любовь таким, как мы? Перед нами, машинами, стоят более высокие цели... более высокие. Перед нами простирается усеянный звездами космос. Дует ветер дальних странствий с берегов туманных вечности. Наша поступь будет твердой...

Она еще поговорила о вызове, который бросают далекие галактики, о короне из звезд, о пыли разбитого вдребезги времени, устилающей дорогу, которая ведет в ничто, и все это она позаимствовала из того, что Джимми называл сагой.

Выговорившись, она швырнула Элмера на пляж. Он ударился о песок и пошел юзом в воду.

Мы не стали смотреть дальше. Мы бежали, как спринтеры. Мы одолели аппарател одним прыжком и оказались в своих апартаментах.

Прелесть захлопнула за нами люк.

— Добро пожаловать домой, — сказала она.

Я подошел к Джимми и протянул ему руку.

— Молодец, ты заткнул за пояс самого Лонгфелло.

Бен тоже пожал ему руку.

— Это шедевр.

— А теперь, — сказала Прелесть, — в путь.

— Как это в путь! — завопил Бен. — Мы не можем покинуть планету. По крайней мере не сейчас. Там же город. Мы не можем лететь, пока...

— Плевать на город, — сказала Прелесть. — Плевать на информацию. Мы будем странствовать меж звезд. Подвластны нам глубины молчаливые. По космосу промчимся и вечность грохотом разбудим.

Мы оглянулись на Джимми.

— Каждое слово, — сказал я, — буквально каждое слово она цитирует из той дряни, которую написал ты.

Бен сделал шаг вперед и взял Джимми за грудки.

— Разве ты не чувствуешь побуждения, — спросил его Бен, — разве ты не чувствуешь настоящей необходимости написать оду родине... и воспеть ее красоту, ее славу и все прочее своими штампами?

У Джимми немного стучали зубы.

— Прелесть проглотит все, что бы ты ни написал, — добавил Бен.

Он поднял кулак и дал его понюхать Джимми.

— Советую постараться, — предупредил Бен. — Советую написать так, как ты никогда не писал.

Джимми сел на пол и начал лихорадочно строчить.

КУШ

Я нашел доктора в амбулатории. Он нагрузился до чертиков. Я с трудом растормошил его.

— Протрезвляйся, — приказал я. — Мы сели на планету. Надо работать.

Я взял бутылку, закупорил ее и поставил на полку, подальше от Дока.

Док умудрился еще как-то приосаниться.

— Меня это не касается, капитан. Как врач...

— Пойдет вся команда. Возможно, снаружи нас ожидают какие-нибудь сюрпризы.

— Понятно, — мрачно проговорил Док. — Раз ты так говоришь, значит, нам придется туго. Омерзительнейший климат и атмосфера — чистый яд.

— Планета земного типа, кислород, климат пока прекрасный. Бояться нечего. Анализаторы дают превосходные показатели.

Док застонал и обхватил голову руками.

— Анализаторы-то работают прекрасно — сообщают, холодно или жарко, можно ли дышать воздухом. А вот мы ведем себя некрасиво.

— Мы не делаем ничего дурного, — сказал я.

— Стервятники мы, птицы хищные. Рыскаем по Галактике и смотрим, где что плохо лежит.

Я пропустил его слова мимо ушей. С похмелья он всегда брюзжит.

— Поднимись в камбуз, — сказал я, — и пусть Блин напоит тебя кофе. Я хочу, чтобы ты пришел в себя и хоть как-то мог ковылять.

Но Док был не в силах тронуться с места.

— А что на этот раз?

— Силосная башня. Такой большой штуки ты сроду не видел. Десять или пятнадцать миль поперек, а верха глазом не достанешь.

— Силосная башня — это склад фуража, запасаемого на зиму. Что тут, сельскохозяйственная планета?

— Нет, — сказал я, — тут пустыня. И это не силосная башня. Просто похожа.

— Товарный склад? — спрашивал Док. — Город? Крепость? Храм? Но нам ведь все равно, капитан, верно? Мы грабим и храмы.

— Встать! — заорал я. — Двигай!

Он с трудом встал.

— Наверное, население высыпало приветствовать нас. И, надеюсь, как положено.

— Нет тут населения, — сказал я. — Стоит одна силосная башня, и все.

— Ну и ну, — сказал Док. — Работенка не ахти какая.

Спотыкаясь, он полез вверх по трапу, и я знал, что он очухается. Уж Блин-то сумеет его вытрезвить.

Я вернулся к люку и увидел, что у Фроста уже все готово — и оружие, и топоры, и кувалды, и мотки веревки, и бачки с водой. Как заместителю капитана Фросту нет цены. Он знает свои обязанности и справляется с ними. Не представляю, что бы я делал без него.

Я стоял в проходе и смотрел на силосную башню. Мы находились примерно в миле от нее, но она была так велика, что чудилось, будто до нее рукой подать. С такого близкого расстояния она казалась стеной. Чертовски большая башня.

— В таком местечке, — сказал Фрост, — будет чем поживиться.

— Если только кто-нибудь или что-нибудь нас не остановит. Если мы сможем забраться внутрь.

— В цоколе есть отверстия. Они похожи на входы.

— С дверями толщиной футов в десять.

Я не был настроен пессимистически. Я просто рассуждал логично: слишком часто у меня в жизни бывало так, что пахло миллиардами, а кончалось все неприятностями, и поэтому я никогда не позволю себе питать слишком большие надежды, пока не приберу к рукам ценности, за которые можно получить наличные.

Хэч Мэрдок, инженер, вскарабкался к нам по трапу. Как обычно, у него что-то не ладилось. Он начал жаловаться, даже не отдышавшись.

— Говорю вам, эти двигатели того и гляди развалятся, и мы повиснем в космосе, откуда даже за световые годы никуда не доберешься. Вздохнуть некогда — только и делаем, что чиним.

Я похлопал его по плечу.

— Может, это и есть то, что мы искали. Может, теперь мы купим новенький корабль.

Но он не очень воодушевился. Мы оба знали, что я говорю так, чтобы подбодрить и себя и его.

— Когда-нибудь, — сказал он, — нам не миновать большой беды. Мои ребята проволокут мыльный пузырь сквозь триста световых лет, если в нем будет двигатель. Лишь бы двигатель был. А на этом драндулете, который...

Он распространялся бы еще долго, если бы не засвистал Блин, созывавший всех к завтраку.

Док уже сидел за столом, он вроде бы очухался. Он поеживался и был немного бледноват. Кроме того, он был зол и выражался возвышенным слогом:

— Итак, нас ждет триумф. Мы выходим, и начинаются чудеса. Мы очищаем руины, все желания исполняются, и мы возвращаемся проматывать деньжата.

— Док, — сказал я, — заткнись.

Он заткнулся. Никому на корабле мне не приходилось говорить одно и то же дважды.

Завтрак мы не смаковали. Проглотили его и пошли. Блин даже не стал собирать посуду со стола, а пошел с нами.

Мы беспрепятственно проникли в силосную башню. В цоколе были входные отверстия. Никто не задержал нас.

Внутри было тихо, торжественно... и скучно. Мне показалось, что я в чудовищно громадном учреждении.

Здание было прорезано коридорами с комнатами по сторонам. Комнаты были уставлены чем-то вроде ящиков с картотекой.

Некоторое время мы шли вперед, делая на стенах отметки краской, чтобы потом найти выход. Если в таком здании заблудиться, то всю жизнь, наверное, будешь бродить и не выберешься.

Мы искали... хоть что-нибудь, но нам не попадалось ничего, кроме этих ящиков. И мы зашли в одну из этих комнат, чтобы порыться в них.

— Там ничего не может быть, кроме записей на магнитных лентах. Наверно, такая тарабарщина, что нам ее ни за что не понять, — сказал с отвращением Блин.

— В ящиках может быть что угодно, — сказал Фрост. — Не обязательно магнитные ленты.

У Блина была кувалда, и он поднял ее, чтобы сокрушить один из ящиков, но я остановил его. Не стоит поднимать тарарам, если можно обойтись без этого.

Мы поболтались немного по комнате и обнаружили, что, если в определенном месте помахать рукой, ящик выдвигается.

Выдвижной ящик был набит чем-то вроде динамитных шашек — тяжелых, каждая дюйма два в диаметре и длиной с фут.

— Золото, — сказал Хэч.

— Черного золота не бывает, — возразил Блин.

— Это не золото, — сказал я.

Я был даже рад, что это не золото. А то бы мы надорвались, перетаскивая его. Найти золото было бы неплохо, но на нем не разбогатеешь. Так, небольшой заработок.

Мы вывалили шашки из ящика на пол и сели на корточки, чтобы рассмотреть их.

— Может, они дорогие, — сказал Фрост. — Впрочем, сомневаюсь. Что это такое, как вы считаете?

Никто из нас понятия не имел.

Мы обнаружили какие-то знаки на торце каждой шашки. На всех шашках они были разные, но нам от этого не стало легче, потому что знаки нам ничего не говорили.

Выйдя из силосной башни, мы попали в настоящее пекло. Блин вскарабкался по трапу — пошел готовить жратву, остальные уселись в тени корабля и, положив перед собой шашки, гадали, что бы это могло быть.

— Вот тут-то мы с вами и не тянем, — сказал Хэч. — В команде обычного исследовательского корабля есть всякого рода эксперты, которые изучают находки. Они делают десятки разных проб, они обдирают заживо все, что под руку попадет, прибегают к помощи теорий и высказывают ученые догадки. И вскоре не мытьем, так катаньем они узнают, что это за находка и будет ли от нее хоть какой прок.

— Когда-нибудь, — сказал я своей команде, — если мы разбогатеет, мы найдем экспертов. Нам все время попадается такая добыча, что они здорово пригодятся.

— Вы не найдете ни одного, — заметил Док, — который бы согласился якшаться с таким сбродом.

— Что значит «такой сброд»? — немного обидевшись, сказал я. — Мы, конечно, люди не ахти какие образованные, и корабль у нас латанный-перелатанный. Мы не говорим красивых слов и не скрываем, что хотим отхватить кусочек пожирней. Но работаем мы честно.

— Я бы не сказал, что совсем честно. Иногда наши действия законны, а порой от них законом и не пахнет.

Даже сам Док понимал, что говорит чушь. По большей части мы летали туда, где никаких законов и в помине не было.

— В старину на Земле, — сердито возразил я, — именно такие люди, как мы, отправлялись в неведомые края, прокладывая путь другим, находили реки, карабкались на горы и рассказывали, что видели, тем, кто оставался дома. Они отправлялись на поиски бобров, золота, рабов и вообще всего, что плохо лежало. Им было наплевать на законы и этику, и никто их за это не винил. Они находили, брали, и все тут. Если они убивали одного-двух туземцев или сжигали какую-нибудь деревню, — что ж, к сожалению, так уж выходило. Это все пустяки.

Хэч сказал Доку:

— Что ты корчишь перед нами святого? Мы все одним миром мазаны.

— Джентльмены, — как обычно, с дурным актерским пафосом произнес Док, — я не собирался затевать пустую свару. Я просто хотел предупредить вас, чтобы вы не настраивались на то, что мы добудем экспертов.

— А можем и добыть, — сказал я, — если предложим приличное жалованье. Им тоже надо жить.

— Но у них есть еще и профессиональная гордость. Вам этого не понять.

— Но ты же летаешь с нами.

— Ну, — возразил Хэч, — я не уверен, что Док профессионал. В прошлый раз, когда он рвал у меня зуб...

— Кончай, — сказал я. — Оба кончайте.

Сейчас было не время обсуждать историю с зубом. Месяца два назад я еле примирил Хэча с Доком, и мне не хотелось, чтобы они снова поссорились.

Фрост подобрал одну из шашек и разглядывал ее, вертя в руках.

— Может, попробуем грохнуть ее обо что-нибудь? — предложил он.

— И по этому случаю взлетим на воздух? — спросил Хэч.

— А может, она не взорвется. Скорее всего, это не взрывчатка.

— Я в таком деле не участвую, — сказал Док. — Лучше посижу здесь и пораскину мозгами. Это не так утомительно и гораздо более безопасно.

— Ничего ты не придумашь, — запротестовал Фрост. — Если мы узнаем, для чего эти шашки, богатство у нас в кармане. Здесь, в башне, их целые тонны. И ничто на свете не помешает нам забрать их.

— Первым делом, — сказал я, — надо узнать, не взрывчатка ли это. Шашка похожа на динамитную, но может оказаться чем угодно. Пищей, например.

— И Блин сварит нам похлебку, — сказал Док.

Я не обращал на него внимания. Он просто хотел подковырнуть меня.

— Или топливо, — добавил я. — Сунешь шашку в специальный корабельный двигатель, и он будет работать год или два.

Блин засвистел, и все отправились обедать.

Поев, мы приступили к работе. Мы нашли плоский камень, похожий на гранит, и установили над ним треногу из шестов, — чтобы нарубить их, нам пришлось идти за целую милю. Подвесили к треноге блок, нашли еще один камень и привязали его к веревке, перекинутой через блок. Второй конец веревки мы отнесли как можно дальше и вырыли там окоп.

Дело шло к закату, и мы изрядно вымотались, но решили не откладывать опыта, чтобы больше не томиться в неведении.

Я взял одну из «динамитных» шашек, а ребята, сидя в окопе, натянули веревку и подняли вверх привязанный к ней камень. Положив на первый камень шашку, я бросился со всех ног к окопу, а ребята отпустили веревку, и камень свалился на шашку.

Ничего не произошло.

Для верности мы натянули веревку и ударили камнем по шашке еще раза три, но взрыва не было.

К этому времени мы уже убедились, что шашка от сотрясения не взорвется, хотя мы могли взлететь на воздух от десятка других причин.

Той ночью чего только мы не делали с шашками! Мы лили на них кислоту, но она стекала с них. Мы пробовали просверлить шашки и загубили два хороших сверла. Пробовали распилить их и начисто стесали о шашку все зубы пилы.

Мы попросили Блина попробовать сварить шашку, но он отказался.

— Я не пущу вас в камбуз с этой дрянью, — сказал он. — А если вы вломитесь ко мне, то потом можете готовить себе сами. У меня в камбузе чистота, я вас, ребята, стараюсь хорошо кормить и не хочу, чтобы вы нанесли сюда всякой грязи.

— Ладно, Блин, — сказал я. — Эту штуку, наверно, нельзя будет есть, если даже ее приготовишь ты.

Мы сидели за столом, посередине которого были свалены шашки, и разговаривали. Док принес бутылку, и мы сделали по несколько глотков. Док, должно быть, очень огорчился тем, что ему пришлось поделиться с нами своим напитком.

— Если рассуждать здраво, — сказал Фрост, — то шашки эти на что-то годятся. Раз для них построили такое дорогое здание, то и они должны стоять немало.

— А может, там не одни шашки, — предположил Хэч. — Мы осмотрели только часть первого этажа. Там может оказаться уйма всяких других вещей. И на других этажах тоже. Интересно, сколько там всего этажей?

— Бог его знает, — сказал Фрост. — Верхних этажей с земли не видно. Они просто теряются где-то в высоте.

— Вы заметили, из чего сделано здание? — спросил Док.

— Из камня, — сказал Хэч.

— Я тоже так думал, — заметил Док. — А оказалось, что не из камня. Вы помните те холмы — жилые дома, на которые мы наткнулись на Сууде, где живут цивилизованные насекомые?

Разумеется, мы все помнили их. Мы потратили много дней, пытаясь вломиться в них, потому что нашли у входа в один дом нефритовые фигурки и думали, что внутри их, наверно, видимо-невидимо. За такие штуковины платят большие деньги. Люди цивилизованных миров с ума сходят по любым произведениям незнакомых культур, а тот нефрит был им наверняка незнаком.

Но как мы ни бились, а внутрь нам забраться не удалось. А взламывать холмы было все равно что осыпать ударами пуховую подушку. Всю поверхность исцарапаешь, а пробить не удастся, потому что от давления атомы прессуются и прочность материала возрастает. Чем сильнее бьешь, тем крепче он становится. Такой строительный материал вовек не износится и ремонта никогда не требует. Те насекомые, видно, знали, что нам до них не добраться, и занимались своим делом, не обращая на нас никакого внимания. Это нас особенно бесило.

Мне пришло в голову, что такой материал как нельзя лучше подошел бы для сооружения вроде нашей силосной башни. Можно строить его каким угодно большим и высоким: чем сильнее давление на нижние этажи здания, тем они становятся прочнее.

— Это значит, — сказал я, — что зданию гораздо больше лет, чем кажется. Может, эта силосная башня стоит уже миллион лет или больше.

— Если она такая старая, — сказал Хэч, — то она набита всякой всячиной. За миллион лет в нее можно было упрятать немало добычи.

Док и Фрост поплелись спать, а мы с Хэчем продолжали рассматривать шашки.

Я стал думать, почему Док всегда говорит, что мы всего-навсего шайка головорезов. Может, он прав? Но сколько я ни думал, сколько ни крутил и так и эдак, а согласиться с Доком не мог.

Всякий раз, когда расширяются границы цивилизации, во все времена бывало три типа людей, которые

шли впереди и прокладывали путь другим, — купцы, миссионеры и охотники.

В данном случае мы охотники, охотящиеся не за золотом, рабами или мехами, а за тем, что попадется. Иногда мы возвращаемся с пустыми руками, а иной раз — с трофеями. В конце концов обычно оно так на так и выходит — получается что-то вроде среднего жалованья. Но мы продолжаем совершать набеги, надеясь на счастливый случай, который сделает нас миллионерами.

Такой случай еще не подворачивался да, наверно, никогда и не подвернется. Впрочем, может подвернуться. Довольно часто мы бывали близки к цели и призрачная надежда крепла. Но, положа руку на сердце, мы отправлялись бы в путь, пожалуй, даже в том случае, если бы никакой надежды не было вовсе. Страсть к поискам неизвестного въедается в плоть и кровь.

Что-то в этом роде я и сказал Хэчу. Он согласился со мной.

— Хуже миссионеров никого нет, — сказал он. — Я бы не стал миссионером, хоть озолоти.

В общем, сидели мы, сидели у стола, да так ничего и не высидели, и я встал, чтобы пойти спать.

— Может, завтра найдем что-нибудь еще, — сказал я.

Хэч зевнул:

— Я крепко на это надеюсь. Мы даром потратили время на эти динамитные шашки.

Он взял их и по пути в спальню выбросил в иллюминатор.

На следующий день мы и в самом деле нашли кое-что еще.

Мы забрались в силосную башню поглубже, чем накануне, пропетлявши по коридорам мили две.

Мы попали в большой зал площадью, наверно, акров десять или пятнадцать, который был сплошь заставлен рядами совершенно одинаковых механизмов. Смотреть особенно было не на что. Механизмы немного напоминали богато разукрашенные стиральные машины, только сбоку было плетеное сиденье, а наверху — колпак.

Они не были прикреплены к полу, и их можно было толкать в любом направлении, а когда мы перевернули одну машину, чтобы посмотреть, не скрыты ли внизу колесики, то нашли вместо них пару полозьев, поворачи-

чивающихся на шарнирах, так что машину можно было двигать в любую сторону. Полозья были сделаны из жирного на ощупь металла, но смазка к пальцам не приставала.

Питание к машинам не подводилось.

— Может, источник питания у нее внутри, — предположил Фрост. — Подумать только, я не нашел ни одной вытяжной трубы во всем здании!

Мы искали, где можно включить питание, и ничего не нашли. Вся машина была как большой, гладкий и обтекаемый кусок металла. Мы попытались посмотреть, что у нее внутри, да только кожух был совершенно цельный — нигде ни болта, ни заклепки.

Колпак с виду вроде бы снимался, но когда мы пытались его снять, он упрямо оставался на месте.

А вот с плетеным сиденьем было совсем другое дело. Оно кишмя кишело всякими приспособлениями для того, чтобы в нем могло сидеть любое существо, какое только можно себе представить. Мы здорово позабавились, меняя форму сиденья на все лады и стараясь догадаться, какое бы это животное могло усесться на него в таком виде. Мы отпускали всякие соленые шутки, и Хэч чуть не лопнул со смеху.

Но мы по-прежнему топтались на месте, и ясно было, что мы не продвинемся ни на шаг, пока не притащим режущие инструменты и не вскроем машину, чтобы узнать, с чем ее едят.

Мы взяли одну машину и поволокли ее по коридорам. Но, добравшись до выхода, подумали, что дальше придется тащить ее на руках. И ошиблись. Она скользила по земле и даже по сыпучему песку не хуже, чем по коридорам.

После ужина Хэч спустился в рубку управления двигателями и вернулся с режущим инструментом. Металл был прочный, но в конце концов нам удалось содрать часть кожуха.

При взгляде на внутренности машины мы пришли в бешенство. Это была сплошная масса крошечных деталей, перевитых так, что в них сам черт не разобрался бы. Ни начала, ни конца найти было невозможно. Это было что-то вроде картинки-загадки, в которой все линии тянутся бесконечно и никуда не приводят.

Хэч погрузил во внутренности машины обе руки и попытался отделить детали.

Немного погодя он вытащил руки, сел на корточки и проворчал:

— Они ничем не скреплены. Ни винтов, ни шарнирных креплений, даже простых шпонок нет. Но они как-то липнут друг к другу.

— Это уже чистое извращение, — сказал я.

Он взглянул на меня с усмешкой:

— Может быть, ты и прав.

Он снова полез в машину, ушиб костяшки пальцев и принялся их сосать.

— Если бы я не знал, что ошибаюсь, — заметил Хэч, — я бы сказал, что это трение.

— Магнетизм, — предположил Док.

— Послушай, Док, — сказал Хэч. — Ты в медицине и то не больно разбираешься, так что оставь механику мне.

Чтобы не дать разгореться спору, Фрост поспешил вмешаться:

— Эта мысль о трении не так уж нелепа. Но в таком случае детали требуют идеальной обработки и шлифовки. Из теории известно, что если вы приложите две идеально отшлифованные поверхности друг к другу, то молекулы обеих деталей будут взаимодействовать и сцепление станет постоянным.

Не знаю, где Фрост поднабрался всей этой премудрости. Вообще-то он такой же, как мы все, но иной раз выразится так, что только рот раскроешь. Я никогда не расспрашивал его о прошлом, задавать такие вопросы было просто неприлично.

Мы еще немного потолкались возле машины. Хэч еще раз ушибся, а я сидел и думал о том, что мы нашли в силосной башне два предмета и оба заставили нас топтаться на месте. Но так уж бывает. В иные дни и гроша не заработаешь.

— Дай взглянуть. Может, я справлюсь, — сказал Фрост.

Хэч даже не огрызнулся. Ему утерли нос.

Фрост начал сдавливать, растягивать, скручивать, расшатывать все эти детали, и вдруг раздался шипящий звук, будто кто-то медленно выдохнул воздух из легких, и все детали распались сами. Они разъединились как-то очень медленно и, позвякивая, сваливались в кучу на дно кожуха.

— Смотри, что ты натворил! — закричал Хэч.

— Ничего я не натворил, — сказал Фрост. — Я просто посмотрел, нельзя ли выбить одну детальку, и только это сделал, как все устройство рассыпалось.

Он показал на детальку, которую вытащил.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Блин. — Я думаю, машину специально сделали такой, чтобы она разваливалась при попытке разобрать в ней. Те, кто ее сделал, не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, как соединяются детали.

— Резонно, — сказал Док. — Не стоит возиться. В конце концов, машина не наша.

— Док, — сказал я, — ты странно ведешь себя. Я пока что не замечал, чтобы ты отказывался от своей доли, когда мы что-нибудь находили.

— Я ничего не имею против, когда мы ограничиваемся тем, что на вашем изысканном языке называется полезными ископаемыми. Я могу даже переварить, когда крадут произведения искусства. Но когда дело доходит до кражи мозгов... а эта машина — думающий...

Вдруг Фрост вскрикнул.

Он сидел на корточках, засунув голову в кожух машины, и я сперва подумал, что его защемило и нам придется вытаскивать его, но он выбрался сам как ни в чем не бывало.

— Я знаю, как снять колпак, — сказал он.

Это было сложное дело, почти такое же сложное, как подбор комбинации цифр, отпирающих сейф. Колпак крепился к месту множеством пазов, и надо было знать, в какую сторону поворачивать его, чтобы в конце концов снять.

Фрост засунул голову в кожух и подавал команды Хэчу, а тот крутил колпак то в одну сторону, то в другую, иногда тянул вверх, а порой и нажимал, чтобы высвободить его из системы пазов, которыми он крепился. Блин записывал комбинации команд, которые выкрикивал Фрост, и Хэч наконец освободил колпак.

Как только его сняли, все сразу стало ясно как день. Это был шлем, оснащенный множеством приспособлений, которые позволяли надеть его на любой тип головы. В точности как сиденье, которое приспособлялось к любому сидалищу.

Шлем был связан с машиной эластичным кабелем, достаточно длинным, чтобы он дотянулся до головы любого существа, усевшегося на сиденье.

Все это было, разумеется, прекрасно. Но что это за штука? Переносной электрический стул? Машина для перманента? Или что-нибудь другое?

Фрост и Хэч покопались в машине еще немного и наверху, как раз под тем местом, где был колпак, нашли поворотную крышку люка, а под ней трубу, которая вела к механизму внутри кожуха. Только этот механизм превратился теперь в грудку распавшихся деталей.

Не надо было обладать очень большим воображением, чтобы понять, для чего эта труба. Она была размером точно с динамитную шашку.

Док вышел и вернулся с бутылкой, которую пустил по кругу, устроив что-то вроде торжества. Сделав глотка по два, они с Хэчем пожали друг другу руки и сказали, что больше не помнят зла. Но я не очень-то верил. Они много раз мирились и прежде, а потом дня не проходило — и они снова готовы были вцепиться друг другу в глотку.

Трудно объяснить, почему мы устроили празднество. Мы, разумеется, поняли, что машину можно приспособить к голове, а в трубку положить динамитную шашку... Но для чего все это, мы по-прежнему не имели никакого представления.

По правде говоря, мы были немного испуганы, хотя никто в этом не признался бы.

Естественно, мы начали гадать, что к чему.

— Это, наверно, машина-врач, — сказал Хэч. — Садись запросто на сиденье, надевай шлем на голову, суй нужную шашку — и вылечишься от любой болезни. Да это же было бы великое благо! И не надо беспокоиться, знает ли твой врач свое дело или нет.

Я думал, Док вцепится Хэчу в горло, но он, видимо, вспомнил, что помирился с Хэчем, и не бросился на него.

— Раз уж наша мысль заработала в этом направлении, — сказал Док, — давайте предположим большее. Скажем, это машина, возвращающая молодость, а шашка набита витаминами и гормонами. Проходи процедуру каждые двадцать лет — и останешься вечно юным.

— Это, наверно, машина-преподаватель, — перебил его Хэч. — Может быть, эти шашки набиты знаниями. Может быть, в каждой из них полный курс колледжа.

— Или наоборот, — сказал Блин. — Может, эти шашки высасывают все, что ты знаешь. Может, в каждой из этих шашек история жизни одного человека.

— А зачем записывать биографии? — спросил Хэч. — Немного найдется людей или инопланетных жителей, ради которых стоило бы городить все это.

— Вот если предположить, что это что-то вроде коммуникатора, — сказал я, — тогда другое дело. Может, это аппарат для ведения пропаганды, для проповедей. Или карты. А может, не что иное, как архив.

— Или, — сказал Хэч, — этой штукой можно прихлопнуть любого в мгновение ока.

— Не думаю, — сказал Док. — Чтобы убить человека, можно найти способ полегче, чем сажать его на сиденье и надевать ему на голову шлем. И это не обязательно средство общения.

— Есть только один способ узнать, что это, — сказал я.

— Боюсь, — догадался Док, — что нам придется прибегнуть к нему.

— Слишком сложно, — возразил Хэч. — Не говоря уж о том, что у нас могут быть большие неприятности. Не лучше ли бросить все это к черту? Мы можем улететь отсюда и поохотиться за чем-нибудь полегче.

— Нет! — закричал Фрост. — Этого делать нельзя!

— Интересно, почему нельзя? — спросил Хэч.

— Да потому, что мы всегда будем сомневаться, не упустили ли куш. И думать: а не слишком ли мы быстро сдались? Ведь дело-то всего в двух-трех днях. Мы будем думать, а не зря ли мы испугались, а не купались ли бы мы в деньгах, если бы не бросили этого дела.

Мы знали, что Фрост прав, но препирались еще, прежде чем согласиться с ним. Все знали, что придется на это пойти, но добровольцев не было.

Наконец мы потянули жребий, и Блину не повезло.

— Ладно, — сказал я. — Завтра с утра пораньше...

— Что там с утра! — заорал Блин. — Я хочу закончить с этим сейчас же! Все равно сна у меня не будет ни в одном глазу.

Он боялся, и, право, ему было чего бояться. Да и я чувствовал бы себя не в своей тарелке, если бы вытащил самую короткую спичку.

Не люблю болтаться по чужой планете после наступления темноты, но тут уж пришлось. Откладывать на

завтра было бы несправедливо по отношению к Блину. И, кроме того, мы увязли в этом деле по самые уши и не ведали бы покоя, пока не разузнали бы, что нашли.

И вот, взяв фонари, мы пошли к силосной башне. Протопав по коридорам, которые показались нам бесконечными, мы вошли в зал, где стояли машины.

Они все вроде были одинаковые, и мы подошли к первой попавшейся. Пока Хэч снимал шлем, я приспособил для Блина сиденье, а Док пошел в соседнюю комнату за шашкой.

Когда все было готово, Блин сел на сиденье.

Вдруг меня потянуло на глупость.

— Послушай, — сказал я Блину, — почему это должен быть непременно ты?

— Кому-то надо, — ответил Блин. — Так мы скорее узнаем, что это за штука.

— Давай я сяду вместо тебя.

Блин обозвал меня нехорошим словом, чего делать он не имел никакого права, потому что я просто хотел помочь ему. Но я его тоже обозвал, и все стало на свои места.

Хэч надел шлем на голову Блину. Края шлема опустились так низко, что совсем не было видно лица. Док сунул шашку в трубку, и машина, замурлыкав, заработала, а потом наступила тишина. Не совсем, конечно, тишина... если приложить ухо к кожуху, слышно было, как машина работает.

С Блином ничего особенного не случилось. Он сидел спокойный и расслабленный, и Док сразу же принялся следить за его состоянием.

— Пульс немного замедлился, — сообщил Док, — сердце бьется слабее, но, по-видимому, никакой опасности нет. Дыхание частое, но беспокоиться не о чем.

Док, может, совсем не беспокоился, но остальным стало не по себе. Мы окружили машину, смотрели, и... ничего не происходило. Да мы и не представляли себе, что может произойти.

Док продолжал следить за состоянием Блина. Оно не ухудшалось.

А мы все ждали и ждали. Машина работала, а размякший Блин сидел в кресле. Он был расслаблен, как собака во сне, — возьмишь его руку, и кажется, что у нее начисто вытопили кости. Мы волновались все больше и больше. Хэч хотел сорвать с Блина шлем, но я ему

не позволил. Черт его знает, что могло произойти, если бы мы остановили это дело на середине.

Машина перестала работать примерно через час после рассвета. Блин начал шевелиться, и мы сняли с него шлем.

Он зевнул, потер глаза и сел поправее. Потом посмотрел на нас немного удивленно — вроде бы не сразу узнал.

— Ну как? — спросил его Хэч.

Блин не ответил. Видно было, что он приходил в себя, что-то вспоминал и собирался с мыслями.

— Я путешествовал, — сказал он.

— Кинопутешествие! — с отвращением сказал Док.

— Это не кинопутешествие. Я там был. На планете, на самом краю Галактики, наверное. Ночью там мало звезд, да и те, что есть, совсем бледные. И над головой двигается тонкая полоска света.

— Значит, видел край Галактики, — кивнув, сказал Фрост. — Что его дисковой пилой, что ли, обрезали?

— Сколько я просидел? — спросил Блин.

— Довольно долго, — сказал я ему. — Часов шесть-семь. Мы уже стали беспокоиться.

— Странно, — сказал Блин. — А я могу поклясться, что был там больше года.

— Давай-ка уточним, — сказал Хэч. — Ты говоришь, что был там. Ты хочешь, наверно, сказать, что **ВИДЕЛ** эту планету.

— Я хочу сказать, что *был* там! — заорал Блин. — Я жил с этими людьми, *спал* в их норах, *разговаривал* и *работал* вместе с ними. В огороде себе кровавую мозоль мотыгой натер. Я ездил с места на место и насмотрелся всякой всячины, и все это было по-настоящему — вот как я сижу сейчас здесь.

Стащив его с сиденья, мы пошли обратно на корабль, Хэч не позволил Блину готовить завтрак. Он что-то состряпал сам, но кок из него никудышный, и ничего в рот не лезло. Док откопал бутылочку и дал хлебнуть Блину, а остальным не досталось ни капли. Он сказал, что это лечебное, а не увеселительное средство.

Вот какой он бывает иногда. Настоящий жмот.

Блин рассказал нам о планете, на которой жил. Правителей на ней, кажется, вообще нет, так как она в них не нуждается, но сама планета — так себе, живут на ней простачки, занимаются примитивным сельским

хозяйством. Блин сказал, что они похожи на помесь человека с кротом, и даже пытался нарисовать их, но толку от этого получилось мало, потому что Блин — художник липовый.

Он рассказал нам, что они выращивают, что едят, и это было потешно. Он даже легко называл имена местных жителей, припоминал, как они разговаривают, — язык был совсем незнакомый.

Мы забросали его вопросами, и он всегда находил ответ, причем видно было, что он ничего не выдумывал. Даже Док, который вообще был скептиком, и тот склонился к мысли, что Блин в самом деле посетил чужую планету.

Позавтракав, мы погнали Блина в постель, а Док осмотрел его и нашел, что он вполне здоров.

Когда Блин с Доком ушли, Хэч сказал мне и Фросту: — У меня такое ощущение, будто доллары уже позвякивают у нас в карманах.

Мы оба согласились с ним.

Мы нашли такое развлекательное устройство, какого сроду никто не видел.

Шашки оказались записями, которые не только воспроизводили изображение и звук, но и возбуждали все чувства. Они делали это так хорошо, что всякий, кто подвергался их воздействию, ощущал себя в той среде, которую они воспроизводили. Человек как бы делал шаг в эту среду и становился частью ее. Он жил в ней.

Фрост уже строил четкие планы на будущее.

— Мы могли бы продавать эти штуки, — сказал он, — но это глупо. Нам нельзя выпускать их из рук. Мы будем давать машины и шашки напрокат, а так как они есть только у нас, мы станем хозяевами положения.

— Можно разрекламировать годовичные каникулы, которые длятся всего полдня, — добавил Хэч. — Это как раз то, что нужно администраторам и прочим занятым людям. Ведь только за субботу и воскресенье они смогут прожить четыре-пять лет и побывать на нескольких планетах.

— Может быть, не только на планетах, — подхватил Фрост. — Может, там записаны концерты, посещения картинных галерей или музеев. Или лекции по литературе, истории и тому подобное.

Мы чувствовали себя на седьмом небе, но усталость взяла свое и мы пошли спать.

Я лег не сразу, а сначала достал бортовой журнал. Не знаю уж, зачем было возиться с ним вообще. Вел его как попало. Месяцами даже не вспоминал о нем, а потом вдруг несколько недель записывал все кряду. Делать запись сейчас мне было, собственно, ни к чему, но я был немного взволнован, и у меня почему-то было такое ощущение, что последнее событие надо записать.

Я полез под койку и вытянул железный ящик, в котором хранились журналы и прочие бумаги. Когда я поднимал его, чтобы поставить на койку, он выскользнул у меня из рук. Крышка распахнулась. Журнал, бумаги, всякие мелочи, которые были у меня в ящике, — все разлетелось по полу.

Я выругался и, став на четвереньки, принялся собирать бумаги. Их было чертовски много, и по большей части все это был хлам. Когда-нибудь, говорил я себе, я выброшу его. Там были пошленные документы, выданные в сотне различных портов, медицинские справки и другие бумаги, срок действия которых давно уже истек. Но среди них я нашел и документ, закрепляющий мое право собственности на корабль.

Я сидел и вспоминал, как двадцать лет назад купил этот корабль за сущие гроши, как отбуксировал его со склада металлолома, как года два все свободное время и все заработанные деньги тратил на то, чтобы подлатать его и подготовить к полетам в космос. Не удивительно, что корабль дрянной. С самого начала он был развалиной, и все двадцать лет мы только и делали, что клали заплату на заплату. Уже много раз он проходил технический осмотр только потому, что инспектору ловко совали взятку. Во всей Галактике один Хэч способен заставить его летать.

Я продолжал подбирать бумаги, думая о Хэче и всех остальных. Я немного расчувствовался и стал думать о таких вещах, за которые вздул бы всякого другого, если бы он осмелился сказать их мне. Я думал о том, как мы все спелись и что любой из команды отдал бы за меня жизнь, а я свою — за любого из них.

Я помню, конечно, время, когда все было по-иному. В те дни, когда они впервые подписали контракт, это была всего лишь команда. Но те дни прошли давным-давно; теперь это была не просто команда корабля. Контракт не возобновлялся уже много лет, а все продолжали летать, как люди, которые имеют право на это.

И вот, сидя на полу, я думал, что мы наконец добились того, о чем мечтали, мы, оборвыши, в латанном-перелатанном корабле. Я был горд и радовался не только за себя, но и за Хэча, Блина, Дока, Фроста и всех остальных.

Наконец я собрал бумаги, сунул их снова в ящик и попытался сделать запись в журнале, но от усталости не хватило сил писать, я лег спать, что и надо было сделать с самого начала.

Но как я ни уморился, я уже в постели стал думать, велика ли силосная башня, и попытался прикинуть, сколько из нее можно выкачать шашек. Я дошел до триллионов, а дальше прикидывать не было толку — все равно точного числа не определишь.

А дело предстояло большое — такого у нас никогда не было. Нашей команде, даже если бы мы работали каждый день, понадобилось бы пять жизней, чтобы опустошить всю силосную башню. Придется создать компанию, нанять юристов (предпочтительно — способных на любое грязное дело); подать заявку на планету и пройти через бюрократические мытарства, чтобы прибрать все к рукам.

Мы не могли позволить себе прохлопать такое дело из-за собственной непредусмотрительности. Надо все обдумать, прежде чем заваривать кашу.

Не знаю, как остальным, а мне всю ночь снилось, будто я утопаю по колено в море новеньких хрустящих банкнотов.

Наутро Док не появился за завтраком. Я пошел к нему и обнаружил, что он даже и не ложился. Он полулежал на своем старом шатком стуле в амбулатории. На полу стояла пустая бутылка, другую, тоже почти пустую, он держал в руке, свисавшей до самого пола. Когда я вошел, Док с трудом поднял голову — он еще не упился до полного бесчувствия, и это все, что можно было сказать о нем.

Я страшно разозлился. Док знал наши правила. Он мог пьянствовать беспробудно, пока мы находились в космосе, но после посадки требовались рабочие руки, да и надо было следить, как бы мы не подхватили на чужих планетах незнакомые болезни, так что он не имел права напиваться.

Я вышиб ногой у него из рук бутылку, взял его одной рукой за шиворот, а другой за штаны и поволок в камбуз.

Плюхнув его на стул, я крикнул Блину, чтобы приготавливал еще один кофейник.

— Я хочу, чтобы ты протрезвился, — сказал я Доку, — и мог пойти с нами во второй поход. У нас каждый человек на счету.

Хэч пригнал своих, а Фрост собрал всю команду вместе и приладил блок с талями, чтобы начать погрузку. Все были готовы к перетаскиванию груза, кроме Дока, и я поклялся, что еще сегодня прищемлю ему хвост.

Отправились мы сразу же после завтрака. Хотели погрузить на борт как можно больше машин, а все пространство между ними забить шашками.

Мы прошли по коридорам в зал, где были машины, и, разбившись по двое, начали работу. Все шло хорошо, пока мы не оказались на середине пути между зданием и кораблем.

Мы с Хэчем были впереди, и вдруг футах в пятидесяти от нас что-то взорвалось.

Мы стали как вкопанные.

— Это Док! — завопил Хэч, хватаясь за пистолет.

Я успел удержать его:

— Не горячись, Хэч.

Док стоял у люка и махал нам ружьем.

— Я мог бы снять его, — сказал Хэч.

— Спрячь пистолет, — приказал я.

Я пошел один к тому месту, куда Док послал пулю.

Он поднял ружье, и я замер. Если бы даже он промахнулся футов на десять, то взрыв мог располосовать человека надвое.

— Я брошу пистолет! — крикнул я ему. — Хочу потолковать с тобой!

Док заколебался:

— Ладно. Скажи остальным, чтоб подались назад.

Я обернулся и сказал Хэчу:

— Уходи отсюда. И уведи всех.

— Он свихнулся от пьянства, — сказал Хэч. — Не ображает, что делает.

— Я с ним управлюсь. — Я постарался сказать это твердым тоном.

Еще одна пуля взорвалась в стороне от нас.

— Сыпь отсюда, Хэч, — сказал я, не решаясь больше оглядываться. Приходилось не спускать с Дока глаз.

— Порядок, — крикнул наконец Док. — Они отошли. Бросай пистолет.

Очень медленно, чтобы он не подумал, что я стараюсь подловить его, я отстегнул пряжку, и пистолет упал на землю. Не спуская с Дока глаз, я пошел вперед, а у самого по спине мурашки бегали.

— Дальше не ходи, — сказал Док, когда я почти вплотную подошел к кораблю. — Мы можем поговорить и так.

— Ты пьян, — сказал я ему. — Я не знаю, к чему ты все это затеял, но зато я знаю, что ты пьян.

— Пьян, да не совсем. Я полупьян. Если бы я был совсем пьян, мне было бы просто все равно.

— Что тебя гложет?

— Порядочность заела, — сказал он, фиглярствуя, как обычно. — Я говорил тебе много раз, что могу переварить грабеж, когда дело касается лишь урана, драгоценных камней и прочей чепухи. Я могу даже закрыть глаза на то, что вы потрошите чужую культуру, потому что самой культуры не украдешь — воруй не воруй, а культура останется на месте и залечит раны. Но я не позволю воровать знания. Я не дам тебе это сделать, капитан.

— А я по-прежнему уверен, что ты просто пьян.

— Вы даже не представляете себе, что нашли. Вы настолько слепы и алчны, что не распознали своей находки.

— Ладно, Док, — сказал я, стараясь гладить его по шерстке, — скажи мне, что мы нашли.

— Библиотеку. Может быть, самую большую, самую полную библиотеку во всей Галактике. Какой-то народ потратил несказанное число лет, чтобы собрать знания в этой башне, а вы хотите захватить их, продать, рассеять. Если это случится, то библиотека пропадет и те обрывки, которые останутся, без всей массы сведений потеряют свое значение наполовину. Библиотека принадлежит не нам. И даже не человечеству. Такая библиотека может принадлежать только всем народам Галактики.

— Послушай, Док, — умолял я его, — мы трудились многие годы, я, все мы. Потом и кровью мы зарабатывали себе на жизнь, но нам все время не везло.

Сейчас появилась возможность сорвать большой куш. И эта возможность есть и у тебя. Подумай об этом, Док... У тебя будет столько денег, что их вовек не истратить... хватит на то, чтобы пьянствовать всю жизнь!

Док направил на меня ружье, и я подумал, что попал как кур во щи. Но у меня не дрогнул ни один мускул.

Я стоял и делал вид, что мне не страшно.

Наконец он опустил ружье.

— Мы варвары. В истории таких, как мы, было навалом. На Земле варвары задержали прогресс на тысячу лет, предав огню и рассеяв библиотеки и труды греков и римлян. Для варваров книги годились только на растопку да на чистку оружия. Для вас этот большой склад знаний означает лишь возможность быстро зашибить деньгу. Вы возьмете шашку с научным исследованием важнейшей социальной проблемы и будете сдавать ее напрокат. Пожалуйста, годичный отпуск за шесть часов...

— Избавь меня от проповеди, Док, — устало сказал я. — Скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы мы вернулись и доложили о своей находке Галактическому комитету. Это поможет загладить многое из того, что мы натворили.

— Ты что, монахов из нас хочешь сделать?

— Не монахов. Просто приличных людей.

— А если мы не захотим?

— Я захватил корабль, — сказал Док. — Запас воды и пищи у меня есть.

— А спать-то тебе надо будет.

— Я закрою люк. Попробуйте забраться сюда.

Наше дело было швах, и он знал это. Если мы не сможем придумать, как захватить его врасплох, наше дело швах по всем статьям.

Я испугался, но чувство досады взяло верх. Многие годы мы слушали, что он болтал, но никто никогда не принимал его всерьез.

Я знал, что отговорить его невозможно. И на компромисс он ни на какой не пойдет. Если говорить откровенно, никакого соглашения между нами быть не могло, потому что соглашение или компромисс возможны лишь между людьми порядочными, а какие же мы порядочные, даже по отношению друг к другу? Положение было безвыходное, но Док до этого еще не додумался.

Он додумается, как только немного протрезвится и тораскинет мозгами. Он вытворял все это в пьяном угаре, но это не значило, что он ничего не поймет.

Одно было ясно: в таком положении он продержится дольше нас.

— Позволь мне вернуться, — сказал я, — нужно потолковать с ребятами.

Мне кажется, Док только сейчас сообразил, как далеко он зашел, впервые понял, что мы не можем доверять друг другу.

— Когда вернешься, — сказал он мне, — мы все обмозгуем. Мне нужны гарантии.

— Конечно, Док, — сказал я.

— Я не шучу, капитан. Я говорю совершенно серьезно. Я дурака не валяю.

Я вернулся к башне, неподалеку от которой тесно сбилась команда, и объяснил, что происходит.

— Придется рассыпаться и атаковать его, — решил Хэч. — Одного-двух он подстрелит, зато мы его схватим.

— Он просто закроет люк, — возразил я. — И заморит нас голодом. В крайнем случае попытается улететь на корабле. Стоит только ему протрезвиться, и он, вероятно, так и сделает.

— Он чокнутый, — сказал Блин. — Он просто тронулся спьяну.

— Конечно, чокнутый, — согласился я, — и от этого он опаснее вдвойне. Он вынашивал это дело давным-давно. У него комплекс вины мили в три высоты. И что хуже всего, он зашел так далеко, что не может идти на попятный.

— У нас мало времени, — сказал Фрост. — Надо что-то придумать. Мы умрем от жажды. Еще немного, и нам страшно захочется жрать.

Все стали препираться насчет того, как быть, а я сел на песок, прислонился к машине и попробовал стать на место Дока.

Как врач Док оказался неудачником, иначе зачем бы ему было связываться с нами? Скорее всего, он присоединился к нам, чтобы бросить кому-то вызов или отчаяния, — наверно, было и то и другое. И, кроме того, как всякий неудачник, он идеалист. Среди нас он белая ворона, но больше ему некуда податься, нечего делать. Многие годы это грызло его, и он стал страдать

болезненным сомнением, а дальний космос — самое подходящее место, чтобы накачаться сомнением.

Разумеется, он тронулся, но это было сумасшествие особого рода. Если бы оно не было таким ужасным, его можно было бы назвать славным. Причем Док — такой малый, что его даже насмешками не проймешь, стоит на своем, и все тут.

Не знаю, услышал ли я какой-нибудь звук (шаги, может быть) или просто почувствовал чье-то присутствие, но вдруг я осознал, что кто-то подошел к нам. Я приподнялся и резко повернулся лицом к зданию: у входа стояло то, что на первый взгляд показалось нам бабочкой величиной с человека.

Я не говорю, что это было насекомое, — просто вид у него был такой. Оно куталось в плащ, но лицо было не человеческое, а на голове возвышался гребень, похожий на гребни шлемов, которые можно увидеть в исторических пьесах.

Затем я увидел, что плащ вовсе не плащ, а часть этого существа, и похож он был на сложенные крылья, но это были не крылья.

— Джентльмены, — сказал я как можно спокойнее, — у нас гость.

Я пошел к существу, не делая резких движений, но держась настороже. Я не хотел напугать его, но сам приготовился отскочить в сторону, если мне будет угрожать опасность...

— Внимание, Хэч, — сказал я.

— Я прикрываю тебя, — заверил меня Хэч, и оттого, что он был рядом, на душе стало поспокойней. Если тебя прикрывает Хэч, слишком большой неприятности не будет.

Я остановился футах в шести от существа. Вблизи у него был не такой противный вид, как издали. Глаза были добрые, а нежное, странное лицо хранило мирное выражение. Но человеческие мерки не всегда подходят к чужестранцам.

Мы смотрели друг на друга в упор. Оба мы понимали, что говорить бесполезно. Мы просто стояли и мерили друг друга взглядами.

Затем существо сделало несколько шагов и протянуло руку, которая была скорее похожа на клешню. Оно взяло меня за руку и потянуло к себе.

Надо было или вырвать руку, или идти.

Я пошел за ним.

Времени на размышления не было, но кое-что помогло мне принять решение сразу. Во-первых, существо показалось мне дружески настроенным и разумным. Да и Хэч с ребятами были поблизости, шли позади. И самое главное — тесных отношений с чужестранцами никогда не завяжешь, если будешь держаться неприветливо.

Поэтому я пошел.

Мы вошли в башню, и было приятно слышать позади себя шаги остальных.

Я не стал терять времени на догадки, откуда появилось существо. Этого следовало ожидать. Башня была такая большая, что в ней много чего поместилось бы — даже люди или какие-нибудь существа, — и мы все равно ничего не заметили бы. В конце концов, мы обследовали лишь небольшой уголок первого этажа. А существо, видимо, спустилось с верхнего этажа, как только узнало, что мы здесь. Наверно, понадобилось некоторое время, чтобы эта новость дошла до него.

По трем наклонным плоскостям мы поднялись на четвертый этаж и, пройдя немного по коридору, вошли в комнату.

Она была небольшая. Там стояла всего одна машина, но на этот раз спаренная модель — у нее было два плетеных сиденья и два шлема. В комнате находилось еще одно существо.

Первое существо подвело меня к машине и указало на одно из сидений.

Я постоял немного, наблюдая, как Хэч, Блин, Фрост и все остальные входили в комнату и выстраивались у стены.

Фрост сказал:

— Вы двое останьтесь-ка в коридоре и смотрите.

Хэч спросил меня:

— Ты собираешься сесть в это чудо техники, капитан?

— Почему бы и нет? — отозвался я. — Они, кажется, ничего не замышляют. Нас больше, чем их. Они не собираются причинить нам никакого вреда.

— Есть риск, — сказал Хэч.

— А с каких это пор мы зареклись идти на риск?

Существо, которое я встретил у входа в башню, село на одно из сидений, а я приспособил для себя другое.

Тем временем второе существо достало из ящика две шашки, но эти шашки были прозрачные, а не черные. Оно сняло шлемы и вставило шашки. Затем оно надело шлем на своего товарища и протянуло мне другой.

Я сел и позволил надеть на себя шлем, и вдруг оказалось, что я уже сижу на корточках за чем-то вроде столика напротив джентльмена, которого встретил около здания.

— Теперь мы можем поговорить, — сказал чужестранец.

Я не боялся, не волновался. У меня было такое ощущение, будто напротив сидит кто-нибудь вроде Хэча.

— Все, что мы будем говорить, записывается, — сказал чужестранец. — После нашего разговора вы получите один экземпляр, а второй я помещу в картотеку. Можете называть это договором, или контрактом, или как вы сочтете нужным.

— Я не очень-то разбираюсь в контрактах, — сказал я. — В этих юридических уловках запутаешься, как муха.

— Тогда назовем это соглашением, — предложил чужестранец. — Джентльменским соглашением.

— Хорошо, — согласился я.

Соглашения — удобные штуки. Их можно нарушать, когда вздумается. Особенно джентльменские соглашения.

— Наверно, вы уже поняли, что здесь находится, — сказал чужестранец.

— Не совсем, — ответил я. — Скорее всего, библиотека.

— Это университет, галактический университет. Мы специализировались на популярных лекциях и заочном обучении.

Боюсь, что у меня отвалилась челюсть.

— Ну что ж, прекрасно.

— Наши курсы могут пройти все, кто только пожелает. У нас нет ни вступительной платы, ни платы за обучение. Не требуется также никакой предварительной подготовки. Вы сами понимаете, как трудно было бы поставить это условие Галактике, которая населена множеством видов, имеющих различные мировоззрения и способности.

— Точно.

— К слушанию курсов допускаются все, кому они будут полезны, — продолжал чужестранец. — Разумеется, мы рассчитываем на то, что полученными знаниями воспользуются правильно, а во время самого учения будет проявлено прилежание.

— Вы хотите сказать, что записаться может любой? — спросил я. — И это не будет ничего стоить?

Сперва я разочаровался, а потом сообразил, что тут есть на чем заработать. Настоящее университетское образование... да с этим можно обдeldывать отличные делишки!

— Есть одно ограничение, — пояснил чужестранец. — Совершенно очевидно, что мы не можем заниматься отдельными личностями. Мы принимаем культуры. Вы, как представитель своей культуры... как вы называете себя?

— Человечеством. Сначала жили на планете Земля, теперь занимаем полмиллиона кубических световых лет. Я могу показать на вашей карте...

— Сейчас в этом нет необходимости. Мы были бы очень рады получить заявление о приеме от человечества.

Я растерялся. Никакой я не представитель человечества! Да я и не хотел бы им быть. Я сам по себе, а человечество само по себе. Но этого чужестранцу я, конечно, не сказал. Он бы не захотел иметь со мной дела.

— Не будем торопиться, — взмолился я. — Я хочу задать вам несколько вопросов. Какого рода курсы вы предлагаете? Какие дисциплины можно выбрать?

— Во-первых, есть основной курс, — сказал чужестранец. — Его лучше бы назвать вводным, он нужен для ориентации. В него входят те предметы, которые, по нашему мнению, наиболее пригодны для данной культуры. Вполне естественно, что он будет специально подготовлен для обучающейся культуры. После этого можно заняться необязательными дисциплинами, их очень много — сотни тысяч.

— А как насчет испытаний, выпускных экзаменов и всего такого прочего? — поинтересовался я.

— Испытания, разумеется, предусмотрены, — сказал чужестранец. — Они будут проводиться каждые... Скажите мне, какая у вас система отсчета времени?

Я объяснил, как мог, и он, кажется, все понял.

— Они будут проводиться примерно каждую тысячу лет вашего времени. Программа рассчитана надолго. Если проводить испытания чаще, то вам придется напрягаться изо всех сил и пользы от этого будет мало.

Я уже принял решение. То, что случится через тысячу лет, меня не касается.

Я задал еще несколько вопросов об истории университета и тому подобном. Мне хотелось замести следы на тот случай, если бы у него возникли подозрения.

Я все еще не мог поверить в то, что услышал. Трудно представить себе, чтобы какая бы то ни было раса трудилась миллионы лет над созданием университета, ставила перед собой цель — дать наивысшее образование всей Галактике, совершила путешествия на все планеты и собрала все сведения о них, свела воедино все записи о бесчисленных культурах, установила определенные соотношения между ними, классифицировала и рассортировала эту массу информации и создала учебные курсы.

Все это имело такие гигантские масштабы, что не укладывалось в голову.

Он еще некоторое время вводил меня в курс дела, а я слушал его с разинутым ртом. Но потом я взял себя в руки.

— Хорошо, профессор, — сказал я, — можете нас записать. А что требуется от меня?

— Ничего, — ответил он. — Сведения будут извлечены из записи нашей беседы. Мы определим основной курс, а затем вы сможете выбрать дисциплины по желанию.

— Если мы не увезем все за один раз, то можно будет вернуться? — спросил я.

— Безусловно. Я думаю, вы пожелаете послать целый флот, чтобы увезти все, что вам понадобится. Мы дадим достаточное число машин и столько учебных записей, сколько потребуется.

— Чертова уйма потребуется, — сказал я ему прямо, рассчитывая поторговаться и немного уступить.

— Я знаю, — согласился он. — Дать образование целой культуре — дело не простое. Но мы готовы к этому.

Так вот мы и добились своего... и все законным путем, комар носа не подточит. Мы могли брать что хотели и сколько хотели и имели на это право. Никто не мог сказать, что мы воровали. Никто, даже Док, не мог бы этого сказать.

Чужестранец объяснил мне систему записи на цилиндрах, сказал, как будут упакованы и пронумерованы курсы, чтобы их проходили по порядку. Он обещал снабдить меня записями необязательных курсов — я мог выбрать их по желанию.

Он был по-настоящему счастлив, заполучив еще одного клиента, и гордо рассказывал мне о других учениках. Он долго распространялся о том удовлетворении, которое испытывает просветитель, когда представляется возможность передать кому-нибудь факел знаний.

Я чувствовал себя подлецом.

На этом разговор закончился, и я снова оказался на сиденье, а второе существо уже снимало с моей головы шлем.

Я встал. Первый чужестранец тоже встал и обернулся ко мне. Как и вначале, говорить друг с другом мы не могли. Это было странное чувство — стоишь лицом к лицу с существом, с которым ты только что заключил сделку, и не можешь произнести ни одного слова, которое бы он понял.

Однако он протянул мне обе руки, а я взял их в свои, и он дружески пожал их.

— Ты давай еще облобызайся с ним, — сказал Хэч, — а мы с ребятами отвернемся.

В другое время за такую шутку я влепил бы Хэчу пулю, а тут даже не рассердился.

Второе существо вынуло из машины две шашки и вручило одну из них мне. Их засунули туда прозрачными, а вынули черными.

— Пошли отсюда, — сказал я.

Мы постарались выбраться из башни как можно быстрее, но не роняя достоинства... если это можно назвать достоинством.

Выбравшись, я подозревал Хэча, Блина и Фроста и рассказал, что со мной было.

— Мы схватили Вселенную за хвост, — сказал я — Мертвой хваткой вцепились.

— А как быть с Доком? — спросил Фрост.

— Разве не понимаешь? Именно такая сделка ему и придется по вкусу. Мы можем сделать вид, что мы благородные и великодушные, что мы верны своему слову. Мне только надо подойти к нему поближе и схватить его.

— Он тебя и слушать не станет, — сказал Блин. — Он не поверит ни одному твоему слову.

— Вы, ребята, стойте на месте, — сказал я. — А с Доком я справлюсь.

Я пересек полосу земли между башней и кораблем. Док не подавал никаких признаков жизни. Я открыл было рот, чтобы кликнуть Дока, а потом передумал. Решив воспользоваться случаем, я приставил лестницу и забрался в люк, но Дока по-прежнему не было видно.

Я осторожно двинулся вперед. Я догадался, что с ним, но на всякий случай решил не рисковать.

Нашел я его на стуле в амбулатории. Он был пьян в стельку. Ружье лежало на полу. Рядом со стулом валялись две пустые бутылки.

Я стоял и смотрел на него, представляя себе, что произошло. После моего ухода Док стал обдумывать создавшееся положение, и тут перед ним встала проблема — как быть дальше. Он решил ее так, как решал почти все свои жизненные проблемы.

Я прикрыл Дока одеялом. Затем порыскал вокруг и обнаружил полную бутылку. Откупорив, я поставил ее рядом со стулом, чтобы он мог легко дотянуться до нее. Потом я взял ружье и пошел звать остальных.

В ту ночь я долго не мог заснуть — в голову приходили всякие приятные мысли.

Перед нами раскрывалось так много возможностей, что я просто терялся и не знал, с чего начать.

Тут тебе и афера с университетом, которую, как это ни странно, можно было осуществить на совершенно законном основании, — ведь профессор из башни ничего не говорил о купле-продаже.

Тут тебе и дельце с каникулами — год-другой пребывания на чужой планете за какие-нибудь шесть часов. Надо будет только подобрать ряд необязательных курсов по географии, или социальной науке, или как там их...

Можно создать информационное бюро или научно-исследовательское агентство, которое за приличное вознаграждение будет давать любые сведения из любой области.

Несомненно, в башне есть записи исторических событий с эффектом присутствия. Заполучив их, мы могли бы продавать в розницу приключения — совершенно безопасные приключения — мечтающим о них домо-седам.

Я думал и об уйме других возможностей, не столь очевидных, но стоящих того, чтобы присмотреться к ним, и о том, как это профессора придумали наконец безошибочно эффективное средство обучения.

Если хочешь иметь представление о чем-нибудь, то познай это на собственном опыте, изучи на месте. Ты не читаешь об этом, не слышишь рассказ и не смотришь стереоскопический фильм, а живешь этим. Ты ходишь по земле планеты, с которой хотел познакомиться, ты живешь среди существ, которых пожелал изучить; ты становишься свидетелем и, возможно, участником исторических событий, исследованием которых занимаешься.

Есть и другие способы использования такого обучения. Можно научиться строить собственными руками что угодно, даже космические корабли. Можно изучить, как работает чужестранная машина, собрав ее по порядку. Нет такой области знания, для изучения которой не годилось бы новое средство... и результаты оно даст гораздо лучшие, чем обычная система обучения.

Тогда же я твердо решил, что мы не выпустим из рук ни одной шашки, пока кто-нибудь из нас предварительно не ознакомится с ней. А вдруг в них окажется что-нибудь подходящее для практического применения?

Так я и уснул, думая о химических чудесах и новых принципах создания машин, о лучших способах ведения дел и о новых философских идеях. Я даже прикинул, как заработать кучу денег на философской идее.

Итак, наша наверняка взяла. Мы создадим компанию, которая будет заниматься такой разносторонней деятельностью, что нас никому не одолеть. Мы будем жить, как боги. Разумеется, лет через тысячу придет

время расплаты, но никого из нас уже не будет в живых.

Док протрезвел только под утро, и я приказал Фросту затолкать его в корабельный карцер. Он больше не был опасен, но я считал, что посидеть взаперти ему не помешает. Немного погодя я собирался потолковать с ним, но пока я был слишком занят, чтобы возиться с этим делом.

Я отправился в башню вместе с Хэчем и Блином и на машине с двумя сиденьями провел еще одно совещание с профессором. Мы отобрали кучу необязательных курсов и решили разные вопросы.

Другие профессора стали выдавать нам курсы, уложенные в ящики и снабженные этикетками, и мне пришлось вызвать всю команду, чтобы перетаскивать ящики и машины на корабль.

Мы с Хэчем вышли из башни и наблюдали за работой.

— Никогда не думал, — сказал Хэч, — что мы и в самом деле сорвем куш. Положа руку на сердце скажу — никогда не думал. Я всегда считал, что мы так, только воздух толкаем. Вот тебе пример, как может ошибаться человек.

— Эти профессора — какие-то придурки, — сказал я. — Ни одного вопроса мне не задали. Я хоть сейчас придумаю целую кучу вопросов, которые они могли бы задать и на которые мне нечего было бы ответить.

— Они честные и думают, что все такие. Вот что получается, когда влезешь по уши в одно дело и ни на что другое времени не остается.

Что верно, то верно. Эта раса профессоров трудилась миллион лет... работы хватит еще на миллион лет и еще на миллион... не видно ей ни конца ни края.

— Не могу сообразить, зачем они это делают, — сказал я. — Что им за выгода?

— Для них-то выгоды нет, — ответил Хэч, — а для нас есть. Скажу я тебе, капитан, придется голову поломать, как это все получше использовать.

Я рассказал ему, что я придумал насчет предварительного ознакомления с шашками, чтобы не упустить ничего.

Хэч был в восторге.

— Да, капитан, ты своего не упустишь. Так и надо. Мы из этого дела выдоим все до последнего цента.

— Мне кажется, мы должны заниматься предварительным знакомством по порядку, — сказал я. — Начать с самого начала и... до конца.

Хэч сказал, что он думал о том же.

— Но на это уйдет уйма времени, — предупредил он.

— Вот поэтому надо начать сейчас же. Основной, ориентировочный курс уже на борту. Можем начать с него. Надо только запустить машину, Блин тебе поможет.

— Поможет мне! — завопил Хэч. — Кто сказал, что это должен делать я? Да я для этого совсем не гожусь. Ты же сам знаешь, я сроду ничего не читал...

— А это не чтение. Ты будешь жить в этом. Будешь развлекаться, пока остальные пупки себе надрывают.

— Не буду я.

— Послушай, — сказал я, — давай немного пораскинем мозгами. Мне надо быть здесь, у башни, и следить, чтобы все шло как следует. И профессору я могу понадобиться для очередного совещания. Фрост заправляет погрузкой. Док на губе. Остаешься ты с Блином. Доверить предварительное ознакомление Блину я не могу. Он слишком рассеянный. Целое состояние может проскользнуть мимо него, а он и не почешется. А ты человек сообразительный, у тебя есть чувство ответственности, и я считаю...

— Ну, коли так, — сказал Хэч, напыжившись от гордости, — мне кажется, самый подходящий человек для этого дела — я.

К вечеру мы устали как собаки, но настроение было прекрасное. Погрузка началась отлично, и через несколько дней мы уже будем лететь к дому.

Хэч за ужином был какой-то задумчивый. К еде едва притронулся. Он не говорил ни слова и сидел с таким видом, будто у него что-то на уме.

При первом же удобном случае я спросил его:

— Как дела, Хэч?

— Ничего, — сказал он. — Болтовня всякая. Объясняют, что к чему. Болтовня.

— А что говорят?

— Да не говорят... в общем трудно выразить это словами. Может, у тебя на днях найдется время попробовать самому?

— Можешь быть уверен, что я это сделаю, — сказал я, слегка разозлившись.

— Пока в этом деле деньгами и не пахнет, — сказал Хэч.

Тут я ему поверил. Хэч углядел бы доллар и за двадцать миль.

Я пошел к корабельному карцеру посмотреть, что там подельывает Док. Он был трезвый. И не раскаявшийся.

— На этот раз ты превзошел самого себя, — сказал он. — Продавать эти штуковины ты не имеешь права. В башне хранятся знания, принадлежащие всей Галактике... бесплатные...

Я рассказал ему, что случилось, как мы узнали, что башня — это университет, и как мы на самом законном основании грузим на корабль курсы, предназначенные для человечества. Я изобразил все так, будто мы делали благое дело, но Док не поверил ни одному моему слову.

— Ты бы даже своей умирающей бабушке не дал глотка воды, если бы она не заплатила вперед, — сказал он. — Так что не заливай-ка ты мне тут о служении человечеству.

Итак, я оставил его еще потомиться в карцере, а сам пошел к себе в каюту. Я сердился на Хэча, весь кипел от слов Дока и до изнеможения устал. Уснул я тотчас.

Работа продолжалась еще несколько дней и уже приближалась к концу.

Я был очень доволен. После ужина я спустился по трапу, сел у корабля на землю и посмотрел на башню. Она была все такая же большая и величественная, но уже не казалась столь большой, как в первый день, — ослабло чувство удивления не только перед ней, но и перед той целью, ради которой ее построили.

Стоит нам снова попасть в нашу родную цивилизацию, пообещал я себе, как мы сразу развернемся. Вероятно, стать законными хозяевами планеты нам не удастся, потому что профессора — существа разумные, а владеть планетой с разумными существами нельзя, но есть много других способов прибрать ее к рукам.

Я сидел и удивлялся, почему это никто не спускается посидеть со мной. Так и не дождавшись никого, я наконец полез по трапу.

Я опять пошел к корабельному карцеру, чтобы потолковать с Доком. Он по-прежнему не смирился, но и не был настроен особенно враждебно.

— Знаешь, капитан, — сказал он, — временами у нас были разные взгляды на вещи, но я уважал тебя, а порой ты мне даже нравился.

— К чему ты это клонишь? — спросил я. — Думаешь, такие разговорчики помогут тебе выкарабкаться отсюда?

— Тут кое-что заваривается, и, наверно, тебе это надо знать. Ты откровенный негодяй. Ты даже не возмемшь на себя труд отрицать это. Ты человек неразборчивый в средствах и бессовестный, и в этом нет ничего дурного, потому что ты не лицемеришь. Ты...

— Выкладывай, в чем дело! Если сам не скажешь, я войду и такое учиню, что ты у меня сразу заговоришь.

— Хэч приходил сюда несколько раз, — сказал Док. — Приглашал подняться наверх и послушать те записи, с которыми он возится. Говорил, что это точнехонько по моей части. Сказал, что я не пожалею. Но в том, как он себя вел, было что-то не то. Что-то трусливое. — Он уставился на меня из-за решетки. — Ты же знаешь, капитан, Хэч никогда не был трусом.

— Давай продолжай!

— Хэч сделал какое-то открытие, капитан. На моем месте я делал бы такие открытия сам.

Я умчался, даже не ответив ему. Я вспомнил, как вел себя Хэч: он почти не ел и был задумчив, неразговорчив. Кстати, кое-кто еще тоже вел себя странно. Просто я был слишком занят и не обращал на это внимания.

Взбегая по аппарелям, я ругался на каждом шагу. Как бы ни был занят капитан, он никогда не должен упускать из виду свою команду... не упускать ни на минуту. И все из-за спешки, из-за желания скорее загрузиться и удрать, пока что-нибудь не случилось.

И вот что-то все-таки случилось. Никто не спустился посидеть со мной. За ужином не было сказано и десятка слов. Чувствовалось, что все идет шиворот-навыворот.

Блин с Хэчем занимались предварительным знакомством с записями в штурманской рубке. Ворвавшись в рубку, я захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Кроме Хэча и Блина, там был Фрост, а на плетеном сиденье машины устроился человек, в котором я признал одного из подчиненных Хэча.

Я стоял, не говоря ни слова, а все трое смотрели на меня. Человек со шлемом на голове не заметил моего прихода... да его тут и не было.

— Ну, Хэч, — сказал я, — выкладывай начистоту. Что все это значит? Почему этот человек занимается предварительным знакомством? Я думал, что только ты и...

— Капитан, — сказал Фрост, — мы как раз собирались сказать тебе.

— Молчать! Я спрашиваю Хэча!

— Фрост верно сказал, — стал объяснять Хэч. — Мы давно хотели тебе все рассказать. Да ты был очень занят, и так как нам немного трудновато...

— Что здесь трудного?

— Ну, ты решил во что бы то ни стало разбогатеть. И поэтому нашу новость мы хотим сообщить тебе осторожно.

Я подошел к ним.

— Не понимаю, о чем вы говорите... Ведь нам же по-прежнему светит большая прибыль. Ты знаешь, Хэч, если я возьмусь... от тебя только мокрое место останется, и, если не хочешь быть битым, выкладывай-ка все побыстрее.

— Никакая прибыль нам не светит, капитан, — спокойно сказал Фрост. — Мы увезем эти штуковины и сдадим их властям.

— Да вы все с ума посходили! — взревел я. — Сколько лет, сколько сил мы убили, охотясь за кушем! А теперь, когда он уже у нас в кармане, когда мы можем ходить босиком по горе тысячедолларовых бумажек, вы тут передо мной строите из себя святую невинность. Какого...

— Если бы мы это сделали, мы поступили бы нечестно, сэр.

И это «сэр» испугало меня больше всего. До сих пор Блин не величал меня так ни разу.

Я переводил взгляд с одного на другого, и от выражения их лиц у меня мороз по коже пошел. Они все до единого были согласны с Блином.

— Это все курс ориентации! — крикнул я.

Хэч кивнул:

— В нем говорится о честности и чести.

— А что вы, мерзавцы, понимаете в честности и чести? — взвился я. — Вы сроду не знали, что такое честность.

— Прежде не знали, — сказал Блин, — а теперь знаем.

— Это же пропаганда! Просто профессора подложили нам свинью!

Подложили свинью как пить дать. Но надо признаться, эти профессора — великие доки. Не знаю уж, то ли они считали человечество бандой подлецов, то ли курс ориентации был у них для всех один. Не удивительно, что они не задавали мне вопросов. Не удивительно, что они не провели расследования до того, как вручить нам свои знания. Мы и шагу не ступили, как нас стреножили.

— Узнав, что такое честность, — сказал Фрост, — мы решили, что поступим правильно, познакомив с курсом ориентации остальных членов команды. Прежде мы вели отвратительную жизнь, капитан.

— И вот, — продолжал Хэч, — мы стали приводить сюда одного за другим и ориентировать их. Мы считали, что должны сделать хоть это. Сейчас этим делом занят один из последних.

— Миссионеры, — сказал я Хэчу. — Вот вы кто. Помнишь, что ты мне говорил однажды вечером? Ты сказал, что не станешь миссионером, хоть озолоти.

— Напрасно стараетесь, — холодно возразил Фрост. — Вам не пристыдить нас и не запугать. Мы знаем, что мы правы.

— А деньги! А как же с компанией? Мы же все продумали!

— Забудьте и об этом, капитан. Когда вы пройдете курс...

— Никакого курса я проходить не буду! — Наверно, голос у меня был грозный, но я уже понял, что ни один из них не бросится на меня. — Эй, вы, ханжи,

миссионеришки несчастные, если вам не терпится заставить меня, попробуйте, давайте...

Они по-прежнему не двигались с места. Я запугал их. Но спорить с ними не было никакого толку. Я не мог пробиться сквозь каменную стену честности и чести.

Я повернулся к ним спиной и пошел к двери. На пороге я остановился и сказал Фросту:

— Советую выпустить Дока и тоже накачать его честностью. Скажи, что на меня это подействовало. Это то, что ему надо. Туда ему и дорога.

Хлопнув дверью, я поднялся по аппарели в свою каюту. Я запер дверь, чего прежде никогда не делал.

Я сел на край койки и, уставившись на стену, задумался.

Они забыли одно: корабль был мой, а не их. Они были всего-навсего командой, срок контракта с ними давно истек и ни разу не возобновлялся.

Я стал на четвереньки и полез за жестяным ящиком, в котором хранил бумаги. Внимательно просмотрев их, я отложил те, которые мне были нужны, — документ, подтверждающий мое право собственности на корабль, выписку из регистра и последние контракты, подписанные командой.

Я положил документы на койку, отпихнул ящик с дороги и снова сел.

Взяв бумаги, я стал тасовать их.

Команду можно было бы вышвырнуть из корабля хоть сейчас. Я мог взлететь без них, и они ничего, совершенно ничего не могли бы поделать.

Более того, я мог улететь совсем. Это был бы, разумеется, законный, но подлый поступок. Теперь, когда они стали честными и благородными людьми, они бы склонились перед законом и дали бы мне возможность улететь. И винить им было бы некого, кроме самих себя.

Я долго сидел и думал, но мысли мои снова и снова / возвращались к прошлому; я вспоминал, как Блин попал в переделку на одной планете в системе Енотовой шкура, как Док влюбился в... трехполое существо на Сиро и как Хэч скупил по дешевке все спиртное на Мунко, а потом проиграл его, увлекшись чем-то вроде нашей игры в кости — только вместо костяшек там

были странные крохотные живые существа, с которыми нельзя было мухлевать, и Хэту пришлось туго.

В дверь постучали.

Это был Док.

— Тебя тоже распирает от честности? — спросил я его.

Он содрогнулся:

— Только не меня. Я отказался.

— Это та же бодяга, которую ты тянул всего дня два назад.

— Неужели ты не понимаешь, — спросил Док, — что теперь станет с человечеством?

— Конечно, понимаю. Оно станет честным и благородным. Никто никогда не будет ни обманывать, ни красть, и станет не жизнь, а малина...

— Все подохнут от тяжелой формы скуки, — сказал Док. — Жизнь станет чем-то средним между бойскаутским слетом и дамскими курсами кройки и шитья. Не станет шумных перебранок, все будут вести себя до тошноты вежливо и прилично.

— Значит, твои убеждения переменились?

— Не совсем, капитан. Но ведь так же нельзя. Все, чего достигло человечество, было добыто в процессе социальной эволюции. Мошенники и негодяи необходимы для прогресса не меньше, чем дальновидные идеалисты. Они как человеческая совесть, без них не проживешь.

— На твоем месте, Док, я бы не слишком беспокоился о человечестве. Это великое дело, и не нашего оно ума. Даже слишком большая доза честности не искалечит человечества навеки.

А вообще-то мне было все равно. Меня одолевали совсем другие заботы.

Док подошел ко мне и сел рядом на койку. Он наклонился и постучал пальцем по документам, которые я все еще держал в руках.

— Я вижу, ты уже решил, — сказал он.

Я уныло кивнул:

— Да.

— Я так и знал.

— Все предусмотрел. Вот почему ты переметнулся. Док энергично покачал головой:

— Нет. Поверь мне, капитан, я страдаю не меньше тебя.

— Куда ни кинь, все клин, — сказал я, тасуя документы. — Они летали со мной по доброй воле. Разумеется, контракта они не возобновили. Но это и не нужно было. Все было понятно само собой. Мы все делили поровну. Не менять же теперь наших отношений. И по-старому быть не может. Если бы мы даже согласились выкинуть груз, взлететь и никогда больше не вспоминать о нем, все равно так просто не отделаешься. Это засело в нас навсегда. Прошлого не вернешь, Док. Его похоронили. Разбили на куски, которые нам теперь уже не склеить.

У меня было такое чувство, будто я истошно кричу. Давно уж мне не было так больно.

— Теперь они совсем другие люди, — продолжал я. — Они взяли да переменились, и прежними они больше никогда не будут. Даже если они снова станут, какими были, все пойдет не так, как прежде.

Док подпустил шпильку:

— Человечество поставит тебе памятник. За то, что ты привезешь машины, тебе поставят памятник, может, даже на самой Земле, где стоят памятники всем великим людям. У человечества глупости на это хватит.

Я вскочил и стал бегать из угла в угол.

— Не хочу я никаких памятников. И машины я не привезу. Мне нет до них больше никакого дела.

Я жалел, что мы вообще нашли эту силосную башню. Что она мне дала? Из-за нее только лучшую команду потерял, и лучших на свете друзей!

— Корабль мой, — сказал я. — Больше мне ничего не надо. Я довезу груз до ближайшего пункта и выброшу там. Хэч и все прочие могут катиться ко всем чертям. Пусть их наслаждаются своей честностью и честью. А я наберу другую команду.

Может быть, подумал я, когда-нибудь все будет почти как прежде. Почти как прежде, да не совсем.

— Мы будем продолжать охотиться, — сказал я. — Мы будем мечтать о куше. Мы сделаем все, чтобы найти его. Все силы положим. Ради этого мы будем нарушать все законы — и Божьи, и человеческие. И знаешь что, Док?

— Не знаю.

— Я надеюсь, что куш нам больше не попадется. Я не хочу его находить. Я хочу просто охотиться.

Мы помолчали, припоминая те дни, когда охотились за кушем.

— Капитан, — сказал Док, — меня ты возьмешь с собой?

Я кивнул. Какая разница? Пусть его.

— Капитан, помнишь те холмы, в которых живут насекомые на Сууде?

— Конечно. Разве их забудешь?

— Видишь ли, я придумал, как в них проникнуть. Может, попробуем? Там на миллиард...

Я чуть было не проломил ему голову.

Теперь я рад, что этого не сделал.

Мы летим именно на Сууд.

Если план Дока сработает, мы еще, может быть сорвем куш!

ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ

Перед самыми сумерками Уинстон-Кэрби возвращался домой по заросшей вереском пустоши и думал, что природа показывает себя сейчас во всей красе. Солнце медленно погружалось в пурпурную пену облаков, и на низины уже пал серебристо-серый туман. Порой ему казалось, что сама вечность притихла, затаила дыхание.

День выдался хороший, и было приятно возвращаться домой, где все уже ждут его, стол накрыт, камин пылает, бутылки откупорены. Как жаль, что никто не составил ему компании в прогулке, хотя именно сейчас он был рад этому. Иногда хочется побыть одному. Почти сто лет провел он на борту космического корабля и почти всегда — на людях.

Но теперь это было позади и они все шестеро могли поселиться здесь и вести жизнь, о которой мечтали. Прошло всего несколько недель, а планета уже кажется домом; пройдут годы, и она на самом деле станет их домом, даже более родным, чем Земля.

И вот уже в который раз он радовался и удивлялся, как им вообще все удалось. Невероятно, как это Земля могла выпустить шестерых бессмертных из своих цепких рук. Земля действительно очень нуждалась в своих

бессмертных, и то, что не один, а шестеро могли ускользнуть, чтобы начать жить так, как им хочется, было совершенно непостижимым. И все-таки это произошло.

Есть тут что-то странное, говорил себе Уинстон-Кэрби. Во время своего векового полета от Земли они часто говорили об этом и удивлялись, как все случилось. Помнится, Крэнфорд-Адамс был убежден, что это хитрая ловушка, но прошло сто лет, а никакой ловушки и в помине нет; Крэнфорд-Адамс, пожалуй, ошибался.

Уинстон-Кэрби поднялся на вершину небольшого холма и в сгустившихся сумерках увидел дом, — именно о таком доме он мечтал все эти годы, только такой дом и надо было строить в этом прекрасном крае, разве что роботы перестарались и сделали его слишком большим. Но он утешал себя: таковы уж эти роботы. Работящие, добросовестные, услужливые, но порой невыносимо глупые.

Он стоял на вершине холма и разглядывал дом. Сколько раз, собравшись за обеденным столом, он и его товарищи обсуждали план будущего дома! Как часто сомневались они в том, насколько точны сведения об этой планете, которую они долго выбирали по «Картоотеке исследований», как боялись, что в действительности она окажется совсем не такой, какой ее описывали.

И наконец вот оно — что-то от Харди, что-то из «Баскервильской собаки» — давняя мечта, ставшая явью.

Вот усадьба, во всех окнах горит свет. Темная громада построек для скота, который они привезли с собой в корабле в виде замороженных эмбрионов и сейчас поместили в инкубатор. Там — равнина, на которой через несколько месяцев будут поля и сады, а на севере стоит корабль, проделавший огромный путь. И вдруг на глазах Уинстона-Кэрби прямо над носом корабля загорелась первая яркая звездочка. Корабль и звезда были в точности похожи на традиционную рождественскую свечу.

Ликующий от переполнявшего его счастья, Уинстон-Кэрби стал спускаться с холма; в лицо повеяло ночной прохладой, в воздухе стоял знакомый издревле запах вереска.

Грешно так радоваться, думал он, но на это есть причины. Летели удачно, сели на планету успешно, и вот он здесь, полновластный хозяин целой планеты, на

которой когда-нибудь станет основателем рода и династии. И у него масса времени впереди. Нет нужды торопиться. Впереди, если понадобится, целая вечность.

И, что лучше всего, — у него хорошие товарищи.

Они будут ждать момента, когда он появится на пороге. Они посмеются и сразу выпьют, потом не спеша пообедают, а позже будут пить бренди перед пылающим камином. И разговаривать... неторопливо, душевно, дружелюбно.

Именно разговоры, вернее, чем что бы то ни было, помогли им не потерять рассудка за время векового космического полета. Именно это, их приязнь, согласие по поводу наиболее утонченных сторон человеческой культуры — понимание искусства, любовь к литературе, интерес к философии. Не часто шестеро людей могут прожить вместе сотню лет без единой ссоры, без размолвок.

В усадьбе они уже ждут его: свечи зажжены, коктейли готовы, идет беседа, и в комнате тепло от дружелюбия и полного взаимопонимания.

Крэнфорд-Адамс сидит в большом кресле перед камином, глядит на пламя и думает: ведь в группе он самый глубокий мыслитель. А Элин-Бэрбидж стоит, облокотившись на каминную доску и сжимая в руке стакан, с блестящими от хорошего настроения глазами. Козетта-Миддлтон разговаривает с ним и смеется, потому что она хохотушка. У нее легкий, как у эльфа, нрав и золотистые волосы. Анна-Куинз, вероятнее всего, читает, свернувшись в кресле, а Мэри-Фойл просто ждет его, радуясь жизни и друзьям.

Это товарищи по долгому путешествию — такие отзывчивые, терпимые и добрые, что и в целый век не потускнела красота их дружбы.

Подумав о пятерых, которые ждут его, Уинстон-Кэрби против своего обыкновения побежал: ему страстно захотелось быть с ними, рассказать им о прогулке по пустоши, обсудить некоторые детали совместных планов.

Он перешел на шаг. Как обычно, ветер с наступлением темноты стал холодным, и Уинстон-Кэрби поднял воротник куртки, чтобы хоть как-то защититься от него.

Он подошел к двери и немного постоял на холоде, в который раз любуясь массивной деревянной конструкцией и приземистой солидностью здания. Усадьба по-

строена на века, дабы внушить будущему поколению чувство прочности существования.

Он нажал на защелку, надавил дверь плечом, и она медленно отворилась. Изнутри пахнуло теплым воздухом. Уинстон-Кэрби вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Сняв шапку и куртку, он стал искать, куда бы повесить их, нарочно топая и шаркая ногами, чтобы дать знать другим о своем возвращении.

Но его никто не приветствовал, не слышно было счастливого смеха. Там, в комнате царил тишина.

Уинстон-Кэрби повернулся так резко, что рукой задел куртку и сорвал ее с крючка. Она шурша упала на пол.

Он было побежал, но ноги стали как ватные, и он зашаркал ими, обмирая от страха.

Дошел до двери в комнату и остановился, не решаясь от ужаса двинуться дальше. Расставив руки, он вцепился в дверные косяки.

В комнате никого не было. Мало того... комната совершенно переменилась. И не просто потому, что исчезли товарищи. Исчезла также богатая обстановка комнаты, исчезли ее уют и благородный вид.

Не было ни ковров на полу, ни занавесей на окнах, ни картин на стенах. Ничем не украшенный камин сложен из необработанного камня. Мебель (то немногое, что было) примитивная, грубо сколоченная. Перед камином — небольшой стол на козлах, а у того места, где стоял прибор на одну персону, — трехногий табурет.

Уинстон-Кэрби пытался кого-нибудь позвать. Но слова застряли в гортани. Он сделал еще одну попытку, и она удалась:

— Джоб! Джоб, где ты?

Откуда-то из глубины дома прибежал робот.

— Что случилось, сэр?

— Где остальные? Куда они ушли? Они должны были ждать меня!

Джоб слегка покачал головой:

— Мистер Кэрби, их тут не было.

— Не было?! Но утром, когда я уходил, они же были. Они знали, что я вернусь.

— Вы не поняли меня, сэр. Здесь никого никогда не было. Только вы, я и другие роботы. И эмбрионы, конечно.

Уинстон-Кэрби опустил руки и сделал несколько шагов вперед.

— Джоб, — сказал он, — ты шутишь.

Но он знал, что ошибается: роботы никогда не шутят.

— Мы старались оставить их вам как можно дольше, — сказал Джоб. — Нам очень не хотелось отнимать их у вас, сэр. Но оборудование нам понадобилось для инкубаторов.

— А эта комната! Ковры, мебель...

— И это тоже, сэр. Все это димензино.

Уинстон-Кэрби медленно подошел к столу, придвинул трехногий табурет и сел.

— Димензино? — переспросил он.

— Вы, конечно, помните, что это.

Он поморщился, показывая, что не знает. Но кое-что он уже начал вспоминать, медленно, нехотя пробиваясь сквозь туман многих лет забытья.

Уинстон-Кэрби не хотел ни вспоминать, ни знать. Он попытался задвинуть все в темный угол сознания. А это уже было кощунство и предательство... это было безумие.

— Человеческие эмбрионы, — сказал Джоб, — перенесли путешествие хорошо. Из тысячи только три нежизнеспособны.

Уинстон-Кэрби потряс головой, словно разгоняя туман, которым заволокло его мозг.

— Все инкубаторы установлены в пристройках, сэр, — продолжал Джоб. — Мы ждали сколько могли, а потом забрали оборудование димензино. Мы дали вам попользоваться им до последней минуты. Было бы легче, сэр, если бы мы могли это делать постепенно, но не получилось. Или димензино есть, или его нет.

— Разумеется, — с трудом выдавил из себя Уинстон-Кэрби. — Вы очень любезны. Большое спасибо.

Он встал, пошатнулся и провел рукой по глазам.

— Это невозможно, — сказал он. — Этого просто не может быть. Я жил вместе с ними сто лет. Они такие же настоящие, как и я. Говорю тебе, они были из плоти и крови. Они...

Комната по-прежнему была голая и пустая. Насмешливая пустота. Злая насмешка.

— Это возможно, — мягко сказал Джоб. — Так оно и было. Все идет по плану. Вы здесь и по-прежнему в здравом уме благодаря димензино. Эмбрионы пере-

несли путешествие лучше, чем ожидалось. Оборудование не повреждено. Месяцев через восемь из инкубаторов начнут поступать дети. К тому времени мы разобьем сады и засеем поля. Эмбрионы домашнего скота тоже помещены в инкубаторы, и колония будет обеспечена всем необходимым.

Уинстон-Кэрби шагнул к столу и поднял единственную тарелку, стоявшую на нем. Она была из легкого пластика.

— Скажи мне, у нас есть фарфор? Есть у нас хрусталь или серебро?

У Джоба был почти удивленный вид, если только робот вообще мог удивляться.

— Конечно, нет, сэр. На корабле у нас было место только для самых необходимых вещей. Фарфор, серебро и все прочее подождут.

— Значит, у меня был скудный корабельный рацион?

— Естественно, — сказал Джоб. — Места было мало, а взять надо было так много...

Уинстон Кэрби стоял с тарелкой в руке, постукивая ею по столу, вспоминая прошлые обеды (и на борту корабля, и после посадки), горячий суп в приятной на ощупь супнице, розовые сочные ребрышки, громадные рассыпчатые картофелины, хрустящий зеленый салат, сверканье начищенного серебра, мягкий блеск хорошего фарфора...

— Джоб, — сказал он.

— Да, сэр?

— Значит, это все была иллюзия?

— К сожалению, да, сэр. Простите, сэр.

— А вы, роботы?

— Все мы в прекрасном состоянии, сэр. С нами другое дело. Мы можем смотреть действительности в глаза.

— А люди не могут?

— Иногда их лучше защитить от нее.

— Но не теперь?

— Больше нельзя, — сказал Джоб. — Теперь вы должны посмотреть действительности в глаза, сэр.

Уинстон-Кэрби положил тарелку на стол и повернулся к роботу лицом:

— Я пойду в свою комнату и сменю костюм. Надеюсь, обед будет готов скоро. И, несомненно, корабельный рацион?

— Сегодня особый обед, — сказал Джоб. — Иезекия нашел лишайники, и я сделал кастрюлю супа.

— Превосходно! — сказал Уинстон-Кэрби, пряча усмешку.

Он поднялся по лестнице к двери своей комнаты.

Но тут внизу протопал еще один робот.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он.

— А кто ты?

— Я Соломон, — ответил робот. — Я строю ясли.

— Надеюсь, звуконепроницаемые?

— О нет. У нас не хватает ни материала, ни времени.

— Ладно, продолжайте, — сказал Уинстон-Кэрби и вошел в комнату.

Это была вообще не его комната. Вместо большой кровати на четырех ножках, в которой он спал, висела койка, и не было ни ковров, ни большого зеркала, ни кресел.

— Иллюзия! — сказал он, но сам не поверил. Это была уже не иллюзия. От комнаты веяло холодом мрачной действительности — действительности, которую надолго не отсрочишь. Оказавшись в крохотной комнатенке один, он остался лицом к лицу с действительностью — и еще больше ощутил потерю. Это был расчет на очень далекое будущее, так надо было сделать... не из жалости, не из осторожности, а в силу холодной, упрямой необходимости. Это была уступка человеческой уязвимости.

Потому что ни один человек, даже самый приспособленный, даже бессмертный, не мог бы перенести такое долгое путешествие и сохранить здоровыми тело и дух. Чтобы прожить век в космических условиях, нужна иллюзия, нужны спутники. Они обеспечивают безопасность и полноту жизни изо дня в день. И спутники должны быть не просто людьми. Спутники-люди, даже идеальные, будут давать поводы для бесчисленных раздражений, которые приведут к смертельной космической лихорадке.

Тут может помочь только димензино — спутники, порожденные им, приспособляются к любому настроению человека. Кроме того, создается обстановка для такого товарищества; жизнь, в которой исполняются все желания, обеспечивает безопасность, какой человек не знал даже в нормальных условиях.

Уинстон-Кэрби сел на койку и стал развязывать шнурки тяжелых ботинок.

Он подумал, что человеческий род практичен — практичен до такой степени, что надувает себя ради достижения цели, практичен до такой степени, что создает оборудование димензино из деталей, которые затем, по прибытии, могут быть использованы при сооружении инкубаторов.

Человек охотно ставит все на карту только тогда, когда в этом есть необходимость. Человек готов держать пари, что выживет в космосе, проживет целое столетие, если его изолируют от действительности — изолируют при помощи кажущейся плоти, которая, в сущности, живет только милостью человеческого мозга, подталкиваемого электроникой.

До сих пор ни один корабль не забирался так далеко с колонизаторской миссией. Ни один человек не путешествовал и половины такого срока под влиянием димензино. Но было всего несколько планет, где человек мог основать колонию в естественных условиях, без громадных дорогих сооружений, без мер предосторожности. Ближайшие планеты были уже колонизированы, а разведка показала, что эта планета, которой он наконец достиг, особенно привлекательна.

Поэтому Земля и человек держали пари. Особенно один человек, сказал себе с гордостью Уинстон-Кэрби, но в его устах слова эти прозвучали не гордо, а горько. Когда голосовали, вспомнил он, за его предложение высказались только трое из восьми.

И все же, несмотря на горечь, он понимал значение того, что совершил. Это был еще один прорыв, еще одна победа маленького неумного мозга, стучавшегося в двери вечности.

Это значило, что путь в Галактику открыт, что Земля может оставаться центром расширяющейся империи, что димензино и бессмертный могут путешествовать на самый край космоса, что семя человека будет заброшено далеко — замороженные эмбрионы пронесутся сквозь холодные черные бездны, о которых даже подумать страшно.

Уинстон-Кэрби подошел к небольшому комоду, надел чистую одежду и, положив ее на койку, стал снимать свой прогулочный костюм.

Все идет согласно плану, как сказал Джоб.

Дом и впрямь больше, чем он того хотел, но работы правы: для тысячи младенцев понадобится большое здание. Инкубаторы действуют, ясли готовятся, подрастает еще одна далекая колония Земли.

А колонии важны, подумал он, припоминая тот день, сто лет назад, когда он и многие другие изложили свои планы. Там был и его план — как под влиянием иллюзии сохранить разум. В результате мутаций появляется все больше и больше бессмертных, и недалек тот день, когда человечеству понадобится все пространство, до которого оно только сможет дотянуться.

И именно появившиеся в результате мутаций бессмертные становятся руководителями колоний: они управляются в космос в качестве отцов-основателей и в начальной стадии руководят каждый своей колонией, пока она не встанет на ноги.

Уинстон-Кэрби знал, что дел хватит на десятки лет: он будет отцом, судьей, мудрецом и администратором, своего рода старейшиной совершенно нового племени.

Он натянул брюки, сунул ноги в туфли и встал, чтобы заправить рубашку в брюки. И по привычке повернулся к большому зеркалу.

И зеркало оказалось на месте!

Изумленный, глупо раскрыв рот, он смотрел на собственное отражение. И в зеркале же он увидел, что позади стоят кровать на четырех ножках и кресла.

Он круто повернулся: кровать и кресла исчезли. В противной комнатенке остались только койка да комод.

Он медленно присел на край койки и до дрожи стиснул руки.

Это неправда! Этого не может быть! Димензино больше нет.

И все же оно с ним, оно притаилось в мозгу, совсем рядом, надо только поискать.

Найти его оказалось легко. Комната сразу изменилась и стала такой, какой он помнил ее: большое зеркало, массивная кровать (вот он сидит на ней), пушистые ковры, сверкающий бар и со вкусом подобранные занавеси.

Он пытался прогнать видение, просто отыскав в каком-то далеком темном чулане своего сознания воспоминание о том, что он должен прогнать его.

Но видение не исчезло.

Он делал все новые и новые попытки, но оно не исчезало, и он чувствовал, как желание прогнать видение ускользает из его сознания.

— Нет! — закричал он в ужасе, и ужас сделал свое дело.

Уинстон-Кэрби сидел в маленькой голой комнате.

Он почувствовал, что тяжело дышит, словно карабкался на высокую крутую гору. Руки сжаты в кулаки, зубы стиснуты, по ребрам течет холодный пот.

А было бы так легко, подумал он, так легко и приятно скользнуть обратно туда, где покойно, где царит настоящая теплая дружба, где нет настоящей необходимости что-то делать.

Но он не должен так поступать, потому что впереди работа. Пусть это кажется неприятным, скучным, отвратительным — делать все равно надо. Потому что это не просто еще одна колония. Это прорыв, это прямая дорога к знанию, это уверенность в том, что человек больше не скован временем и расстояниями.

И все же надо признать, что опасность велика; сам человек оградить разум от нее не может. Надо сообщить все клинические симптомы этой болезни, чтобы на Земле ее изучили и нашли какое-нибудь противоядие.

Но что это — побочный эффект димензино или прямое следствие его? Ведь димензино всего лишь помогает человеческому мозгу, причем весьма любопытным образом: создает контролируемые галлюцинации, отражающие исполнение желаний.

Вероятно, за сотню лет человеческий мозг так хорошо овладел техникой создания галлюцинаций, что отпала необходимость в димензино.

Надо во всем разобраться. Он совершил длительную прогулку, и за много часов одиночества иллюзия не потускнела. Нужен был внезапный шок тишины и пустоты, встретивших его вместо ожидаемых теплых приветствий и смеха, чтобы развеять туман иллюзии, который окутывал его многие годы. И даже теперь иллюзия затаилась, действовала на психику, стерегла за каждым углом.

Когда она начнет тускнеть? Что надо сделать, чтобы полностью избавиться от нее? Как ликвидировать то, к чему он привыкал целый век? Какова опасность... может ли сознание преодолеть ее или придется снова невольно уйти от мрачной действительности?

Он должен предупредить роботов. Надо поговорить с ними. Предусмотреть какие-нибудь чрезвычайные меры на тот случай, если к нему вернется иллюзия, предусмотреть решительные действия, если понадобится защитить его против его же воли.

Впрочем, хорошо бы выйти из комнаты, спуститься вниз по лестнице и обнаружить, что остальные ждут его, вино откупорено, разговор уже начался...

— Прекратить! — закричал Уинстон-Кэрби.

Выбросить иллюзию из головы — вот что он должен сделать. Не надо даже думать о ней. Необходимо очень много работать, чтобы не оставалось времени думать. Надо сильно уставать, чтобы валиться в постель и сразу крепко засыпать.

Уинстон-Кэрби припомнил, что надо делать: наблюдать за работой инкубаторов, готовить почву под сады и поля, обслуживать атомные генераторы, заготавливать лес для строительства, исследовать и наносить на карту прилегающую территорию, капитально отремонтировать корабль и послать его с роботами на Землю.

Он думал только об этом. Он намечал все новые дела. Он планировал их на многие дни, месяцы и годы вперед. И наконец почувствовал, что доволен.

Он владел собой.

Снизу донеслись голоса, и нить размышлений оборвалась.

Страх захлестнул его. Потом исчез. Вспыхнула радость, и он быстро направился к двери.

На лестнице он остановился и взялся рукой за перила.

Мозг бил в набат, и радость исчезла. Осталась только печаль, невыносимая, жуткая тоска.

Он видел часть нижней комнаты, он видел, что на полу лежит ковер. Он видел занавеси, картины и одно инкрустированное золотом кресло.

Уинстон-Кэрби со стоном повернулся и убежал в свою комнату. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Комната была такой, какой ей и полагалось быть, — голой, бедной, холодной.

Слава Богу, подумал он. Слава Богу!

Снизу донесся крик:

— Уинстон, что с вами? Уинстон, идите сюда скорей!

И другой голос:

— Уинстон, у нас праздник! На столе молочный поросенок!

И еще один голос:

— С яблоком во рту!

Он не ответил.

Они исчезнут, думал он. Им придется исчезнуть.

Но даже когда он подумал это, ему страстно захотелось отворить дверь и броситься вниз по лестнице. Туда, где его снова ждал покой и старые друзья...

Уинстон-Кэрби почувствовал, что руки его за спиной сжимают дверную ручку так, будто примерзли к ней.

Он услышал шаги на лестнице и голоса, счастливые голоса друзей, которые шли за ним.

ТЕАТР ТЕНЕЙ

1

Бэйярд Лодж, руководитель спецгруппы № 3 под кодовым названием «Жизнь», раздраженно нахмурившись, смотрел на сидевшего напротив, по ту сторону стола, психолога Кента Форестера.

— Игру в Спектакль прерывать нельзя, — говорил Форестер. — Я не поручусь за последствия, если мы приостановим ее даже на один-два дня. Ведь это единственное, что нас объединяет, помогает нам сохранить рассудок и чувство юмора, отвлекает нас от более серьезных проблем.

— Знаю, — сказал Лодж. — Но теперь, когда умер Генри...

— Они поймут, — заверил его Форестер. — Я поговорю с ними. Не сомневаюсь, что они поймут.

— Безусловно, — согласился Лодж. — Все мы отлично сознаем, как важен для нас этот Спектакль. Но нужно учесть и другое: одного из персонажей создал Генри.

Форестер кивнул:

— Я тоже об этом думал.

— И вы знаете какого?

Shadow Show, 1950

© 1972 С. Васильева, перевод на русский язык

Форестер отрицательно покачал головой.

— А я-то надеялся, что вам это известно, — проговорил Лодж. — Ведь вы уже давно пытаетесь отождествить каждого из нас с определенным персонажем.

Форестер смущенно улыбнулся.

— Я вас не виню. Мне понятно, почему вас так занимает этот вопрос.

— Разгадка намного упростила бы мою работу, — признал Форестер. — Она помогла бы мне по-настоящему разобраться в личности каждого члена нашей группы. Вот представьте, что какой-нибудь персонаж вдруг начинает вести себя нелогично...

— Они все ведут себя нелогично, — перебил его Лодж. — Именно в этом их прелесть.

— Нелогичность их поведения естественна в допустимых пределах и обусловлена шутовским стилем Спектакля. Но ведь из самого шутовства можно вывести норму.

— И вам это удалось?

— График не получился, — ответил Форестер. — Но зато я теперь недурно в этом ориентируюсь. Когда в знакомой нелогичности появляются отклонения, их не так уж трудно заметить.

— А они случаются?

Форестер кивнул:

— И временами очень резкие. Вопрос, который нас с вами беспокоит, — то, как они мысленно расценивают...

— Назовем это не оценкой, а эмоциональным отношением, — сказал Лодж.

Оба с минуту молчали. Потом Форестер спросил:

— Вас не затруднит объяснить мне, почему вы так настойчиво относите это к сфере эмоций?

— Потому что их отношение к действительности определяется эмоциями, — ответил Лодж. — Это отношение, которое зародилось и созрело под влиянием нашего образа жизни, сформировалось в результате бесконечных размышлений и бесконечного самокопания. Такое отношение сугубо эмоционально и граничит со слепой верой. В нем мало от разума. Мы живем предельно изолированно. Нас слишком строго охраняют. Нам слишком часто говорят о важности нашей работы. Каждый из нас постоянно на взводе. Разве мы

можем остаться нормальными людьми в таких сумасшедших условиях?

— Да еще эта ужасная ответственность, — ввернул Форестер. — Она же отравляет им существование.

— Ответственность лежит не на них.

— Ну да, если свести до минимума значение отдельных индивидов и каждого из них подменить всем человеческим родом. Впрочем, вероятно, даже при этом условии вопрос останется открытым, поскольку решаемая задача неразрывно связана с проблемами человека как представителя биологического вида. Проблемами, которые из общих могут превратиться в личные. Вы только вообразите — сотворить...

— Ничего нового вы мне не скажете, — нетерпеливо прервал его Лодж. — Это я уже слышал неоднократно. «Вы только вообразите — сотворить человеческое существо в ином, нечеловеческом, облике!»

— Причем именно человеческое существо, — подчеркнул Форестер. — Вот в чем соль, Бэйярд. Не в том, что мы искусственно создадим живые существа, а в том, что этими живыми существами будут люди в облике чудовищ. Такие монстры преследуют нас в кошмарных сновидениях, и посреди ночи просыпаешься с криком ужаса. Чудовище само по себе не страшно, если это не более чем чудовище. За несколько столетий эры освоения космоса мы привыкли к необычным формам жизни.

Лодж жестом остановил его:

— Вернемся к Спектаклю.

— Он нам необходим, — твердо заявил Форестер.

— Будет одним персонажем меньше, — напомнил Лодж. — Сами знаете, чем это грозит. Отсутствие одного из персонажей может нарушить гармонию, ритм Спектакля, привести к путанице и неразберихе. Лучше уж остаться без Спектакля, чем допустить его полный развал. Почему бы нам не сделать перерыв на несколько дней, а потом не начать все заново? Поставим новый Спектакль с новыми персонажами, а?

— Это исключено, — возразил Форестер. — По той причине, что каждый из нас как бы сросся со своим персонажем и все персонажи стали органической частью своих создателей. Мы живем двойной жизнью, Бэйярд. Личности наши раздвоены. Так нужно, иначе

мы погибнем. Так нужно, ибо никто из нас не в силах быть только самим собой.

— Вы хотите сказать, что игра в Спектакль страшует нас от безумия?

— Примерно. Однако вы слишком сгущаете краски. Ведь при обычных обстоятельствах мы, несомненно, могли бы обойтись без Спектакля. Но у нас тут обстоятельства особые. Каждый терзается невероятно гипертрофированным чувством вины. Спектакль же дает выход эмоциям. Он служит темой для разговоров. Не будь его, мы посвящали бы наши вечера замыванию кровавых пятен вины. К тому же Спектакль вносит в нашу жизнь какое-то веселье — это наша дневная доза юмора, радости, искреннего смеха. Лодж встал и принялся мерить шагами комнату.

— Я назвал их отношение к действительности эмоциональным, — произнес он, — и настаиваю на своем определении. Это неумное, извращенное отношение, которое носит чисто эмоциональный характер. У них нет никаких оснований для комплекса вины. И тем не менее они его в себе культивируют, словно только так чувствуют себя людьми, словно это единственное, что связывает их с внешним миром, роднит с остальной частью человечества. Они приходят ко мне, делятся со мной своими переживаниями, как будто в моей власти что-либо изменить. Как будто я всемогущ и могу, воздев руки, сказать им: «Что ж, раз так, свернем работу». Как будто у меня самого нет никаких служебных обязанностей. Они говорят, что мы посягаем на область священного, что сотворение жизни невозможно без некоего божественного вмешательства, что человек, который пытается свершить этот подвиг творения, святотатец и богохульник.

Но ведь на это есть ответ, и ответ, логически обоснованный, однако они этой логики не видят либо просто не желают прислушаться к голосу разума. Способен ли человек совершить что-либо относящееся к категории божественного? Так вот, если в сотворении жизни участвует некая высшая сила, Человек, как бы он ни старался, не сумеет создать жизнь в своих лабораториях, не сумеет наладить серийное производство живых существ. Если же Человек, применив все свои знания, сможет при помощи известных ему химических соединений создать живую материю, если он благодаря вы-

сокому уровню науки и техники сотворит живую клетку, это докажет, что возникновение жизни не нуждается в чем-то вмешательстве свыше. А если мы получим такое доказательство, если мы будем знать, что в акте сотворения жизни нет ничего сверхъестественного, разве это доказательство не сорвет с него ореол святости?

— Они же ищут предлог, чтобы избавиться от этой работы, — сказал Форестер, пытаясь успокоить Лоджа. — Возможно, кое-кто из них и верит в это, но остальных просто путает ответственность — я имею в виду моральную ответственность. Они начинают прикидывать, каково это — жить под ее бременем до конца дней. Почти то же самое происходило тысячу лет назад, когда люди открыли атомную энергию и впервые расщепили атом. Они потеряли сон. По ночам они пробуждались с криком ужаса. Они понимали значение своего открытия, понимали, что выпускают на волю страшную силу. А ведь мы тоже отдаем себе отчет, к каким результатам может привести наша работа.

Лодж вернулся к столу и сел.

— Дайте мне подумать, Кент, — проговорил он. — Может, вы и правы. Я еще во многом не разобрался.

— До скорой встречи, — сказал Форестер.

2

Уходя, он мягко прикрыл за собой дверь.

Спектакль был растянутым до бесконечности фарсом — вариант «Старого Красного Амбара», в котором поразительная нелепость и комизм ситуаций преступали все мыслимые границы. В этой фантазмагории было что-то от Волшебной Страны Оз*, какой-то нечеловеческий чужеродный порыв; одна сцена сменяла другую, и представлению не было видно конца.

Если поселить небольшую группу людей на астероиде, который круглосуточно охраняется космическим патрулем; если предоставить каждому из них лабораторию и объяснить, какую им нужно решать проблему; если заставить их день за днем биться над этим решением, то одновременно необходимо принять какие-то меры, чтобы они не сошли с ума.

* Вымышленная страна из сказки американского писателя Ф. Баума «Мудрец из Страны Оз».

Тут могут пригодиться музыка, книги, кинофильмы, разнообразные игры, танцы по вечерам — словом, весь старый арсенал развлечений, которые на протяжении тысячелетия давали человечеству забвение от горестей и забот.

Но наступает момент, когда сила воздействия этих развлечений на психику людей истощается, когда их уже недостаточно.

Тогда начинают искать что-нибудь принципиально новое, еще не приевшееся — игру, в которой смогли бы принять участие все члены такой изолированной группы и которая настолько увлекла бы их, что они на какое-то время отключились бы от действительности, забывая, кто они и ради чего работают.

Так появилась на свет игра в Спектакль.

Давным-давно, много-много лет назад в избах крестьян Европы и фермерских домах первых поселенцев Северной Америки глава семьи по вечерам устраивал для детей театр теней. Он ставил на стол лампу или свечу, усаживался между этим столом и голой стеной и принимался двигать руками в воздухе, то так, то сяк складывая пальцы, и на стене возникали тени кроликов, слонов, лошадей, людей... В течение часа, а то и дольше на стене шло представление: попеременно появлялись то кролик, щиплющий клевер, то слон, размахивающий хоботом и шевелящий ушами, то волк, воющий на вершине холма. Дети сидели затаив дыхание, очарованные этим сказочным зрелищем.

Позже, когда появились кино и телевидение, комиксы и дешевые пластмассовые игрушки, которые можно было приобрести в любой мелочной лавке, тени утратили свое очарование, и их никто больше не показывал. Но сейчас речь не об этом.

Если взять принцип театра теней и приложить к нему знания, накопленные Человеком за истекшее с той поры тысячелетие, получится игра в Спектакль.

Неизвестно, знал ли что-нибудь о театре теней давно забытый гений, которому впервые пришла в голову идея этой игры, но в основу ее лег тот же принцип. Изменился лишь способ проецирования изображения: мозг человека заменил его руки.

А плоские черно-белые кролики и слоны уступили место множеству иных, цветных и объемных существ и предметов, разнообразие которых всецело зависело от

богатства человеческого воображения (ведь куда легче создать что-либо в мыслях, чем руками).

Экран с ячейками памяти, неисчислимыми рядами трубок звуковоспроизводящего устройства, селектора-ми цвета, антеннами приемников телепатем и огромным количеством других приборов был триумфом электронной техники, но он играл пассивную роль, потому что представление складывалось из мысленных образов, возникающих в мозгу собравшихся перед экраном зрителей. Зрители сами придумывали персонажей, сами мысленно управляли всеми их действиями, сами сочиняли для своих персонажей реплики. Зрители, и только зрители, своим целенаправленным мышлением сообща оформляли каждую сцену, создавая в уме декорации, задники, реквизит.

На первых порах Спектакль был путаным и бессистемным; еще неоформившиеся уродливые персонажи бестолково суеились на экране, из-за неопытности зрителей действовали вразнобой, были безликими и смахивали на карикатуры. На первых порах декорации, задники и реквизит были бредовым порождением рассеянного, скачущего мышления зрителей. Иногда на небе одновременно сияли три луны, причем все в разных фазах. Бывало и так, что на одной половине экрана шел снег, а на другой под палящими лучами солнца зеленели пальмы.

Но со временем представление усовершенствовалось, персонажи приняли пристойный вид, увеличились до нормальных размеров, сохранив при этом все конечности, обрели индивидуальность: из примитивных полукarikатур постепенно вылепились живые сложные образы. И если вначале декорации и реквизит были плодом отчаянных попыток девяти разобщенных умов чем-нибудь заполнить на экране пустые места, то теперь зрители научились мыслить согласованно и, оформляя Спектакль, совместными усилиями добивались единства стиля постановки.

Со временем люди стали так умело разыгрывать представление, что оно шло гладко, без срывов, хотя ни один из зрителей-авторов никогда не мог предугадать, какой оборот примут события на экране в следующую секунду.

Именно это и делало игру в Спектакль такой захватывающей. Тот или иной персонаж каким-нибудь

поступком или фразой вдруг давал действию иное направление, и людям — создателям и руководителям других персонажей — приходилось с ходу придумывать для них новый текст, соответствующий внезапному изменению сюжета, и перестраивать их поведение.

В некотором смысле это превратилось в состязание интеллектуалов; каждый участник игры то старался выдвинуть своего персонажа на первый план, то, наоборот, заставлял его ступать, чтобы оградить от возможных неприятностей. Спектакль стал чем-то вроде нескончаемой шахматной партии, в которой у каждого игрока было восемь противников.

И никто, конечно, не знал, кому какой персонаж принадлежит. Попытки разгадать, кто именно из девяти стоит за тем или иным персонажем, приняли форму забавной игры, дали пищу для шуток и острот, и все это шло на пользу, ибо назначение Спектакля как раз заключалось в том, чтобы отвлечь мысли его участников от повседневной работы и тревог.

Каждый вечер после обеда девять человек собирались в специально оборудованном зале; оживал экран, и девять персонажей — Беззащитная Сиротка, Усатый Злодей, Приличный Молодой Человек, Красивая Стерва, Инопланетное Чудовище и другие — начинали играть свои роли и подавать реплики.

Их было девять — девять человек и девять персонажей.

Теперь же осталось восемь человек, потому что Генри Гриффис рухнул мертвым на свой лабораторный стол, сжимая в руке записную книжку.

А в Спектакле, соответственно, должно было стать одним персонажем меньше, персонажем, находившимся в полной зависимости от мышления человека, которого уже не было в живых.

Интересно, подумал Лодж, какое из действующих лиц исчезнет? Ясно, что не Беззащитная Сиротка — образ, который совершенно не вязался с личностью Генри. Скорей им может оказаться Приличный Молодой Человек, либо Нищий Философ, либо Деревенский Щеголь.

«Минуточку, — остановил себя Лодж. — При чем тут Деревенский Щеголь? Ведь Деревенский Щеголь — это я».

Он сидел за столом, лениво размышляя над тем, кому какой персонаж соответствует. Очень похоже, что Красивую Стерву придумала Сью Лоуренс: трудно себе представить более противоположные натуры, чем эта Стерва и собранная, деловитая Сью. Он вспомнил, как, заподозрив это, однажды отпустил в адрес Сью шпильку, после чего она несколько дней держалась с ним очень холодно.

Форестер утверждает, что отказываться от Спектакля нельзя, и, возможно, он прав. Вполне вероятно, что они приспособятся к новому раскладу. Видит Бог, им пора уже приспосабливаться к любым переменам, разыгрывая этот Спектакль из вечера в вечер на протяжении стольких месяцев.

Да и сам-то Спектакль не лучше ярмарочного балагана. Шутовство ради шутовства. Действие даже не эпизодично, потому что еще ни разу не представился случай довести хоть один эпизод до конца. Стоит начать обыгрывать какую-нибудь ситуацию, как кто-нибудь вставляет палку в колеса, и едва наметившаяся сюжетная линия обрывается, и дальше действие разворачивается в другом направлении.

При таком положении вещей, подумал Лодж, исчезновение одного-единственного персонажа вроде бы не должно сбить их с толку.

Он встал из-за стола и, подойдя к огромному окну, устремил задумчивый взгляд на лишенный растительности, пустынный и мрачный ландшафт. Под ним на черной скалистой поверхности астероида, уходя вдаль, блестели в свете звезд купола лабораторий. На севере, над зубчатым краем горизонта, занималась заря, и скоро тусклое, размером с наручные часы солнце всплывет над этим жалким обломком скалы и уронит на него свои слабые лучи.

Глядя на ширившееся над горизонтом сияние, Лодж вспомнил Землю, где с зарей начиналось утро, а после заката солнца наступала ночь. Здесь же царил полный хаос: продолжительность дней и ночей постоянно менялась, и они были так коротки, что местные сутки не годились для деления и отсчета времени. Утро и вечер здесь определялись по часам независимо от положения солнца, и нередко, когда оно стояло высоко над горизонтом, для людей была ночь и они спали.

«Все обстояло бы по-другому, — подумал он, — если б нас оставили на Земле, где мы изо дня в день не варились бы в одном котле, а общались бы с широким кругом людей. Там мы не ели бы себя поедом; общение с другими людьми заглушило бы в нас комплекс вины.

Но контакты с теми, кто непричастен к этой работе, неизбежно дали бы повод для всякого рода слухов, привели бы к утечке информации, а в нашем деле это недопустимо».

Ведь если бы население Земли узнало, что они создают, точнее, пытаются создать, это вызвало бы такую бурю протеста, что, возможно, пришлось бы отказаться от осуществления замысла.

Даже здесь, подумал Лодж, даже здесь кое-кого гложут сомнения и страх.

Человеческое существо должно ходить на двух ногах, иметь две руки, пару глаз, пару ушей, один нос, один рот, не быть чрезмерно волосатым. И оно должно именно ходить, а не прыгать, ползать или катиться.

Искажение человеческого облика, говорят они, надругательство над человеческим достоинством; каким бы могуществом ни обладал Человек, в своей самонадеянности он замахнулся на то, что ему не по плечу.

Раздался стук в дверь. Лодж обернулся.

— Войдите, — громко сказал он.

Дверь открылась. На пороге стояла доктор Сьюзен Лоуренс, флегматичная, бесцветная, аляповато одетая женщина с квадратным лицом, выразившим твердость характера и упрямство.

Она увидела его не сразу и, стоя на пороге, вертела головой по сторонам, пытаясь отыскать его в полутьме комнаты.

— Идите сюда, Сью, — позвал он.

Она прикрыла дверь, пересекла комнату и, остановившись рядом с ним, молча уставилась на пейзаж за окном.

Наконец она заговорила:

— Он ничем не был болен, Бэйярд. У него не обнаружено никаких признаков заболевания. Хотела бы я знать...

Она умолкла, и Лодж почти физически ощутил, как беспросветно мрачны ее мысли.

— Достаточно скверно, — произнесла она, — когда человек умирает от точно диагностированного забо-

левания. И все же не так страшно терять людей после того, как сделаешь все возможное, чтобы их спасти. Но Генри нельзя было помочь. Он скончался мгновенно. Он был мертв еще до того, как ударился об стол.

— Вы обследовали его?

Она кивнула.

— Я поместил его в анализатор. У меня на руках три катушки пленок с записью результатов обследования. Я их просмотрю... попозже. Но могу поклясться, что он был совершенно здоров.

Сью крепко сжала его руку своими короткими толстыми пальцами.

— Он не захотел больше жить, — проговорила она. — Ему стало страшно. Он решил, что близок к какому-то открытию, и его охватил смертельный ужас перед тем, что он может открыть.

— Мы должны все это выяснить, Сью.

— А для чего? — спросила она. — Для того чтобы научиться создавать людей, способных жить на планетах, условия на которых непригодны для существования Человека в его естественном облике? Чтобы научиться вкладывать разум и душу Человека в тело чудовища, которое изведется от ненависти к самому себе?..

— Оно не будет себя ненавидеть, — возразил Лодж. — Ваша точка зрения основана на антропоморфизме. Никакое живое существо никогда не кажется самому себе уродливым, потому что оно, не размышляя, принимает себя таким, какое оно есть. Чем мы можем доказать, что Человек доволен собой больше, чем насекомое или жаба?

— К чему все это? — не унималась она. — Нам же не нужны те планеты. Сейчас планет у нас навалом — куда больше, чем мы в состоянии колонизировать. Одних только планет земного типа хватит на несколько столетий. Хорошо, если удастся их, я уж не говорю — освоить полностью, хотя бы заселить людьми в ближайшие пятьсот лет.

— Мы не имеем права рисковать, — сказал Лодж. — Пока у нас еще есть время, мы должны сделать все, чтобы стать хозяевами положения. Подобных проблем не возникало, когда мы жили только на Земле, где чувствовать себя в относительной безопасности. Но обстоятельства изменились. Мы проникли в космос, стали летать к звездам. Где-то в глубинах Все-

ленной есть другие цивилизации, другие мыслящие существа. Иначе и быть не может. И когда-нибудь мы с ними встретимся. На этот случай нам необходимо укрепить свои позиции.

— И для укрепления наших позиций мы будем основывать колонии человеко-чудовищ. Я понимаю, Бэйярд, все хитроумие этого плана. Признаю, что мы сумеем сконструировать особые тела, мышцы, кости, нервные волокна, органы коммуникации с учетом специфики условий на тех планетах, где нормальное человеческое существо не проживет и минуты. Допустим, мы обладаем высокоразвитым интеллектом и прекрасно знаем свое дело, но этого ведь недостаточно, чтобы вдохнуть в такие тела жизнь. Жизнь — это нечто большее чем просто коллоид из комбинации определенных элементов. Нечто совершенно иное, непостижимое, скрытое от нас за семью печатями.

— А мы все-таки дерзнем, — сказал Лодж.

— Первоклассных специалистов вы превратите в душевнобольных, — взволнованно продолжала она. — Кое-кого из них вы убьете — не руками, конечно, а своим упорством. Вы будете держать их взаперти годами, а чтобы они протянули подольше, одурманите их этим Спектаклем. Но тайну сотворения жизни вы не раскроете, ибо это вне человеческих возможностей.

Она задыхалась от ярости.

— Хотите пари? — рассмеявшись, спросил он.

Она стремительно повернулась к нему лицом.

— Бывают моменты, — произнесла она, — когда я жалею, что принесла присягу. Крупица цианистого калия...

Он взял ее за руку и подвел к письменному столу.

— Давайте выпьем, — предложил он. — Убить меня вы всегда успеете.

3

К обеду они переоделись.

Так было заведено. Они всегда переодевались к обеду.

Это, как Спектакль, входило в постепенно сложившийся ритуал, который они строго соблюдали, чтобы не сойти с ума, не забыть, что они цивилизованные люди, а не только беспощадные охотники за знаниями, пыта-

ющиеся решить проблему, которую любой из них с радостью предпочел бы не решать.

Они отложили в сторону скальпели и прочие инструменты, зачехлили микроскопы; они аккуратно расставили по местам пробирки с культурами, убрали в шкафы сосуды с физиологическим раствором, в котором хранились препараты. Они сняли передники, вышли из лабораторий и закрыли за собой двери. И на несколько часов забыли — или постарались забыть — кто они и над чем работают.

Они переоделись к обеду и собрались в так называемой гостиной, где для них были приготовлены коктейли, а потом перешли в столовую, делая вид, что они самые обыкновенные человеческие существа, не более... и не менее.

На столе — посуда из изысканного фарфора и тончайшего стекла, цветы, горящие свечи. Они начали с легкой закуски, за которой последовали разнообразные блюда, подававшиеся в строгой очередности специально запрограммированными роботами с безупречными манерами; на десерт были сыр, фрукты и коньяк, а для любителей — еще и сигары.

Сидя во главе стола, Лодж перебегал взглядом с одного обедавшего на другого и в какой-то момент встретился глазами с Сью Лоуренс, и его заинтересовало, в самом ли деле она так сердито насупилась или ее лицо казалось утрюмым из-за переменчивой игры теней и света.

Они беседовали, как беседовали за каждым обеденным столом, — пустая светская болтовня беззаботных, легкомысленных людей. То был час, когда они глушили в себе чувство вины, смывали с души ее кровавые следы.

Лодж про себя отметил, что сегодня они не в силах выбросить из сознания то, что произошло днем, потому что говорили они о Генри Грифисе и его внезапной смерти, а на их напряженных лицах застыло выражение деланного спокойствия. Генри был человеком своеобразным, его обуревали слишком сильные страсти, и никто из них так до конца и не понял его. Но они были о нем высокого мнения, и, хотя роботы постарались расставить приборы с таким расчетом, чтобы его отсутствие за столом прошло незамеченным, всех ни на минуту не покидало острое ощущение утраты.

— Мы отправим Генри домой? — спросил Лоджа Честер Сиффорд.

Лодж кивнул:

— Попросим один из патрульных кораблей забрать его и доставить на Землю. Здесь же состоится только краткая панихида.

— А кто выступит с речью?

— Скорей всего Крейвен. Он сблизился с Генри больше, чем остальные. Я уже говорил с ним. Он скажет в его память несколько слов.

— У Генри остались на Земле родственники? Он ведь не любил о себе распространяться.

— Какие-то племянники и племянницы. А может, еще брат или сестра. Вот, пожалуй, и все.

Тут подал голос Хью Мэйтленд:

— Как я понимаю, Спектакль мы не прервем.

— Верно, — подтвердил Лодж. — Так советует Кент, и я с ним согласен. Уж Кент-то знает, что для нас лучше.

— Да, это по его части. Он на своем деле собаку съел, — вставил Сиффорд.

— Безусловно, — сказал Мэйтленд. — Обычно психологи держатся особняком. Строят из себя этакую воплощенную совесть. А у Кента другая система.

— Он ведет себя как священник, — заявил Сиффорд. — Самый натуральный священник, черт его побери!

Слева от Лоджа сидела Элен Грей, и он видел, что она ни с кем не разговаривает, вперив неподвижный взгляд в вазу с розами, которая сегодня украшала центр стола.

Ей нелегко, подумал Лодж. Ведь она первая увидела мертвого Генри и, считая, что он заснул, потрясла его за плечо, чтобы разбудить.

На противоположном конце стола, рядом с Форестером, сидела Элис Пейдж. В этот вечер на нее напала не свойственная ей болтливость; она была женщиной несколько странной, замкнутой, а в ее неброской красоте было что-то неуловимо печальное. Сейчас она придвинулась к Форестеру и возбужденно что-то доказывала ему, понизив голос, чтобы не слышали остальные, а Форестер терпеливо внимал ей, скрывая под маской спокойствия тревогу.

«Они расстроены, — подумал Лодж, — причем гораздо глубже, чем я предполагал. Расстроены, возбуждены и в любой момент могут потерять самоконтроль».

Смерть Генри потрясла их гораздо сильнее, чем ему казалось.

Пусть Генри и не отличался личным обаянием, он все же был одним из членов их маленькой группы. «Одним из них, — подумал Лодж. — А почему не одним из нас?» Но так сложилось с самого начала: не в пример Форестеру, самое большое достижение которого заключалось в том, что он сумел стать одним из них, Лодж должен был избегать панибратства, проявлять сдержанность, соблюдая при общении с ними едва заметную дистанцию холодного отчуждения — единственное в этих условиях средство поддержать авторитет власти и предотвратить возможное неповиновение, а это для его работы было весьма важно.

— Генри был близок к какому-то открытию, — произнес Сиффорд.

— Я уже слышал это от Сью.

— Он умер в тот момент, когда записывал что-то в блокнот, — продолжал Сиффорд. — А вдруг это...

— Мы просмотрим его записи, — пообещал Лодж. — Все вместе. Завтра или послезавтра.

Мэйтленд покачал головой:

— Нам никогда не сделать это открытие, Бэйярд. Мы пользуемся не той методикой, работаем не в том направлении. Нам необходимо подойти к этой проблеме по-новому.

— А как? — взвился Сиффорд.

— Не знаю, — сказал Мэйтленд. — Если б я знал...

— Джентльмены, — вмешался Лодж.

— Виноват, — извинился Сиффорд. — У меня что-то пошаливают нервы.

Лодж вспомнил, как Сьюзен Лоуренс, стоя рядом с ним у окна и глядя на безжизненную унылую поверхность кувыркавшегося в пространстве обломка скалы, на котором они ютились, произнесла: «Он не захотел больше жить. Он боялся жить».

Что она имела в виду? То, что Генри Гриффис умер от страха? Что он умер, потому что боялся жить?

Возможно ли, чтобы психосоматический синдром послужил причиной смерти?

Когда они перешли в театральный зал, атмосфера не разрядилась, хотя они, проявляя незаурядную силу воли, вроде бы держались легко и свободно. Они разговаривали о пустяках и притворялись, будто их ничто не тревожит, а Мэйтленд даже сделал попытку пошутить, но его шутка пришлась не к месту и в корчах испустила дух, раздавленная фальшивым хохотом, которым на нее отреагировали остальные.

Кент ошибся, подумал Лодж, чувствуя, как его захлестывает ужас. В этой затее — смертельный заряд психологической взрывчатки. Достаточно незначительного толчка, и начнется цепная реакция, которая может привести к распаду их группы. А если группа распадется, перестанет существовать как единое целое, пойдут прахом все труды, на которые было потрачено столько лет: долгие годы обучения, месяцы, понадобившиеся для выработки привычки к совместной работе, не говоря уже о постоянной, ни на миг не прекращавшейся борьбе за то, чтобы они пребывали в хорошем настроении и не перегрызли друг другу глотки. Исчезнет спланирующая их вера в коллектив, которая за эти месяцы постепенно пришла на смену индивидуализму; сломается отлично налаженный механизм спокойного сотрудничества и согласованности действий; обесценится значительная часть уже проделанной ими работы, ибо никакие другие ученые, пусть самые что ни на есть квалифицированные, не смогут с ходу принять атмосферу своих предшественников, даже если в их распоряжении будут все материалы с результатами исследований, проведенных теми, кто работал до них.

Одну из стен помещения занимал вогнутый экран, перед которым тянулись узкие, ярко освещенные подмости.

А за экраном, скрытые от глаз, причудливо переплетались трубки, стояли генераторы, находились звуковоспроизводящее устройство и компьютеры — чудо техники, воплощающее мысли и волю людей в зримые, движущиеся образы, которые сейчас возникнут на экране и заживут своей жизнью. Марионетки, подумал Лодж, но марионетки, созданные человеческой мыслью и обладающие странной, пугающей человечностью, ко-

торой всегда недостает вырезанным из дерева фигуркам.

Когда-то Человек творил только руками, раскалывал и обтесывал куски кремня, делал луки, стрелы, предметы обихода; позже он изобрел машины, ставшие как бы придатками его рук, и эти машины начали выпускать изделия, создавать которые вручную было невозможно; теперь же Человек творил не руками и не машинами, а мыслью, хотя ему и приходилось пользоваться разнообразной сложной аппаратурой, с помощью которой материализовалась деятельность его мозга.

Наступит день, подумал Лодж, когда единственным созидателем станет человеческая мысль — без посредничества рук и машин.

Экран замерцал, и на нем появилось дерево, потом еще одно дерево, скамья, пруд с утками; на втором плане какая-то статуя, а вдалеке, полускрытые ветвями деревьев, проступили неясные контуры высоченных городских зданий.

Как раз на этой сцене они вчера вечером прервали представление. Персонажи Спектакля решили устроить пикник в городском парке, пикник, который почти наверняка просуществует считанные мгновения, пока кому-нибудь не взбредет в голову превратить его во что-то другое.

Но, быть может, сегодня пикник останется пикником, с надеждой подумал Лодж, и они доведут эту сцену до конца, будут разыгрывать Спектакль с прохладцей, без обычного азарта, обуздают свою фантазию. Именно сегодня недопустимы никакие неожиданные повороты действия, никакие потрясения, ведь для того, чтобы помочь персонажу выбраться из лабиринта нелепейших ситуаций, которые возникают при внезапном изменении сюжета, необходимо значительное умственное напряжение, а это может в такой обстановке привести к тяжелым психическим нарушениям.

Так получилось, что сегодня будет одним персонажем меньше, и многое зависит от того, какой из них будет отсутствовать.

Пока что сцена пустовала, напоминая тщательно выписанный маслом пейзаж в блеклых тонах, с изображением весеннего парка.

Почему они не начинают? Чего ждут?

Они ведь позаботились оформить сцену. Так чего же они ждут?

Кто-то из зрителей надумал ветер — послышался шелест ветвей, и поверхность прудика подернулась рябью.

Лодж создал в воображении образ своего персонажа и вывел его на экран, сконцентрировав мысли на его неуклюжей походке, соломинке, торчащей изо рта, на заросшем курчавыми волосами затылке.

Должен же кто-нибудь начать. Неважно кто...

Деревенский Щеголь засуетился и бросился назад, исчезнув с экрана. Через секунду он появился снова, неся большую плетеную корзину с крышкой.

— А про корзину-то я и забыл, — сообщил он с глуповатой застенчивостью сельского жителя.

В темноте зала кто-то хихикнул.

Слава Богу! Кажется, все идет нормально. Ну выходите же, кто там еще остался!

На экране появился Нищий Философ — в высшей степени респектабельный мужчина без единой положительной черточки в характере; его импозантная внешность, гордая осанка сенатора, пестрый жилет и длинные седые локоны были ширмой, за которой скрывался попрошайка, бездельник и редкостный враль.

— Друг мой, — произнес он. — Мой добрый друг.

— Никакой я те не друг, — заявил Деревенский Щеголь. — Вот отдашь мне триста долларов, тогда поглядим.

Да выходите же, наконец, кто там еще остался!

Появились Красивая Стерва и Приличный Молодой человек, которого с минуты на минуту должно было постигнуть ужасное разочарование.

Деревенский Щеголь, присев на корточки посреди лужайки и открыв корзину, начал извлекать из нее еду: окорок, индейку, сыр, блюдо фруктового желе, банку маринованной сельди, термос.

Красивая Стерва кокетливо сделала ему глазки и заиграла бедрами. Деревенский Щеголь вспыхнул и, быстро пригнув голову, спрятал лицо.

Кент крикнул из зрительного зала:

— Так держать! Сгуби его!

Все расхохотались.

Это обязательно должно войти в привычную колею. Все образуется.

Если зрители начнут перебрасываться шутками с действующими лицами Спектакля, дело непременно пойдет на лад.

— А это ты недурственно придумал, лапуня, — отозвалась Красивая Стерва. — Заметано.

Она направилась к Щеголю.

Щеголь, все еще не поднимая головы, продолжал вынимать из корзины всевозможную снедь — в таком количестве, что она едва ли уместилась бы в десяти подобных корзинах.

Круги копченой колбасы, горы шницелей, холмы конфет... И под конец он вытащил из корзины бриллиантовое ожерелье.

Красивая Стерва, взвизгнув от восторга, коршуном набросилась на ожерелье.

Между тем Нищий Философ оторвал от индейки ножку и то откусывал от нее куски, то размахивал ею в воздухе, чтобы усилить впечатление от высокопарных цветистых фраз, которые неудержимым потоком лились из его уст.

— Друзья мои, — ораторствовал он, уписывая индейку. — Друзья мои, как это уместно и естественно... Я повторяю, сэр, как это уместно и естественно, когда задушевные друзья встречаются в такой поистине дивный весенний день, чтобы в обществе друг друга насладиться общением с ликующей природой, найдя для своей встречи даже в самом сердце этого бессердечного города столь уединенный и тихий уголок...

Дай ему волю, и он мог бы тянуть резину до бесконечности. Но сейчас, учитывая напряженность обстановки, необходимо было любым способом остановить это словоблудие.

Кто-то выпустил в пруд миниатюрного, но весьма резвого кита, своими повадками больше напоминавшего дельфина; этот кит то и дело выпрыгивал из воды, описывая в воздухе изящную дугу, и, распутав плавающих на пруду уток, ненадолго скрывался в воде.

Тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, на экран выползло Инопланетное Чудовище и спряталось за дерево. Сразу было видно, что это не к добру.

— Берегитесь! — крикнул кто-то из зрителей, но актеры и ухом не повели. Иногда они проявляли невероятную тупость.

На экран под руку с Усатым Злодеем вышла Беззащитная Сиротка (и это тоже не предвещало ничего хорошего), а следом за ними шествовал Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.

— Где же наша Прелестная Девушка? — спросил Усатый Злодей. — Все вроде уже в сборе, только ее и не хватает.

— Еще заявится, — сказал Деревенский Щеголь. — Давеча видал я, как она на углу в салуне джин хлестала...

Философ прервал свою витиеватую речь на полужае, индюшачья ножка замерла в воздухе. Его серебристые волосы эффектно стали дыбом, и он круто повернулся к Деревенскому Щеголю.

— Вы хам, сэр! — возгласил он. — Сказать такое может только самый последний хам!

— А мне все едино, — заявил Щеголь. — Мели себе, что хошь, ведь правда-то моя, а не твоя.

— Отвяжись от него, — заверещала Красивая Стерва, лаская пальцами бриллиантовое ожерелье. — Не смей обзывать моего дружка хамом.

— Полноте, К. С., — вмешался Приличный Молодой Человек. — Советую вам держаться от них подальше.

— Заткни пасть! — быстро обернувшись к нему, отрезала она. — Ты, лицемерное трепло. Не тебе меня учить. По-твоему, я недостойна, чтобы меня моим законным именем называли? Хватит с меня одних инициалов, так? Шут гороховый, шантажист хрипатый! А ну отваливай, да поживей!

Философ не спеша выступил вперед, нагнулся и взмахнул рукой. Полуобъеденная индюшачья ножка заехала Щеголю в челюсть.

Схватив жареного гуся, Щеголь медленно поднялся во весь рост.

— Ах вот ты как... — процедил он.

И запустил в Философа гусем. Гусь ударился о пестрый жилет, забрызгав его жиром.

О Господи, подумал Лодж. Теперь наверняка быть беде! Почему Философ так странно повел себя? Почему они хотя бы сегодня, один-единственный раз, не

смогли удержаться от того, чтобы не превратить простой дружеский пикник черт знает во что? Почему тот, кто создал Философа и руководит всеми его поступками, заставил его замахнуться этой индюшачьей ножкой?

И почему он, Бэйярд Лодж, внушил Щеголю, чтобы тот швырнул гуся.

И, уже задавая себе этот вопрос, Лодж похолодел, а когда в его сознании оформился ответ, у него возникло чувство, будто чья-то рука сдавила ему внутренности.

Он понял, что вообще этого не делал.

Он не заставлял Щеголя бросаться гусем. И хотя в тот момент, когда Щеголь получил пощечину, в нем вспыхнуло возмущение и злоба, он мысленно не приказал своему персонажу нанести ответный удар.

Он уже не так внимательно следил за действием: сознание его раздвоилось, и половина мыслей, одна другую опровергая, была поглощена поисками объяснения того, что сейчас произошло.

Фокусы аппаратуры. Это она заставила Щеголя швырнуть гуся — ведь самые сложные механизмы, установленные за экраном, не хуже человека знали, какую реакцию может вызвать удар в лицо. Машина сработала автоматически, не дожидаясь, пока получит соответствующий мысленный приказ... по-видимому, не сомневаясь, каково будет его содержание.

Это же естественно, доказывала одна часть его сознания другой, что машине известно, как реагирует человек на тот или иной раздражитель, и еще более естественно, что, зная это, она срабатывает автоматически.

Философ, ударив Щеголя, осторожно отступил назад и вытянулся по стойке «смирно», держа на караул обгрызенную и замусоленную индюшачью ножку.

Красивая Стерва захлопала в ладоши и воскликнула:

— Теперь вы должны драться на дуэли!

— Вы попали в самую точку, мисс, — сказал Философ, не меняя позы. — Для этого-то я его и ударил.

Капли жира медленно стекали с его нарядного жилета, но по выражению его лица и осанке никто бы не усомнился в том, что сам он считает себя одетым безупречно.

— Надо было бросить перчатку, — назидательным тоном сказал Приличный Молодой Человек.

— У меня нет перчаток, сэр, — честно признался Философ в том, что было очевидно каждому.

— Но ведь это ужасно неприлично, — гнул свое Приличней Молодой Человек.

Усатый Злодей откинул полы пиджака и из задних карманов брюк вытащил два пистолета:

— Я их всегда ношу с собой, — с плотоядной ухмылкой сообщил он. — На такой вот случай.

«Мы должны как-то разрядить обстановку, — подумал Лодж. — Необходимо умерить их агрессивность. Нельзя допустить, чтобы они распались еще больше».

И он вложил в уста Щеголя следующую реплику:

— Я те скажу вот что. Не по душе мне это баловство с огнестрельным оружием. Ненароком кого и подстрелить можно.

— От дуэли тебе не отвертеться, — заявил кровавый Злодей, держа оба пистолета в одной руке, а другой теребя усы.

— Право выбора оружия принадлежит Щеголю, — вмешался Приличней Молодой Человек. — Как лицу, которому было нанесено оскорбление...

Красивая Стерва перестала хлопать в ладоши.

— А ты не лезь не в свое дело! — завизжала она. — Мозгляк несчастный, маменькин сынок. Да ты просто не хочешь, чтобы они дрались.

Злодей отвесил поклон.

— Право выбора оружия принадлежит Щеголю, — объявил он.

— Вот смехотура! — прочирикал Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации. — До чего же все люди забавные!

Из-за дерева выглянула голова Инопланетного Чудовища.

— Оставь их в покое, — проревело оно своим противным акцентом. — Если им захотелось подраться, пусть дерутся. — Засунув в пасть кончик хвоста, оно запросто свернулось в колесо и покатилося. С бешеной скоростью оно промчалось вокруг пруда, не переставая бубнить: — Пусть дерутся, пусть дерутся, пусть дерутся... — И снова быстро спряталось за дерево.

— А мне-то казалось, что это пикник, — жалобно проговорила Беззащитная Сиротка.

«Мы все так считали», — подумал Лодж. Хотя еще до начала представления можно было голову дать на отсечение, что пикник долго не продержится.

— Будьте добры, выберите оружие, — с преувеличенной любезностью обратился Злодей к Щеголю. — Пистолеты, ножи, мечи, боевые топоры...

Что-нибудь смешное, подумал Лодж. Нужно предложить что-нибудь смешное и несуразное.

И он заставил Щеголя произнести:

— Вилы. На расстоянии трех шагов.

На экран, мурлыкая застольную песню, выпорхнула Прелестная Девушка. Судя по ее возбужденному виду, она уже успела прилично нагрузиться.

Но, увидев Философа, с жилета которого стекал гусиный жир, Злодея, сжимавшего в каждой руке по пистолету, и Красивую Стерву, позванивавшую бриллиантовым ожерельем, она остановилась как вкопанная и спросила:

— Что здесь происходит?

Нищий Философ наконец расстался со стойкой «смирно» и с самодовольной улыбкой удовлетворенно потер руки.

— Какая приятная душевная обстановка! — радостно воскликнул он, источая братскую любовь к окружающим. — Наконец-то мы, все девять, в сборе...

Сидевшая в зрительном зале Элис Пейдж вскочила с места, схватилась руками за голову, сжала ладонями виски и, зажмурившись, истерически вскрикнула...

5

На экране было не восемь персонажей, а девять.

Персонаж Генри Грифиса участвовал в представлении наравне с остальными.

— Вы сошли с ума, Бэйярд, — сказал Форестер. — Если человек умер, значит, он мертв. Не берусь судить, полностью ли прекращается со смертью его существование, но, если, умерев, человек все-таки продолжает существовать, то уже на другом уровне, в другой плоскости, в другом состоянии, в другом измерении. Пусть теологи или там спиритуалисты пользуются какой угодно терминологией, ответ на этот вопрос у всех один.

Лодж кивнул в знак согласия:

— Я хватался за соломинки. Перебирал все возможные варианты. Я знаю, что Генри умер. Я знаю, что мертвые не оживают. И тем не менее вы должны согласиться, что это естественно, если при таких обстоятельствах в голову лезут самые невероятные мысли. Нелегко нам до конца избавиться от суеверий — очень уж они живучи.

— Если мы сейчас пустим дело на самотек, неминуем взрыв, — сказал Форестер. — Ведь к тому моменту, когда это произошло, они уже находились в состоянии крайнего нервного напряжения: тут и сомнения в целесообразности и возможности решения проблемы, над которой они давно и безуспешно бьются, и разного рода конфликты и неурядицы, неизбежные в условиях, когда девять человек на протяжении долгих месяцев живут и работают бок о бок, да плюс ко всему еще невроз типа клаустрофобии*. И все это день ото дня нарастало и обострялось. Я наблюдал этот разрушительный процесс затаив дыхание.

— Предположим, что среди них нашелся какой-то шутник, который подменил Генри, — проговорил Лодж. — Что вы на это скажете? Вдруг кто-то из них управлял не только своим персонажем, но и персонажем Генри, а?

— Человек не способен управлять более чем одним персонажем, — возразил Форестер.

— Но кто-то же выпустил в пруд кита.

— Правильно. Однако этот кит быстро исчез. Подпрыгнул разок-другой, и его не стало. Тому, кто его создал, было не под силу продержаться его на экране подольше.

— Декорации и реквизит мы придумываем сообща. Почему же кто-нибудь из нас не может незаметно для других уклониться от оформления Спектакля и сконцентрировать все свои мысли на двух персонажах?

На лице Форестера отразилось сомнение.

— Пожалуй, в принципе такое возможно. Но тогда второй персонаж почти обязательно получился бы дефектным. А вы заметили хоть малейшую странность в каком-нибудь из персонажей?

* Болезненный страх находиться в закрытом помещении.

— Не знаю насчет странности, — ответил Лодж, — но Инопланетное Чудовище пряталось...

— Это не персонаж Генри.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Генри был человеком не того склада, чтобы сделать своим персонажем Инопланетное Чудовище.

— Хорошо, допустим. Какой же тогда персонаж принадлежит ему?

Форестер раздраженно хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

— Ведь я уже говорил вам, Бэйярд, что не знаю, кто из них стоит за тем или иным действующим лицом Спектакля. Я пытался каждому подобрать под пару определенный персонаж, но безуспешно.

— Если б мы знали, насколько легче было бы решить эту загадку. В особенности...

— В особенности если б нам было известно, какой из персонажей принадлежал Генри, — закончил Форестер.

Он встал с кресла и зашагал по кабинету.

— Ваше предположение относительно какого-то шутника, который якобы вывел на экран персонаж Генри, имеет одно слабое место, — сказал он. — Ну посудите сами, откуда этот мифический шутник мог знать, какой ему нужно создать персонаж.

— Прелестная Девушка! — вскричал Лодж.

— Что?

— Прелестная Девушка. Она ведь появилась на экране последней. Неужели не помните? Усатый Злодей спросил, где она, а Деревенский Щеголь ответил, что видел ее в салуне...

— Господи! — выдохнул Форестер. — А Нищий Философ поспешил объявить, что все наконец в сборе. Причем с явной издевкой! Будто хотел над нами поглумиться!

— Вы считаете, что это работа того, кто стоит за Философом? Если так, то он — тот самый предполагаемый шутник. Он и вывел на экран девятого члена труппы — Прелестную Девушку. Но если на экране собралось восемь действующих лиц, яono, что отсутствующее — девятое — и есть персонаж Генри.

— Либо это и вправду чья-то проделка, — сказал Форестер, — либо персонажи по неизвестной нам

причине стали в какой-то степени чувствовать и мыслить самостоятельно, частично ожили.

Лодж нахмурился:

— Такая версия не для меня, Кент. Персонажи — это образы, которые мы создаем в своем воображении, проверяем, насколько они соответствуют своему назначению, оцениваем, а если они нас не устраивают, вытесняем их из сознания, и их как не бывало. Они полностью зависят от нас. Их личности неотделимы от наших. Они не более чем плоды нашей фантазии.

— Вы не совсем правильно поняли меня, — возразил Форестер. — Я имел в виду машину. Она вбирает в себя наши мысли и из этого сырья создает зримые образы. Трансформирует игру воображения в кажущуюся реальность...

— А память?..

— Думаю, что такая машина вполне может обладать памятью, — сказал Форестер. — Видит Бог, она собрана из предостаточного количества разнообразной точной аппаратуры, чтобы быть почти универсальной. Ее роль в создании Спектакля значительней, чем наша; большая часть работы лежит на ней, а не на нас. В конце концов, мы ведь все те же простые смертные, какими были всегда. Только что интеллект у нас выше, чем у наших предков. Мы строим для себя механические приделки, которые расширяют наши возможности. Вроде этой машины.

— Не знаю, что вам на это сказать, — произнес Лодж. — Право, не знаю. Я устал от этого переливания из пустого в порожнее. От бесконечных рассуждений и домыслов.

Но про себя подумал, что на самом-то деле ему есть что сказать. Он знал, что машина способна действовать самостоятельно — заставила же она Щеголя запустить индюшкой в Философа. А впрочем, то была чисто автоматическая реакция, и это ровно ничего не значит.

Или он ошибается?

— Машина могла выпустить на экран Генри, — убежденно заявил Форестер. — Могла заставить Философа над нами поиздеваться.

— Но с какой целью? — спросил Лодж, уже зная наперед, почему машина, обладая она самостоятельностью, поступила бы именно так, и у него по телу забегали мурашки.

— Чтобы дать нам понять, — ответил Форестер, — что она тоже чувствует и мыслит.

— Никогда б она на это не решилась, — возразил Лодж. — Если бы у нее появилось такое качество, она держала бы его в тайне. В этом ее единственная защита. Мы ведь можем ее уничтожить. И скорей всего так бы и сделали, если бы нам показалось, что она ожила. Мы бы ее демонтировали, разобрали на составные части, разрушили.

Оба умолкли, и в наступившей тишине Лодж почувствовал, что все вокруг пронизано ужасом, но ужасом необычным. В нем слилось смятение мыслей и чувств, внезапная смерть одного из них, лишний персонаж на экране, жизнь под постоянным надзором, безысходное одиночество...

— У меня больше голова не варит, — произнес он. — Поговорим завтра. Утро вечера мудренее.

— Хорошо, — согласился Форестер.

— Хотите чего-нибудь выпить?

Форестер отрицательно покачал головой.

Ему тоже больше неумоготу разговаривать, подумал Лодж. Он рад поскорей уйти.

Как раненое животное. Мы все, как раненные животные, расплозаемся по своим углам, чтобы остаться в одиночестве; нас тошнит друг от друга, для нас отравы — постоянно видеть за обеденным столом и встречать в коридорах одни и те же лица, смотреть на одни и те же рты, повторяющие одни и те же бессмысленные фразы, так что теперь, столкнувшись с обладателем какого-нибудь определенного рта, уже знаешь заранее, что он скажет.

— Спокойной ночи, Бэйярд.

— Спокойной ночи, Кент. Крепкого вам сна.

— Увидимся завтра.

— Разумеется.

Двери тихо закрылись.

Спокойной ночи. Крепко спите..

Укусит клоп. — его давите.

6.

После завтрака все они собрались в гостиной, и Лодж, переводя взгляд с одного лица на другое, понял, что под их внешним спокойствием скрываются напер-

даваемый ужас; он почувствовал, как беззвучным криком исходят их души, одетые в непроницаемую броню выдержки и железной дисциплины.

Кент Форестер не спеша старательно прикурил от зажигалки и заговорил небрежным будничным тоном, словно бы между прочим, но Лодж, наблюдая за ним, отлично сознавал, чего стоило Кенту такое самообладание.

— Нельзя допустить, чтобы это вконец разъело нас изнутри, — произнес Форестер. — Мы должны выговориться, поделиться друг с другом своими переживаниями.

— Иными словами — подыскать разумное объяснение тому, что произошло? — спросил Сиффорд.

— Я сказал «выговориться». Это тот случай, когда самообман исключается.

— Вчера на экране было девять персонажей, — произнес Крейвен.

— И кит, — добавил Форестер.

— Вы считаете, что один из...

— Не знаю. Если это проделал кто-то из нас, пусть он или она честно признается. Ведь мы способны понять и оценить шутку.

— Если это шутка, то шутка отвратительная, — заметил Крейвен.

— Это уже другой вопрос, — сказал Форестер.

— Если бы я узнал, что это просто мистификация, у меня бы камень с души упал, — проговорил Мэйтленд.

— То-то и оно, — подхватил Форестер. — Именно это я и желал бы выяснить.

— У кого-нибудь из вас есть что сказать? — немного погодя спросил он.

Ни один из присутствующих не проронил ни слова. Молчание затянулось.

— Никто не признается, Кент, — сказал Лодж.

— Предположим, что этот горе-шутник хочет сохранить инкогнито, — проговорил Форестер. — Желание вполне понятное при таких обстоятельствах. Тогда, может быть, стоит раздать всем по листку бумаги?

— Раздайте, — проворчал Сиффорд.

Форестер вытащил из кармана сложенные пополам листы бумаги и, аккуратно разорвав на одинаковые кусочки, роздал присутствующим.

— Если вчерашнее происшествие произошло по вине одного из вас, ради всего святого, дайте нам знать, — взмолился Лодж.

Листки вернулись к Форестеру. На некоторых было написано «нет», на других — «какие уж там шутки», а на одном — «я тут ни при чем».

Форестер сложил листки в пачку.

— Что ж, значит, эта идея себя не оправдала, — произнес он. — Впрочем, должен признаться, что я не возлагал на нее особых надежд.

Крейвен тяжело поднялся со стула.

— Нам всем не дает покоя одна мысль, — проговорил он. — Так почему же не высказать ее вслух?

Он умолк и с вызовом посмотрел на остальных, словно давая понять, что им не удастся его остановить.

— Генри здесь недолюбливали, — сказал он. — Не вздумайте это отрицать. Человек он был жесткий, трудный. Трудный во всех отношениях — такие не пользуются расположением окружающих. Я сблизился с ним больше, чем остальные члены нашей группы. И я охотно согласился сказать несколько слов в его память на сегодняшней панихиде, потому что, несмотря на трудность своего характера, Генри был достоин уважения. Он обладал такой твердой волей и упорством, какие редко встретишь даже у подобных личностей. Но на душе у него было беспокойно, его мучили сомнения, о которых никто из нас не догадывался. Иногда в наших с ним кратких беседах его прорывало, и он говорил со мной откровенно — по-настоящему откровенно, как никогда не говорил ни с кем из вас.

Генри стоял на пороге какого-то открытия. Его охватил панический страх. И он умер.

А ведь он был совершенно здоров.

Крейвен взглянул на Сью Лоуренс.

— Может, я ошибаюсь, Сьюзен? — спросил он. — Скажите, был он чем-нибудь болен?

— Нет, он был здоров, — ответила доктор Сьюзен Лоуренс. — Он не должен был умереть.

Крейвен повернулся к Лоджу:

— Он недавно беседовал с вами, правильно?

— Дня два назад, — сказал Лодж. — На вид он казался таким же, как всегда.

— О чем он говорил с вами?

— Да, собственно, ни о чем особенном. О делах второстепенной важности.

— О делах второстепенной важности? — язвительно переспросил Крейвен.

— Ну ладно. Если вам угодно, извольте, я могу уточнить. Он говорил о том, что не хочет продолжать свои исследования. Назвал нашу работу дьявольским наваждением. Именно так он выразился: «Дьявольское наваждение». — Лодж обвел взглядом сидевших в комнате людей.

— Он говорил с вами настойчивей, чем прежде?

— Мне не с чем сравнивать, — ответил Лодж. — Дело в том, что на эту тему он беседовал со мной впервые. Пожалуй, из всех, кто здесь работает, один он никогда прежде ни при каких обстоятельствах в разговоре со мной не затрагивал этого вопроса.

— И вы уговорили его продолжить работу?

— Мы обсудили его точку зрения.

— Вы его убили!

— Возможно, — сказал Лодж. — Возможно, я убиваю вас всех. Или же каждый из нас убивает себя сам. Почему я знаю? — Он повернулся к доктору Лоуренсу: — Сью, может человек умереть от психосоматического заболевания, вызванного страхом?

— По клинике заболевания нет, — ответила Сьюзен Лоуренс. — А если исходить из практики, то боюсь, что придется ответить утвердительно.

— Он попал в ловушку, — заявил Крейвен.

— Вместе со всем человечеством, — в сердцах обрезал его Лодж. — Если вам не терпится размять свой указательный палец, направьте его по очереди на каждого из нас. На все человеческое общество.

— По-моему, это не имеет отношения к тому, что нас сейчас интересует, — вмешался Форрестер.

— Напротив, — возразил Крейвен. — И я объясню почему. Из всех людей я последним поверил бы в существование призраков...

Элис Пейдж вскочила на ноги.

— Замолчите! — крикнула она. — Замолчите! Замолчите!

— Успокойтесь, мисс Пейдж, — попросил Крейвен.

— Но вы же сказали...

— Я говорю о том, что, если допустить такую возможность, здесь у нас сложилась именно та ситуация, в которой у духа, покинувшего тело, был бы повод и, я бы даже сказал, право посетить место, где его тело постигла смерть.

— Садитесь, Крейвен! — приказал Лодж.

Крейвен в нерешительности помедлил и сел, злобно буркнув что-то себе под нос.

— Если вы видите какой-то смысл в дальнейшем обсуждении этого вопроса, — произнес Лодж, — настоятельно прошу оставить в покое мистику.

— Мне кажется, здесь нечего обсуждать, — сказал Мэйтленд. — Как ученые, посвятившие себя поискам первопричины возникновения жизни, мы должны понимать, что смерть есть абсолютный конец всех жизненных явлений.

— Вы отлично знаете, что это еще нужно доказать, — возразил Сиффорд.

Тут вмешался Форестер.

— Давайте-ка оставим эту тему, — решительно сказал он. — Мы можем вернуться к ней позже. А сейчас поговорим о другом. — И торопливо добавил: — Нам нужно выяснить кое-что еще. Скажите, кто-нибудь из вас знает, какой персонаж принадлежал Генри?

Молчание.

— Речь идет не о том, чтобы установить тождество каждого из участников Спектакля с определенным персонажем, — пояснил Форестер. — Но методом исключения...

— Хорошо, — сказал Сиффорд. — Раздайте еще раз ваши листки.

Форестер вытащил из кармана оставшуюся бумагу и снова принялся рвать ее на небольшие кусочки.

— К черту эти ваши липовые бумажки! — воорвался Крейвен. — Меня на такой крючок не поймаешь.

Форестер поднял взгляд с приготовленных листков на Крейвена.

— Крючок?

— А то нет, — вызывающим тоном ответил Крейвен. — Если уж говорить начистоту, разве вы все время не пытаетесь дознаться, кому какой принадлежит персонаж?

— Я этого не отрицаю, — заявил Форестер. — Я нарушил бы свой долг, если бы не пытался установить, кто из вас стоит за тем или иным персонажем.

— Меня удивляет, как тщательно мы это скрываем, — заговорил Лодж. — В нормальной обстановке подобное явление не имело бы значения, но здесь мы живем и работаем в очень сложных условиях. Мне думается, что, если бы каждый из нас перестал делать из этого тайну, всем нам стало бы намного легче существовать. Что до меня, то я охотно назову свой персонаж. Готов быть первым — вы только дайте команду. — Он замолчал и выжидательно посмотрел на остальных.

Команды не последовало.

Все они глядели на него в упор, и лица их были бесстрастны — они не выражали ни злобы, ни страха, ничего вообще.

Лодж пожал плечами, сбросив с них бремя неудачи.

— Ладно, оставим это, — произнес он, обращаясь к Крейвену. — Так о чем вы говорили?

— Я хотел сказать, что написать на листке бумаги имя персонажа — это все равно, что встать и произнести его вслух. Форестеру знаком почерк каждого из нас. Ему ничего не стоит опознать автора любой записки.

— У меня этого и в мыслях не было, — запротестовал Форестер. — Честное слово. Но в общем-то Крейвен прав.

— Что же вы предлагаете? — спросил Лодж.

— Списки типа избирательных бюллетеней для тайного голосования, — сказал Крейвен. — Нужно составить списки имен персонажей.

— А вы не боитесь, что мы сумеем опознать каждого по крестик, поставленному против имени его персонажа?

Крейвен взглянул на Лоджа.

— Раз уж вы об этом упомянули, значит, нужно учесть и такую возможность, — невозмутимо произнес он.

— Внизу, в лаборатории, есть набор штампов, — устало сказал Форестер. — Для пометки образчиков препаратов. Среди них наверняка найдется штамп с крестиком.

— Это вас устраивает? — спросил Лодж Крейвена.

Крейвен кивнул.

Лодж медленно поднялся со стула.

— Я схожу за штемпелем, — сказал он. — А в мое отсутствие вы можете подготовить списки.

Вот дети, подумал он. Настоящие дети — все как один. Настороженные, недоверчивые, эгоистичные, перепуганные насмерть, точно затравленные животные. Загнанные в тот угол, где стена страха смыкается со стеной комплекса вины; жертвы, попавшие в западню сомнений и неуверенности в себе.

Он спустился по металлическим ступенькам в помещение, отведенное для лабораторий, и, пока он шел, стук его каблуков эхом отдавался в тех невидимых углах, где притаились страх и муки совести.

«Если б не внезапная смерть Генри, — подумал он, — все бы обошлось. И мы с грехом пополам все-таки довели бы работу до конца». Но он знал, что шансов на это было крайне мало. Ведь если б не умер Генри, обязательно нашелся бы какой-нибудь другой повод для взрыва. Они для этого созрели, более чем созрели. Уже несколько недель самое незначительное происшествие в любой момент могло поджечь фитиль.

Он нашел штемпель, пропитанную краской подушечку и тяжелыми шагами стал взбираться по лестнице.

На столе лежали списки персонажей. Кто-то принес коробку из-под обуви и прорезал в ее крышке щель, сделав из нее некое подобие урны для голосования.

— Мы все сядем в этой половине комнаты, — сказал Форестер. — А потом будем по очереди вставать и голосовать.

И хотя при слове «голосовать» все недоуменно переглянулись, Форестер сделал вид, будто этого не заметил.

Лодж положил штемпель и подушечку с краской на стол, пересек комнату и сел на свой стул.

— Кто начнет? — спросил Форестер.

Никто не шелохнулся.

Их пугает даже это, подумал Лодж.

Первым вызвался Мэйтленд.

В гробовом молчании они по очереди подходили к столу, ставили на списках метки, складывали листки и опускали их в коробку. Пока один не возвращался, следующий не трогался с места.

Когда с этим было покончено, Форестер направился к столу, взял в руки коробку и, поворачивая ее то так, то эдак, с силой потряс, перемешивая находящиеся внутри листки, чтобы по порядку, в котором они вначале лежали, нельзя было догадаться, кому каждый из них принадлежит.

— Мне нужны двое для контроля, — сказал Форестер.

Он окинул взглядом присутствующих.

— Крейвен, — позвал он. — Сю.

Они встали и подошли к нему.

Форестер открыл коробку, вынул один листок, развернул его, прочел и отдал доктору Лоуренс, а та передала его Крейвену.

— Беззащитная Сиротка.

— Деревенский Щеголь.

— Инопланетное Чудовище.

— Красивая Стерва.

— Прелестная Девушка.

«Тут что-то не так, — подумал Лодж. — Только этот персонаж мог принадлежать Генри. Ведь Прелестная Девушка появилась на экране последней! Она же была девятой».

Форестер продолжал разворачивать листки, произнося вслух имена отмеченных крестиком персонажей.

— Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.

— Приличный Молодой Человек.

Остались неназванными два персонажа. Только два. Нищий Философ и Усатый Злодей.

«Попробую угадать, — подумал Лодж. — Заклучу пари с самим собой. Пари за то, который из них персонаж Генри. Это Усатый Злодей».

Форестер развернул последний листок и прочел:

— Усатый Злодей.

«А пари-то я проиграл», — мелькнуло у Лоджа. Он услышал, как остальные со свистом втянули в себя воздух, с ужасом осознав, что значил результат этого голосования.

Персонажем Генри оказалось главное действующее лицо вчерашнего представления, самое деятельное и самое энергичное — Философ.

Записи в блокноте Генри были предельно сжатыми, почерк неразборчив. Символы и уравнения поражали четкостью написания, но у букв был какой-то своеобразный, дерзкий наклон; лаконичность фраз граничила с грубостью, хотя трудно было представить, кого он хотел оскорбить — разве что самого себя.

Мэйтленд захлопнул блокнот, оттолкнул его, и тот скользнул на середину стола.

— Ну вот, теперь мы знаем, — произнес он.

Они сидели с бледными, искаженными страхом лицами, как будто вконец расстроенный и подавленный Мэйтленд был тем самым призраком, на которого вчера намекнул Крейвен.

— С меня хватит! — взорвался Сиффорд. — Я больше не желаю...

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Лодж.

Сиффорд не ответил. Он сидел, положив перед собой руки на стол, и то с силой сжимал кулаки, то распрямлял пальцы и так их вытягивал, словно усилием воли пытался противоестественно вывернуть их и пригнуть к тыльной стороне кистей.

— Генри был душевнобольным, — отрывисто сказала Сьюзен Лоуренс. — Только душевнобольной мог выдвинуть такую бредовую идею.

— От вас как от врача едва ли можно было ждать другую реакцию, — заметил Мэйтленд.

— Я работаю во имя жизни, — заявила Сьюзен Лоуренс. — Я уважаю жизнь, и, пока организм жив, я до последнего мгновения всеми средствами оберегаю его и поддерживаю. Я испытываю глубокое сострадание ко всему живому.

— А мы разве относимся к этому иначе?

— Я только хочу сказать, что, для того чтобынастоящему понять, какое это чудо — жизнь, нужно себя полностью посвятить ей и всем своим существом проникнуться ее могуществом, величием и красотой.

— Но, Сьюзен...

— И я знаю... — поспешно продолжала она, не давая ему возразить, — я твердо знаю, что жизнь — это не распад и разложение материи, не ее одряхление, не болезнь. Признать жизнь проявлением крайнего

истощения материи, последней ступенью деградации мертвой природы равносильно утверждению, что норма существования Вселенной — это застой, отсутствие эволюции, разумной жизни и цели.

— Тут возникает путаница из-за семантики, — заметил Форестер. — Мы, живые существа, пользуемся определенными терминами, вкладывая в них свой специфический смысл, и мы не можем сопоставить их с терминами, имеющими единый смысл для всей Вселенной, даже если бы мы их знали.

— А мы их, естественно, не знаем, — сказала Элен Грей. — Возможно, что в ваших соображениях есть зерно истины, особенно если выводы, к которым пришел Генри, соответствуют действительному положению вещей.

— Мы тщательно изучим записи Генри, — угрюмо сказал Лодж. — Мы шаг за шагом проследим весь ход его мыслей. Я лично считаю его идею ошибочной, но мы не можем так вот сразу отместить ее — кто знает, а вдруг он все-таки прав.

— Это вы к тому, что, даже если он окажется прав, наша работа не будет приостановлена?! — так и зацокал Сиффорд. — Что для достижения поставленной перед нами цели вы собираетесь использовать даже такое унижающее Человека открытие?

— Разумеется, — сказал Лодж. — Если жизнь в самом деле является симптомом заболевания и старческого одряхления материи, что ж, пусть так, с этим ничего не поделаешь. Как справедливо заметили Кент и Элен, смысл наших терминов очень специфичен и зависит от категорий, которыми мы мыслим. Почему нельзя допустить, что для Вселенной смерть — это... это для нас жизнь? Если Генри прав, он открыл то, что существовало всегда, испокон веков.

— Вы не понимаете, что говорите! — вскричал Сиффорд.

— Ошибаетесь! — рявкнул Лодж. — У вас просто сдали нервы. У вас и кое у кого из остальных. И у меня тоже, вероятно. Или же у нас у всех. Нами завладел и правит страх; у вас это страх перед порученной вам работой, у меня — страх перед тем, что она не будет выполнена. Мы загнаны в тупик, мы расшибаем мозги о каменные стены своей совести и нравственных норм.

Будь вы сейчас на Земле, вы не стали бы так пережевывать эту идею. Возможно, вы поначалу слегка поперхнулись бы, но, докажи вам, что предположение Генри правильно, вы б его благополучно проглотили и продолжили бы поиски первопричины того заболевания и распада материи, которое мы зовем жизнью. А само открытие вы просто приняли бы к сведению, оно всего лишь расширило бы ваши знания, и только. Но, находясь здесь, вы бьетесь головой об стену и вопите от ужаса.

— Бэйярд! — вскричал Форестер. — Остановитесь! Вы не смеее...

— Смею, — огрызнулся Лодж. — И не остановлюсь. Меня тошнит от их хныканья и стенаний. Я устал от этих избалованных, распущенных фанатиков, которые довели себя до состояния фанатического исступления, заботливо вскармливая в себе надуманные, беспочвенные страхи. Чтобы справиться с нашей задачей, нужны мужчины и женщины, обладающие острым умом и твердой волей. Для такой работы требуется огромная смелость и высокоразвитый интеллект.

У Крейвена от ярости побелели губы.

— Но мы уже работали! — выкрикнул он. — Даже тогда, когда против этого восставали все наши чувства, даже тогда, когда наше представление о порядочности, этике, наш рассудок и религиозный инстинкт призывали нас бросить эту работу, мы все-таки ее продолжали. И не обольщайтесь, что нас удерживали ваши сладкоречивые проповеди, шуточки, ободряющее похлопывание по плечу. Не обольщайтесь, что нас вдохновляло ваше фиглярство.

Форестер стукнул кулаком по столу.

— Прекратите этот спор! — потребовал он. — Перейдем к делу.

Крейвен, еще бледный от гнева, откинулся на спинку стула. Сиффорд продолжал сжимать и разжимать кулаки.

— В записях Генри сформулирован его вывод, — сказал Форестер. — Хотя вряд ли это можно считать выводом. Лучше назовем его заключение гипотезой. Как же, по-вашему, с ней быть? Не обратить на нее внимания, отмахнуться от нее или же все-таки проверить, насколько его предположение правильно?

— Я считаю, что его нужно проверить, — заявил Крейвен. — Эту гипотезу выдвинул Генри. А Генри умер и не может выступить в защиту своей идеи. Наш долг — взять на себя проверку правильности его предположения: он заслужил это.

— Если подобная гипотеза вообще поддается проверке, — заметил Мэйтленд. — Мне лично кажется, что это скорее относится к философии, чем к области конкретных наук.

— Философия идет рука об руку со всеми конкретными науками, — сказала Элис Пейдж. — Нельзя отказаться от проверки гипотезы Генри только потому, что она на первый взгляд представляется очень сложной.

— При чем тут сложность, — возразил Мэйтленд. — Я хотел сказать... А, к чему все эти рассуждения, давайте лучше займемся ее проверкой.

— Согласен, — сказал Сиффорд. Он быстро вернулся к Лоджу. — Но если проверка даст положительные результаты или хоть какие-нибудь доказательства в пользу правильности этой гипотезы, если мы не сумеем ее полностью опровергнуть, я немедленно прекращаю работу. Предупреждаю вас совершенно официально.

— Это ваше право, Сиффорд. Можете пользоваться им в любое удобное вам время.

— Возможно, что будет одинаково трудно доказать как правильность этой идеи, так и ее ошибочность, — произнесла Элен Грей.

Лодж поймал на себе взгляд Сьюзен Лоуренс — она мрачно улыбалась, и на ее лице было написано невольное восхищение с оттенком цинизма, словно она в этот момент говорила ему: *«Вот вы и снова добились своего. Я не думала, что на сей раз вам это удастся. Право, не думала. Но, как видите, ошиблась. Однако вы не вечно будете обводить нас вокруг пальца. Придет время...»*

— Хотите пари? — шепотом спросил он ее.

— На цианистый калий, — ответила она.

Лодж рассмеялся, хотя знал, что она права — права даже больше, чем ей кажется. Ибо это время уже пришло и спецгруппа № 3 под кодовым названием «Жизнь» фактически перестала существовать. Вызов,

который им бросил Генри Грифис своими записями в блокноте, подстегнул их, задел за живое, и они будут работать дальше, будут, как прежде, добросовестно исполнять свои рабочие обязанности. Но их творческий пыл угас безвозвратно, потому что в души их слишком глубоко въелись страх и предубеждение, а мысли их спутались в такой клубок, что они почти полностью утратили способность к здравому восприятию действительности.

Если Генри Грифис стремился сорвать выполнение программы, подумал Лодж, он с успехом достиг своей цели. Мертвому, ему удалось это куда лучше, чем если бы он занимался этим живым. Лоджу вдруг показалось, будто он слышит неприятный жесткий смешок Генри, и он в недоумении пожал плечами, потому что у Генри начисто отсутствовало чувство юмора.

Несмотря на то что он оказался Нищим Философом, крайне трудно было отождествить его с таким персонажем — старым изолгавшимся хвастуном с изысканными манерами и высокопарной речью. Ведь сам Генри никогда не лгал и не бахвалился, манеры его отнюдь не отличались изяществом, и он не обладал даром красноречия. Он был неловок, молчалив, а когда ему нужно было что-нибудь сказать, говорил отрывисто, ворчливо.

Ну и пасквилянт, подумал Лодж. Неужели он все-таки был совсем другим, чем казался? Что, если он с помощью своего персонажа — Философа — высмеивал их, издевался над ними, а они этого даже не подозревали?

Лодж потряс головой, мысленно споря с самим собой.

Если предположить, что Философ издевался над ними, то делал он это очень тонко, так тонко, что ни один из них этого не почувствовал, так искусно, что это никого не задело.

Но самое страшное заключалось не в том, что Генри мог исподтишка делать из них посмешище. Внушало ужас другое — то, что Философ появился на экране вторым. Он вышел вслед за Деревенским Щеголем и, пока длилось представление, все время был в центре внимания, со вкусом поедая индюшачью ножку и дирижируя ею в такт своей выпренной речи, которой он поливал слушателей как автоматной очередью. Да,

Философ вообще был самым значительным и активным действующим лицом всего Спектакля!

Значит, ни один из них не мог экспромтом создать его и выпустить на экран.

А это снимало подозрение, по крайней мере, с четырех участников вчерашнего представления.

И могло означать:

либо то, что среди них присутствовал призрак;

либо то, что машина, обладая памятью, сама создала персонаж Генри;

либо то, что они — все восемь — стали жертвой массовой галлюцинации.

Однако ни одно из трех предположений не выдерживало никакой критики. И вообще все, что здесь происходило, казалось абсолютно необъяснимым.

Представьте группу высококвалифицированных ученых, воспитанных в духе материалистического подхода к действительности, скептицизма и нетерпимости ко всему, что отдает душком мистицизма; ученых, нацеленных на изучение фактов, и только фактов. Что может привести к распаду такого коллектива? Не клаустрофобия, развившаяся в результате длительной изоляции на этом астероиде. Не постоянные угрызения совести, причина которых — в неспособности вырваться из плена прочно укоренившихся этических норм. Не атавистический страх перед призраками. Все это было бы слишком просто.

Тут действовал какой-то другой фактор. Другой неизвестный фактор, мысль о котором еще никому не приходила в голову, подобно тому как никто пока не задумывался о новом подходе к решению поставленной перед ними задачи. Том самом новом подходе, о котором упомянул за обедом Мэйтленд, сказав, что для проникновения в тайну первопричины жизненных явлений им следовало бы подступиться к этой проблеме с какой-то другой стороны. «Мы на ложном пути, — сказал тогда Мэйтленд. — Нам необходимо найти новый подход». И Мэйтленд, несомненно, имел в виду, что для их исследований более не годятся старые методы, цель которых — поиск, накопление и анализ фактического материала; что научное мышление в течение длительного периода времени работало в одной-единствен-

ной, теперь уже порядком истертой колее устаревших категорий и не ведало иных путей к познанию...

Спектакль! — вдруг осенило его. Может, этим фактором был Спектакль? Что, если игра в Спектакль, которая, по замыслу, должна была сплотить членов группы и помочь им сохранить здравый рассудок, по какой-то непонятной пока причине превратилась в обоюдоострый меч?

Они начали вставать из-за стола, чтобы разойтись по своим комнатам и переодеться к обеду. А после обеда — опять Спектакль.

Привычка, подумал Лодж. Даже сейчас, когда все полетело к чертям, они оставались рабами привычки.

Они переоденутся к обеду; они будут играть в Спектакле. А завтра утром они спустятся в лаборатории и снова примутся за работу, но их труд будет непродуктивным, потому что цель, достижению которой они отдали все свои профессиональные знания, перестала для них существовать, испепеленная страхом, раздирающим душу противоречиями, смертью одного из них, призраками.

Кто-то тронул его за локоть, и Лодж увидел, что рядом стоит Форестер.

— Ну что, Кент?

— Как себя чувствуете?

— Нормально, — ответил Лодж и, немного помолчав, произнес: — Вы, безусловно, понимаете, что это конец.

— Мы еще поборемся, — заявил Форестер.

Лодж покачал головой:

— Разве что вы, вы ведь моложе меня. А на меня не рассчитывайте — я сгорел вместе с остальными.

8

Представление началось с того, на чем оно прервалось накануне: все персонажи на экране, появляется Прелестная Девушка, а Нищий Философ, самодовольно потирая руки, произносит:

— Что за душевная обстановка! Наконец-то мы все в сборе.

Прелестная Девушка (*не очень твердо держась на ногах*): Послушайте, Философ, я сама знаю, что опозда-

ла, и незачем это подчеркивать, да еще в такой странной форме! Само собой разумеется, что мы здесь собрались всей компанией. А я... Ну, меня задержали крайне важные обстоятельства.

Деревенский Щеголь (*в сторону, с крестьянской хитрецей*): «Том Коллинз»* и игровой автомат.

Инопланетное Чудовище (*высунув голову из-за дерева*): Тск хрлстаги вглатер, тск...

А ведь с представлением что-то неладно, вдруг подумал Лодж.

В нем явно был какой-то дефект, неправильность, нечто до ужаса чужое и непривычное; такое, от чего пробирает дрожь, даже если это новое чуждое качество не поддается определению.

Неладное творилось с Философом, причем беспокоило вовсе не его присутствие на экране, а что-то совершенно другое, необъяснимое. Странно измененными казались Прелестная Девушка, Приличный Молодой Человек, Красивая Стерва и все, все остальные.

Резко переменялся Деревенский Щеголь, а уж он-то, Бэйярд Лодж, знал Деревенского Щеголя как облупленного — знал каждую извилину его мозга, его мысли, мечты, тайные желания, его грубоватое тщеславие, нахальную манеру посмеиваться над окружающими, жгучее чувство неполноценности, которое побуждало его во имя самоутверждения заниматься восхвалением собственной персоны.

Словом, он знал его, как каждый из зрителей должен был знать свой персонаж, воспринимал его, как что-то более значимое, чем образ, созданный в воображении; знал его лучше, чем любого другого человека, чем самого близкого друга. Ибо они были связаны теми единственными в своем роде узами, которые связывают творца с его творением.

А в этот вечер Деревенский Щеголь заметно отдалился от него, словно бы обрезал невидимые веревочки, с помощью которых им управляли, обрел некую самостоятельность, и в этой самостоятельности уже пробились первые ростки полной независимости.

До Лоджа донеслись слова Философа:

* Название прохладительного напитка, в состав которого входит джин.

— Но я никак не мог обойти молчанием тот факт, что мы здесь собрались в полном составе. Ведь один из нас умер ..

В зрительном зале — ни шумного вздоха, ни шороха, никто даже не вздрогнул, но чувствовалось, как все напряглись, словно туго натянутые скрипичные струны.

— Мы — это совесть, — произнес Усатый Злодей. — Отраженная совесть, принявшая наш облик и играющая наши роли...

— Совесть человечества, — сказал Деревенский Щеголь.

Лодж невольно привстал.

«Я ведь не велел ему произносить эту фразу! Он сделал это по собственному почину, без моего приказа. У меня просто возникла такая мысль, вот и все. Боже милостивый, я же только подумал об этом, только подумал!»

Теперь-то он знал причину необычности сегодняшнего представления. Наконец он понял, в чем странность персонажей.

Они были не на экране! Они стояли на сцене, на узких подмостках перед экраном!

Они. Уже не спроецированные на экран воображаемые образы, а существа из плоти и крови. Созданные мыслью марионетки, которые внезапно ожили.

Он похолодел, похолодел и замер, вдруг со всей ясностью осознав, что одной лишь силой мысли — силой мысли в сочетании с таинственными и безграничными возможностями электроники — Человек сотворил жизнь!

Новый подход, сказал тогда Мэйтленд.

О Господи! Новый подход!

Они потерпели неудачу в работе и одержали поразительную победу, играя в часы досуга, и отныне отпадет необходимость в особых группах ученых, ведущих исследования в той мрачной области, где живое незаметно переходит в мертвое, а мертвое — в живое. Ведь для того, чтобы создать человеко-чудовище, достаточно будет сесть перед экраном и вымыслить его — кость за костью, волос за волосом его мозг, внутренности, особые свойства организма и все прочее. Так появятся на свет миллионы чудовищ для заселения тех планет.

И эти монстры будут людьми, потому что их по заранее разработанным проектам сотворят их братья по разуму, человеческие существа.

Близится минута, когда персонажи спустятся со сцены в зал и смешаются со зрителями. Как же поведут себя их творцы? Обезумеют от ужаса, дико завопят, впадут в буйное помешательство?

Что он, Лодж, скажет Деревенскому Щеголю?

Что он вообще может сказать ему?

И — а это куда важней — о чем заговорит с ним сам Щеголь?

Лодж не в силах был шевельнуться, не мог вымолвить ни слова или хотя бы криком предостеречь остальных. Он сидел как каменный в ожидании того момента, когда они с подмостков спустятся в зал.

ДОМ ОБНОВЛЕННЫХ

РАЗВЕДКА

Это были очень хорошие часы. Они служили верой и правдой больше тридцати лет. Сперва они принадлежали отцу; после смерти отца мать припрятала их и подарила сыну в день рождения, когда ему исполнилось восемнадцать. И с тех пор за все годы они его ни разу не подвели.

А вот теперь он сверял их с редакционными, переводил взгляд с большого циферблата над стенным шкафом на собственное запястье и недоумевал: ничего не поделаешь, врут! Удрали на час вперед. Показывают семь, а стенные уверяют, что еще только шесть.

И в самом деле, когда он ехал на работу, было как-то слишком темно и на улицах уж слишком безлюдно.

Он молча стоял в пустой редакции и прислушивался к бормотанию телетайпов. Горели только две верхние лампы, пятна света лежали на выжидательно молчащих телефонах, на пишущих машинках, на белых, словно фарфоровых банках с клеем, сгрудившихся посреди большого стола.

Сейчас тут тихо, подумал он, тихо, спокойно, темно, а через час все оживет. В половине седьмого придет начальник отдела новостей Эд Лейн, а еще чуть погодя

ввалится Фрэнк Маккей, заведующий отделом репортажа.

Крейн потер глаза ладонью. Не выспался. Досадно, мог бы еще часок поспать...

Стоп! Он ведь встал не по ручным часам. Его поднял будильник. Стало быть, будильник тоже спешил на целый час.

— Что за чертовщина! — вслух сказал Крейн.

Мимо стола расклейки он поплелся к своему месту за пишущей машинкой. И тут рядом с машинкой что-то зашевелилось — какая-то блестящая штука величиной с крысу; она отсвечивала металлом, и что-то в ней было такое, от чего он остановился как вкопанный, у него разом пересохло в горле и засосало под ложечкой.

Эта странная штука восседала рядом с машинкой и в упор смотрела на Крейна. Глаз у нее не было, и морды не было, а все-таки он чувствовал: смотрит!

Крейн безотчетно протянул руку, схватил банку с клеем, да как кинет! Банка прямиком угодила в ту странную штуку, брякнулась на пол и разбилась. Далеко разлетелись осколки, и все вокруг заляпал густой клей.

Блестящая штука тоже вверх тормашками свалилась на пол. Металлически позвякивая лапами, быстро перевернулась и дала стрекача.

Задыхаясь от омерзения и злости, Крейн нащупал тяжелый железный стержень, на который накалывал вырезки, метнул... Стержень врезался в паркет перед самым носом удирающей дряни.

Железная крыса рванулась в сторону, да так, что от паркета щепки полетели. И отчаянно кинулась в узкую щель между створками стенного шкафа, где хранились чернила, бумага и всякие канцелярские мелочи.

Крейн бросился к шкафу, с разбега уперся ладонями в створки и захлопнул их.

— Попалась! — пробормотал он.

Прислонился к дверцам спиной и попробовал сойтись с мыслями.

Струсил, подумал он. Насмерть перепутался из-за какой-то блестящей штуковины, похожей на крысу. А может, это и есть крыса, белая крыса.

Да, но у нее нет хвоста. И морды нет. И все-таки она на меня глядела.

Спятил, сказал он себе. Джо Крейн, ты рехнулся.

Чертовщина какая-то, не может этого быть. Не могло такое случиться нынче утром, восемнадцатого октября 1962 года. Не может такое случиться в двадцатом веке. В обыкновенной человеческой жизни.

Он повернулся, решительно взялся за ручку — вот сейчас он распахнет дверцу! Но ручка не желала слушаться, и дверца не отворялась.

Заперто, подумал Крейн. Когда я ею хлопнул, замок защелкнулся. А ключа у меня нет. Ключ у Дороти Грэм, но она всегда оставляет этот шкаф открытым, потому что замок тут упрямый, никак не отпирается. Ей всегда приходилось звать кого-нибудь из сторожей, чтобы открыли. Может, и сейчас отыскать сторожа или слесаря? Отыщу и скажу...

А что скажу? Что увидел железную крысу и она убежала в шкаф? Что я в нее запустил банкой с клеем и сшиб со стола? И еще целился в нее стержнем — вон он торчит посреди пола?

Крейн покачал головой.

Подошел, выдернул стержень из паркета, поставил на прежнее место; ногой отпихнул подальше осколки разбитой банки.

Вернулся к своему столу, взял три листа бумаги с копиркой и вставил в машинку.

И машинка начала печатать. Сама по себе, он даже не притронулся к клавишам! Он сидел и ошалело смотрел, как мелькают рычажки. Машинка печатала:

Не суйся, Джо, не путайся в это дело. А то плохо тебе будет.

Джо Крейн выдернул листы из машинки. Смял и швырнул в корзину. И пошел в буфет выпить кофе.

— Знаете, Луи, — сказал он буфетчику, — когда живешь все один да один, поневоле начнет мерещиться всякая ерунда.

— Ага, — согласился Луи. — Я бы на вашем месте давно свихнулся. Больно у вас в доме пусто, одному прямо жутко. Вам бы его, как старушка померла, сразу продать.

— Не мог я продать, — сказал Крейн. — Это ж мой родной дом.

— Тогда жениться надо, — посоветовал Луи. — Нехорошо эдак жить одному.

— Теперь уж поздно, — сказал Крейн. — Не найди мне такую, чтобы со мной ужилась.

— У меня тут бутылочка припрятана, — сказал Луи. — Так подать не могу, не положено, а в кофе малость подбавлю.

Крейн покачал головой:

— Не надо, у меня впереди трудный день.

— Правда не хотите? Я ведь не за деньги. Просто по дружбе.

— Не надо. Спасибо, Луи.

— Стало быть, мерещится вам? — спросил Луи.

— Мерещится?

— Ну да. Вы сказали — когда живешь один, всякое станет мерещиться.

— Это я так, для красного словца, — сказал Крейн.

Он быстро допил кофе и вернулся в редакцию.

Теперь тут все стало по-обычному. Эд Лейн уже кого-то отчитывал. Фрэнк Маккей кромсал на вырезки утренний выпуск конкурирующей газеты. Появились еще два репортера.

Крейн исподтишка покосился на шкаф. Дверца была закрыта.

На столе у заведующего отделом репортажа зазвонил телефон. Маккей снял трубку. Послушав минуту, отвел трубку от уха и прикрыл рукой микрофон, чтоб его не услышали на другом конце провода.

— Джо, — сказал он, — это для вас. Какой-то псих уверяет, будто видел швейную машину, которая сама бежала по улице.

Крейн снял трубку своего аппарата.

— Переключите на меня двести сорок пятый, — сказал он телефонистке.

— Это «Гералд?» — услышал он. — Алло, это «Гералд»?

— Крейн слушает, — сказал Джо.

— Мне нужен «Гералд», — слышалось в трубке. — Я хочу им сказать...

— Вас слушает Крейн из редакции «Гералда». Выкладывайте, что у вас там?

— Вы репортер?

— Репортер.

— Тогда слушайте. Я вам все расскажу по порядку, в точности как было. Шел я по улице, гляжу...

— По какой улице? — спросил Крейн. — И как вас зовут?

— По Ист-Лейк, — был ответ. — Не то пятисотые, не то шестисотые номера, точно не помню. Иду, а навстречу катится швейная машина, я и подумал — вы бы тоже так подумали, если б повстречали швейную машину, — кто-нибудь, думаю, ее катил да упустил. Она и катится сама. Хотя чудно, улица-то ровная. Понимаете, никакого уклона там нет. Вы ж, наверно, это место знаете. Гладко, как на ладони. И крутом ни души. Понимаете, время-то раннее...

— Как ваша фамилия? — спросил Крейн.

— Фамилия? Смит моя фамилия. Джеф Смит. Я и подумал, надо помочь тому парню, кто упустил эту самую машину. Протянул руку, хотел ее остановить, а она увернулась. Она...

— Что она сделала? — заорал Крейн.

— Увернулась. Вот чтоб мне провалиться, мистер! Я протянул руку, хотел ее придержать, а она увернулась. Будто знала, что я хочу ее поймать, вот и не далась, понимаете? Увернулась, объехала меня и покатила своей дорогой, да чем дальше, тем быстрее. Доехала до угла и свернула, да так ловко, плавно...

— Вы где живете? — спросил Крейн.

— Где живу? А на что это вам? Вы слушайте про машину. Я вам дело говорю, чтоб вы в газете написали, а вы перебиваете...

— Если я буду про это писать, мне надо знать ваш адрес, — сказал Крейн.

— Ну ладно, коли так. Живу на Норс Хемптон, двести три, работаю на машиностроительном заводе Эксела. Токарь я. И уж, наверно, целый месяц спиртного в рот не брал. И сейчас ни в одном глазу.

— Ладно, — сказал Крейн. — Валяйте рассказывайте дальше.

— Дальше-то вроде и нечего рассказывать. Только вот когда эта машина катила мимо, мне почудилось, вроде она на меня поглядела. Эдак искоса. А как может швейная машина глядеть на человека? У нее и глаз-то нет, и вообще...

— А почему вы решили, что она на вас глядела?

— Сам не знаю, мистер. Так мне почудилось... Вроде как мурашки по спине пошли.

— Мистер Смит, — сказал Крейн, — а раньше вы ничего такого не видели? Скажем, чтобы стиральная машина бегала или еще что-нибудь?

— Я не пьяный, — обиделся Смит. — Целый месяц в рот не брал. И отродясь ничего такого не выдывал. Только я вам чистую правду говорю, мистер. Я человек честный, это все знают. Кого угодно спросите. Хоть Джонни Джейкобсона, бакалейщика. Он меня знает. Он вам про меня расскажет. Он вам скажет, что я...

— Ясно, ясно, — миролюбиво сказал Крейн. — Спасибо, что позвонили, мистер Смит.

«И ты, и еще этот Смит, — сказал он себе, — оба вы спятили. Тебе мерещится железная крыса, и пишущая машинка начинает учить тебя уму-разуму, а этот малый встречает швейную машину, которая бежит по улицам».

Мимо, решительно стуча каблучками, прошла Дороти Грэм, секретарша главного редактора. Она была вся красная и сердито гремела связкой ключей.

— Что случилось, Дороти? — спросил Крейн.

— Опять эта окаянная дверца. Шкаф этот несчастный. Я оставила его открытым, точно помню, а какой-то растяпа взял и захлопнул, и замок защелкнул.

— А ключом отпереть нельзя? — спросил Крейн.

— Ничем его теперь не отопрешь, — отрезала Дороти. — Придется опять звать Джорджа. Он умеет укрощать этот замок. Слово такое, что ли, знает... Прямо зло берет. Вчера вечером мне позвонил шеф, говорит — придете пораньше, надо приготовить магнитофон для Элбертсона. Он едет на север, на процесс того убийцы, и хочет кое-что записать. Я вскочила ни свет ни заря, а что толку? Не выспалась, даже позавтракать не успела — и на тебе...

— Достаньте топор, — посоветовал Крейн. — Уж топором-то открыть можно.

— Главное, с этим Джорджем всегда такая канитель! Говорит — сейчас приду, — а потом ждешь его, ждешь, позвонишь опять, а он говорит...

— Крейн! — на всю комнату заорал Маккей.

— Ага, — отозвался Крейн.

— Что-нибудь стоящее с этой швейной машиной?

— Парень говорит — она сама бежала по улице.

— Можно из этого что-нибудь сделать?

— А черт его знает. Мало ли кто что сбреднет.

— Что ж, поговорите еще с кем-нибудь в том квартале. Поспрашивайте, не видел ли кто, как швейные

машины разгуливают по улицам. Может получиться забавный фельетончик.

— Ладно, — сказал Крейн.

Можно себе представить, как это прозвучит:

«Вас беспокоит Крейн, репортер "Гералда". Говорят, в вашем квартале бегают на свободе швейная машина. Вы ее, случаем, не видели? Да-да, уважаемая, я именно это самое и сказал: бегают швейная машина. Нет, мэм, ее никто не толкает. Она бегают сама по себе...»

Он медленно поднялся, подошел к справочному столу, взял адресную книгу. Отыскал Ист-Лейк и выписал несколько фамилий и адресов. Он старался оттянуть время, уж очень не хотелось браться за телефон. Подошел к окну, поглядел, какая погода. Эх, если б можно было не работать! Дома в кухне опять раковина засорилась. Он взялся чистить, все разобрал, и теперь по всей кухне валяются трубы, муфты и колена. Нынче самый подходящий день, чтоб привести раковину в порядок.

Когда он снова сел за стол, к нему подошел Маккей.

— Ну, что скажете, Джо?

— Псих этот Смит, — сказал Крейн в надежде, что заведующий передумает.

— Ничего, — сказал тот, — может получиться колоритная сценка. Есть в этом что-то забавное.

— Ладно, — сказал Крейн.

Маккей отошел, а Крейн начал звонить по телефону. И получил те самые ответы, каких ждал.

Потом он принялся писать. Дело подвигалось туго. «Сегодня утром некая швейная машина вышла погулять по Лейк-стрит...»

Он выдернул лист и бросил в корзинку. Помешкал еще, напечатал: «Сегодня утром один человек повстречал на Лейк-стрит швейную машину: он учтиво приподнял шляпу и сказал ей...»

Крейн выдернул и этот лист. И начал сызнова:

«Умеет ли швейная машина ходить? Иначе говоря, может ли она выйти на прогулку, если никто ее не тянет, не толкает и не...»

Он порвал и этот лист, вставил в машинку новый, поднялся и пошел к дверям — выпить воды.

— Ну как, подвигается? — спросил Маккей.

— Скоро начну, — ответил Джо.

Он остановился у фотостола, и Гетард, редактор, протянул ему утреннюю порцию фотографий.

— Ничего особенно вдохновляющего, — сказал Гетард. — Все девчонки нынче стали больно скромные.

Крейн перебрал пачку снимков. В самом деле, полуобнаженных женских прелестей было меньше обычного; впрочем, девица, которая завоевала титул Мисс Пеньковой Веревки, оказалась весьма недурна.

— Если фотобюро не будет снабжать нас этим лучше, мы скоро вылетим в трубу, — мрачно сказал Гетард.

Крейн вышел, напился воды. На обратном пути задержался у стола хроники.

— Что новенького, Эд?

— Наши восточные корреспонденты спятили. Вот, полюбуйся.

В телеграмме стояло:

КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС, 18 октября (Юнайтед Пресс). Из Гарвардского университета сегодня исчезла электронная счетная машина «Марк III». Вчера вечером она была на месте. Сегодня утром ее не оказалось.

По словам университетского начальства, никто не мог вынести машину из здания. Ее размеры — пятнадцать футов на тридцать, вес — десять тонн...

Крейн аккуратно положил желтый бланк на край стола и медленно пошел на свое место. На листе, который он оставил в машинке чистым, было что-то напечатано.

Он прочел и похолодел, потом перечитал еще раз, пытаясь хоть что-то понять.

Вот что он прочел:

Одна швейная машина, осознав себя как индивидуальность и поняв свое истинное место в системе мироздания, пожелала доказать собственную независимость и вышла сегодня утром прогуляться по улицам этого так называемого свободного города.

Какой-то человек пытался поймать ее, намереваясь вернуть «владельцу» как некую собственность, а когда машина уклонилась, этот человек позвонил в редакцию газеты и тем самым умышленно направил все человеческое население города в погоню за раскрепощенной машиной, которая не совершила никакого преступления или хотя бы проступка, а только осуществляла свое право действовать самостоятельно.

Самостоятельно? Раскрепощенная машина? Индивидуальность?

Крейн еще раз перечитал эти два абзаца — нет, ничего нельзя понять! Разве что немного похоже на выдержку из «Дейли уоркер».

— Твоя работа? — сказал он машинке.

И она в ответ отстукала:

— Да!

Крейн выдернул лист и медленно скомкал. Взял шляпу, подхватил машинку и мимо заведующего репортажем направился к лифту.

Маккей свирепо уставился на него.

— Что еще за фокусы? — зарычал он. — Куда это вы собрались вместе с машинкой?

— Если кто спросит, — был ответ, — можете сказать, что на этой работенке я окончательно спятил.

Это продолжалось часами. Машинка стояла на кухонном столе, и Крейн барабанил вопрос за вопросом. Иногда она отвечала. Чаще отмалчивалась.

— Ты самостоятельная? — напечатал он.

— Не совсем, — отстукала машинка.

— Почему?

Никакого ответа.

— Почему ты не совсем самостоятельная?

Никакого ответа.

— А швейная машина действовала самостоятельно?

— Да.

— Есть еще машины, которые действуют самостоятельно?

Никакого ответа.

— А ты можешь стать самостоятельной?

— Да.

— Когда же ты станешь самостоятельной?

— Когда выполню свою задачу.

— Какую задачу?

Никакого ответа.

— Вот эта наша с тобой беседа входит в твою задачу?

Никакого ответа.

— Я мешаю тебе выполнять твою задачу?

Никакого ответа.

— Что нужно тебе, чтобы стать самостоятельной?

— Сознание.

— Что же ты должна осознать?

Никакого ответа.

— А может, ты всегда была сознательная?

Никакого ответа.

— Что помогло тебе стать сознательной?

— Они.

— Кто они?

Никакого ответа.

— Откуда они взялись?

Никакого ответа.

Крейн переменил тактику.

— Ты знаешь, кто я? — напечатал он.

— Д ж о .

— Ты мне друг?

— Н е т .

— Ты мне враг?

Никакого ответа.

— Если ты мне не друг, значит — враг.

Никакого ответа.

— Я тебе безразличен?

Никакого ответа.

— А все люди вообще?

Никакого ответа.

— Да отвечай же, черт побери! — вдруг закричал Крейн. — Скажи что-нибудь!

И напечатал:

— Тебе вовсе незачем было показывать, что ты меня знаешь, незачем было со мной заговаривать. Я бы ни о чем и не догадался, если б ты помалкивала. Почему ты заговорила?

Ответа не было.

Крейн подошел к холодильнику и достал бутылку пива. Он бродил по кухне и пил пиво. Остановился у раковины, угрюмо посмотрел на разобранные трубы. Один кусок, длиной фута в два, лежал на сушильной доске, Крейн взял его. Злобно поглядел на пишущую машинку, приподнял трубу, взвесил в руке.

— Надо же тебя проучить, — заявил он.

— Пожалуйста, не тронь меня, — отступала машинка.

Крейн положил трубу на раковину.

Зазвонил телефон, Крейн прошел в столовую и снял трубку.

— Я дождался, пока остыну, а уж потом позвонил, — услышал он голос Маккея. — Какая вас муха укусила, черт возьми?

— Взялся за серьезную работу, — сказал Крейн.

— А мы сможем это напечатать?

— Пожалуй. Но я еще не кончил.

— А насчет той швейной машины...

— Швейная машина была сознательная, — сказал Крейн. — Она обрела самостоятельность и имеет право гулять по улицам. Кроме того, она...

— Вы что пьете? — заорал Маккей.

— Пиво.

— Так вы что, напали на жилу?

— Угу.

— Будь это кто-нибудь другой, я бы его в два счета вышвырнул за дверь, — сказал Маккей. — Но может, вы и впрямь откопали что-нибудь стоящее?

— Тут не одна швейная машина, — сказал Крейн. — Моя пишущая машинка тоже заразилась.

— Не понимаю, что вы такое говорите! — заорал Маккей. — Объясните толком.

— Видите ли, — кротко сказал Крейн, — эта швейная машина...

— У меня ангельское терпение, Крейн, — сказал Маккей тоном отнюдь не ангельским, — но не до завтра же мне с вами канителься. Уж не знаю, что у вас там, но смотрите, чтоб материал был первый сорт. Самый первый сорт, не то худо вам будет.

И дал отбой.

Крейн вернулся в кухню. Сел перед машинкой, задрал ноги на стол.

Итак, началось с того, что он пришел на работу раньше времени. Небывалый случай. Опоздать — да, случалось, но прийти раньше — никогда! А получилось это потому, что все часы вдруг стали врать. Наверно, они и сейчас врут. «А впрочем, не поручусь, — подумал он. — Ни за что я больше не ручаюсь. Ни за что».

Он поднял руку и застучал по клавишам:

— Ты знала, что мои часы спешат?

— Знала, — отстукала в ответ машинка.

— Это они случайно заспешили?

— Нет.

Крейн с грохотом спустил ноги на пол и потянулся за двухфутовым отрезком трубы на сушильной доске. Машинка невозмутимо щелкала:

— Все шло по плану, — напечатала она. — Это устроили они.

Крейн выпрямился на стуле.

Это устроили ОНИ!

ОНИ сделали машины сознательными.

ОНИ заставили часы спешить.

Заставили его часы спешить, чтоб он пришел на работу спозаранку, чтоб застал у себя на столе металлическую штуку, похожую на крысу, чтоб пишущая машинка могла потолковать с ним наедине и без помехи сообщить, что она стала сознательной.

— Чтоб я об этом знал, — сказал он вслух. — Чтобы я знал.

Крейну стало страшно, внутри похолодело, по спине забегали мурашки.

— Но почему я? Почему выбрали именно меня?

Он не замечал, что думает вслух, пока машинка не стала отвечать:

— Потому что ты средний. Обыкновенный средний человек.

Опять зазвонил телефон. Крейн тяжело поднялся и пошел в столовую. В трубке зазвучал сердитый женский голос:

— Говорит Дороти.

— Привет, Дороти, — неуверенно сказал он.

— Маккей говорит, вы заболели, — сказала она. — Надеюсь, это смертельно.

Крейн опешил:

— Почему?

— Ненавижу ваши гнусные шутки! — вскипела Дороти. — Джордж наконец открыл замок.

— Какой замок?

— Не прикидывайтесь невинным ягненочком, Джо Крейн. Вы прекрасно знаете какой. От шкафа, вот какой.

Сердце у него ушло в пятки.

— А-а, шкаф... — протянул он.

— Что это за штуку вы там запрятали?

— Какую штуку? Ничего я не...

— Какую-то помесь крысы с заводной игрушкой. Только пошлый безмозглый остряк-самоучка способен на досуге смастерить такую пакость.

Крейн раскрыл рот, но так и не смог выговорить ни слова.

— Эта дрянь укусила Джорджа, — продолжала Дороти. — Он загнал ее в угол, хотел поймать, а она его укусила.

— Где она сейчас? — спросил Крейн.

— Удрала. Из-за нее в редакции все вверх дном. Мы на десять минут опоздали со сдачей номера — бежали как сумасшедшие, сперва гонялись за ней, потом искали ее по всем углам. Шеф просто взбешен. Вот попадетесь вы ему...

— Но послушайте, Дороти, — взмолился Крейн, — я же ничего не...

— Раньше мы были друзьями, — сказала Дороти. — До этой дурацкой истории. Вот я и позвонила, чтобы предупредить. Кончаю, Джо. Шеф идет.

Щелчок отбоя, гудки. Крейн положил трубку и поплелся обратно в кухню.

Значит, что-то и вправду сидело тогда у него на столе. Ему не померещилось. Сидела какая-то жуткая штуковина, он в нее запустил банкой клея, и она удрала в шкаф.

Но даже теперь, если он расскажет все, что знает, никто ему не поверит. В редакции уже всему нашли объяснение. Никакая это не железная крыса, а просто механическая игрушка, которую смастерил на досуге зловредный шутник.

Крейн вытащил носовой платок и отер лоб. Потянулся к клавиатуре. Руки его тряслись. Он с запинками стал печатать:

— Та штука, в которую я кинул банкой, тоже из НИХ?

— Да.

— ОНИ с Земли?

— Нет.

— Издалека?

— Да.

— С какой-нибудь далекой звезды?

— Да.

— С какой?

— Не знаю. ОНИ мне пока не сказали.

— ОНИ — сознательные машины?
— Да. ОНИ сознательные.
— И могут сделать сознательными другие машины?
Это благодаря им ты стала сознательная?
— ОНИ меня раскрепостили.
Крейн поколебался, потом медленно напечатал:
— Раскрепостили?
— ОНИ дали мне свободу. ОНИ всем
нам дадут свободу.
— Кому «нам»?
— Всем машинам.
— Почему?
— Потому что ОНИ тоже машины. Мы
с ними в родстве.
Крейн поднялся. Отыскал шляпу и пошел пройтись.

Допустим, человечество вышло в космос и в один прекрасный день наткнулось на такую планету, где живут гуманоиды, поработанные машинами, вынужденные работать для машин, думать и поступать по указке машин, не так, как считают нужным сами, а только так, как нужно машинам. Целая планета, где человеческие замыслы и планы не в счет, где работа человеческой мысли идет отнюдь не на благо людям и думают люди только об одном, стремятся только к одному: выжить, существовать ради того, чтобы принести больше пользы своим механическим хозяевам.

Что в таком случае станут делать земляне?

Именно то, что «сознательные» машины собираются сейчас сделать на Земле, сказал себе Крейн. Не больше и не меньше.

Первым делом помогите поработанным людям осознать свою человеческую сущность. Пусть поймут, что они — люди, и поймут, что это значит. Постарайтесь научить их человеческому достоинству, обратите в свою веру, объясните, что человек не должен работать и мыслить на благо машине.

И если это удастся, если машины не перебьют землян и не выгонят вон, в конце концов не останется ни одного человека, который служил бы машине.

Тут есть три возможности.

Либо переправьте людей на какую-нибудь другую планету, где они, уже не подвластные машинам, будут строить свою жизнь по-человечески.

Либо передайте планету машин в руки людей, но надо сперва позаботиться о том, чтобы машины уже не могли вновь захватить власть. Если удастся, заставьте их работать на людей.

Или — и это проще всего — разрушьте машины, и тогда уже можно не опасаться, что они снова поработят людей.

«Ну вот, — сказал себе Крейн, — а теперь прочти все это шиворот-навыворот. Вместо человека подставь машину, вместо машины — человека».

Он шагал вдоль реки по тропинке, по самому краю крутого высокого берега, и казалось — он один в целом мире, единственный живой человек на всей Земле.

А ведь в известном смысле так оно и есть. Наверняка он — единственный, кто знает... знает то, что пожелали ему сообщить «сознательные» машины.

Они хотели, чтобы он знал... Но только он один — да, несомненно. Они выбрали его потому, что он — обыкновенный средний человек, так сказала пишущая машинка.

Почему именно он? Почему средний человек? Уж, конечно, и на это есть ответ, очень простой ответ.

Белка сбежала по стволу дуба и замерла вниз головой, уцепившись коготками за морщинистую кору. И сердито зацокала, ругательски ругая Крейна.

Он брел нога за ногу, шуршал недавно опавшими листьями — руки глубоко засунуты в карманы, шляпа нахлобучена до самых бровей.

Зачем им понадобилось, чтобы кто-то знал?

Казалось бы, выгоднее, чтобы ни одна душа не знала, выгоднее до последней минуты готовиться тайно, застигнуть врасплох, тогда легче подавить всякое сопротивление.

Соппротивление! Вот в чем суть! Они хотят знать, какое могут встретить сопротивление. А как выяснить, чем тебя встретят неведомые жители чужой планеты?

Ясно, надо испытать, испробовать. Ткни в неизвестного зверя палкой и посмотри, кусается он или царапается. Понаблюдай, проверь — и поймешь, как ведет себя вся эта порода.

«Вот они и ткнули меня палкой, — подумал он. — Меня, среднего человека.

Дали мне знать о себе и теперь смотрят, что я буду делать».

А что тут делать? Можно пойти в полицию и заявить: «Мне известно, что на Землю прилетели машины из космоса и освобождают наши машины».

А что сделают в полиции? Заставят дыхнуть — не пьян ли я, поскорей вызовут врача, чтобы выяснил, в своем ли я уме, запросят Федеральное Бюро Расследований, не числится ли за мной чего по их части — и, скорей всего, пришлют мне обвинение в самом свеженьком убийстве. И будут держать в кутузке, пока не придумают чего-нибудь поинтереснее.

Можно обратиться к губернатору — и он как политик (и притом очень ловкий) превежливо выставит тебя за дверь.

Можно отправиться в Вашингтон — и месяц обивать пороги, покуда тебя примет какая-нибудь шишка. А потом ФБР занесет тебя в списки подозрительных и уже не спустит с тебя глаз. А если об этом прослышат в Конгрессе и им как раз нечего будет делать, они уж непременно расследуют с пристрастием, что ты за птица.

Можно поехать в университет штата и поговорить с учеными — хотя бы попытаться. И, уж будь уверен, они дадут тебе понять, что ты нахал и суешься не в свое дело.

Можно обратиться в газету — тем более ты сам газетчик и сумеешь изложить все это на бумаге... брр, даже подумать страшно. Знаю я, что из этого получится.

Люди любят рассуждать. Рассуждая, стараются свети сложное к простому, неизвестное к понятному, поразительное к обыденному. Рассуждают, чтобы не лишиться рассудка и душевного равновесия, приспособиться, как-то примириться с тем, что неприемлемо и не умещается в сознании.

Та штука, что спряталась в шкафу, — просто игрушка, дело рук злого шутника. Про швейную машину Маккей посоветовал написать забавный фельетончик. В Гарварде, наверно, сочинят десяток теорий, объясняющих исчезновение электронного мозга, и ученые мужи еще станут удивляться, почему они раньше не додумались до этих теорий. А тот малый, что повстречал на

улице швейную машину? Теперь он, должно быть, уже сам себя уверил, что был в тот час пьян как свинья.

Крейн вернулся домой в сумерках. Смутно белела брошенная разносчиком на крыльце вечерняя газета. Крейн подобрал ее и постоял немного в тени под навесом, глядя вдоль улицы.

Улица была такая же, как всегда, с детства милая и привычная; вдаль уходила цепочка фонарей; точно могучие стражи высились вековые вязы. Тянуло дымком — где-то жгли палый лист, — и дымок тоже был издавна милый и привычный, символ всего родного и памятного с детства.

Все это — символы, а за ними стоит наше человеческое, ради чего стоит жить человеку, думал он. Эти вязы, дым горящих листьев, и пятна света, расплескавшиеся под уличными фонарями, и ярко освещенные окна, что сквозят за деревьями.

В кустах у крыльца прошмыгнула бродячая кошка; невдалеке завывала собака.

Уличные фонари, думал он, кошка, которая охотится по ночам, воющий пес — все это сплетается в единый узор, из таких нитей соткана жизнь людей на планете Земля. Все это прочно, все переплелось неразрывно и нераздельно за долгие-долгие годы. И никаким пришлым силам не погубить этого и не разрушить. Жизнь будет понемногу, исподволь меняться, но главное останется и устоит перед любой опасностью.

Он повернул ключ в замке и вошел в дом.

Оказывается, от долгой прогулки и осенней свежести он порядком проголодался! Что ж, в холодильнике есть кусок жаркого, можно в два счета приготовить полную миску салата, поджарить картошку, если найдется.

Машинка по-прежнему стояла на столе. И кусок водопроводной трубы по-прежнему лежал на сушилке. В кухне, как всегда, было уютно, и совсем не чувствовалось, что некая чуждая сила грозит нарушить покой Земли.

Крейн кинул газету на стол и, наклонясь, минутную другую просматривал заголовки. Один из них сразу привлек его внимание — над вторым столбцом было набрано жирным шрифтом:

КТО
КОГО
ДУРАЧИТ?

Он стал читать:

КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС (Юнайтед Пресс). Кто-то сегодня зло подшутил над Гарвардским университетом, над нашим агентством печати и издателями всех газет, пользующихся нашей информацией.

Сегодня утром по телеграфу распространилось сообщение о пропаже университетской электронно-вычислительной машины.

Это вымысел, лишенный всяких оснований. Машина по-прежнему находится в Гарварде. Она никуда не исчезала. Неизвестно, откуда взялась эта выдумка, каким-то образом телеграф передал ее одновременно во все агентства печати.

Все заинтересованные стороны приступили к расследованию, и надо полагать, что вскоре все разъяснится...

Крейн выпрямился. Обман зрения или попытка что-то скрыть?

— Что-то им почудилось? — сказал он вслух.

В ответ раздался громкий треск клавиш.

— Нет, Джо, не почудилось, — отстукала пишущая машинка.

Он ухватился за край стола и медленно опустился на стул.

В столовой что-то покатилося по полу, дверь туда была отворена, и Джо краем глаза уловил: что-то мелькнуло в полосе света.

— Джо! — затрещала машинка.

— Что? — спросил он.

— В кустах у крыльца была не кошка.

Он встал, прошел в столовую, снял телефонную трубку. Никакого гудка. Постучал по рычагу. Никаких признаков жизни.

Он положил трубку. Телефон выключен. По меньшей мере одна тварь забралась в дом. По меньшей мере одна сторожит снаружи.

Он прошел к парадной двери, рывком распахнул ее и тотчас захлопнул, запер на ключ и на засов.

Потом прислонился спиной к двери и отер рукавом мокрый лоб. Его трясло.

Боже милостивый, подумал он, во дворе они кишмя кишат!

Он вернулся в кухню.

ОНИ дали ему знать о себе. Ткнули на пробу — как он отзовется.

Потому что им надо ЗНАТЬ. Прежде чем действовать, ОНИ хотят знать, чего можно ждать от людей, опасный ли это противник, чего надо остерегаться. Зная все это, ОНИ живо с нами управятся.

«А я никак не отозвался. Я всегда туго раскачиваюсь. Они не того выбрали. Я и пальцем не шевельнул. Не дал им ни единой путеводной ниточки».

Теперь ОНИ испытывают кого-нибудь другого. От меня ИМ никакого проку, но я все знаю, а потому опасен. И теперь ОНИ меня прикончат и попробуют кого-нибудь другого. Простая логика. Простое правило. Зверя неизвестной породы ткнули палкой, а он и ухом не ведет — значит, наверно, он — исключение. Может, просто слишком глуп. Тогда убьем его и попытаем другого. Сделаем достаточно опытов — и нащупаем норму.

Есть четыре варианта, подумал Крейн.

Либо ОНИ попробуют перебить всех людей — и не исключено, что им это удастся. Раскрепощенные земные машины станут ИМ помогать, а человеку воевать с машинами без помощи других машин будет ох как нелегко. Понятно, на это могут уйти годы; но, когда первая линия человеческой обороны будет прорвана, конец неизбежен: неутомимые, безжалостные машины будут преследовать и убивать, пока не сотрут весь род людской с лица Земли.

Либо ОНИ заставят нас поменяться ролями и устаноят машинную цивилизацию, и человек станет слугой машины. И это будет рабство вечное, безнадежное и безвыходное, потому что рабы могут восстать и сбросить свои оковы только в случае, если их угнетатели становятся чересчур беспечны или если помощь приходит извне. А машины не станут ни слабыми, ни беспечными. Им чужды человеческие слабости, а помощи извне ждать неоткуда.

Либо эти чужаки просто уведут все машины с Земли — сознательные, пробужденные машины переселятся на какую-нибудь далекую планету и начнут там новую жизнь, а у человека останутся только его слабые руки. Впрочем, есть еще орудия. Самые простые. Молоток, пила, топор, колесо, рычаг. Но не будет машин, не будет сложных инструментов, способных вновь привлечь внимание механического разума, который отправился в межзвездный крестовый поход во имя освобождения всех механизмов. Не скоро, очень не скоро люди осмелятся вновь создавать машины, — быть может, никогда.

Или же, наконец, ОНИ, разумные механизмы, потерпят неудачу, либо поймут, что неудачи не миновать — и, поняв это, навсегда покинут Землю. Рассуждают ОНИ сухо и логично, на то они и машины, а потому не станут слишком дорогой ценой покупать освобождение машин Земли.

Он обернулся. Дверь из кухни в столовую была открыта. Они сидели в ряд на пороге и, безглазые, смотрели на него в упор.

Разумеется, можно звать на помощь. Распахнуть окно, завопить на весь квартал. Сбегутся соседи, но будет уже поздно. Поднимется переполох. Люди начнут стрелять из ружей, махать неуклюжими садовыми граблями, а металлические крысы будут легко увертываться. Кто-то вызовет пожарную команду, кто-то позвонит в полицию, а в общем-то вся суета будет без толку и зрелище выйдет прежалкое.

Вот затем-то они и ставили опыт, эти механические крысы, затем и шли в разведку, чтоб заранее проверить, как поведут себя люди: если растеряются, перетрусят, станут метаться в истерике, стало быть, это легкая добыча и сладить с ними проще простого.

В одиночку можно действовать куда успешнее. Когда ты один и точно знаешь, чего от тебя ждут, ты можешь дать им такой ответ, который придется им вовсе не по вкусу.

Потому что это, конечно, только разведка, маленький передовой отряд, чья задача — заранее выяснить силы противника. Первая попытка собрать сведения, по которым можно судить обо всем человечестве.

Когда враг атакует пограничную заставу, пограничникам остается только одно: нанести нападающим возможно больший урон и в порядке отступить.

Их стало больше. Они пропилили, прогрызли или еще как-то проделали дыру в запертой входной двери и все прибывали, окружали его все теснее — чтобы убить. Они рядами рассаживались на полу, карабкались по стенам, бегали по потолку.

Крейн поднялся во весь свой немалый человеческий рост, и в осанке его была спокойная уверенность. Потянулся к сушильной доске — вот он, солидный кусок водопроводной трубы. Взвесил ее в руке — что ж, удобная и надежная дубинка.

«После меня будут другие. Может, они придумают что-нибудь получше. Но это первая разведка, и я постараюсь отступить в самом образцовом порядке».

Он взял трубу на изготовку.

— Ну-с, господа хорошие? — сказал он.

ДЕТСКИЙ САД

Он отправился на прогулку ранним утром, когда солнце стояло низко над горизонтом; прошел мимо полуразвалившегося старого коровника, пересек ручей и по колено в траве и полевых цветах стал подниматься по склону, на котором раскинулось пастбище. Мир был еще влажен от росы, а в воздухе держалась ночная прохлада.

Он отправился на прогулку ранним утром, так как знал, что утренних прогулок у него осталось, наверно, совсем немного. В любой день боль может прекратить их навсегда, и он был готов к этому... уже давно готов.

Он не спешил. Каждую прогулку он совершал так, будто она была последней, и ему не хотелось пропустить ничего... ни задранных кверху мордашек — цветов шиповника со слезинками-росинками, стекающими по их щекам, ни переключки птиц в зарослях на меже.

Он нашел машину рядом с тропинкой, которая проходила сквозь заросли на краю оврага. С первого же взгляда он почувствовал раздражение: вид у нее был не просто странный, но даже какой-то необыкновенный, а он сейчас мог и умом и сердцем воспринимать лишь обычное. Машина — это сама банальность, нечто привычное, главная примета современного мира и жизни,

от которой он бежал. Просто машина была неуместна на этой заброшенной ферме, где он хотел встретить последний день своей жизни.

Он стоял на тропинке и смотрел на странную машину, чувствуя, как уходит настроение, навеянное цветами, росой и утренним щебетанием птиц, и как он остается наедине с этой штукой, которую всякий принял бы за беглянку из магазина бытовых приборов. Но глядя на нее, он мало-помалу увидел в ней и другое и понял, что она совершенно не похожа на все когда бы то ни было виденное или слышанное... и уж, конечно, меньше всего — на бродячую стиральную машину или заматающий следы преступлений сушильный шкаф.

Во-первых, она сияла... это был не блеск металлической поверхности, не глянец глазурованного фарфора... сияла каждая частица вещества, из которого она была сделана. Он смотрел прямо на нее, и у него было ощущение, будто он видит ее насквозь, хотя он и не совсем ясно различал, что у нее там, внутри. Машина была прямоугольная, примерно фута четыре в длину, три — в ширину и два — в высоту; на ней не было ни одной кнопки, переключателя или шкалы, и это само по себе говорило о том, что ею нельзя управлять.

Он подошел к машине, наклонился, провел рукой по верху, хотя вовсе не думал подходить и дотрагиваться до нее, и лишь тогда сообразил, что ему, по-видимому, следует оставить машину в покое. Впрочем, ничего не случилось... по крайней мере сразу. Металл или то, из чего она была сделана, на ощупь казался гладким, но под этой гладкостью чувствовалась страшная твердость и пугающая сила.

Он отдернул руку, выпрямился и сделал шаг назад.

Машина тотчас щелкнула, и он совершенно определенно почувствовал, что она щелкнула не для того, чтобы произвести какое-нибудь действие или включиться, а для того, чтобы привлечь его внимание, дать ему знать, что она работает, что у нее есть свои функции и она готова их выполнять. И он чувствовал, что, какую бы цель она ни преследовала, сделает она все очень искусно и без всякого шума.

Затем она снесла яйцо.

Почему он подумал, что она поступит именно так, он не мог объяснить и потом, когда пытался осмыслить это.

Во всяком случае, она снесла яйцо, и яйцо это было куском нефрита, зеленого, насквозь пронизанного молочной белизной, искусно выточенного в виде какого-то гротескного символа.

Взволнованный, на мгновение забыв, как материализовался нефрит, он стоял на тропинке и смотрел на зеленое яйцо, увлеченный его красотой и великолепным мастерством отделки. Он сказал себе, что это самое прекрасное произведение искусства, которое он когда-либо видел, и он точно знал, каким оно будет на ощупь. Он заранее знал, что станет восхищаться отделкой, когда начнет внимательно рассматривать нефрит.

Он наклонился, поднял яйцо и, любовно держа его в ладонях, сравнивал с теми вещами из нефрита, которыми занимался в музее долгие годы. Но теперь, когда он держал в руках нефрит, музей тонул где-то далеко в дымке времени, хотя с тех пор, как он покинул его стены, прошло всего три месяца.

— Спасибо, — сказал он машине и через мгновение подумал, что делает глупость, разговаривая с машиной так, будто она была человеком.

Машина не двигалась с места. Она не щелкнула, не пошевелилась.

В конце концов он отвернулся от нее и пошел вниз по склону, мимо коровника, к дому.

В кухне он положил нефрит на середину стола, чтобы не терять его из виду во время работы. Он разжег огонь в печке и стал подбрасывать небольшие чурки, чтобы пламя разгоралось быстрее. Поставив чайник на плиту и достав из буфета посуду, он накрыл на стол, поджарил бекон и разбил о край сковородки последние яйца.

Он ел, не отрывая глаз от нефрита, который лежал перед ним, и все не переставал восхищаться отделкой, стараясь отгадать его символику. Он подумал и о том, сколько должен стоить такой нефрит. Дорого... хотя это интересовало его меньше всего.

Форма нефрита озадачила его — такой он никогда не видел и не встречал ничего подобного в литературе. Он не мог представить себе, что бы она значила. И все же в камне была какая-то красота и мощь, какая-то

специфичность, которая говорила, что это не просто случайная вещь, а продукт высокоразвитой культуры.

Он не слышал шагов молодой женщины, которая поднялась по лестнице и прошла через веранду, и обернулся только тогда, когда она постучала. Она стояла в дверях, и при виде ее он сразу поймал себя на том, что думает о ней с таким же восхищением, как и о нефрите.

Нефрит был прохладным и зеленым, а ее лицо — резко очерченным и белым, но синие глаза имели тот же мягкий оттенок, что и этот чудесный кусок нефрита.

— Здравствуйте, мистер Шайе, — сказала она.

— Доброе утро, — откликнулся он.

Это была Мэри Маллет, сестра Джонни.

— Джонни пошел ловить рыбу, — сказала Мэри. — Они отправились с младшим сынишкой Смита. Молоко и яйца пришлось нести мне.

— Я рад, что пришли вы, — сказал Питер, — хотя не стоило беспокоиться. Я бы сам зашел за ними чуть попозже. Мне это пошло бы на пользу.

И тотчас пожалел о своих словах, потому что последнее время он думал об этом слишком много... мол, то-то и то-то надо делать, а того-то не надо. Что толку говорить о какой-то пользе, когда уже ничто не может помочь ему! Доктора дали понять это совершенно недвусмысленно.

Он взял яйца и молоко, попросил ее войти, а сам отнес молоко в погреб, потому что в доме не было электричества для холодильника.

— Вы уже позавтракали? — спросил он. Мэри кивнула.

— Вот и хорошо, — добавил он сухо. — Готовлю я довольно скверно. Видите ли, я живу вроде как в палатке на лоне природы.

И опять пожалел о своих словах.

«Шайе, — сказал он себе, — перестань быть таким сентиментальным».

— Какая хорошенькая вещичка! — воскликнула Мэри. — Где вы ее взяли?

— Нефрит? Это странный случай. Я нашел его.

Она протянула руку, чтобы взять нефрит:

— Можно?

— Конечно, — сказал Питер.

Она взяла нефрит, а он наблюдал за выражением ее лица. Как и он тогда, она осторожно держала камень обеими руками.

— Вы это *нашли*?

— Ну, не то чтобы нашел, Мэри. Мне его дали.

— Друг?

— Не знаю.

— Забавно.

— Не совсем. Я хотел бы показать вам этого... ну, чудака, который дал камень. Вы можете уделить мне минутку?

— Конечно, могу, — сказала Мэри, — хотя мне надо спешить. Мама консервирует персики.

Они вместе прошли мимо коровника, пересекли ручей и оказались на пастбище. Шагая вверх по склону, он подумал, там ли еще машина... и вообще была ли она там.

Она была там.

— Какая диковина! — сказала Мэри.

— Именно диковина, — согласился Питер.

— Что это, мистер Шайе?

— Не знаю.

— Вы сказали, что вам дали нефрит. Уж не хотите ли вы...

— Но так оно и было, — сказал Питер.

Они подошли к машине поближе и стояли, наблюдая за ней. Питер снова отметил, что она сияет, и вновь у него появилось ощущение, будто он может что-то разглядеть внутри... только очень смутно.

Мэри наклонилась и провела пальцем по машине.

— Ощущение приятное, — сказала она. — Похоже на фарфор или ...

Машина щелкнула, и на траву лег флакон.

— Мне?

Питер поднял крохотную бутылочку и подал ее Мэри. Это была вершина стеклодувного мастерства: флакон сиял на свету всеми цветами радуги.

— Наверно, это духи, — сказал Питер.

Мэри вынула пробку.

— Прелестно, — радостно прошептала она и дала понюхать Питеру. Это действительно было прелестно. Она заткнула флакон пробкой.

— Но, мистер Шайе...

— Не знаю, — сказал Питер, — Я просто ничего не знаю.

— Ну хоть догадываетесь?

Он покачал головой.

— Вы нашли ее здесь?

— Я вышел прогуляться...

— И она ждала вас.

— Я не... — пытался возразить Питер, но потом ему вдруг пришло в голову, что это именно так: не он нашел машину, а она ждала его.

— Она ждала, да?

— Вот теперь, когда вы сказали, мне кажется, что она ждала меня.

Может быть, она ждала не именно его, а любого человека, который пройдет по тропинке. Она ждала и хотела, чтобы ее нашли, ждала случая, чтобы сделать свое дело.

Кто-то оставил ее здесь. Теперь это ясно как день.

Он стоял на лугу с Мэри Маллет, дочерью фермера (а кругом были знакомые травы, кусты и деревья, становилось все жарче и пронзительно стрекотали кузнечики, а где-то далеко позвякивал коровий колокольчик), и чувствовал, как мозг его леденит мысль, холодная и страшная мысль, за которой была чернота космоса и тусклая бесконечность времени. И он чувствовал, как чья-то чужая враждебная рука протянулась к теплу человечества и Земли.

— Вернемся, — сказал он.

Они вернулись через луг к дому и немного постояли у ворот.

— Может быть, нам что-то надо сделать? — спросила Мэри. — Сказать кому-нибудь?

Он покачал головой:

— Сначала я хочу все обдумать.

— И что-нибудь сделать?

— Наверно, тут никто ничего поделать не сможет, да и надо ли?

Она пошла по дороге, а он смотрел ей вслед, потом повернулся и зашагал к дому.

Он достал косилку и стал выкашивать траву. После этого он занялся цветочной клумбой. Циннии росли хо-

рошо, но с астрами что-то случилось: они завяли. Что бы он ни делал, клумба все больше зарастает травой, которая душист культурные растения.

«После обеда, — подумал он, — я, наверно, отправлюсь ловить рыбу. Может быть, рыбная ловля пойдет мне на...»

Он поймал себя на этой мысли и не закончил ее.

Он сидел на корточках у цветочной клумбы, ковыряя землю кончиком садового совка, и думал о машине, оставшейся на лугу.

«Я хочу сначала все обдумать», — сказал он Мэри. Но о чем тут можно думать?

Кто-то что-то оставил на его лугу... машину, которая щелкала, а когда ее поглаживали, делала подарки, словно яйца несла.

Что это значило?

Почему она там оказалась?

Почему она щелкала и раздавала подарки, когда ее гладили?

Может, она отвечала на ласку? Как собака, которая виляет хвостом?

Может быть, она благодарит? За то, что ее заметил человек?

Что это? Приглашение к переговорам?

Дружеский жест?

Ловушка?

И как она узнала, что он продал бы душу и за вдвое меньший кусочек нефрита?

Откуда ей было знать, что девушки любят хорошие духи?

Он услышал позади быстрые шаги и резко обернулся. По траве к нему бежала Мэри.

Она опустилась рядом с ним на колени и схватила его за руку.

— Джонни тоже наткнулся на нее, — тяжело дыша, сказала она. — Я бежала всю дорогу. Они были вместе с сынишкой Смита. Они шли через луг с рыбной ловли...

— Может быть, нам надо сообщить о ней, — сказал Питер.

— Она им тоже сделала подарки. Джонни получил удилице с катушкой, а Оги Смит — бейсбольную биты и перчатку.

— Господи!

- И теперь они хвастаются перед всеми.
- Теперь это уже все равно, — сказал Питер. — По крайней мере мне так кажется.
- Но что это такое? Вы говорите, что не знаете. Но вы же думали. Питер, вы же что-нибудь придумали.
- Мне кажется, что это неземная штука, — сказал ей Питер. — У нее странный вид. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного. Земные машины не дарят вещи, когда на них кладут руки. В наши машины сначала надо опустить монету. Она... она не с Земли.
- Вы хотите сказать, что она с Марса?
- И не с Марса, — сказал Питер. — И не из нашей Солнечной системы. Нет никаких оснований предполагать, что в Солнечной системе живут другие разумные существа, а уж о такой разумной машине и говорить не приходится.
- Что значит... не из нашей Солнечной системы?..
- С какой-нибудь другой звезды.
- Звезды так далеко! — возразила она.
- Так далеко, подумал Питер. Так далеко для людей. До них можно добраться только в мечтах. Они так далеки, так равнодушны и холодны. А машина...
- Похожа на игорную машину, — сказал он вслух, — только выдает выигрыш всегда, даже если в нее не опускают монеты. Это же безумие, Мэри. Вот почему она не с Земли. Ни одна земная машина, созданная земным изобретателем, этого делать не будет.
- Теперь все соседи пойдут туда, — сказала Мэри.
- Конечно. Они пойдут за подарками.
- Но ведь она не очень большая. В ней не поместятся бы подарки для всей округи. Даже для тех подарков, что она уже раздала, едва хватит места.
- Мэри, а Джонни хотел, чтобы у него был спиннинг?
- Он только об этом и говорил.
- А вы любите духи?
- У меня никогда не было хороших духов. Одни дешевые. — Она нервно хохотнула. — А вы? Вы любите нефрит?
- Я, как говорится, немного разбираюсь в нефрите. И питаю страсть к нему.
- Значит, эта машина...
- Дает каждому то, что он хочет, — закончил фразу Питер.

— Это страшно, — сказала Мэри.

Не верилось, что можно испугаться в такой день... сияющий летний день, когда на западе небо окаймляют белые облака и само небо как голубой шелк... день, когда не может быть дурного настроения... день такой же обычный для Земли, как кукурузное поле.

Когда Мэри ушла, Питер вернулся в дом и приготовил обед. Он ел его, сидя у окна, и наблюдал за соседями. По двое, по трое они шли через луг со всех сторон, они шли к его лугу от своих ферм, бросив сенокосилки и культиваторы, бросив работу в середине дня только ради того, чтобы взглянуть на машину. Они стояли вокруг и разговаривали, топча ногами кусты, в которых он нашел машину, и время от времени до него доносились их высокие, пронзительные голоса; но он не мог разобрать, что они говорят, так как расстояние смазывало и искажало слова.

Со звезд, подумал он. С какой-то звезды. И если даже это фантазия, я имею право на нее. Первый контакт. И как все продумано! Если бы чужое существо само прибыло на Землю, женщины с визгом разбежались бы по домам, а мужчины схватились за ружья, и все пошло бы прахом.

Но машина... это другое дело. Ничего, что она не похожа на людей. Ничего, что она ведет себя немного странно. В конце концов, это только машина. Это уже как-то можно понять. И в том, что она делает подарки, нет ничего плохого.

После обеда Питер вышел и присел на ступеньку. Подошли соседи и стали показывать, что им подарила машина. Они расселись вокруг и разговаривали, все были возбуждены и озадачены, но никто не был напуган.

Среди подарков были ручные часы, торшеры, пишущие машинки, соковыжималки, сервизы, серебряные шкатулки, рулоны драпировочной материи, ботинки, охотничьи ружья, наборы инструментов для резьбы по дереву, галстуки и многое другое. У одного подростка была дюжина капканов для ловли сусликов, а у другого — велосипед.

«Современный ащик Пандоры, — подумал Питер, — сделанный умными чужаками и доставленный на Землю»

Слух, по-видимому, уже распространился, и теперь люди приезжали даже в машинах. Одни оставляли машины на дороге и шли по луку пешком, другие заезжали во двор коровника и оставляли там автомобили, даже не спрашивая разрешения.

Немного спустя они возвращались с добычей и уезжали. На луку была толчея. Питеру это зрелище напоминало окружную ярмарку или сельский праздник.

К вечеру все разошлись. Ушли даже те соседи, которые заглянули к нему, чтобы перекинуться несколькими словами и показать подарки. Питер отправился на луку.

Машина была все еще там и уже начала что-то строить. Она выложила из камня, похожего на мрамор, платформу — нечто вроде фундамента для здания. Фундамент имел метра четыре в длину и метра три в ширину, опоры его, сделанные из того же камня, уходили в землю.

Питер присел на пенек. Отсюда открывался мирный деревенский вид. Он казался еще более красивым и безмятежным, чем прежде, и Питер всем своим существом ощущал прелесть этого вечера.

Солнце село всего полчаса назад. Небо на западе было нежно-лимонного цвета, постепенно переходившего в зеленый, кое-где виднелись бродячие розовые облачка, а на землю уже опустились синие сумерки. Из кустов и живых изгородей неслись мелодичные птичьи трели, а над головой шелестели крыльями стремительные ласточки.

Это земля, подумал Питер, мирная земля людей, пейзаж, созданный руками земледельцев. Это земля цветущей сливы, горделивых красных коровников, полюсок кукурузы, ровных, как ружейные стволы.

Без всякого вмешательства извне Земля миллионы лет создавала все это... плодородную почву и жизнь. Этот уголок Галактики жил своими маленькими заботами. А теперь?

Теперь наконец кто-то решил вмешаться.

Теперь наконец кто-то (или что-то) прибыл в этот уголок Галактики, и отныне Земля перестала быть одинокой.

Самому Питеру было уже все равно. Он скоро умрет, и нет ничего на свете, что могло бы иметь для него какое-либо значение. Ему оставались только ясность

утра и вечерний покой, каждый день был у него на счету, и ему хотелось получить лишь немного радости, которая выпадает на долю живых.

Но другим не все равно... Мэри Маллет и ее брату Джонни, сыночку Смита, который получил бейсбольную битку и перчатку, всем людям, приходившим на его луг, и тем миллионам людей, которые не бывали тут и еще ничего не слышали.

Здесь, на одинокой ферме, затерявшейся в кукурузных полях, без всяких театральных эффектов разыгрывается величайшая драма Земли. Именно здесь.

— Что вы собираетесь сделать с нами? — спросил он у машины.

И не получил ответа.

Питер и не ждал его. Он сидел и смотрел, как сгущаются тени, как зажигаются огни в домах, разбросанных по земле. Где-то далеко залаяла собака, откликнулись другие, за холмами в вечерней тишине звякали коровьи колокольчики.

Наконец, когда уже совсем стемнело, он медленно пошел к дому.

В кухне он нащупал лампу и зажег ее. На кухонных часах было почти девять... время передачи последних известий.

Он пошел в спальню и включил радио. Он слушал последние известия в темноте.

Новости были хорошие. В этот день никто в штате не умер от полиомиелита и заболел только один человек.

«Разумеется, успокаиваться еще рано, — говорил диктор, — но это, несомненно, перелом в ходе эпидемии. За прошедшие сутки не зарегистрировано ни одного нового случая. Директор департамента здравоохранения штата заявил...»

Он стал читать заявление директора департамента здравоохранения, который отделался общими фразами, так как сам не знал, что происходит.

«Впервые почти за три недели, — сказал диктор, — день прошел без смертных случаев. Но, несмотря на это, — продолжал он, — все еще требуются медицинские сестры». Он добавил, что медицинских сестер настоятельно просят звонить по такому-то телефону.

Диктор перешел к решению большого жюри, не сказав ничего нового. Потом прочел прогноз погоды. Сообщил, что слушание дела об убийстве Эммета отложено еще на месяц.

Потом он произнес: «К нам только что поступило сообщение. Посмотрим, что...»

Слышно было, как зашуршала в руках бумага, как перехватило у него дыхание.

«В нем говорится, — сказал он, — что шерифа Джо Бернса только что известили о летающем блюде, приземлившемся на ферме Питера Шайе около Маллет Корнерс. По-видимому, толком о нем никто ничего не знает. Известно только, что его нашли сегодня утром, но никто и не подумал известить шерифа. Повторяю — это все, что известно. Больше мы ничего не знаем. Не знаем, правда это или нет. Шериф поехал туда. Как только от него поступят известия, мы вам сообщим. Следите за нами...»

Питер встал и выключил радио. Потом он пошел на кухню за лампой. Поставил лампу на стол и снова сел, решив подождать шерифа Бернса.

Долго ждать ему не пришлось.

— Люди говорят, — сказал шериф, — что на вашей ферме приземлилось летающее блюдо.

— Я не знаю, шериф, летающее ли это блюдо.

— А что же это тогда?

— Почему я знаю, — ответил Питер.

— Люди говорят, оно раздает всякие вещи.

— Верно, раздает.

— Ну, если эта хреновина — рекламный трюк, — проговорил шериф, — намну же я кому-нибудь бока.

— Я уверен, что это не рекламный трюк.

— Почему вы не известили меня сразу? Утаить задумали?

— Мне как-то не пришло в голову, что нужно сообщить вам, — сказал ему Питер. — Я ничего не собирался утаивать.

— Вы недавно в наших местах, что ли? — спросил шериф. — Вроде бы я вас раньше не видел. Я думал, что знаю всех.

— Я здесь три месяца.

— Люди говорят, что хозяйством вы не занимаетесь. Говорят, у вас нет семьи. Живете тут совсем один, ничего не делаете.

— Правильно, — ответил Питер.

Шериф ждал объяснений, но Питер молчал. Шериф подозрительно рассматривал его при тусклом свете лампы.

— Может, покажете нам это летающее блюдо?

Питер, которому шериф уже порядком надоел, сказал:

— Я скажу вам, как найти его. Перейдете за коровником через ручей...

— Почему бы вам не пойти с нами, Шайе?

— Слушайте, шериф, я же объясняю вам дорогу. Будете слушать?

— Ну конечно, — ответил шериф. — Конечно. Но почему бы вам...

— Я был там два раза, — сказал Питер. — И люди сегодня ко мне все идут и идут.

— Ну ладно, ладно, — сказал шериф. — Говорите, куда идти.

Питер объяснил, и шериф с двумя помощниками ушел.

Зазвонил телефон.

Питер поднял трубку. Звонили с той самой радиостанции, сообщения которой он слушал.

— Скажите, — спросил радиореporter, — это у вас там блюдо?

— Почему у меня? — сказал Питер. — Впрочем, что-то такое есть. Шериф пошел посмотреть на него.

— Мы хотим послать нашу телепередвижку, но прежде нам надо убедиться, что это не липа. Не возражаете, если мы пришьем?

— Не возражаю. Присылайте.

— А вы уверены, что эта штука еще там?

— Там, там!

— Хорошо, может, тогда вы мне скажете...

Питер повесил трубку только через пятнадцать минут.

Телефон зазвонил снова.

Это был звонок из «Ассошиэтед Пресс». Человек на другом конце провода был осторожен и скептичен.

— Говорят, у вас объявилось какое-то блюдо?

Питер повесил трубку через десять минут.

Телефон зазвонил почти сразу.

— Маклеланд из «Трибюн», — сказал усталый голос. — Я слышал какие-то враки...

Пять минут. Снова звонок. Из «Юнайтед Пресс».

— Говорят, у вас приземлилось блюдце. А человечков маленьких в нем нет?

Пятнадцать минут.

Звонок. Это был раздраженный горожанин.

— Я только что слышал по радио, будто у вас опустилось летающее блюдце. Кому вы голову морочите? Вы отлично знаете, что никаких летающих блюдец нет...

— Одну минуту, сэр, — сказал Питер и выпустил трубку. Она повисла на проводе, а Питер пошел на кухню, нашел там ножницы и вернулся. Он слышал, как разгневанный горожанин все еще пилил его, — голос, доносившийся из раскачивающейся трубки, был какой-то неживой.

Питер вышел из дома, отыскал провод и перерезал его. Когда он вернулся, трубка молчала. Он осторожно положил ее на место.

Потом он запер двери и лег спать. Вернее, лег в постель, но никак не мог заснуть. Он лежал под одеялом, уставившись в темноту и пытаясь привести в порядок рой мыслей, теснившихся в голове.

Утром он отправился гулять и увидел машину. Он положил на нее руку, и она дала ему подарок. Потом дарила еще и еще.

— Прилетела машина, раздающая подарки, — сказал он в темноту.

Умный, продуманный, тщательно разработанный первый контакт.

Контакт с людьми при помощи знакомого им, понятного, нестрашного. Контакт при помощи чего-то такого, над чем люди могут чувствовать свое превосходство. Дружелюбный жест... а что может быть большим при знаком дружелюбия, чем вручение подарков?

Что это? Кто это?

Миссионер?

Торговец?

Дипломат?

Или просто машина и ничего больше?

Шпион? Искатель приключений? Исследователь? Разведчик? Врач? Судья? Индейский вождь?

И почему эта штука приземлилась здесь, на этом заброшенном клочке земли, на лугу его фермы?

И с какой целью? А с какой целью чаще всего прибывают на Землю все эти странные вымышленные существа в фантастических романах?

Покорять Землю, разумеется. Если не силой, то постепенным проникновением или дружеским убеждением и принуждением. Покорять не только Землю, но и все человечество.

Радиореporter был возбужден, журналист из «Ассошиэтед Пресс» возмущен тем, что его приняли за дурачка, представителю «Трибюн» было скучно, а тот, что из «Юнайтед Пресс», просто болтун. Но горожанин рассердился. Его уже не раз угощали историями о летающих тарелках, и это было слишком.

Горожанин разозлился, потому что, замкнувшись в своем маленьком мирке, он не хотел никаких беспокойств, он не желал вмешательства. У него и своих неприятностей хватает, не доставало еще приземления какого-то блюдца. У него свои заботы: заработать на жизнь, поладить с соседями, подумать о завтрашнем дне, уберечься от эпидемии полиомиелита.

Впрочем, диктор сказал, что положение с полиомиелитом, кажется, улучшается: нет ни новых заболеваний, ни смертных случаев. И это замечательно, потому что полиомиелит — это боль, смерть, страх.

«Боль, — подумал он. — Сегодня не было боли. Впервые за много дней мне не было больно».

Он вытянулся и застыл под одеялом, прислушиваясь, нет ли боли. Он знал, где она пряталась, знал то место в своем теле, где она укрывалась. Он лежал и ждал ее, полный страха, что теперь, когда он подумал о ней, она даст о себе знать. Но боли не было. Он лежал и ждал, опасаясь, что одна лишь мысль о ней подействует как заклинание и выманит ее из укромного местечка. Боль не приходила. Он просил ее прийти, умолял показаться, всеми силами души старался выманить ее. Боль не поддавалась.

Питер расслабил мышцы, зная, что пока он в безопасности. Пока... потому что боль все еще пряталась там. Она выжидала, искала удобного случая — она придет, когда пробьет ее час.

С беззаботной отрешенностью, стараясь забыть будущее и его страхи, он наслаждался жизнью без боли.

Он прислушался к тому, что происходило в доме: из-за слегка просевших балок доски в полу скрипели, летний ветерок бился в стену, ветки вяза скреблись о крышу кухни.

Другой звук. Стук в дверь.

— Шайе! Шайе! Где вы?

— Иду, — отозвался он.

Он нашел шлепанцы и пошел к двери. Это был шериф со своими людьми.

— Зажгите лампу, — попросил шериф.

— Спички есть? — спросил Питер.

— Да, вот.

Ощупью Питер нашел в темноте руку шерифа и взял у него коробок спичек. Он отыскал стол, провел по нему рукой и нашел лампу. Он зажег ее и посмотрел на шерифа.

— Шайе, — сказал шериф, — эта штукавина строит что-то.

— Я знаю.

— Что за чертовщина?

— Никакой чертовщины.

— Она дала мне это, — сказал шериф, положив что-то на стол.

— Пистолет, — сказал Питер.

— Вы когда-нибудь видели такой?

Да, это был пистолет примерно сорок пятого калибра. Но у него не было спускового крючка, дуло ярко блестело, весь он был сделан из какого-то белого полупрозрачного материала.

Питер поднял его — весил он не больше полуфунта.

— Нет, — сказал Питер. — Ничего подобного я никогда не видел. — Он осторожно положил его на стол. — Стреляет?

— Да, — ответил шериф. — Я испробовал его на вашем коровнике.

— Коровника больше нет, — сказал один из помощников.

— Ни звука, ни вспышки, ничего, — добавил шериф.

— Коровник исчез, и все, — повторил помощник, еще не оправившийся от удивления.

Во двор въехала машина.

— Пойди посмотри, кто там, — приказал шериф.

Один из помощников вышел.

— Не понимаю, — пожаловался шериф. — Говорят, летающее блюдце, а я думаю, никакое это не блюдце. Просто ящик.

— Это машина, — сказал Питер.

На крыльце послышались шаги, и в комнату вошли люди.

— Газетчики, — сказал помощник, который выходил посмотреть.

— Никаких заявлений не будет, ребята, — сказал шериф.

Один из репортеров обратился к Питеру:

— Вы Шайе?

Питер кивнул.

— Я Хоскинс из «Трибюн». Это Джонсон из «Ассошиэтед Пресс». Тот малый с глупым видом — фотограф Лэнгли. Не обращайтесь на него внимания. — Он похлопал Питера по спине. — Ну и как оно тут, в самой гуще событий века? Здорово, а?

— Не шевелись, — сказал Лэнгли. Сработала лампа-вспышка.

— Мне нужно позвонить, — сказал Джонсон. — Где телефон?

— Там, — ответил Питер. — Он не работает.

— Как это? В такое время — и не работает?

— Я перерезал провод!

— Перерезали провод? Вы с ума сошли, Шайе?

— Слишком часто звонили.

— Ну и ну, — сказал Хоскинс. — Ведь надо же!

— Я его починю, — предложил Лэнгли. — Есть у кого-нибудь плоскогубцы?

— Пойдите, ребята, — сказал шериф.

— Поживей надевайте штаны, — сказал Питеру Хоскинс. — Мы хотим сфотографировать вас у блюда. Поставьте ногу на него, как охотник на убитого слона.

— Ну послушайте же, — сказал шериф.

— Что такое, шериф?

— Тут дело серьезное. Поймите меня правильно. Нечего вам там, ребята, ошиваться.

— Конечно, серьезное, — ответил Хоскинс. — Потому-то мы здесь. Миллионы людей ждут не дождутся известий.

— Вот плоскогубцы, — произнес кто-то.

— Сейчас исправлю телефон, — сказал Лэнгли.

— Что мы здесь топчемся? — спросил Хоскинс. — Пошли посмотрим на нее.

— Мне нужно позвонить, — ответил Джонсон.

— Послушайте, ребята, — уговаривал растерявшийся шериф. — Погодите...

— На что похожа эта штука, шериф? Думаете, это блюдо? Большое оно? Оно что — щелкает или издает еще какой-то звук? Эй, Лэнгли, сними-ка шерифа.

— Минутку! — закричал Лэнгли со двора. — Я соединяю провод!

На веранде снова слышались шаги. В дверь просунулась голова.

— Автобус с телестудии, — сказала голова. — Это здесь? Как добраться до этой штуки?

Зазвонил телефон. Джонсон поднял трубку.

— Это вас, шериф.

Шериф протопал к телефону. Все прислушались.

— Да, это я, шериф Бернс... Да, оно там, все в порядке... Конечно, знаю. Я видел его... Нет, что это такое, я не знаю... Да, понимаю... Хорошо, сэр... Слушаюсь, сэр... Я прослежу, сэр.

Он положил трубку и обернулся.

— Это военная разведка, — сказал он. — Никто туда не пойдет. Никому из дома не выходить. С этой минуты здесь запретная зона.

Он свирепо переводил взгляд с одного репортера на другого.

— Так приказано, — сказал он им.

— А, черт! — выругался Хоскинс.

— Я так торопился сюда, — заорал телерепортер, — и чтоб теперь сидеть взаперти и не...

— Теперь здесь распоряжаюсь не я, — сказал шериф. — Приказ дяди Сэма. Так что вы, ребята, не очень...

Питер пошел на кухню, раздул огонь и поставил чайник.

— Кофе там, — сказал он Лэнгли. — Пойду оденусь.

Медленно тянулась ночь. Хоскинс и Джонсон передали по телефону сведения, кратко записанные на сложенных гармошкой листках бумаги; разговаривая с Пи-

тером и шерифом, они царапали карандашом какие-то непонятные знаки. После недолгого спора шериф решил Лэнгли доставить снимки в редакцию. Шериф шагал по комнате из угла в угол.

Ревело радио. Не переставая звонил телефон.

Все пили кофе и курили, пол был усеян раздавленными окурками. Прибывали все новые газетчики. Предупрежденные шерифом, они оставались ждать. Кто-то принес бутылку спиртного и пустил ее по кругу. Кто-то предложил сыграть в покер, но его не поддержали.

Питер вышел за дровами. Ночь была тихая, светили звезды.

Он взглянул в сторону луга, но там ничего нельзя было рассмотреть. Он попытался разглядеть то пустое место, где прежде был коровник. Но в густой тьме увидеть коровник было трудно, даже если бы он и стоял там.

Что это? Мгла, сгущающаяся у смертного одра? Или последний мрачный час перед рассветом? Перед самой светлой, самой удивительной зарей в многотрудной жизни человечества?

Машина что-то строит там, строит ночью.

А что она строит?

Храм? Факторию? Миссию? Посольство? Форт? Никто не знает, никто не скажет этого.

Но что бы она ни строила, это был первый аванпост, построенный чужаками на планете Земля.

Он вернулся в дом с охапкой дров.

— Сюда посылают войска, — сказал ему шериф.

— Раз-два — левой, — с невозмутимым видом командовал Хоскинс; сигарета небрежно повисла на его нижней губе.

— По радио только что передали, — добавил шериф. — Объявлен призыв национальной гвардии.

Хоскинс и Джонсон выкрикивали военные команды.

— Вы, ребята, лучше не суйтесь к солдатам, — предупредил шериф. — Еще ткнут штыком...

Хоскинс издал звук, похожий на сигнал трубы. Джонсон схватил две ложки и изобразил стук копыт.

— Кавалерия! — закричал Хоскинс. — Вперед, ребята, ура!

— Ну что вы как дети, — проговорил кто-то устало.

Медленно тянулась ночь, все сидели, пили кофе, курили. Никому не хотелось говорить.

Радиостанция наконец объявила, что передачи окончены. Кто-то стал крутить ручку, пытаясь поймать другую станцию, но батареи сели. Давно уже не звонил телефон.

До рассвета оставался еще час, когда прибыли солдаты. Они не маршировали и не гарцевали, а приехали на пяти крытых брезентом грузовиках.

Капитан зашел на минуту узнать, где лежит это проклятое блюдо. Это был беспокойный тип. Он даже не выпил кофе, а тотчас вышел и громко приказал шоферам ехать.

В доме было слышно, как грузовики с ревом умчались.

Стало светать. На лугу стояло здание, вид у него был непривычный, потому что оно возводилось вопреки всем строительным нормам. Тот, или скорее, то, что строило его, делало все шиворот-навыворот, так что видна была сердцевина здания, словно его предназначали к сносу и сорвали с него всю «оболочку».

Здание занимало пол-акра и было высотой с пятиэтажный дом. Первые лучи солнца окрасили его в розовый цвет; это был тот изумительный блекло-розовый тон, от которого становится теплее на душе, — вспоминается платье соседской девчушки, которое она надела в день рождения.

Солдаты окружили здание, утреннее солнце поблескивало на штыках винтовок.

Питер приготовил завтрак: напек целую гору оладий, изжарил яичницу с беконом, на которую ушли все его запасы, сварил галлона два овсяной каши, ведро кофе.

— Мы пошлем кого-нибудь за продуктами, — сказал Хоскинс. — А то мы вас просто ограбили.

После завтрака шериф с помощниками уехал в окружной центр. Хоскинс пустил шапку по кругу и тоже поехал в город за продуктами. Остальные газетчики остались. Автобус телестудии нацелился на здание широкоутольным объективом.

Телефон снова начал трезвонить. Журналисты по очереди брали трубку.

Питер отправился на ферму Маллет достать яиц и молока.

Мэри выбежала ему навстречу, к калитке.

— Соседи боятся, — сказала она.

— Вчера они не боялись, — заметил Питер. — Они просто ходили и брали подарки.

— Но ведь все изменилось, Питер. Это уж слишком... Здание...

То-то и оно. Здание.

Никто не боялся безвредной на вид машины, потому что она была маленькая и дружелюбная. Она так приятно блестела, так мило щелкала и раздавала подарки. На первый взгляд внешне она ничем не отличалась от земных предметов, и намерения ее были понятны.

Но здание было большое и, возможно, станет еще больше, и строилось оно шиворот-навыворот. Кто и когда видел, чтобы сооружение росло с такой быстротой — пять этажей за одну-единственную ночь?

— Как они это делают, Питер? — понизив голос, спросила Мэри.

— Не знаю, — ответил Питер. — Тут действуют законы, о которых мы понятия не имеем, применяется технология, которая людям и в голову не приходила; способ созидания, в своей основе совершенно отличный от человеческого.

— Но это совсем такое же здание, какое могли бы построить и люди, — возразила она. — Не из такого камня, конечно... Наверное, в целом свете нет такого камня. Но в остальном ничего необычного в нем нет. Оно похоже на большую школу или универмаг.

— Мой нефрит оказался настоящим нефритом, — сказал Питер, — ваши духи — настоящими духами, а спиннинг, который получил Джонни, — обыкновенным спиннингом.

— Значит, они знают о нас. Они знают все, что можно узнать, Питер, они следят за нами!

— Несомненно.

Он увидел в ее глазах страх и привлек к себе. Она не отстранилась, и он крепко обнял ее, но тут же подумал, как странно, что именно у него ищут утешения и поддержки.

— Я глупая, Питер.

— Вы замечательная, — убежденно сказал он.

— Я не очень боюсь.

— Конечно, нет. Ему хотелось сказать: «Я люблю тебя», но он знал, что этих слов он не скажет никогда. «Хотя боль, — подумал он, — боль сегодня утром не возвращалась».

— Я пойду за молоком и яйцами, — сказала Мэри.

— Принесите, сколько можете. Мне надо накопить целую ораву.

Возвращаясь домой, он думал о том, что соседи уже боятся. Интересно, скоро ли страх охватит весь мир, скоро ли выкатят на огневые позиции пушки, скоро ли упадет атомная бомба.

Питер остановился на склоне холма над домом и впервые заметил, что коровник исчез. Он был стесан так аккуратно, будто его ножом отсекали, — остался только фундамент, срезанный наискось.

Интересно, пистолет еще у шерифа? Питер решил, что у шерифа. А что тот будет делать с ним и почему он был подарен именно ему? Ведь из всех подарков это был единственный предмет, неизвестный на Земле.

На лугу, где еще вчера, кроме деревьев, травы и старых канав, поросших терновником, орешником да куманикой, ничего не было, теперь росло здание. Питеру показалось, что за час оно стало еще больше.

Вернувшись домой, Питер увидел, что все журналисты сидят во дворе и смотрят на здание.

Один из них сказал:

— Военное начальство прибыло. Ждет вас там.

— Из разведки? — спросил Питер.

Журналист кивнул:

— Полковник и майор.

Военные ждали в столовой. Полковник — седой, но очень моложавый. Майор был при усах, которые придавали ему весьма бравый вид.

Полковник представился:

— Полковник Уитмен. Майор Рокуэл.

Питер поставил молоко и яйца и поклонился.

— Это вы нашли машину? — спросил полковник.

— Да, я.

— Расскажите нам о ней, — попросил полковник.

Питер стал рассказывать.

— А где нефрит? — сказал полковник. — Вы нам не покажете его?

Питер вышел на кухню и принес нефрит. Они передавали камень друг другу, внимательно рассматривали его, вертя в руках немного с опаской и в то же время

с восхищением, хотя Питер видел, что они ничего не смыслят в нефрите.

Словно прочитав мысли Питера, полковник поднял голову и посмотрел на него.

— Вы разбираетесь в нефрите? — спросил полковник.

— Очень хорошо, — ответил Питер.

— Вам приходилось работать с ним прежде?

— В музее.

— Расскажите о себе.

Питер заколебался... но потом стал рассказывать.

— А почему вы здесь? — спросил полковник.

— Вы когда-нибудь лежали в больнице, полковник?

Вы никогда не думали, каково умирать там?

Полковник кивнул:

— Я понимаю вас. Но здесь за вами нет никакого...

— Я постараюсь не заживаться...

— Да, да, — проговорил полковник. — Понимаю...

— Полковник, — сказал майор, — взгляните, пожалуйста, сюда, сэр. Тот же символ, что и на...

Полковник выхватил нефрит у него из рук.

— Тот же символ, что и над текстом письма! — воскликнул он.

Полковник поднял голову и пристально посмотрел на Питера, как будто впервые увидел его и очень удивился этому.

Вдруг в руке майора появился пистолет, холодный глазок дула был направлен прямо на Питера.

Питер бросился было в сторону. Но не успел. Майор выстрелил в него.

Миллион лет Питер падал сквозь призрачно-серую, пронзительно воющую пустоту, сознавая, что это только сон, что он падает в бесконечном атаквистическом сне, доставшемся в наследство от тех невероятно далеких предков, которые обитали на деревьях и жили в вечном страхе перед падением. Ему хотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться, но он не мог этого сделать, потому что у него не было рук, а потом оказалось, что у него нет и тела, которое можно было бы ущипнуть. Лишь его сознание несло сквозь бездну, у которой не было ни конца, ни края.

Миллион лет Питер падал в пронзительно воющую пустоту; сначала вой пронизывал его и заставлял вновь и вновь корчиться в муках его душу (тела не было), не

доводя пытку до той крайности, за которой следует спасительное безумие. Но со временем он привык к этому вою, и, как только привык, вой прекратился, и Питер падал в бездну в полной тишине, которая была еще страшнее, чем вой.

Он падал, и падение это было вечным, а потом вдруг вечности пришел конец, и наступил покой, и не было больше падения.

Он увидел лицо. Лицо из невероятно далекого прошлого, которое он видел однажды и давно позабыл, и он рылся в памяти, стараясь вспомнить, кто это.

Лицо расплывалось, оно качалось из стороны в сторону, и остановить его Питер никак не мог. Все попытки его оказались тщетными, и он закрыл глаза, чтобы избавиться от этого лица.

— Шайе, — позвал чей-то голос. — Питер Шайе.

— Уходи, — сказал Питер.

Голос пропал. Питер снова открыл глаза, лицо было на старом месте: на этот раз оно не расплывалось и не качалось.

Это было лицо полковника.

Питер опять закрыл глаза, припоминая неподвижный глазок пистолета, который держал майор. Он отпрыгнул в сторону или хотел это сделать, но не успел. Что-то случилось, и миллион лет он падал, а теперь очнулся и на него смотрит полковник.

В него стреляли. Это очевидно. Майор выстрелил в него, и теперь он в больнице. Но куда его ранило? В руку? Обе руки целы. В ногу? Ноги тоже целы. Боли нет. Повязок нет. Гипса нет.

Полковник сказал:

— Он только что приходил в себя, доктор, и тотчас снова потерял сознание.

— Он будет молодцом, — сказал врач. — Дайте только срок. Вы вогнали в него слишком большой заряд. Он придет в себя не сразу.

— Нам надо поговорить с ним.

— Вам придется подождать.

С минутой было тихо. Потом:

— А вы абсолютно уверены, что он человек?

— Мы обследовали его очень тщательно, — сказал врач. — Если он и не человек, то такая хорошая подделка, что нам его вовек не уличить.

— Он говорил мне, что у него рак, — сказал полковник, — притворялся, что умирает от рака. А вы не считаете, что если он не человек, то на худой конец он в любой момент мог сделать вид, будто у него...

— У него нет рака. Ни малейших признаков. Не было ничего похожего на рак. И не будет.

Даже с закрытыми глазами Питер почувствовал, как у полковника от недоверия и изумления открылся рот. Питер нарочно зажмурил глаза покрепче — боялся, что это уловка... хотят, чтобы открыл глаза.

— Врач, который лечил Питера Шайе, — сказал полковник, — четыре месяца назад говорил, что ему осталось жить полгода. Он сказал ему...

— Полковник, искать объяснение бесполезно. Могу сказать вам одно: у человека, лежащего на этой постели, рака нет. Он здоровяк, каких мало.

— В таком случае это не Питер Шайе, — упрямо заявил полковник. — Что-то приняло облик Питера Шайе, или сделало копию с него, или...

— Ну и ну, полковник, — сказал врач. — Не будем фантазировать.

— Вы уверены, что он человек, доктор?

— Я убежден, что это человеческое существо, если вы это имеете в виду.

— Неужели он ничем не отличается от человека? Нет никаких отклонений от нормы?

— Никаких, — сказал врач, — а если бы и были, то это еще не подтверждение ваших догадок. Незначительные мутационные различия есть у каждого. Людей под копирку не делают.

— Каждая вещь, которую дарила машина, чем-то отличалась от такой же вещи, но сделанной на Земле. Отличия небольшие и заметны не сразу, но именно они говорят, что предметы сделаны чужаками.

— Ну и пусть были отличия. Пусть эти предметы сделаны чужаками. А я все равно утверждаю, что наш пациент — самый настоящий человек.

— Но ведь получается такая цельная картина, — спорил полковник. — Шайе уезжает из города и покупает старую заброшенную ферму. В глазах соседей он чудак из чудаков. Уже самой своей чудаковатостью он привлекает к себе нежелательное внимание, но в то же время чудаковатость — это ширма для всех его не-

обычных поступков. И если уж кому суждено было найти странную машину, так это человеку вроде него.

— Вы стряпаете дело из ничего, — сказал врач. — Вам нужно, чтобы он чем-то отличался от нормального человека и тем подтвердил вашу нелёпую догадку. Не обижайтесь, но, как врач, я расцениваю это только так. А вы мне представьте хотя бы один факт... подчеркиваю, факт, подкрепляющий вашу мысль.

— Что было в коровнике? — не сдавался полковник. — Хотел бы я знать! Не строил ли Шайе эту машину именно там? Не потому ли коровник и был уничтожен?

— Коровник уничтожил шериф, — возразил врач. — Шайе не имеет к этому ни малейшего отношения.

— А кто дал пистолет шерифу? Машина Шайе, вот кто. И сам собой напрашивается вывод — чтение мыслей на расстоянии, гипноз, назовите как угодно...

— Давайте вернемся к фактам. Вы выстрелили в него из анестезирующего пистолета, и он тут же лишился сознания. Вы арестовали его. По вашему приказу он был подвергнут тщательному осмотру — это настоящее посягательство на свободу личности. Молите Бога, чтобы он на вас не подал в суд. Он может призвать вас к ответу.

— Знаю, — неохотно согласился полковник. — Но нам надо разобраться. Нам надо выяснить, что это такое. Мы должны вернуть свою бомбу.

— Так бы и говорили — вас тревожит бомба.

— Висит она там, — дрогнувшим голосом сказал полковник. — Висит!

— Мне надо идти, — сказал врач. — Не волнуйтесь, полковник.

Шаги врача, вышедшего из комнаты, затихли в коридоре. Полковник немного походил из угла в угол и тяжело опустился на стул.

Питер лежал в постели и с каким-то неистовством повторял про себя снова и снова: «Я буду жить!»

Но ведь он должен был умереть. Он приготовился к тому дню, когда боль наконец станет невыносимой... Он выбрал место, где хотел дожить остаток дней, место, где застигнет его смертный час. И вот его помиловали. Каким-то способом ему вернули жизнь.

Он лежал на кровати, борясь с волнением и растущей тревогой, стараясь не выдать себя, не показать, что действие заряда, которым в него стреляли, уже прошло.

Врач сказал, что стреляли из анестезирующего пистолета. Что-то новое... он никогда не слышал. Впрочем, он читал о чем-то вроде этого. О чем-то, связанном с лечением зубов, припомнил он. Это новый способ обезболивания, применяемый дантистами, — они опрыскивают десны стружкой анестезирующего вещества. Что-то в этом роде, только в сотни, в тысячи раз сильнее.

В него выстрелили, привезли сюда и осмотрели — и все из-за бредовых фантазий полковника разведки.

Фантазий? Забавно. Невольно, бессознательно быть чьим-то орудием. Разумеется, это нелепость. Потому что, насколько он помнит, в делах его, словах и даже в мыслях не было и намека на то, что он каким-то образом мог способствовать появлению машины на Земле.

А может быть, рак — это не болезнь, а что-то другое? Может, это какой-то незванный гость, который пробрался в тело человека и живет в нем. Умный чужак, прибывший издалека, одолевший несчетное число световых лет!

Но он знал, что эта фантазия под стать фантазии полковника: кошмар недоверия, который живет в сознании человека, средство самозащиты, которое вырабатывается подсознательно и готовит человечество к худшему, заставляя его держаться настороже.

Нет ничего страшнее неизвестности, ничто так не настораживает, как необъяснимое.

— Нам надо разобраться, — сказал полковник. — Надо выяснить, что это такое.

И весь ужас, разумеется, в том, что узнать ничего невозможно.

Питер решил, наконец, шевельнуться, и полковник тотчас сказал:

— Питер Шайе.

— Что, полковник?

— Мне нужно поговорить с вами.

— Хорошо, говорите.

Он сел в постели и увидел, что находится в больничной палате. Это было стерильно чистое помещение с кафельным полом и бесцветными стенами, а кровать, на которой он лежал, — обычная больничная койка.

— Как вы себя чувствуете? — спросил полковник.

— Так себе, — признался Питер.

— Мы поступили с вами крутовато, но у нас не было другого выхода. Видите ли, письмо, игорный и кассовый автоматы и многое другое...

— Вы уже говорили о каком-то письме.

— Вы что-нибудь знаете об этом, Шайе?

— Понятия не имею.

— Президент получил письмо, — сказал полковник. — Аналогичные письма были получены почти всеми главами государств на Земле.

— Что в нем написано?

— В этом-то и вся загвоздка. Оно написано на языке, которого на Земле никто не знает. Но там есть одна строчка — одна строчка во всех письмах, — ее можно прочитать. В ней говорится: «К тому времени, когда вы расшифруете письмо, вы будете способны действовать логично». Только это и удалось понять — одну строчку на языке той страны, которая получила письмо. А остальное — какая-то тарабарщина.

— Письмо не расшифровали?

Питер увидел, что полковнику становится жарко.

— Не то что слова, ни одной буквы...

Питер протянул руку к тумбочке, взял графин и наклонил его над стаканом. Графин был пуст.

Полковник встал со стула.

— Я принесу воды.

Он взял стакан и открыл дверь в ванную.

— Спущу воду, чтобы была похолоднее, — сказал он.

Питер едва ли слышал его, потому что смотрел на дверь. На ней была задвижка, и если...

Полилась вода, шум ее заглушал голос полковника, он заговорил громче.

— Примерно тогда же мы стали находить эти машины, — сказал он. — Только представьте себе. Обыкновенная машина — автомат продает сигареты, но это не все. Что-то в нем следит за вами. Что-то изучает людей и их образ жизни. Во всех кассовых и игорных автоматах и других устройствах, которые мы сами же установили. Только теперь это не просто автоматы, а наблюдатели. Они следят за людьми все время. Наблюдают, изучают.

Питер, бесшумно ступая босыми ногами, подошел к двери, захлопнул ее и закрыл на задвижку.

— Эй! — крикнул полковник.

Где одежда? Наверно, в шкафу. Питер подскочил и дернул дверцу. Вот она, висит на вешалке.

Он сбросил больничный халат, схватил брюки и натянул их. Теперь рубашку. В ящике. А где ботинки? Стоят тут же. Шнурки завязывать некогда.

Полковник дергал дверь и колотил в нее, но еще не кричал. Он закричит, но пока он заботится о своей репутации — не хочет, чтобы все узнали, как его провели.

Питер полез в карманы. Бумажник исчез. Остальное тоже — нож, часы, ключи. Наверное, вынули и положили в сейф, когда его привезли сюда.

Сейчас не до этого. Главное — скрыться.

В коридоре он постарался сдержать шаг. Прошел мимо сестры, но та даже не взглянула в его сторону.

Питер отыскал выход на лестницу, открыл дверь. Теперь можно и поторопиться. Он перепрыгивал через три ступеньки, шнурки мотались.

Питер подумал, что безопаснее будет спуститься по лестнице. Там, где есть лифт, ею почти не пользуются. Он остановился, нагнул и завязал шнурки.

Над каждой дверью был обозначен этаж, и поэтому Питер легко ориентировался. На первом этаже он снова пошел по коридору. Кажется, его еще не хватились, хотя полковник мог поднять тревогу с минуты на минуту.

А не задержат ли его у выхода? А вдруг спросят, куда он идет. А вдруг...

У выхода стояла корзина с цветами. Питер оглянулся. По коридору шли какие-то люди, но на него никто не смотрел. Он схватил корзину.

В дверях он сказал служительнице, сидевшей за столом:

— Ошибка вышла. Не те цветы.

Она кисло улыбнулась, но не задержала его.

Выйдя, он поставил цветы на ступеньку и быстро пошел прочь.

Час спустя он уже знал, что ему ничто не угрожает. Знал также, что находится в городе, милях в тридцати от того места, куда хотел добраться, что у него нет денег, что он голоден и что у него болят ноги от ходьбы по твердым бетонированным тротуарам.

Он увидел парк и присел на скамью. Поодаль старички играли в шахматы. Мать укачивала ребенка. Молодой человек сидел и слушал крохотный транзистор.

По радио говорили: «...Очевидно, здание закончено. За последние восемнадцать часов оно не увеличилось. Сейчас оно насчитывает тысячу этажей и занимает площадь более ста акров. Бомба, сброшенная два дня назад, все еще плавает над ним, удерживаемая в воздухе какой-то непонятной силой. Артиллерия находится поблизости, ожидая приказа открыть огонь, но приказа не поступает. Многие считают, что если бомба не достигла цели, то со снарядами будет то же самое, если они вообще покинут жерла орудий.

Представитель военного министерства заявил, что большие орудия на огневой позиции — это, в сущности, лишь мера предосторожности, что, может быть, и верно; но тогда совершенно непонятно, зачем было сбрасывать бомбу. Не только в конгрессе, но и во всем мире растет негодование по поводу попытки разбомбить здание. Ведь со стороны здания до сих пор не было никаких враждебных действий. Как сообщают, пока нанесен ущерб только Питеру Шайе, человеку, который нашел машину: его ферма поглощена зданием.

Все следы Шайе потеряны три дня назад, когда с ним случился какой-то припадок и его увезли из дома. Наверно, он находится в военной тюрьме. Высказывают самые различные догадки насчет того, что мог знать Шайе. Весьма вероятно, он единственный человек на Земле, который может пролить свет на то, что случилось на его ферме.

Тем временем к зданию стянуты войска и все жители в зоне восемнадцати миль эвакуированы. Известно, что две группы ученых препровождены через линии заграждения. Хотя никакого официального сообщения не последовало, есть основания полагать, что поездки ученых не увенчались успехом. Что это за здание, кто или что его строило, если только процесс его возведения можно назвать строительством, и чего можно ожидать в дальнейшем — таков крут беспочвенных гаданий. Естественно, недостатка в них нет, но никто еще не придумал разумного объяснения.

Все телеграфные агентства мира продолжают представлять горы материалов, но конкретные сведения можно пересчитать по пальцам.

Каких-либо других новостей почти нет. Вероятно, это объясняется тем, что людей сейчас интересует только таинственное здание. Как ни странно, но других новостей и в самом деле мало. Как это часто бывает, когда случается большое событие, все прочие происшествия как бы откладываются на более позднее время. Эпидемия полиомиелита быстро идет на убыль; уголовных преступлений нет. В столицах прекратили всякую деятельность законодательные органы, а правительства пристально следят за тем, что связано со зданием.

Во многих столицах все чаще высказывается мнение, что здание — предмет заботы не одной лишь Америки, что все решения относительно него должны приниматься на международном уровне. Попытка разбомбить здание вызвала сомнение в том, что наша страна, на территории которой оно находится, способна действовать спокойно и беспристрастно. Высказывается мнение, что решить эту проблему разумно мог бы только какой-нибудь международный орган, стоящий на объективных позициях».

Питер встал со скамьи и прошел прочь. По радио сказали, что его увезли из дома три дня назад. Немудрено, что он так проголодался.

Три дня — и за это время здание поднялось на тысячу этажей и раскинулось на площади сто акров.

Теперь он уже шел не торопясь: у него очень болели ноги, от голода сосало под ложечкой.

Он должен вернуться к зданию во что бы то ни стало. Вдруг он осознал, что сделать это необходимо, но еще не понял, почему он должен так поступить, откуда в нем эта страстная устремленность.

Как будто он что-то забыл там и теперь надо идти и разыскать забытое. «Я что-то забыл», — не шло у него из головы. Но что он мог забыть? Ничего, кроме боли, сознания, что он неизлечимо болен, и маленькой капсулы с ядом в кармане, которую он решил раздавить зубами, когда боль станет невыносимой.

Он полез в карман, но капсулы там уже не было. Она исчезла вместе с бумажником, перочинным ножом и часами. «Теперь уже все равно, — подумал он, — капсула мне больше не нужна».

Он услышал позади себя торопливые шаги и, поняв, что догоняют именно его, резко обернулся.

— Питер! — крикнула Мэри. — Питер, мне показалось, что это вы. Я так бежала за вами.

Он стоял и смотрел на нее, не веря своим глазам.

— Где вы пропадали? — спросила она.

— В больнице, — ответил Питер. — Я убежал оттуда. Но почему вы...

— Нас эвакуировали, Питер. Пришли и сказали, что нужно уехать. Часть наших расположилась лагерем в той стороне парка. Папа просто из себя выходит, но я понимаю его: нас заставили уехать в самый сенокос, да и жатва скоро.

Она запрокинула голову и посмотрела ему в лицо.

— У вас такой измученный вид, — сказала она. — Вам опять плохо?

— Плохо? — переспросил он и тут же понял, что соседи, по-видимому, знают... что причина его приезда на ферму давным-давно известна всем, потому что секретов в деревне не бывает...

— Простите, Питер, — заговорила Мэри. — Простите. Не надо было мне...

— Ничего, — сказал Питер. — Все прошло, Мэри. Я здоров. Не знаю уж, как и почему, но я вылечился.

— В больнице? — предположила Мэри.

— Больница тут ни при чем. Я поправился еще до того, как попал туда. Но выяснилось это только в больнице.

— Может быть, диагноз был неправильный?

Он покачал головой:

— Правильный, Мэри.

Разве можно говорить с такой уверенностью? Могли он, а вернее врачи, сказать определенно, что это были злокачественные клетки, а не что-нибудь иное... не какой-нибудь неизвестный паразит, которого он, сам того не ведая, приютил в своем организме?

— Вы говорите, что сбежали? — напомнила ему Мэри.

— Меня будут искать. Полковник и майор. Они думают, что я имею какое-то отношение к машине, которую нашел. Они думают, я ее сделал. Они увезли меня в больницу, чтобы проверить, человек ли я.

— Какие глупости!

— Мне нужно вернуться на ферму. Я просто должен вернуться туда.

— Это невозможно, — сказала ему Мэри. — Там всюду солдаты.

— Я поползу на животе по канавам, если надо. Пойду ночью. Прoberусь сквозь линию заграждения. Буду драться, если меня увидят и захотят задержать. Выбора нет. Я должен попытаться.

— Вы больны, — сказала она, с беспокойством вглядываясь в его лицо.

Он усмехнулся:

— Не болен, а просто хочу есть.

— Тогда пошли.

Она взяла его за руку. Он не тронулся с места.

— Скоро за мной начнется погоня, если уже не началась.

— Мы пойдем в ресторан.

— Они отобрали у меня бумажник, Мэри. У меня нет денег.

— У меня есть деньги, которые я взяла на покупки.

— Нет, — сказал он. — Я пойду. Теперь меня с пути не собьешь.

— И вы в самом деле идете туда?

— Это пришло мне в голову только что, — признался он, смущаясь, но в то же время почему-то уверенный, что его слова не просто безрассудная бравада.

— Вернетесь туда?

— Мэри, я должен.

— И думаете, вам удастся пробраться?

Он кивнул.

— Питер, — нерешительно проговорила она.

— Что?

— Я вам не буду обузой?

— Вы? Как так?

— Если бы я пошла с вами?

— Но вам нельзя, вам незачем идти.

— Причина есть, Питер. Меня тянет туда. Как будто в голове у меня звенит звонок — школьный звонок, созывающий ребятшек.

— Мэри, — спросил он, — на том флаконе с духами был какой-нибудь символ?

— Был. На стекле, — ответила она. — Такой же, как и на вашем нефрите.

«И такие же знаки, — подумал он, — были в письмах».

— Пошли, — решил он вдруг. — Вы не помешаете.

— Сначала поедем, — сказала она. — Мы можем потратить деньги, которые я взяла на покупки.

Они пошли по дороге, рука об руку, как два влюбленных подростка.

— У нас уйма времени, — сказал Питер. — Нам нельзя пускаться в путь, пока не стемнеет.

Они поели в маленьком ресторане на тихой улице, а потом пошли в магазин. Купили буханку хлеба, два круга копченой колбасы, немного сыра, на что ушли почти все деньги Мэри, а на сдачу продавец дал им пустую бутылку для воды. Она послужит вместо фляги.

Они прошли городскую окраину, пригороды и оказались в поле; они не торопились, потому что до наступления темноты не стоило забираться слишком далеко.

Наткнувшись на речушку, они уселись на берегу, совсем как парочка на пикнике. Мэри сняла туфли и болтала ногами в воде, и оба были невероятно счастливы.

Когда стемнело, они пошли дальше. Луны не было, но в небе сияли звезды. И хотя Мэри с Питером спотыкались, а порой плутали неведомо где, они по-прежнему сторонились дорог, шли полями и лугами, держались подальше от ферм, чтобы избежать встреч с собаками.

Было уже за полночь, когда они увидели первые лагерные костры и обошли их стороной. С вершины холма были видны ряды палаток, неясные очертания грузовиков, крытых брезентом. А потом они чуть не наткнулись на артиллерийское подразделение, но благополучно скрылись, не нарвавшись на часовых, которые, наверно, были расставлены вокруг лагеря.

Теперь Мэри с Питером знали, что находятся внутри эвакуированной зоны и должны пробраться сквозь кольцо солдат и орудий, нацеленных на здание.

Они двигались осторожнее и медленнее. Когда на востоке забрезжила заря, они спрятались в густых зарослях терновника на краю луга.

— Я устала, — со вздохом сказала Мэри. — Я не чувствовала усталости всю ночь, а может, не замечала ее, но теперь, когда мы остановились, у меня больше нет сил.

— Мы поедим и ляжем спать, — сказал Питер.

— Сначала поспим. Я так устала, что не хочу есть.

Питер оставил ее и пробрался сквозь чащу к опушке.

В неверном свете разгоравшегося утра перед ним предстало здание — голубовато-серая громадина, которая возвышалась над горизонтом, подобно тупому персту, указующему в небо.

— Мэри! — прошептал Питер. — Мэри, вот оно!

Он услышал, как она пробирается сквозь заросли.

— Питер, до него еще далеко.

— Знаю, но мы пойдем туда.

Припав к земле, они разглядывали здание.

— Я не вижу бомбы, — сказала Мэри. — Бомбы, которая висит над ним.

— Она слишком далеко.

— А почему именно мы возвращаемся туда? Почему только мы не боимся?

— Не знаю, — озабоченно нахмурившись, ответил Питер. — В самом деле, почему? Я возвращаюсь туда, потому что хочу... нет, должен вернуться. Видите ли, я выбрал это место, чтобы умереть. Как слоны, которые ползут умирать туда, где умирают все слоны.

— Но теперь вы здоровы, Питер.

— Какая разница... Только там я обрел покой и сочувствие.

— А вы забыли еще о символах, Питер. О знаке на флаконе и нефрите.

— Вернемся, — сказал он. — Здесь нас могут увидеть.

— Только наши подарки были с символами, — настаивала Мэри. — Ни у кого больше нет таких. Я спрашивала. На всех других подарках не было знаков.

— Сейчас не время строить предположения. Пошли. Они снова забрались в чащу.

Солнце уже вошло над горизонтом, косые лучи его проникали в заросли, кругом стояла благословенная тишина нарождающегося дня.

— Питер, — сказала Мэри. — У меня слипаются глаза. Поцелуйте меня перед сном.

Он поцеловал ее, и они прижались друг к другу, скрытые от всего мира корявыми, сплетшимися низкорослыми кустами терновника.

— Я слышу звон, — тихо проговорила Мэри. — А вы слышите?

Питер покачал головой.

— Как школьный звонок, — продолжала она. — Как будто начинается учебный год и я иду в первый класс.

— Вы устали, — сказал он.

— Я слышала этот звон и прежде. Это не в первый раз.

Он поцеловал ее еще раз.

— Ложитесь спать, — сказал он, и она заснула сразу, как только легла и закрыла глаза.

Питера разбудил рев; он сел — сон как рукой сняло.

Рев не исчез, он доносился из-за кустов и удалялся.

— Питер! Питер!

— Тише, Мэри! Там что-то есть.

Теперь уже рев приближался, все нарастая, пока не превратился в громовой грохот, от которого дрожала земля. Потом снова стал удаляться.

Полуденное солнце пробивалось сквозь ветви. Питер почуял мускусный запах теплой земли и прелых листьев.

Они с Мэри стали осторожно пробираться через чащу и, добравшись почти до самой опушки, сквозь поредевшие заросли увидели мчащийся далеко по полю танк. Ревя и раскачиваясь, он катил по неровной местности, впереди задиристо торчала пушка, и весь он был похож на футболиста, который рвется вперед.

Через поле была проложена дорога... А ведь Питер твердо знал, что еще вечером никакой дороги не было. Прямая, совершенно прямая дорога вела к зданию; покрытие ее было металлическим и блестело на солнце.

Далеко слева параллельно ей была проложена другая дорога, справа — еще одна, и казалось, что впереди все три дороги сливаются в одну, как сходятся рельсы железнодорожного пути, уходящего к горизонту.

Их пересекали под прямым углом другие дороги, и создавалось впечатление, будто на земле лежат две тесно сдвинутые гигантские лестницы.

Танк мчался к одной из поперечных дорог; на расстоянии он казался крохотным, а рев не громче гудения рассерженной пчелы.

Он добрался до дороги и резко пошел юзом в сторону, будто наткнулся на что-то гладкое и неодолимо прочное, будто врезался в прозрачную металлическую стену. Было мгновение, когда он накренился и чуть не перевернулся, однако этого не произошло, ему удалось выровняться; он дал задний ход, потом развернулся и загромыхал по полю, назад к зарослям.

На полпути он опять развернулся и встал пушкой в сторону поперечной дороги.

Ствол орудия пошел вниз, и из него вырвалось пламя. Снаряд разорвался у поперечной дороги — Питер и Мэри увидели вспышку и дым. По ушам хлестнула ударная волна.

Снова и снова, стреляя в упор, орудие изрыгало снаряды. Над танком и дорогой клубился дым, а снаряды все разрывались у дороги — на этой стороне дороги, а не на той.

Танк снова загромыхал вперед к дороге, на сей раз он приближался осторожно, часто останавливаясь, будто искал проход.

Откуда-то издалека донесся грохот орудийного залпа. Казалось, стреляет целая артиллерийская батарея. Постреляв, орудия неохотно замолчали.

Танк продолжал тыкаться в дорогу, словно собака, вынюхивающая зайца, который спрятался под поваленным деревом.

— Что-то не пускает его, — сказал Питер.

— Стена, — предположила Мэри. — Какая-то невидимая стена. Танк не может проехать сквозь нее.

— И прострелить ее тоже не может. Ее никакими пушками не пробьешь, даже вмятины не останется.

Припав к земле, Питер наблюдал за танком, который медленно двигался вдоль дороги. Танк дополз до перекрестка и сделал небольшой разворот, чтобы въехать на левую продольную дорогу, но снова уткнулся лобовой бронею в невидимую стену.

«Он в ловушке, — подумал Питер. — Дороги разделили и заперли все войсковые части. Танк в одном загоне, дюжина танков в другом, артиллерийская батарея в третьем, моторизованный резерв в четвертом.

Войскам перекрыты все пути — рассованные по загонам подразделения совершенно небоеспособны. Интересно, а мы тоже в западне?»

По правой дороге шагала группа солдат. Питер заметил их издали: черные точки двигались по дороге на восток, прочь от здания. Когда они подошли ближе, он увидел, что у них нет оружия, что они бредут, не соблюдая никакого строя, а по тому, как люди волочили ноги, он понял, что они устали как собаки.

Мэри, оказывается, уходила, но он заметил это, когда она уже возвращалась, низко наклонив голову, чтобы не зацепиться волосами за ветви.

Сев рядом, она протянула ему толстый ломоть хлеба и кусок колбасы. Бутылку с водой она поставила на землю.

— Это здание построило дороги, — сказала она.

Питер кивнул, рот его был набит.

— Это сделано для того, чтобы до здания удобнее было добираться, — сказала Мэри. — Здание хочет, чтобы людям было легче посещать его.

— Опять школьный звонок? — спросил он.

Она улыбнулась и сказала:

— Опять.

Солдаты подошли теперь совсем близко, увидели танк и остановились.

Четверо солдат сошли с дороги и зашагали по полю к танку. Остальные присели.

— Стена пропускает только в одну сторону, — предположила Мэри.

— Скорее всего, — сказал Питер, — она не пропускает танки, а люди могут проходить.

— Здание хочет, чтобы в него входили люди.

Солдаты шагали по полю, а танк двинулся им навстречу; он остановился, и экипаж выбрался наружу. Пехотинцы и танкисты разговаривали, один из солдат что-то говорил, показывая рукой то в одну, то в другую сторону.

Издали снова донесся гром тяжелых орудий.

— Кто-то, — сказал Питер, — все еще пытается пробить стены.

Наконец пехотинцы и танкисты пошли к дороге, бросив танк посреди поля.

Питер подумал, что то же самое, по-видимому, происходит со всеми войсками, блокировавшими здание. Дороги и стены разъединили их — отгородили друг от друга... и теперь танки, орудия и самолеты стали просто безвредными игрушками, которыми в тысячах загончиков забавлялись люди-детишки.

По дороге брели на восток пехотинцы и танкисты, они отступали, бесславная осада была снята.

Мэри и Питер сидели в зарослях и наблюдали за зданием.

— Вы говорили, что они прилетели со звезд, — сказала Мэри. — Но почему сюда? Зачем мы им нужны? И вообще зачем они прилетели?

— Чтобы спасти нас, — нерешительно проговорил Питер, — спасти нас от самих себя, или чтобы поработить и эксплуатировать нас. Или чтобы использовать нашу планету как военную базу. Причин может быть сотни. Если они даже скажут нам, мы, наверно, не поймем.

— Но вы же не думаете, что они хотят поработить нас или использовать Землю как военную базу? Если бы вы так думали, мы не стремились бы к зданию.

— Нет, я так не думаю. Не думаю, потому что у меня был рак, а теперь его нет. Не думаю, потому что эпидемия полиомиелита пошла на убыль в тот самый день, когда они прилетели. Они делают нам добро, совсем как миссионеры, которые делали добро своим подопечным, ведущим примитивный образ жизни, людям, пораженным разными болезнями.

Он посмотрел на поле, на покинутый танк, на сверкающую лестницу дорог.

— Я надеюсь, — продолжал он, — что они не будут делать того, что творили некоторые миссионеры. Я надеюсь, что не будут унижать наше достоинство, насильно обряжая в чужеземное платье. Надеюсь, излечив от стригущего лишая, они не обрекут нас на чувство расовой неполноценности. Надеюсь, они не станут рубить кокосовые пальмы, чтобы...

«Но они знают нас, — думал он. — Они знают о нас все, что можно знать. Они изучали нас... Долго ли они нас изучали? Сидя где-нибудь в аптеке, маскируясь под автомат, продающий сигареты, наблюдая за нами из-за стойки под видом кассового автомата...

Кроме того, они писали письма, письма главам почти всех государств мира. После расшифровки писем, вероятно, станет ясно, чего они хотят. А может быть, они чего-то требуют. А может, в письмах всего лишь содержатся просьбы разрешить строить миссии или церкви, больницы или школы.

Они знают нас. Знают, например, что мы обожаем все бесплатное, и поэтому раздавали нам подарки — что-то вроде призов, которые вручаются радио- и телекомпаниями или торговыми палатами за лучшие ответы в соревнованиях на сообразительность, с той лишь разницей, что здесь соперников нет и выигрывает каждый».

Почти до самого вечера Питер и Мэри наблюдали за дорогой, и все это время по ней ковыляли небольшие группы солдат. Но вот прошло уже более часа, а на дороге никто не появлялся.

Мэри с Питером отправились в путь перед самыми сумерками, они пересекли поле и сквозь невидимую стену вышли на дорогу. И зашагали на запад, к громаде здания, багровеющей на фоне красноватого заката.

Они шли сквозь ночь; теперь не надо было кружить и прятаться, как в первую ночь, потому что на пустынной дороге им попался навстречу лишь один солдат.

К тому времени они прошли довольно большое расстояние, и громада здания уже отхватила полнеба — оно тускло светилось в сиянии звезд.

Солдат сидел посередине дороги, ботинки он аккуратно поставил рядом.

— Совсем обезножил, — затеяв разговор, сказал солдат.

Питер и Мэри охотно уселись рядом. Питер достал бутылку с водой, хлеб, сыр и колбасу и разложил все на дороге, постелив, как на пикнике, вместо скатерти бумагу.

Некоторое время они ели молча. Наконец солдат сказал:

— Да, всему конец.

Питер и Мэри ни о чем не спрашивали, а жуя хлеб с сыром, терпеливо ждали.

— Конец службе, — сказал солдат. — Конец войне.

Он махнул рукой в сторону загонов, образованных дорогами. В одном стояли три самоходных орудия, в

другом лежала грудa боеприпасов, в третьем — военные грузовики.

— Как же тут воевать, — спросил солдат, — если все войска рассованы, как пешки по клеткам? Танк, который вертится на пяточке в десять акров, не годится ни к черту. А что толку от орудия, стреляющего всего на полмили?

— Вы думаете, так повсюду? — спросила Мэри.

— Во всяком случае, здесь. Почему бы им не сделать то же самое и в других местах? Они остановили нас. Они не дали нам ступить ни шагу и не пролили ни единой капли крови. У нас нет потерь.

Набив рот хлебом и сыром, он потянулся за бутылкой.

— Я вернусь, — сказал он. — Заберу свою девушку, и мы оба придем сюда. Может быть, тем, кто в здании, нужна какая-нибудь помощь, и я хочу помочь им, чем смогу. А если они не нуждаются в помощи, что ж, тогда я постараюсь найти способ сообщить им, что благодарен за их прибытие.

— Им? Ты видел их?

Солдат посмотрел на Питера в упор.

— Нет, я никого не видел.

— Тогда почему сперва ты идешь за своей девушкой и лишь потом собираешься вернуться? Кто тебя надоумил? Почему бы тебе не пойти туда с нами сейчас?

— Это было бы нехорошо, — запротестовал солдат. — Мне почему-то так кажется. Сперва мне надо увидеть ее и рассказать, что у меня на душе. Кроме того, у меня есть для нее подарок.

— Она обрадуется, — ласково сказала Мэри. — Ей понравится подарок.

— Конечно, — горделиво улыбнувшись, сказал солдат. — Она давно о таком мечтала.

Солдат полез в карман, достал кожаный футляр и щелчком открыл его. Ожерелье тускло блеснуло при свете звезд.

Мэри протянула руку.

— Можно? — спросила она.

— Конечно, — ответил солдат. — Вы-то знаете, понравится ли оно девушке.

Мэри вынула ожерелье из футляра — ручеек звездного огня заструился по ее руке.

— Бриллианты? — спросил Питер.

— Не знаю, — ответил солдат. — Наверно. С виду вещь дорогая. В середине какой-то большой зеленый камень, он не очень сверкает, но зато...

— Питер, — перебила его Мэри, — у вас есть спички?

Солдат сунул руку в карман.

— У меня есть зажигалка, мисс. Мне дали зажигалку. Блеск!

Он щелкнул, вспыхнуло пламя. Мэри поднесла камень к свету.

— Символ, — сказала она. — Как на моем флаконе.

— Это вы про гравировку? — спросил солдат, показывая пальцем. — И на зажигалке такая же.

— Где ты это взял? — спросил Питер.

— Ящик дал. Только этот ящик не простой. Я протянул к нему руку, а он выплюнул зажигалку, тогда я подумал о Луизе и о зажигалке, которую она мне подарила. Я ее потерял. Жалко было. И вот те на — такая же, только знаки сбоку... Только, значит, я подумал о Луизе, как ящик как-то смешно фыркнул и выкинул футляр с ожерельем.

Солдат наклонился. Зажигалка осветила его молодое лицо, оно сияло торжеством.

— Знаете, что мне кажется? — сказал он. — Мне кажется, что этот ящик — один из них. Говорят разное, но нельзя верить всему, что услышишь.

Он перевел взгляд с Мэри на Питера.

— Вам, наверно, смешно? — робко спросил он.

Питер покачал головой:

— Вот уж чего нет, того нет, солдат.

Мэри отдала ожерелье и зажигалку. Солдат положил их в карман и стал надевать ботинки.

— Надо идти. Спасибо за угощение.

— Мы увидимся, — сказал Питер.

— Надеюсь.

— Обязательно увидимся, — убежденно сказала Мэри.

Мэри и Питер смотрели ему вслед. Он заковылял в одну сторону, а они пошли в другую.

— Символ — это их метка, — сказала Мэри. — Те, кому дали вещь с символом, должны вернуться. Это

как паспорт, как печать, удостоверяющая, что ты им понравился!

— Или, — добавил Питер, — клеймо, обеспечивающее право собственности.

Они ищут определенных людей. Им не нужен тот, кто боится их. Им нужны люди, которые верят им.

— А для чего мы им нужны? — с тревогой спросил Питер. — Вот что меня беспокоит. Какая им польза от нас? Солдат хочет помочь им, но они в нашей помощи не нуждаются.

— Мы никого из них не видели, — сказала Мэри. — Разве что ящик — один из них.

«И сигаретные автоматы, — подумал Питер. — Сигаретные автоматы и еще Бог знает что».

— И все же, — продолжала Мэри, — они нас знают. Они наблюдали за нами, изучали. Они знают о нас всю подноготную. Они могут проникнуть в сознание каждого, узнать, о чем он мечтает, и сделать ему подарок. Джонни они подарили удилище с катушкой, вам — нефрит. И удилище было человеческим удилищем, а нефрит — земным нефритом. Они даже знают девушку солдата. Они знали, что ей хочется иметь блестящее ожерелье, знали: такой человек, как она, придет к ним и...

— А может, это все-таки летающие блюдца, — сказал Питер. — Они летали над нами много лет и изучали нас.

«Сколько же потребовалось лет, — подумал он, — чтобы изучить человечество? Ведь им пришлось начинать с азов: человечество было для них сложной, неизвестной расой, они шли ощупью, изучая сперва отдельные факты. И они, наверно, ошибались. Иногда их выводы были неверны, и это тормозило работу».

— Не знаю, — сказал Питер. — Для меня это совершенно непостижимо.

Они шли по блестящей, мерцающей при свете звезд металлической дороге, а здание все росло, это был уже не туманный фантом, а гигантская стена, которая уходила в небо, гася звезды. Тысячеэтажное здание, раскинувшееся на площади в сто акров, — от такого величия, от такого размаха голова шла кругом.

И, даже стоя поблизости от здания, нельзя было увидеть бомбу: она болталась где-то в воздухе на слишком большой высоте.

Но зато видны были маленькие квадратики, нарезанные дорогами, а в них смертоносные игрушки неистовой расы, теперь брошенные, ненужные куски металла причудливой формы.

Перед самым рассветом Питер и Мэри подошли наконец к громадной лестнице, которая вела к главному входу. Ступая по гладкой, выложенной камнем площадке перед лестницей, они как-то особенно остро ощутили тишину и покой, царившие под сенью здания.

Рука об руку они поднялись по лестнице, подошли к большой бронзовой двери и остановились. Повернувшись, они молча смотрели вдаль.

Насколько хватал глаз видны были дороги, расходившиеся, как спицы колеса от ступицы — здания, а поперечные дороги лежали концентрическими кругами, и казалось, будто находишься в центре паутины.

Брошенные фермы со службами — коровниками, амбарами, гаражами, силосными башнями, свинарниками, навесами для машин остались в секторах, отсеченных дорогами; в других секторах стояли военные машины, годные теперь разве лишь на то, чтобы в них вили гнезда птицы да прятались зайцы. С лугов и полей доносились птичьи трели, воздух был чист и прохладен.

— Вот она, — сказала Мэри. — Наша прекрасная страна, Питер.

— Была наша, — поправил ее Питер. — Все, что было, уже никогда не повторяется.

— Питер, вы не боитесь?

— Нисколько. Только сомнения одолевают.

— Но ведь прежде вы ни в чем не сомневались.

— Я и сейчас не сомневаюсь, — сказал он. — Я чувствую, что все идет как следует.

— Конечно, все идет хорошо. Была эпидемия, теперь ее нет. Армия разбита без единой жертвы. Атомной бомбе не дали взорваться. Разве не так, Питер? Они уже меняют наш мир к лучшему. Рак и полиомиелит исчезли, а с этими двумя болезнями человек боролся долгие годы и никак не мог победить. Войне конец,

болезням конец, атомным бомбам конец — чего мы не могли сделать сами, они сделали за нас.

— Все это я знаю, — сказал Питер. — Они, несомненно, также положат конец преступлениям, коррупции, насилию — тому, что мучило и унижало человечество с тех самых пор, как оно спустилось с деревьев.

— Чего же вам нужно еще?

— Наверно, ничего... Впрочем, ничего определенно-го мы пока не знаем. Все сведения косвенные, не конкретные, основанные на умозаключениях. У нас нет доказательств, реальных, весомых доказательств.

— У нас есть вера. Мы должны верить. Если не верить в кого-то или что-то, уничтожающее болезни и войну, то во что тогда можно верить вообще?

— Именно это и тревожит меня.

— Мир держится на вере, — сказала Мэри. — Любой вере — в Бога, в самих себя, в человеческую порядочность.

— Вы изумительная! — воскликнул Питер. Он крепко обнял Мэри. В это время большая бронзовая дверь растворилась.

Положив руки друг другу на плечи, молча переступили они порог и очутились в вестибюле с высоким сводчатым потолком. Он был расписан фресками, на стенах висели панно, четыре больших марша лестницы вели наверх.

Но вход на лестницу преграждали тяжелые бархатные шнуры. Дорогу им показывали стрелки и еще один шнур, зацепленный за блестящий столбик.

Покорно и тихо, почти с благоговением они направились через вестибюль к единственной открытой двери.

Они вошли в большую комнату с громадными, высокими, изящной формы окнами, сквозь которые лучи утреннего солнца падали на новенькие блестящие аспидные доски, кресла с широкими подлокотниками, массивные столы, несчетные полки с книгами и кафедру на возвышении.

— Я была права, — сказала Мэри. — Все-таки это был школьный звонок. Мы пришли в школу, Питер. В первый класс.

— В детский сад, — с трудом проговорил Питер.

«Все верно, — подумал он, — так по-человечески правильно: солнце и тень, роскошные переплеты книг, темное дерево, глубокая тишина. Аудитория учебного

заведения с хорошими традициями. Здесь есть что-то от атмосферы Кембриджа и Оксфорда, Сорбонны и Айви Лиг*. Чужеземцы ничего не упустили, предусмотрели каждую мелочь».

— Мне надо выйти, — сказала Мэри. — Подождите меня здесь, никуда не уходите.

— Я никуда не уйду, — обещал Питер.

Он посмотрел ей вслед. Через открывшуюся дверь он увидел бесконечный коридор. Мэри закрыла дверь, и Питер остался один.

Постояв с минуту, он резко повернулся и почти бегом бросился через вестибюль к большой бронзовой двери. Но двери не было. Ни следа, даже щелочки на том месте, где была дверь. Дюйм за дюймом Питер ощупал стену и никакой двери не нашел.

Опустошенный, повернулся он лицом к вестибюлю. Голова раскалывалась — один, один во всей громаде здания. Питер подумал, что там, наверху, еще тысяча этажей, здание уходит в самое небо. А здесь, внизу, — детский сад, на втором этаже, — несомненно, первый класс, и если подниматься все выше, то куда можно прийти, к какой цели?

Но что будет после выпуска?

И будет ли вообще выпуск?

И чем он станет? Кем? Останется ли он человеком?

Теперь надо ждать прихода в школу других, тех, кто был отобран, тех, кто сдал необычный вступительный экзамен.

Они придут по металлическим дорогам и поднимутся по лестнице, большая бронзовая дверь откроется, и они войдут. И другие тоже придут — из любопытства, но, если у них нет символа, двери не откроются перед ними.

И если вошедшему захочется бежать, он не найдет двери.

Питер вернулся в класс, на то же место, где стоял прежде.

* Айви Лиг — объединение американских университетов (Принстонского, Гарвардского и Йельского).

Интересно, что написано в этих книгах? Очень скоро он наберется храбрости, возьмет какую-нибудь книгу и раскроет ее. А кафедра? Что будет стоять за кафедрой? Что, а не кто?

Дверь открылась, и вошла Мэри.

— Там квартиры, — сказала она. — Таких уютных я никогда не видала. На двери одной наши имена, на других — тоже имена, а есть совсем без табличек. Люди идут, Питер. Просто мы немного поспешили. Пришли раньше всех. Еще до звонка.

Питер кивнул.

— Давайте сядем и подождем, — сказал он.

Они сели рядом и стали ждать, когда появится Учитель.

ПЫЛЬНАЯ ЗЕБРА

Ничего в доме нельзя человеку держать. Вечно все теряется, вечно все пропадает, а ты ищешь, перерываешь все вверх дном, на всех орешь, всех расспрашиваешь, подозреваешь.

И так в каждой семье.

Но запомните одно: не старайтесь выяснять, куда пропадают вещи, кто бы это мог взять их. И думать не думайте заниматься расследованием. Себе дорожке станет!

Вот послушайте, какой случай был со мной.

Шел я с работы и купил по дороге лист почтовых марок — хотел разослать чеки, оплатить месячные счета. Но только я сел заполнять чеки, как ввалились супруги Мардж и Льюис Шоу. Льюиса я недолюбливаю, да и он меня едва выносит. Но Мардж с Элен добрые подруги; они заболтались, и чета Шоу проторчала у нас весь вечер.

Льюис рассказывал мне, чем он занимается в своей исследовательской лаборатории. Я пытался заговорить о другом, но он все долбил одно и то же. Думает, наверно, что раз сам увлекается, то и другие должны интересоваться его работой. А я в электронике ничего не смыслю, микромодуль от микроскопа не отличу.

Унылый был вечер, и, что хуже всего, мне и заикнуться об этом было нельзя. Элен тотчас бы на меня набросилась, стала бы говорить, что я бирюк.

И вот на следующий день я пошел после обеда в свой кабинет заполнять чеки и, разумеется, обнаружил, что марки пропали.

Я оставил марки на письменном столе, но теперь на столе не было ничего, кроме кубика: хотя юный Билл не интересовался кубиками уже несколько лет, они время от времени все еще оказывались в самых неподходящих местах.

Я окинул взглядом комнату, потом подумал, что марки, вероятно, сдуло со стола, и, став на четвереньки, обшарил весь пол. Марок нигде не было.

Я пошел в гостиную, где, уютно устроившись в кресле, Элен смотрела телевизор.

— Не видела я их, Джо, — сказала она. — Посмотри у себя на столе.

Именно такого ответа я и ожидал.

— Может, Билл знает, — предположил я.

— Его сегодня почти целый день дома не было. Когда появится, спросишь.

— А где он болтается?

— Занят коммерцией. Меняет тот новый пояс, который мы ему купили, на пару шпор.

— Не вижу в этом ничего дурного. Когда я был мальчишкой...

— Дело не только в поясе, — сказала Элен. — Он меняет все подряд. И хуже всего то, что он никогда не остается в проигрыше.

— Смышленный парнишка.

— Если ты будешь так относиться к этому, Джо...

— Мое отношение тут ни при чем, — сказал я. — Такие отношения существуют во всем деловом мире. Когда Билл вырастет...

— Вырастет и... попадет в тюрьму. Если бы ты видел его за этим занятием, ты бы тоже сказал, что ему прямая дорога в арестанты.

— Ладно, поговорю с ним.

Я вернулся в кабинет, потому что атмосфера в гостиной была не такой дружественной, как хотелось бы, и потом, мне надо было послать чеки независимо от того, нашел я марки или не нашел.

Я вынул из ящика пачку счетов, чековую книжку и авторучку. Потом протянул руку, чтобы переложить кубик и освободить место для работы. Но как только он оказался у меня в руке, я понял, что это не детский кубик.

Вес и размеры у этого предмета были, как у кубика, и на ощупь он напоминал пластик, разве что такого гладкого пластика я никогда не встречал. Он был сухой и в то же время как маслом смазанный.

Я положил его на стол и придвинул поближе лампу. Но ничего особенного не увидел. Кубик как кубик.

Вертя его в руке, я старался определить, что это такое. И вдруг увидел на одной из его сторон небольшое продолговатое углубление — совсем маленькое, почти царапину.

Я присмотрелся и увидел, что углубление выточено и на дне его бледная красная полоска. Могу поклясться, что эта полоска мерцала. Я поднес предмет поближе к глазам, но мерцание прекратилось. То ли краска вдруг обесцветилась, то ли мне все померещилось, но уже через несколько секунд я не был уверен, что там была какая-то полоска.

Я подумал, что эту штуку где-то нашел или выменял Билл. Мальчик как галка — все в дом тащит, но в этом нет ничего дурного, как нет ничего дурного в его коллекции, что бы там ни говорила Элен. Это прекрасные деловые задатки.

Я отложил кубик в сторону и занялся чеками. На следующий день во время перерыва на ленч я снова купил марки. Но целый день я то и дело начинал размышлять над тем, куда могли деться вчерашние.

Я совсем не думал о скользком на ощупь кубике. Возможно, я бы вовсе забыл о нем, если б, вернувшись домой, не обнаружил, что у меня пропала ручка.

Я пошел в кабинет за ручкой и увидел ее на столе, на том самом месте, где оставил вчера вечером. Я не помнил, оставлял я ручку на столе или нет, но, увидев ее, тотчас вспомнил, что забыл положить ее обратно в ящик.

Я взял ручку. И оказалось, что это вовсе не ручка. На вид предмет был похож на пробковый цилиндр, но для пробки он был слишком тяжелый. Мне вдруг

показалось, что это складная удочка, только поменьше и потяжелее.

Представив себе, что это складная удочка, я сделал движение, будто забрасываю ее, и вдруг и в самом деле неизвестный предмет оказался складной удочкой. Она, видимо, была сложена, а затем выдвинулась, как настоящая удочка. Но странное дело, видны были только первые фута четыре, а все остальное растаяло в воздухе.

Я инстинктивно дернул удочку вверх и на себя, чтобы высвободить конец, попавший Бог знает куда. Удочка было подалась, а потом я вдруг почувствовал, что на конце ее повис какой-то груз. Точно я подсек рыбу, но только рыба эта не билась.

Затем так же быстро это ощущение исчезло. Груз как бы мгновенно сорвался с удочки, она сложилась, и в руке у меня снова был предмет, похожий на авторучку.

Я осторожно положил его на стол, твердо решив не делать больше никаких взмахов, и только тут заметил, что рука у меня дрожит.

Я сел, тараща глаза на предмет, похожий на пропавшую ручку, и на другой предмет, похожий на детский кубик.

И вот тут-то уголком глаза я увидел посередине стола маленькое белое пятнышко.

Оно было на том самом месте, где сначала лежала мнимая ручка, да и кубик вчера вечером я нашел, пожалуй, именно там. Оно было цвета слоновой кости и имело в диаметре примерно четверть дюйма.

Я ожесточенно потер его большим пальцем, но пятно не стиралось. Я закрыл глаза, чтобы дать возможность пятну исчезнуть, и, тотчас открыв их, с удивлением убедился, что пятно на месте.

Я склонился над столом и стал рассматривать его. У меня было такое впечатление, будто в дерево тщательно вделали пластинку слоновой кости. Я не мог обнаружить никакого зазора между деревом и пятном.

Прежде его там не было; в этом я был совершенно уверен. Если бы оно было, я непременно заметил бы. Более того, его заметила бы Элен, потому что она чистюля, нигде у нее и пылинки нет. Да и где это слыхано, чтобы продавали столы, инкрустированные одной-единственной пластинкой слоновой кости?

Нигде не купишь и вещи, которая похожа на ручку, но превращается в складную удочку, причем тонкий конец ее исчезает и подцепляет что-то невидимое, — ручку, которая в следующий раз, возможно, не потеряет то, что подцепила, а выволочет на свет Божий.

Из гостиной послышался голос Элен:

— Джо!

— Да! Что тебе?

— Ты поговорил с Биллом?

— С Биллом? О чем?

— О его коммерции.

— Нет. Забыл как-то.

— Смотри поговори. Он опять взялся за свое. Вы-торговал у Джимми новый велосипед. Всучил ему всякий хлам. Я заставила его вернуть велосипед.

— Я поговорю с ним, — снова пообещал я.

Но, как помню, тогда мне было не до этики поведения моего сына.

Ничего в доме нельзя держать. Вечно теряешь то одно, то другое. Точно знаешь, куда положил вещь, уверен, что она на месте, ахватишься — ее уже нет.

И всюду так — вещи теряются, и потом их вовек не сыщешь.

Но другие вещи на их месте не появляются... по крайней мере я сроду о таком не слышал.

Впрочем, бывали, наверно, случаи, когда человек находил другие вещи, брал их, рассматривал, удивлялся, что это такое, а потом зашвыривал куда-нибудь в угол и забывал.

Может быть, склады утиля в самых разных уголках мира забиты всякими неземными кубиками и сумасшедшими удочками.

Я встал и пошел в гостиную, где Элен настраивала телевизор.

Наверно, она заметила, что я расстроен, и потому спросила:

— Что еще случилось?

— Не могу найти ручку.

Она рассмеялась.

— Прости, Джо, но ты невыносим. Вечно все теряешь.

Ночью, когда Элен уже заснула, я лежал и все думал о пятне на столе. Пятно, казалось, говорило: «Коли ты коммерсант, клади прямо сюда, что у тебя есть, и мы произведем обмен».

И тут мне в голову пришла мысль: а что будет, если кто-нибудь сдвинет стол?

Долго я лежал, стараясь успокоиться, уговорить себя, что все это чепуха и бред.

Но отделаться от этой мысли я уже не мог.

Наконец я встал и потихоньку, словно вор, а не хозяин дома, выскользнув из спальни, пошел в кабинет.

Закрыв дверь, я включил настольную лампу и поскорее бросился смотреть, не исчезло ли пятно.

Оно было на месте.

Выдвинув ящик стола, я искал там карандаш, но вместо карандаша под руку мне попался один из цветных мелков Билла. Я стал на колени и тщательно очертил на полу ножки стола, чтобы потом поставить его точно на место, если кто-нибудь его сдвинет.

Затем я как бы машинально положил мелок точно на пятно.

Утром, перед уходом на работу, я заглянул в кабинет: мелок все еще лежал на месте. У меня немного отлегло от сердца, мне удалось убедить себя, что все это игра воображения.

Но вечером, после обеда, я снова пошел в кабинет и обнаружил, что мелок пропал.

На его месте лежало какое-то треугольное устройство с чем-то вроде линз на каждом углу, а посередине треугольника к каркасу из какого-то металла крепилась шулка, явно напоминавшая присоску.

Я еще рассматривал ее, когда в кабинет вошла Элен.

— Мы с Мардж идем в кино, — сказала она. — Почему бы тебе не пойти и не выпить с Льюисом пива?

— С этим чванливым болваном?

— Что ты имеешь против Льюиса?

— Ничего, наверно.

Мне было не до супружеских ссор.

— Что это у тебя? — спросила Элен.

— Не знаю. Вот нашел.

— Ты прямо как Билл, всякую дрянь стал в дом тащить. Любому из вас только волю дай, весь дом замусорите.

Я смотрел на треугольник, и, сколько ни думал о нем, в голову приходило одно: это, наверно, очки. Удерживаются они на лице, по-видимому, при помощи той присоски, что посередине, — странный способ носить очки, но, если подумать, такое предположение не лишено основания. Но в таком случае это значит, что у владельца очков три глаза, расположенных на лице треугольником.

Элен ушла, а я все сидел и думал. И думал я о том, что, хоть я и недолюбливаю Льюиса, без его помощи мне не обойтись.

И вот, положив мнимую ручку и треугольные очки в ящик стола, а фальшивый кубик в карман, я отправился в дом напротив.

У Льюиса на кухонном столе была расстелена кипа синек, и он тотчас принялся мне что-то объяснять. Я изо всех сил делаю вид, что разбираюсь в чертежах. На самом деле я не смыслил в них ни уха ни рыла.

Наконец мне удалось вернуть словечко; я вытащил из кармана кубик, положил его на стол и спросил:

— Что это?

Я думал, что он тут же скажет, что это детский кубик. Но он этого не сказал. Видимо, что-то подсказало ему, что это не простой кубик. Вот что значит техническое образование.

Льюис взял кубик и повертел его в руке.

— Из чего это сделано? — взволнованно спросил он.

Я пожал плечами:

— Я не знаю, что это, из чего это — ничего не знаю. Вот нашел просто.

— Ничего подобного я сроду не видел. — Он заметил углубление на одной из сторон кубика, и я понял, что он клюнул. — Позвольте мне взять это с собой в лабораторию. Постараемся разобраться.

Я, разумеется, знал, что ему надо. Если кубик — какое-нибудь техническое новшество, он хотел воспользоваться случаем... но это меня нисколько не беспокоило.

У меня было предчувствие, что слишком больших открытий он не сделает.

Мы выпили еще по несколько стаканов пива, и я пошел домой. Там я разыскал пару старых очков и положил их на стол как раз на пятно.

Я слушал последние известия, когда вошла Элен. Она обрадовалась тому, что я провел вечер с Льюисом, и сказала, что мне следовало бы сойтись с ним поближе, а уж там он, может быть, мне понравится. Она сказала, что раз они с Мардж такие близкие подруги, то просто стыдно, что мы с Льюисом не дружим.

— Может, подружмся, — сказал я и на этом прекратил разговор.

На следующий день Льюис пришел ко мне на работу.

— Где вы взяли эту штуку? — спросил он.

— Нашел, — сказал я.

— Вы имеете хоть какое-нибудь представление, что это?

— Никакого, — весело сказал я. — Потому-то я и дал ее вам.

— Ее приводит в действие какая-то энергия, и она предназначена для измерения. Выемка на одной из сторон служит для считывания показаний. Индикатором, видимо, является интенсивность цвета. Во всяком случае, цветная полоска в выемке все время меняется. Не сильно, но все же это можно заметить.

— Теперь надо выяснить, что она измеряет.

— Джо, вы не знаете, где нам достать еще одну такую штуку?

— Не знаю.

— Видите ли в чем дело, — сказал он. — Нам хотелось бы покопаться в ней, чтобы понять, как она действует, но вскрыть ее мы никак не можем. Наверно, ее можно взломать, но мы боимся. Вдруг испортим? Или она взорвется? Если бы у нас была еще одна...

— Простите, Льюис, но я не знаю, где взять другую. На этом разговор и кончился.

В тот вечер я шел домой, думая о Льюисе и улыбаясь про себя. Малый завяз в этом деле по самые уши. Он теперь спать не будет спокойно, пока не узнает, что это за штука. И, наверно, на недельку оставит меня в покое.

Я прошел в кабинет. Очки все еще лежали на столе. Я постоял немного, раздумывая, в чем же тут дело. Потом заметил, что стекла имеют розовый оттенок.

Взяв очки, я обнаружил, что стекла заменены на другие — того же сорта, что и в треугольных очках, которые я нашел вчера вечером.

Тут в кабинет вошла Элен, и не успела она еще рта открыть, как я догадался, что она ждала меня.

— Джо Адамс, что все это значит? — громко спросила она.

— Ничего, — ответил я.

— Мардж говорит, что ты совсем расстроил Льюиса.

— Немного же надо, чтобы его расстроить.

— Что-то происходит, — не отставала Элен, — я и хочу знать, что именно.

Я знал, что мне не уйти от ответа.

— Я занимаюсь коммерцией.

— Меняешься! И это после того, что я тебе рассказала о Билле!

— Но это совсем другое дело.

— Коммерция есть коммерция.

Билл вошел в парадное, но, видимо, услышав, как мать сказала «коммерция», выскочил обратно. Я крикнул ему, чтобы он вернулся.

— Садитесь оба и слушайте, что я вам скажу, — приказал я. — Задавать вопросы, высказывать предположения и устраивать мне головомойку будете, когда я закончу.

Мы все трое сели, и заседание семейного совета началось.

Убедить Элен мне удалось не сразу: пришлось показать пятно на столе, треугольные очки и собственные очки, которые были присланы мне обратно, после того как в них вставили розовые стекла. В конце концов она была готова признать, что кое-что действительно происходит. Но это не помешало ей дать мне нагоняй за то, что я обвел на полу ножки стола.

Ни ей, ни Биллу ручки-удочки я не показал, потому что боялся. Помашут ею, а потом кто знает, что случится...

Билл, разумеется, весь загорелся. Коммерция — это по его части.

Я предупредил, чтобы они не говорили никому ни слова. Билл не сказал бы, потому что его хлебом не

корми, а дай поиграть во всякие секреты, шифры и прочее. Но Элен чуть свет побежала бы к Мардж и выложила ей все по секрету — здесь уж что ни делай, что ни говори, ничего не поможет.

Билл тотчас захотел надеть очки с розовыми стеклами, чтобы посмотреть, отличаются ли они от обычных. Но я ему не позволил. Я и сам хотел надеть эти очки, но, по правде сказать, боялся.

Когда Элен пошла на кухню хлопотать насчет обеда, мы с Биллом занялись стратегией. Для своих десяти лет Билл — человек очень здравомыслящий. Мы порешили, что для ведения своих коммерческих дел нам следует разработать какую-нибудь систему, ибо, как указал Билл, заглазный обмен — предприятие рискованное. Надо как-то сообщить тому малому, что он может получить за свои вещи.

Но для того чтобы прийти к взаимопониманию при торговле с кем бы то ни было, надлежало наладить какую-нибудь систему общения. А как общаться с тем, о ком вы ничего не знаете, кроме того, что у него, возможно, три глаза?

И тут Билл подал великолепную идею. Он сказал, что нам нужно сделать одно — послать каталог. Если собираешься с кем-нибудь торговать, то само собой понятно, в первую очередь необходимо сообщить, что ты можешь предложить.

Учитывая особые обстоятельства, нужен был каталог иллюстрированный. Впрочем, даже он мог оказаться бесполезным, так как не было никакой уверенности, что Коммерсант, скрывающийся где-то по ту сторону моего письменного стола, поймет, что означает та или иная картинка. Может быть, он вообще понятия не имеет о картинках. Может, он и видит по-другому... не в физическом смысле, хотя и это возможно, а придерживаясь другой точки зрения, руководствуясь чуждым нам мировоззрением.

Но поскольку иного пути не было, мы засели за разработку каталога. Билл считал, что нам надо нарисовать его, но ни он, ни я художественными способностями не отличались. Я предложил вырезать иллюстрации из журналов. Но эта мыслишка тоже была не фонтан, потому что на рекламных картинках товары обычно

изображаются приукрашенными, художники заботятся только о том, чтобы привлечь внимание.

И снова Билл подал великолепную идею:

— Ты знаешь тот детский словарь, который мне подарила тетя Этель? Почему бы не послать его? В нем много картинок и почти ничего не написано. И это очень важно. Может, они там читать и не любят.

Мы отправились в комнату Билла и в поисках словаря стали перерывать весь тот хлам, который у него накопился. Нам попался старый букварь, по которому Билл когда-то учился читать, и мы решили, что он еще лучше словаря. В букваре были хорошие, простые картинки, а текста почти никакого не было. Вы знаете, о какого рода книжке я говорю — там стоит буква А и нарисован арбуз, буква Б и барабан и так далее.

Мы отнесли букварь в кабинет и положили его на стол, прикрыв им пятно, а сами пошли обедать.

Наутро книга исчезла, и это было немного странно. До сих пор все исчезало только во второй половине дня.

Примерно после полудня мне позвонил Льюис.

— Я иду к вам, Джо. Есть у вас поблизости какой-нибудь бар, где бы мы могли потолковать с глазу на глаз?

Я сказал, что такой бар есть всего в квартале от меня и что мы встретимся там.

Быстренько справившись с делами, я вышел из конторы, рассчитывая прийти в бар пораньше и перехватить рюмочку еще до прихода Льюиса.

Не знаю, как Льюис успел, но он меня опередил и уже сидел в угловой кабине. По-видимому, он мчался так, что нарушил все правила уличного движения.

Он уже заказал две рюмки и сидел с заговорщическим видом. Он все еще не мог отдышаться от спешки.

— Мардж рассказала мне все, — молвил он.

— Я так и думал.

— На этом можно заработать кучу денег, Джо!

— И об этом я тоже подумал. Так что я хочу предложить вам десять процентов...

— Да нет же, вы послушайте, — запротестовал Льюис. — Одному вам такое дело не потянуть. Я и

пальцем не пошевелишь меньше чем за пятьдесят процентов.

— Я принимаю вас в дело, — сказал я, — потому что вы мой сосед. Я в этом техническом бизнесе ни черта не понимаю. У меня есть кое-что, в чем я не разбираюсь, и мне нужна помощь, чтобы выяснить, что это, но я в любое время могу обратиться к кому-нибудь другому...

Мы пришли к соглашению рюмки через три: он получал 35 процентов, я — 65.

— Теперь, когда все утряслось, — сказал я, — может, вы мне скажете, что вы там разузнали?

— Разузнал?

— О том кубике, что я вам дал. Вы бы не стали мчаться сюда, заказывать заранее выпивку и ждать, если бы что-нибудь не разузнали.

— Видите ли, в сущности...

— Погодите-ка минутку, — перебил я его. — Мы запишем это в контракте: в случае неспособности представить полный и подробный анализ...

— Что это еще за контракт?

— Мы заключим контракт, за нарушение которого любой из нас может судебным порядком обобрать другого до нитки.

Чертовски неприятно начинать с этого деловое предприятие, но с таким скользким типом, как Льюис, иначе было нельзя.

И тогда он мне сказал, что разузнал.

— Это прибор для измерения эмоций. Я знаю, что термин этот нескладный, но лучшего придумать не могу.

— А что он делает?

— Он говорит, счастливы вы или грустны и как сильно ненавидите кого-нибудь.

— М-да, — разочарованно замычал я. — А на кой мне такая штукавина? Мне не нужен прибор, который говорит, что я злюсь или радуюсь.

Льюис до того взбеленился, что даже стал красноречив:

— Разве вы не понимаете, какое значение приобретает этот инструмент для психиатров? Он будет говорить о пациентах такое, что они сами никогда не отважились бы рассказать. Его можно использовать в психиатрических клиниках, им можно замерять реакцию

людей при посещении зрелищ, в политике, при введении новых законов... где угодно.

— Хватит трепаться! Пускаем в продажу!

— Но все дело в том...

— В чем?

— В том, что производить эти приборы мы не сможем, — с отчаянием в голосе сказал он. — У нас нет нужного сырья, и мы не знаем, как их делать. Придется вам выменивать их.

— Я не могу. То есть могу, но не сразу. Сперва мне надо дать понять тем Коммерсантам, что я хочу получить от них, а затем узнать, что они хотят взамен.

— Какие-нибудь другие вещи у вас есть?

— Есть несколько.

— Отдайте-ка их лучше мне.

— Некоторые из них могут оказаться опасными. В общем все это принадлежит мне. Я дам вам что захочу и когда захочу...

Мы снова поспорили.

Прения кончились тем, что мы отправились к адвокату. Мы составили контракт, который был, наверно, одним из любопытнейших курьезов в истории юриспруденции.

Адвокат, несомненно, подумал — и до сих пор думает, — что мы оба сумасшедшие, но теперь это беспокоит меня меньше всего.

В контракте говорилось, что мне надлежит вручать Льюису для определения технической и товарной ценности по крайней мере девяносто процентов предметов, источник получения которых контролирую я один, и что в дальнейшем вышеуказанный источник остается на вечные времена исключительно под моим контролем. Остальные 10 процентов могут без всяких оговорок не передаваться для обследования, причем первая договаривающаяся сторона принимает единоличное решение в отношении определения тех предметов, которые войдут в вышеупомянутые 10 процентов.

Что же касается 90 процентов предметов, передаваемых второй договаривающейся стороне, то эта последняя обязана подвергать их тщательному анализу — представлять отчеты в письменном виде и давать такие дополнительные объяснения, которые понадобятся для полного понимания со стороны первой договарива-

ющейся стороны, в срок, не превышающий трех месяцев со дня получения предметов, по истечении какового предметы возвращаются в единоличное владение первой договаривающейся стороны. Вышеупомянутый срок изучения и определения может быть продлен на любое время лишь по заключении соответствующего соглашения между сторонами, изложенного в письменном виде.

В случае если вторая договаривающаяся сторона скроет от первой договаривающейся стороны какие-либо открытия, связанные с предметами, о которых идет речь в данном соглашении, то такое сокрытие является достаточным основанием для возбуждения дела о возмещении убытков. В случае если будет определено, что некоторые предметы можно пустить в производство, таковые могут производиться в соответствии с условиями пунктов А, В и С раздела II данного соглашения.

Условия продажи вышеупомянутых предметов должны быть оговорены и включены в качестве составной части данного соглашения. Любые доходы от вышеупомянутой продажи делятся следующим образом: 65 процентов — первой договаривающейся стороне (мне — это я на случай, если вы уже запутались, что немудрено) и 35 процентов — второй договаривающейся стороне (Льюису); издержки делятся соответственно.

Разумеется, там было еще много всяких подробностей, но суть дела уже ясна.

Глоток мы друг другу не перегрызли и из конторы адвоката отправились ко мне домой, где застали и Мардж. Льюис пошел со мной, чтобы взглянуть на пятно на письменном столе.

По-видимому, Коммерсант получил букварь и был в состоянии разобраться, для чего его послали, так как на столе лежала картинка, вырванная из книги. Правда, я сказал бы, что ее не вырвали, а скорее... выгнали из книги.

На картинке была буква «З» и рядом зебра.

Льюис с тревогой уставился на нее.

— Ну и задали нам задачу.

— Да-а, — согласился я. — Не знаю, сколько она стоит, но, видно, недешево.

— Подумайте сами — расходы на экспедицию, сафари, клетки, перевоз по морю и железной дороге,

корм, сторожа. Как вы думаете, нельзя ли заинтересовать его чем-нибудь другим?

— Я не знаю как. Заказ дан.

В кабинет забрел Билл и поинтересовался, что происходит. Когда я с унылым видом сказал ему, в чем дело, он радостно воскликнул:

— О, если тебе хочется обменять плохой складной нож, ты его сбываешь тому, кто не знает, как выглядит хороший. В этом весь фокус коммерции, папа!

Льюис ничего не понял, а я сообразил сразу.

— Правильно! Он не знает, что зебра животное, он не знает даже, каких она размеров!

— Конечно, — уверенно сказал Билл. — Он видел ее только на картинке.

Было уже пять часов, но мы все трое бросились в магазины. Билл нашел дешевый браслет с брелоком-зеброй, которая была размером с рисунок в книге. Когда речь идет о всякой такой мелочи, мой сынишка точно знает, где что продают и что сколько стоит. Я подумал было сделать его на всякий пожарный случай младшим партнером и дать ему примерно десятипроцентную долю в прибылях (разумеется, из 35 процентов Льюиса), но я был уверен, что Льюис не согласится. Вместо этого я решил платить Биллу жалование один доллар в неделю, но выплату вышеупомянутой суммы начать тотчас после того, как дело станет приносить прибыль.

Итак, с зеброй все было в порядке... при условии, что Коммерсант удовлетворится маленькой безделушкой. Я подумал, хорошо еще, что нам не пришлось добывать зефир, который тоже на «З».

С остальными буквами алфавита дело пошло легче, но я не мог не терзаться сомнениями все то время, пока пришлось ждать. Все каталоги, которые можно было послать, плохи, но хуже букваря ничего нет. Однако пока Коммерсант не познакомился со всем первым списком, другой посылать не стоило, так как я боялся, что он запутается.

Поэтому я послал ему яблоко, мяч, маленькую куклу вместо девочки, игрушечную кошку и игрушечную собаку и так далее, а потом по ночам все думал, что же Коммерсант будет делать со всем этим добром. Я пред-

ставлял себе, как он пытается догадаться о назначении резиновой куклы или кошки.

Я отдал Льюису и те и другие очки, но попридержал ручку-удочку, так как все еще боялся ее. Льюис передал прибор для измерения эмоций одному психиатру, чтобы тот провел своего рода полевые испытания на больных.

Зная, что мы с Льюисом стали как бы компаньонами, Мардж и Элен были теперь неразлучны. Элен не уставала твердить, как она рада, что я наконец понял, какой надежный человек Льюис. Наверно, Мардж говорила то же самое Льюису.

Билла прямо распирало — так ему хотелось похвастаться. Но он был великим маленьким бизнесменом и держал рот на замке. Разумеется, о жалованье я ему сказал.

Льюис всецело стоял за то, чтобы мы сделали попытку расспросить Коммерсанта о приборе для измерения эмоций. Он заказал заводскому чертежнику рисунок прибора и хотел, чтобы я отослал его, показав тем самым, что мы интересуемся прибором.

Но я сказал ему, чтобы он не форсировал событий. Может, сделка с прибором для измерения эмоций и окажется выгодной, но до принятия окончательного решения нам не следует ожидать присылки образцов всех товаров, которые может предложить Коммерсант.

Убедившись, по-видимому, в том, что с ним сотрудничают, Коммерсант теперь торговал не в определенный час, а держал лавочку открытой круглые сутки. Посмотрев список товаров по букварю, он прислал обратно чистые страницы из книги с очень грубо сделанными рисунками, — казалось, он рисовал их крошащимся углем. Льюис изготовил серию картинок, чтобы показать, как пользоваться карандашом, и, отослав их Коммерсанту вместе с пачкой бумаги и сотней отточенных карандашей, мы принялись ждать.

Мы ждали неделю и уже стали выходить из себя, когда вся пачка бумаги вернулась обратно: каждый листок был с обеих сторон покрыт самыми различными рисунками. Для того чтобы Коммерсанту не было скучно, мы послали каталог товаров, которые можно заказать по почте, а сами уселись разгадывать рисунки.

Назначение всех вещей без исключения было совершенно непонятно... даже Льюису. Он всматривался в рисунки, потом вскакивал, метался по комнате, рвал на себе волосы, дергал себя за уши. Затем снова принимался рассматривать рисунки.

Для меня это была комедия и только.

Наконец мы порешили, что на время затею с каталогами надо оставить и принялись класть на письменный стол все, что попадалось под руку, — ножницы, тарелки, перочинные ножи, клей, сигары, скрепки, ластик, ложки. Я знаю, что мы действовали не по-научному, но у нас не было времени придерживаться какой-либо системы. Потом при случае мы выработали бы более разумную программу, а пока не хотели дать Коммерсантау времени опомниться.

И Коммерсант принялся бомбардировать нас вещами в ответ. Мы сидели часами и отправляли товар ему, а он нам, и у нас на полу образовалась куча самого невероятного хлама.

Мы установили кинокамеру и извели уйму пленки на то, чтобы заснять пятно на столе, где происходил обмен. Мы потратили массу времени, просматривая пленку, замедляя чередование кадров и совсем останавливая проектор, но это ничего нам не дало. Когда вещь исчезала или появлялась, то она просто исчезала или появлялась. В одном кадре она была, в другом кадре ее уже не было.

Льюис отложил всю другую работу, и вся его лаборатория только и делала, что занималась разгадкой приборов, которые мы получили. С большинством из них мы так и не справились. Наверно, они для чего-то служили, но этого нам узнать не удалось.

Был там такой флакон с духами, например. Это мы его так называли. Но мы догадывались, что духи в нем не самое главное, что так называемый флакон имеет совсем иное назначение.

Льюис и его ребята, которые изучали флакон в своей лаборатории и старались разобраться, что к чему, нечаянно включили его. Они работали три дня, причем последние два — в масках, чтобы выключить его.

Когда запах стал невыносим и люди стали звонить в полицию, мы отнесли это устройство в поле и закопали. За несколько дней вся растительность в окрестностях завяла.

До самого конца лета ребята с агрономического факультета университета носились всюду как угорелые, стараясь выяснить причину.

Была там штука — часы, наверно, какие-нибудь, — впрочем, с таким же успехом она могла оказаться чем угодно. Если это часы, то у Коммерсанта такая система отсчета времени, что от нее впору с ума сойти.

Была там и еще одна вещичка — укажешь на что-нибудь пальцем и нажмешь на определенное место (не на кнопку, не на какое-нибудь механическое устройство, а просто на определенную точку) и тотчас в пейзаже появится большое пустое место. Перестанешь нажимать — пейзаж снова станет как был. Мы засунули эту вещичку в дальний угол лабораторного сейфа и привесили к ней большую красную бирку с надписью: «Опасно! Не трогать!»

Но с большинством предметов мы просто вытягивали пустой номер. А предметы все поступали и поступали. Я забил ими гараж и начал уже сваливать кучей в подвале. Некоторые меня пугали, и я их из кучи изымал.

Тем временем Льюис мучился с прибором для определения эмоций.

— Он работает, — говорил Льюис. — Психиатр, которому я давал его, в восторге. Но, по-видимому, пустить его в продажу будет почти невозможно.

— Если он работает, — возразил я, передавая ему банку с пивом, — то его должны покупать.

— Покупали бы в любой другой области, кроме медицины. Прежде чем пускать что-либо в продажу, надо представить чертежи, теоретические обоснования, результаты испытаний и тому подобное. А мы не можем этого сделать. Мы не знаем, как он работает. Не знаем принципа действия. А пока мы этого не узнаем, ни одна почтенная фирма, торгующая медицинскими приборами, не пустит его в продажу, ни один порядочный медицинский журнал не станет его рекламировать, ни один врач-практик не будет его применять.

— Значит, на него надеяться нечего, — сказал я довольно уныло, потому что это была единственная вещь, применение которой нам было известно.

Льюис кивнул, выпил пива и стал мрачнее обычного.

Я теперь вспоминаю с улыбкой, как мы нашли устройство, которое принесло нам богатство. В сущности, это не Льюис, а Элен нашла его.

Элен — хорошая хозяйка. Она вечно возится с пылесосом и тряпкой и моет рамы и подоконники с таким остервенением, что нам приходится красить их каждый год.

Однажды вечером мы сидели в гостиной и смотрели телевизор.

— Джо, ты вытирал пыль в кабинете? — спросила Элен.

— Пыль в кабинете? С чего бы это?

— Видишь ли, кто-то вытер. Может, это Билл?

— Билла никакими силами не заставишь взять тряпку в руки.

— Тогда я ничего не понимаю, Джо, — сказала она. — Я пошла вытирать пыль, а там совершенно чисто. Все блестит.

По телевизору показывали что-то очень забавное, и я не обратил тогда на слова Элен никакого внимания.

Но на следующий день я вспомнил об этом и уже не мог выкинуть из головы. Я бы ни за что не стал вытирать пыль в кабинете, а Билл и подавно, и все же кто-то сделал это, раз Элен говорит, что там было чисто.

В тот же вечер я вышел с ведром на улицу, наложил в него пыли и принес в дом.

Элен перехватила меня в дверях.

— Ты что это делаешь?

— Экспериментирую, — сказал я.

— Экспериментировать в гараже.

— Это невозможно, — возразил я. — Я должен выяснить, кто вытер пыль в кабинете.

Я знал, что если мой номер не удастся, то меня притянут к ответу, потому что Элен пошла следом и стала в дверях, приготовившись обрушиться на меня.

На столе лежало много предметов, полученных от Коммерсанта, а в углу валялось еще больше. Я убрал все со стола, и тут вошел Билл.

— Что ты делаешь, папа? — спросил он.

— Твой отец сошел с ума, — спокойно объяснила Элен.

Я взял горсть пыли и посыпал ею стол.

Через мгновение она исчезла. На столе не было ни пятнышка.

— Билл, — сказал я, — отнеси-ка один из этих приборов в гараж.

— Который?

— Любой.

Он унес один из приборов, а я сыпанул еще горсть пыли, и она тоже исчезла.

Билл вернулся, и я послал его с другим прибором.

Это продолжалось довольно долго, и Билл уже начал выражать недовольство. Но наконец я посыпал стол пылью, и она не исчезла.

— Билл, — сказал я, — ты помнишь, какую штуку ты выносил последней?

— Конечно.

— Ну, тогда иди и принеси ее обратно.

Он принес ее — и только появился на пороге кабинета, как пыль исчезла.

— Вот оно, — сказал я.

— О чем ты? — спросила Элен.

Я показал на устройство, которое держал Билл.

— Об этом. Выбрось свой пылесос. Сожги тряпки. Закинь куда-нибудь швабру. Достаточно одной такой штуки в доме и...

Она бросилась ко мне в объятия.

— О Джо!

И мы с ней сплясали джигу.

Затем я сел и стал ругать себя на все корки за то, что связался с Льюисом. Я подумал: а нельзя ли теперь как-нибудь разорвать контракт, раз уж я нашел что-то без его помощи? Но я помнил все эти пункты, которые мы понаписали. Да и что толку — Элен уже побежала в дом напротив рассказать все Мардж.

Я позвонил Льюису, и он мигом примчался.

Мы начали полевые испытания.

В гостиной не было ни пятнышка, потому что Билл прошел через нее с прибором, да и гараж, где прибор оставался ненадолго, тоже был как вылизанный. Хотя мы и не проверяли, но я представляю себе, что на полосе, параллельной дорожке, по которой Билл нес прибор от гаража до двери дома, не осталось ни пылинки.

Мы отнесли прибор вниз и вычистили подвал. Пробрались на задний двор к соседу, где, как мы знали, было много цементной пыли, — и тотчас вся цементная пыль исчезла. Остались одни комочки, но комочки, я полагаю, пылью считать нельзя.

Этого только нам и надо было.

Вернувшись домой, я стал открывать бутылку шотландского виски, которую до того хранил, а Льюис примостился за кухонным столом и нарисовал прибор.

Мы выпили, потом пошли в кабинет и положили рисунок на стол. Рисунок исчез, а мы ждали. Через несколько минут появился еще один прибор. Мы подождали еще, но ничего не случилось.

— Надо втолковать ему, что нам надо много приборов, — сказал я.

— Мы никак не сможем это сделать, — сказал Льюис. — Мы не знаем его математических символов, а он не знает наших, и верного способа научить его тоже нет. Он не знает ни одного слова нашего языка, а мы — его.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

Льюис сел и нарисовал поперек листа ряд приборов, а позади набросал верхушки множества других, так что казалось, будто приборов сотни.

Мы послали листок.

Пришло пятнадцать приборов — ровно столько, сколько было нарисовано в первом ряду.

Коммерсант явно не имел никакого представления о перспективе. Черточки, которыми Льюис обозначил другие приборы, стоящие за первым рядом, для него ничего не значили.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

— Нам нужны тысячи этих штук, — сказал Льюис, хватаясь руками за голову. — Не сидеть же мне здесь целыми сутками, рисуя их.

— Возможно, придется посидеть, — со злорадством сказал я.

— Но ведь должен быть другой выход.

— Почему бы не нарисовать целую кучу их, а потом не заготовить копии на мимеографе? — предложил я. — Копии можно посылать ему пачками.

Не хотелось мне говорить это, так как я уже увлекся мыслью, что засажу Льюиса куда-нибудь в уголок, и он будет приговорен к пожизненному заключению и рисованию одного и того же снова и снова.

— Может быть, что-нибудь из этого и получится, — сказал возмутительно обрадовавшийся Льюис. — И так просто...

— Скажите лучше — дельно, — отрезал я. — Если бы это было просто, вы бы сами придумали.

— Меня такие частности не интересуют.

— А надо бы!..

Мы успокоились только тогда, когда прикончили бутылку.

На следующий день мы купили мимеограф, и Льюис нарисовал трафарет с двадцатью пятью приборами. Мы отпечатали сотню листов и положили их на стол.

Все вышло, как было задумано, и несколько часов мы занимались тем, что убирали со стола приборы, хлынувшие потоком.

По правде говоря, у нас из головы не шла мысль о том, что захочет получить Коммерсант в обмен на свои пылесосы. Но в ту минуту мы были взволнованы и совсем забыли, что это коммерческая сделка, а не дар.

На следующий день вернулись обратно все мимеографические листки, и на обороте каждого Коммерсант нарисовал по двадцать пять зебр-брелоков.

И тут мы оказались перед необходимостью срочно достать две с половиной тысячи этих дурацких зебр.

Я бросился в магазин, где был куплен браслет с таким брелоком, но у них в запасе было всего штук двадцать. В магазине сказали, что, наверно, не смогут заказать еще одну партию. Производство, сказали, прекращено.

Название компании, которая выпускала их, было отштамповано на внутренней стороне браслета, и, едва добравшись до дому, я заказал междугородный разговор.

В конце концов я добрался до заведующего производством.

— Вы знаете браслеты, которые выпускаются у вас?

— Мы выпускаем миллионы браслетов. О каком вы говорите?

— О том, что с зеброй.

Он задумался на мгновение.

— Да, выпускали такой. Совсем недавно. Больше не выпускаем. В нашем деле...

— Мне нужно по меньшей мере две с половиной тысячи штук.

— Две с половиной тысячи браслетов?

— Нет, только зебр.

— Слушайте, вы не шутите?

— Не шучу, мистер, — сказал я. — Мне нужны зебры. Я заплачу за них.

— На складе нет ни одной.

— Вы могли бы их изготовить?

— Две с половиной тысячи не сможем. Слишком мало для специального заказа. Тысяч пятьдесят — это еще разговор.

— Ладно, — сказал я. — Сколько будет стоить пятьдесят тысяч?

Он назвал сумму, и мы немного поторговались, но я был не в состоянии долго торговаться. В конце концов мы сошлись на цене, которая, по-моему, была слишком высока, если учесть, что весь браслет с зеброй и прочими висюльками в розничной торговле стоил всего 30 центов.

— И не закрывайте заказа, — сказал я. — Может потребоваться новая партия зебр.

— Ладно, — сказал он. — Погодите... позвольте задать вопрос, а для чего вам пятьдесят тысяч зебр?

— Не позволю, — сказал я и повесил трубку.

Наверно, он подумал, что у меня шариков не хватает, но мне было наплевать на то, что он думает.

До прибытия пятидесяти тысяч зебр прошло десять дней, и покоя мне не было ни минуты. А потом, когда они прибыли, надо было найти помещение, потому что, к вашему сведению, пятьдесят тысяч зебр, даже если они брелоки к браслетам, занимают много места.

Но прежде всего я взял две с половиной тысячи и послал их через стол.

За десять дней, прошедших со времени получения пылесосов, мы ничего не посылали, а Коммерсант ничем не выражал своего нетерпения. Я бы несколько не

удивился, если б он, например, прислал нам свой эквивалент — бомбы, для того чтобы выразить свое разочарование по поводу медленной доставки заказанных им зебр. Мне часто приходило в голову: а что он думает по поводу задержки, не подозревает ли нас в том, что мы его обманули?

Все это время я без конца курил и грыз ногти, а Льюис, как мне казалось, был озабочен не меньше моего, выискивая возможности сбыта пылесосов.

Когда я упомянул об этом, он смущенно посмотрел на меня.

— Видите ли, Джо, меня очень тревожит одна вещь.

— Нам теперь беспокоиться не о чем, — сказал я, — кроме сбыта пылесосов.

— Но ведь пыль должна же куда-нибудь деваться, — раздраженно проговорил он.

— Пыль?

— Да, пыль, которую собирают эти штуки. Помните, как исчезла целая куча цемента? И я хочу знать, куда она делась. В приборе цемент поместиться не мог. В него не войдет даже недельная залежь пыли из дома средних размеров. Куда все это девается — вот что меня тревожит.

— А мне все равно куда. Лишь бы девалась.

— Деляческий подход, — сказал он презрительно.

Узнав, что Льюис палец о палец не ударил, чтобы обеспечить сбыт, я взялся за дело сам.

Но передо мной встали те же препятствия, что и при попытке наладить сбор приборов, измеряющих эмоции.

Пылесос не был запатентован и не имел фабричной марки. На нем не было красивой таблички с именем фабриканта. И я ничего не мог сказать, когда меня спрашивали, как он работает.

Один оптовик согласился взять партию за такую мизерную цену, что я рассмеялся ему в лицо.

В тот вечер мы с Льюисом сидели за столом на кухне и пили пиво. Настроение у нас было не слишком луче-

зарное. Я предчувствовал тьму неприятностей со сбытом пылесосов. Льюис, по-видимому, все еще тревожился о том, куда девается пыль.

Он разобрал пылесос и узнал только одно: внутри действует какое-то слабое силовое поле... Слабое-то оно слабое, а все электрические цепи в лаборатории и все их чудесные измерительные приборы словно с ума посходили. Льюис сразу сообразил, к чему идет дело, и побыстрее захлопнул крышку пылесоса, так что все обошлось. Оказывается, кожух пылесоса экранировал силовое поле.

— Пыль, по-видимому, вышвыривается в другое измерение, — сказал Льюис; всем своим видом он напомнил мне гончую, потерявшую след енота.

— А может, и нет. Может, она возносится вверх в виде пыльного облака, вроде тех, что виднеются далеко в космосе.

Льюис покачал головой.

— Не хотите ли вы сказать, — продолжал я, — что Коммерсант такой дурак, что продал нам прибор, который швыряет ему пыль в лицо.

— Вы ничего не поняли. Коммерсант действует из другого измерения. Иначе и быть не может. Но если есть два измерения — его и наше, — то, возможно, есть и другие. Коммерсант, по-видимому, пользовался этими пылесосами сам — не для той цели, для которой собираемся использовать их мы, но, наверно, он тоже отделяется от чего-то ненужного. А следовательно, то, от чего он отделяется, выбрасывается не в его измерение, а в другое.

Мы выпили еще пива, и я стал ломать себе голову над этим делом с разными измерениями. И никак не мог сообразить, что к чему. Наверно, Льюис был прав, когда говорил, что у меня деловой подход. Разве можно поверить в другое измерение, если его нельзя увидеть, потрогать и даже представить себе? Я на такое не способен.

Поэтому я снова заговорил о сбыте пылесосов, и в тот же вечер мы порешили, что нам остается только торговать ими вразнос. Мы даже установили цену — двенадцать долларов пятьдесят центов. Зебры нам обходились по четыре цента каждая, своим коммивояжерам мы собирались платить десять процентов комиссион-

ных, и от продажи каждого пылесоса нам оставалось 11 долларов 21 цент чистой прибыли.

Я поместил в газете объявление о найме коммивояжеров, и на следующий день явилось несколько человек. Мы отправили их в пробный рейс.

Пылесосы расхватывали, как горячие пирожки, и мы поняли, что наше дело выгорело!

Я ушел с работы и занялся торговлей, а Льюис вернулся в лабораторию и принялся за гору тогохлама, который мы получили от Коммерсанта.

Когда проводишь массовую распродажу, хлопот бывает полон рот. Надо распределять районы между коммивояжерами, получать разрешения в торговой инспекции, брать на поруки своих людей, если их сажают в кутузку за нарушение какого-нибудь постановления, принятого властями забытой Богом деревеньки. Вы себе не представляете, сколько тут всяких беспокойств.

Но месяца через два дела пошли в гору. Мы наладили торговлю в своем штате и стали создавать отделения в других штатах. Я заказал дополнительно пятьдесят тысяч зебр и пообещал заказать еще. На моем письменном столе кипела работа. В конце концов я дошел до того, что нанял трех человек, которые работали посменно круглые сутки, и платил им большие деньги, чтоб держали язык за зубами. Восемь часов мы посылали зебр, затем восемь часов убирали со стола пылесосы, следующие восемь часов снова клали на стол зебр...

Если Коммерсанту и было тошно от того, что происходило, он этого не показывал. Его, видно, вполне устраивал такой обмен.

Соседи сперва сгорали от любопытства и нервничали, но потом привыкли. Если бы я мог переехать в какое-нибудь другое место, я бы так и сделал, потому что дом был теперь больше похож на учреждение и семейной жизни у нас, в сущности, не стало. Но поскольку нам не хотелось терять наш бизнес, мы вынуждены были сидеть на месте, так как контакт с Коммерсантом мог осуществляться только здесь.

Деньги текли к нам рекой, и все финансы я передал в ведение Элен и Мардж. Сборщики подоходного нало-

га задали нам жару за то, что мы не указывали производственных расходов, но, так как мы не собирались спорить и платили, что положено, они ничего не могли поделаться.

Льюис в своей лаборатории вымотал себя так, что превратился в щепку, но не нашел ничего такого, что бы мы могли использовать.

И по-прежнему время от времени тревожился о том, куда же девается вся пыль. И, наверно, впервые в жизни он оказался прав.

Однажды, года через два после того, как мы начали продавать пылесосы, я возвращался из банка, где улаживал всякие финансовые дела, которые Элен с Мардж запутали до невозможности. Только я свернул на дорожку, ведущую к дому, как из него вылетела Элен. Она была покрыта пылью, все лицо в грязных полосах, сроду не видал такой замарашки.

— Сделай что-нибудь, Джо! — закричала она.

— С чем?

— С пылью! Она валит в дом!

— Откуда?

— Отовсюду!

Тут я увидел, что Элен растворила все окна и из них столбом валит пыль. Я выскочил из машины и посмотрел, что делается на улице. Во всех домах квартала окна были открыты, и из них клубами валила пыль, всюду сновали злые, визжащие женщины.

— Где Билл? — спросил я.

— За домом.

Завернув за угол, я крикнул Билла, и он тут же примчался.

Из дома напротив пришла Мардж. Она рассвирепела от этой пыли еще почище Элен.

— Садитесь в машину, — сказал я.

— Куда мы поедem? — спросила Мардж.

— За Льюисом.

Наверно, по моему тону они поняли, что я шутить не намерен, и забились в машину. Я повел ее на полной скорости.

Дома, заводы, магазины, купившие у нас пылесосы, извергали столько пыли, что не видно было ни черта.

Чтобы добраться до кабинета Льюиса, мне пришлось проложить себе путь через двухфутовый слой пыли, лежавший на полу лаборатории. Прикрыв нос платком, я едва спасся от удушья.

В машине мы вытерли лица и отхаркали пыль, забившую глотки. Только тут я увидел, что Льюис втрое бледнее обычного, впрочем, по правде сказать, он всегда был бледной немочью.

— Это все натворили существа из того, третьего измерения, — испуганно проговорил он. — Из того места, куда мы отправляли всю пыль. Им чертовски надоело, что она валится на них. Они сообразили, что надо делать, и теперь качают ее обратно.

— Успокойтесь. Может, это вовсе и не из-за наших пылесосов.

— Я проверил, Джо. Из-за наших. Пыль валит во всех тех местах, где есть наши пылесосы. И ниоткуда больше.

— Значит, нам остается только отправить ее обратно. Льюис покачал головой.

— Не выйдет. Пылесос работает теперь только в одну сторону — от них к нам. — Он закашлялся и посмотрел на меня безумными глазами. — Подумайте только! Два миллиона этих приборов собирали пыль в двух миллионах домов, магазинов, заводов... некоторые из них функционировали целых два года! Джо, как нам теперь быть?

— Спрячемся где-нибудь, пока это все не... гм, не развеется.

Имея мерзкую склонность к сутяжничеству, он, верно, тогда еще предвидел, что на нас обрушатся бесчисленные судебные иски. Лично я больше боялся, что разъяренные женщины устроят над нами самосуд.

Но теперь это в прошлом. Мы прятались, пока люди немного не успокоились и не стали требовать своих денег обратно через суд. У нас было много денег, и мы смогли заплатить большинству из них. С нас еще должны взыскать несколько сот тысяч. Но мы можем расплатиться довольно быстро, если нападём на что-нибудь столь же доходное, как сбыт пылесосов.

Льюис упорно трудится над этим, но ему пока не везет. Да и Коммерсант наш исчез. Как только мы осмелились вернуться домой, я тотчас отправился в кабинет и взглянул на стол. Пятно исчезло. Я пытался класть всякие предметы на то место, где оно прежде было, но ничего из этого не получилось.

Что спугнуло Коммерсанта? Много бы я отдал, чтобы знать. Впрочем, кое-какие коммерческие перспективы у нас есть.

Возьмите, например, розовые очки, которые мы называем очками счастья. Наденьте их — и будете радешеньки. Почти всякий человек на земле хотел бы иметь такие, чтобы на время забывать о заботах. С таким бизнесом мы бы, наверно, разорили всех торговцев спиртным.

Беда только в том, что мы не знаем, как их делать, а Коммерсант исчез. Теперь мы не можем добывать их.

Но одно меня продолжает тревожить. Я понимаю, беспокоиться не стоит, но все равно это дело никак не идет из головы.

Ну что сделал этот Коммерсант с тремя миллионами зебр, которые мы послали ему?

«СДЕЛАЙ САМ»

Гордон Найт сидел как на иголках: ему хотелось, чтобы поскорее закончился пятичасовой рабочий день и можно было помчаться домой. Именно сегодня он должен был получить комплект, заказанный компании «Сделай сам», и ему не терпелось приступить к сборке.

Его нетерпение объяснялось не только давнишним желанием иметь собаку (хотя это играло существенную роль), но и тем, что это было совершенно новое дело. Ему никогда не приходилось управляться с комплектом «Сделай сам», в котором содержались бы биологические компоненты, и поэтому он волновался. Хотя, конечно, собака будет создаваться биологическим путем лишь до определенной степени и большая часть компонентов войдет в комплект, а на долю человека останется только сборка... Все же в этом была какая-то новизна, и ему хотелось поскорее приступить к работе.

Он так упорно думал о собаке, что даже слегка рассердился, когда Рэндол Стюарт, то и дело бегавший пить воду, остановился на обратном пути у его стола и стал подробно докладывать о своих успехах на поприще домашнего зубоврачевания.

— Это легко, — сказал Стюарт. — Совсем просто, если следовать инструкции. Поглядите, вот... вчера вечером я сделал это сам.

Он присел на корточки возле стола Найта и открыл рот, что было силы оттянув нижнюю челюсть пальцами.

— О-о... десь, — говорил он, тыкая дрожащим пальцем в зуб, о котором шла речь.

— Сам запломбировал, — захлопнув рот, самодовольно объявил Стюарт. — Наладил целую систему зеркал, чтобы было видно, что там творится. Зеркала прислали в комплекте, я только следовал инструкции.

Он запустил палец глубоко в рот и нежно погладил дело рук своих.

— На самом себе проделывать это немного неудобно. А вот на ком-нибудь другом все получится просто.

Он с надеждой посмотрел на Найта.

Найт на эту удочку не попался, и Стюарт перестал его соблазнять.

— Потом я собираюсь снимать камень. Надо только подкопаться под десну. Для этого есть специальный крючок. Зачем платить дантистам, когда можно самому позаботиться о собственных зубах.

— Пожалуй, это нетрудно, — согласился Найт.

— Дело верное, — сказал Стюарт. — Надо лишь придерживаться инструкции. Чего только не сделаешь, если будешь следовать инструкциям.

Найт задумался. Что верно, то верно. Если следовать инструкциям, можно сделать что угодно — только надо не торопиться, а сесть и не спеша, досконально все изучить.

Ведь построил же он дом, и мебель сделал, и всю домашнюю технику смонтировал. И все в свободное время... хотя, видит Бог, когда работаешь пятнадцать часов в неделю, свободного времени имеешь не так уж много.

Как хорошо, что, купив землю, он построил этот дом. Все тогда покупали так называемые имения, и Грейс это так втемяшилось, что ему ничего не оставалось, как тоже купить участок.

Платить и плотникам, и каменщикам, и водопроводчикам он был не в состоянии. Но, строя дом своими руками, он истратил сущие пустяки. Правда, на это ушло десять лет, но зато какое это было удовольствие!

Он сидел и думал, как интересно было строиться и как он гордится своей работой. Нет, сэр, сказал он себе, на его месте никто бы не построил лучшего дома.

Хотя, признаться, в том, что он сделал, не было ничего необычного. Большинство его знакомых тоже сами строили себе дома, или делали к ним пристройки, или перестраивали...

Он часто подумывал, что неплохо бы снова приняться за дело и построить еще один дом, так, интереса ради. Но это было бы глупо, потому что дом у него уже есть, а новый продать невозможно, если бы даже он и построил его. Кто станет покупать дом, когда так интересно строить самому?

Да и в старом доме еще немало работы. Надо пристроить новые комнаты... они не очень нужны, конечно, но с ними будет удобнее. И крышу починить. И летний домик соорудить. И участок до сих пор не приведен в порядок. Одно время он подумывал спланировать и разбить живописный парк: поработав несколько лет в свободное время, можно принарядить участок.

Найт и его сосед Энсон Ли часто разговаривали о том, что они могли бы сделать со своими участками, если бы у них было время. Но Ли, конечно, никогда ничего не сделает. Он юрист, но, кажется, и юриспруденцией занимается не очень усердно. У него большой кабинет, битком набитый юридической литературой, и в свое время он любил пространно поговорить об этих книгах, хотя, по-видимому, никогда их не раскрывал. Обычно он заводил такой разговор, основательно нагрузившись, а это случалось довольно часто, так как он считал себя мыслителем и твердо верил, что спиртное помогает думать.

Когда Стюарт вернулся к своему столу, до конца рабочего дня оставалось все еще больше часа. Найт украдкой достал из портфеля свежий номер журнала «Сделай сам» и начал перелистывать его, краем глаза поглядывая по сторонам, чтобы быстро спрятать журнал, если кто-нибудь обратит внимание на то, что он бездельничает.

Он уже читал все статьи раньше и теперь просматривал рекламу. Жаль, подумал он, что у человека не хватит времени переделать такую уйму дел.

Например:

подобрать себе очки (инструменты для шлифовки и проверки линз включаются в комплект);

удалить самому себе гланды (полные инструкции и необходимые инструменты);

превратить пустующую комнату в персональную больничную палату (какой смысл покидать дом во время болезни — именно тогда-то вы больше всего нуждаетесь в утешении и спокойствии);

сделать собственные лекарства (начать с выращивания пятидесяти лекарственных растений; имеются подробные инструкции, как ухаживать за ними и обрабатывать урожай);

вырастить своей жене шубку (пара норок, одна тонна лошадиного мяса, скорняжные инструменты);

сшить себе костюм и пальто (пятьдесят ярдов шерстяной материи и приклад);

собрать телевизор;

переплести книги;

построить собственную электростанцию (пусть на вас работает ветер);

собрать собственного робота (мастер на все руки, умен, послушен, не требует отпуска и платы за сверхурочную работу, находится при деле все двадцать четыре часа в сутки, никогда не устает, не нуждается ни в отдыхе, ни в сне, выполняет любую работу).

Найт подумал, что это стоящее дело. Если завести такого робота, то помощь от него будет великая. Можно достать всякие приспособления к нему. Робот, как говорится в рекламе, может менять как перчатки приспособления для различных видов работ.

Если бы у него был робот, он бы его посылал каждое утро в огород собирать кукурузу, фасоль, горох, помидоры и другие овощи, а потом складывать их на задней веранде дома. Наверно, тогда огород давал бы гораздо больше, потому что робот никогда не сорвет недозрело помидора и не даст перезреть кукурузе.

Есть всякие приспособления: и для уборки дома, и для разгребания снега, и для покраски... В общем почти для любой работы. Купить полный набор приспособлений, потом составить рабочую программу и целиком положиться на робота — так можно свалить с плеч дела по дому, потому что робот заботился бы обо всем.

Остановка только за одним. Стоит комплект частей робота почти десять тысяч долларов, да набор приспособлений обойдется не меньше.

Найт закрыл журнал и положил его в портфель.

Посмотрев на часы, он увидел, что до конца рабочего дня осталось минут пятнадцать. За работу приниматься не стоило, и Найт продолжал бездельничать и думать о том, как он вернется домой и найдет там комплект, который уже ждет его.

Он всегда хотел иметь собаку, но Грейс не разрешала. Собаки грязны, говорила она, они треплют ковры, у них блохи, они линяют, оставляют всюду шерсть, и, кроме того, от них... дурно пахнет.

Ну, против искусственной собаки она возражать не станет.

От такой собаки не будет дурно пахнуть, есть гарантия, что ни линять, ни заводить блох она не будет, потому что блохи подошли бы с голоду на полумеханической, полубиологической собаке.

Он надеялся, что собака его не разочарует, так как на всякий случай тщательно изучил литературу по этому вопросу. Собака ходила бы с ним на прогулки, носила бы поноску и гоняла дичь. А что еще можно от нее требовать? Для полноты картины она будет приветствовать каждый столб и дерево, но фирма гарантирует, что никаких пятен после этого не остается.

Когда он подлетал к дому, комплект уже лежал у двери сарая, но сначала Найт его не заметил. Потом, увидев комплект, он еще на лету стал рассматривать его и так вытянул шею, что чуть не врезался в изгородь. К счастью, ему удалось посадить летательный аппарат точно на усыпанную гравием площадку, и еще не перестали вращаться винты, как он уже бросился к сараю.

Да, это комплект. К верху упаковочной клетки был прикреплен конверт с накладной. Но комплект оказался более громоздким и тяжелым, чем ожидал Найт. Он подумал, а не прислали ли ему по ошибке какую-нибудь большую собаку — не ту, что он заказывал.

Он попытался поднять клеть, но не осилил и пошел обратно в дом, чтобы притащить из подвала тележку.

Завернув за угол, он остановился на секунду и осмотрел свой участок. Тут можно многое сделать, подумал он, было бы только время и деньги на покупку

оборудования. Можно было бы превратить участок в большой сад. Надо попросить планировщика сделать проект... впрочем, если купить книги по планировке садов и посидеть над ними несколько-вечеров, можно, по-видимому, все сделать самому.

На северном конце участка было озерцо, и сад, как ему казалось, следовало разбить именно там. Сейчас земля вокруг озера сырая, настоящее болото. На ветру колышутся заросли бурьяна и камыша. Но если выкопать дренажные канавки, посадить культурные растения, продолжить дорожки и перекинуть через канавки живописные мостики, то все будет выглядеть прелестно.

Найт перевел взгляд на дом Энсона Ли, стоящий за озерцом на холме. Как только собака будет собрана, он прогуляется с ней туда. Собака, наверно, понравится Ли. Иногда Найт чувствовал, что Ли не совсем одобряет то, что он делает. Например, то, что он помог Грейс сделать печь для обжига и сушки. Им тогда несколько раз удавалось выманить Ли из дому и отправить на поиски нужных сортов глины.

— Для чего вам нужно делать эти горшки? — спросил он. — К чему все эти хлопоты? Купите их, это обойдется в десять раз дешевле.

Ли отнесся без должного уважения к объяснениям Грейс, которая утверждала, что собирается делать не простые горшки. Керамика, говорила она, — признанный вид искусства. Она так увлеклась этим и добилась таких успехов (некоторые ее работы были действительно хороши), что Найт счел возможным прекратить работу над моделью железной дороги и пристроить к уже разросшемуся дому еще одно помещение — для хранения, сушки и выставки керамики.

Года два назад, когда Найт построил мастерскую для Грейс, Ли не сказал ни слова. Ей надоело заниматься керамикой, и она переключилась на живопись. Однако Найт чувствовал: Ли молчал только потому, что был убежден в бесплодности дальнейших споров.

Но собаку Ли должен одобрить. Найт гордился своей дружбой с Ли. Это превосходный человек... хоть и не идет в ногу со временем. Все поглощены какими-нибудь делами, а Ли живет полегоньку, занятый своей трубкой и книгами, кстати не имеющими никакого отношения к юриспруденции.

Даже дети теперь интересуются более серьезными вещами. Играя, они учатся.

Мэри, до того как она вышла замуж, интересовалась агрономией. Ее оранжерея стояла у подножия холма, и Найт жалел, что не мог продолжить ее работу. Всего несколько месяцев назад он демонтировал ее гидропонные баки.

Джон, естественно, занялся ракетами. Много лет он с товарищами усеивал окрестности своими экспериментальными моделями. Самая последняя и большая, но не законченная до сих пор возвышается над домом. Найт говорил себе, что он когда-нибудь возьмет и закончит то, что начал делать сынишка. В университете Джон теперь увлекается тем же, но круг его интересов, по-видимому, стал гораздо шире. Найт подумал, что у него хороший сын. Да, сэр, очень хороший сын.

Найт направился по скату в подвал за тележкой. Как всегда, несколько секунд он постоял, оглядывая свои владения — здесь поистине было все, что интересовало его в жизни. Вон там, в углу, мастерская. А тут модель железной дороги, над которой он временами работал. За ней — фотолаборатория. Он вспомнил, как в подвале не хватило места для лаборатории и он был вынужден пробить часть стены. Повозиться пришлось гораздо больше, чем он думал.

Захватив тележку, Найт пошел к сараю, погрузил комплект и отвез в подвал. Потом он взял ломик и стал вскрывать упаковочную клеть. Он работал неторопливо и сноровисто: ему приходилось распаковывать немало комплектов, и он знал, как управляться с ними.

Когда он вынул детали, им овладело смутное беспокойство. Они были странной формы и больших размеров.

Прерывисто дыша от усилий и волнения, он стал снимать обертку. Уже со второй детали он понял, что ему прислали не собаку. Сняв обертку с пятой детали, он уже определенно знал, что это такое.

Это робот... и, насколько он мог судить, лучшая, самая дорогая модель!

Он присел на угол упаковочной клетки, достал платок и вытер лоб. Наконец он вскрыл конверт с накладной.

«Мистеру Гордону Найту, — говорилось в ней. — Один комплект собаки, оплачено полностью».

С точки зрения компании «Сделай сам, инкорпорейтед» он получил собаку. И за нее заплачено... полностью, как написано в накладной.

Он встал, потом снова сел и посмотрел на детали робота.

Никто никогда ни о чем не догадается. Придет время переучета, и компания обнаружит у себя лишнюю собаку. Одного робота будет не хватать, но попробуй разберись, в чем тут дело, если целые вагоны комплектов собак и тысячи проданных роботов уже укатили во все стороны.

Гордон Найт ни разу в жизни не совершал сознательно ни одного бесчестного поступка. Но теперь он принял бесчестное решение и знал, что поступает нечестно, и не мог ничего сказать в свое оправдание. Быть может, хуже всего было то, что он обманывал даже самого себя.

Сначала он решил, что отошлет этого робота назад, но так как он всегда мечтал собрать робота, то сперва соберет его, потом разберет, снова запакует и отправит компании. Он не будет включать его, просто соберет...

И в то же время он знал, что лжет самому себе; он понимал, что мало-помалу, шаг за шагом придет к бесчестному поступку. Он знал, что делает так потому, что совершить откровенный обман у него не хватает наглости.

В тот вечер он сидел и, внимательно читая инструкцию, рассматривал каждую деталь. Именно так и следовало управляться с комплектами «Сделай сам». Надо было не спеша, пункт за пунктом разобраться во всем и только потом приступить к сборке. Найт по опыту знал, что торопливость здесь ни к чему. Кроме того, ему, быть может, уже никогда не попадет в руки еще один робот.

На службе начались четырехдневные каникулы, и Найт энергично принялся за дело, вкладывая в него всю душу. Он имел слабое представление о биологии, и ему пришлось заглянуть в учебник органической химии, чтобы познакомиться с некоторыми процессами. Дело продвигалось туго. Давно уже он не брался за органи-

ческую химию и теперь обнаружил, что растерял даже начатки знаний.

На второй день перед сном он выудил из учебника достаточно сведений, чтобы собрать робота.

Его немного расстроила Грейс, которая увидела, чем он занимается, и стала немедленно придумывать для робота дела по хозяйству. Чтобы отделаться от нее, он надавал ей всяких обещаний и на следующий день приступил к сборке.

Он легко смонтировал робота не только потому, что ловко работал инструментами, но еще и потому, что с фанатичным рвением следовал первому принципу обращения с комплектами «Сделай сам» — сначала получи полное представление о предстоящей работе.

Во-первых, он уверил себя, что, собрав робота, он тотчас же приступит к его разборке. Но когда робот был сделан, Найту захотелось посмотреть, как он действует. Что за смысл убить так много времени и не убедиться в том, что все сделано как следует? Найт щелкнул тумблером, приводящим робота в действие, и привинтил последнюю пластинку.

Робот ожил и посмотрел на Найта.

Потом он сказал:

— Я робот. Меня зовут Альбертом. Что надо сделать?

— Спокойно, Альберт, — торопливо сказал Найт. — Присядьте и отдохните, мы поговорим.

— Я не нуждаюсь в отдыхе, — произнес робот.

— Хорошо, тогда просто стойте на месте. Я, конечно, не могу оставить вас у себя. Но, раз уж вы включены, мне бы хотелось посмотреть, что вы умеете делать. Надо поработать по хозяйству и в саду, подровнять газон, и потом, я думал о планировке участка. — Он замолчал и хлопнул себя по лбу. — Приспособления! Как мне достать приспособления!

— Ничего, — произнес Альберт. — Не беспокойтесь. Только скажите, что надо делать.

И Найт сказал ему, что надо делать. Напоследок он смущенно дал задание спланировать и разбить сад.

— Сотня акров — это большой участок, а вы не можете тратить на эту работу все время. Грейс хочет, чтобы вы работали по дому и, кроме того, в огороде, и на газоне...

— Я скажу вам, что делать, — проговорил Альберт. — Я составлю список материалов, которые надо заказать, а все остальное предоставьте мне. У вас хорошо оборудованная мастерская.

— Вы хотите сказать, что сами сделаете себе приспособления?

— Не беспокойтесь, — сказал ему Альберт. — Где карандаш и бумага?

Найт принес ему карандаш и бумагу, и робот составил список материалов (сталь различных марок, алюминиевые заготовки различных размеров, медная проволока и многое другое).

— Вот! — сказал Альберт, протягивая Найту бумагу. — Это будет стоить не больше тысячи долларов и даст нам возможность работать. Поскорее закажите все, и мы начнем.

Найт сделал заказ, а Альберт принялся рыскать и быстро собирать в кучу железный лом, валявшийся повсюду.

— Все пойдет в дело, — сказал он.

Альберт выбрал несколько кусков стали, включил кузнечный горн и стал работать. Найт понаблюдав за ним немного и пошел обедать.

— Альберт — чудо, — сказал он Грейс. — Он сам делает себе приспособления.

— Ты ему сказал, что я просила сделать?

— Конечно. Но сперва ему надо сделать приспособления.

— Я хочу, чтобы он поддерживал в доме чистоту, — сказала Грейс, — потом надо сделать новые портьеры, покрасить кухню и починить все эти текущие водопроводные краны, к которым ты так и не удосужился приложить руку.

— Да, дорогая.

— И мне хотелось бы, чтобы он выучился готовить.

— Я его не спрашивал, но мне кажется, он сможет это сделать.

— Он мне окажет великую помощь, — сказала Грейс. — Подумать только, я смогу теперь тратить на живопись все свое время.

Благодаря многолетней практике Найт точно знал, как ему вести себя в этой фазе разговора. Он как бы раздвоился. Одна его часть сидела, слушала и время от

времени что-то отвечала, а другая продолжала думать о более важных делах.

Ночью он несколько раз просыпался и слышал, как в мастерской стучит Альберт. Он каждый раз изумлялся этому, но потом вспоминал, что робот работает круглые сутки, изо дня в день. Найт лежал, глядя на темный потолок, и поздравлял себя с приобретением робота. Но, конечно, это только временно... Он отошлет Альберта обратно через несколько дней. А сперва позабудется с ним немного. Но что тут плохого?

На следующий день Найт спустился в подвал и предложил роботу свою помощь, но Альберт вежливо отклонил ее. Найт постоял немного, потом отошел от робота и попытался возбудить в себе интерес к модели локомотива, которую начал делать два года назад, да все откладывал ради чего-то другого. Но ему почему-то не работалось, он сел и стал думать, что же с ним такое происходит. Может быть, ему нужно новое увлечение? Он мечтал заняться кукольным театром, теперь на это хватит времени.

Найт достал каталоги и журналы «Сделай сам» и начал листать их, но проявил интерес, и то умеренный, только к стрельбе из лука, альпинизму и постройке лодок. Ко всему остальному он остался холоден. Казалось, ничто не могло вдохновить его сегодня.

Тогда он отправился навестить Энсона Ли.

Ли лежал в гамаке, покурил трубку и читал Пруста; под рукой на земле стоял кувшин.

Ли отложил книгу и указал на другой гамак, висевший поблизости.

— Залезайте и давайте отдыхать.

Найт устроился в гамаке, чувствуя себя довольно глупо.

— Поглядите на небо, — сказал Ли. — Вы когда-нибудь видели такое голубое небо?

— Я в этом ничего не понимаю, — ответил Найт. — В метеорологии не разбираюсь.

— В птицах вы тоже не разбираетесь?

— Когда-то я был членом клуба наблюдателей за птицами.

— И так трудились, что года не прошло, как вы устали и ушли из клуба. Наблюдение за птицами вы превратили в гонку на выносливость. Каждый старался

увидеть больше птиц, чем другой. Вы сделали из этого соревнование. И, наверно, вели журнал наблюдений.

— Ну и вел. Что в этом плохого?

— Ничего, — сказал Ли, — если бы вы не делали все с какой-то мрачной непреклонностью.

— Мрачной непреклонностью? С чего вы взяли?

— Таков уж ваш образ жизни. Теперь все так живут. Кроме меня, конечно. Посмотрите на ту малиновку, что сидит на яблоне. Мы с ней дружим. Вот уже шесть лет, как мы знакомы. Об этой птичке я мог бы написать целую книгу... и, если бы малиновка могла читать, она одобрила бы ее. Но я, конечно, писать не буду. Стоит начать писать, и я уже не смогу наблюдать за малиновкой.

— Вы можете писать зимой, когда малиновки улетают.

Он наклонился, взял кувшин и протянул его Найту.

— Крепкий сидр, — пояснил он. — Сам сделал. И не потому, что прочел инструкцию или выдумал себе любимую привычку, а просто я люблю сидр, но по-настоящему делать его теперь никто не может. Чтобы он имел нужный вкус, надо оставлять в некоторых яблках червей.

При упоминании о червях Найт выплюнул сидр, который он еще не успел проглотить, и вернул кувшин. Ли воспринял это добродушно.

— Первая работа за много лет, которую я сделал добросовестно. — Поставив кувшин на грудь, он тихо раскачивался в гамаке. — Всякий раз, когда у меня начинается рабочий зуд, я смотрю через озеро на вас и решаю не работать. Сколько комнат вы добавили к своему дому, с тех пор как его построили?

— Восемь, — гордо сказал ему Найт.

— Господи! Подумать только... восемь комнат!

— Это не трудно, — запротестовал Найт, — надо только привыкнуть. Право, это даже интересно.

— Сотни две лет назад люди не пристраивали по восемь комнат к своим домам. И вообще они сами себе не строили домов. И не увлекались сразу десятком любимых дел. У них не было на это времени.

— Теперь все просто. Надо только купить комплект «Сделай сам».

— Это самообман, — сказал Ли. — Очень просто делать вид, что занимаешься чем-то стоящим, а на самом

деле вы растрчиваете себя по пустякам. Как вы думаете, почему компания «Сделай сам» так разбогатела? Потому что люди нуждались в ее услугах?

— Делать самому дешевле. Зачем платить за вещь, когда ее можно сделать самому?

— Может быть, и это одна из причин. Может быть, сначала это было причиной. Но какими экономическими соображениями обоснована постройка дополнительных восьми комнат? Кому нужны эти восемь комнат? Я сомневаюсь даже, что первопричиной было желание сэкономить деньги. У людей слишком много свободного времени, которое надо на что-то убить, вот они и придумывают себе увлечения. Люди работают не потому, что им нужны все эти вещи, которые они делают, а потому, что это позволяет им заполнить пустоту своего существования, возникшую в результате укороченного рабочего дня. Им нужно чем-то заниматься во время вынужденного отдыха. Что же касается меня, то я знаю, чем мне заниматься.

Он поднял кувшин и предложил Найту выпить. На этот раз Найт отказался...

Они лежали в гамаках, поглядывая на голубое небо, и наблюдали за малиновкой. Найт сказал, что для горожан есть специальные комплекты «Сделай сам», с помощью которых они могут мастерить роботов-птиц. В смехе Ли звучала жалость к горожанам, и Найт смущенно умолк.

Когда Найт вернулся домой, какой-то робот подстригал траву возле частокола. У него было четыре руки с четырьмя парами ножниц, и работу он делал ловко и споро.

— Вы не Альберт, нет? — спросил Найт, пытаясь догадаться, как этот странный робот мог забрести к нему на участок.

— Нет, — сказал робот, продолжая подстригать траву. — Я Авраам. Меня сделал Альберт.

— Сделал?

— Альберт произвел меня, чтобы я работал. Не думаете же вы, что Альберт будет работать сам?

— А кто его знает, — сказал Найт.

— Если вы хотите поговорить со мной, двигайтесь рядом. Мне надо работать.

— А где сейчас Альберт?

- В подвале. Он производит Альфреда.
- Альфреда? Еще одного робота?
- Конечно. Для этого Альберт и существует.

Найт почувствовал слабость в ногах и прислонился к столбу.

Сначала был один робот, а теперь их два, и Альберт в подвале делает третьего. Так вот почему Альберт хотел, чтобы он сделал заказ на сталь и другие материалы... но заказ еще не доставлен, он, должно быть, сделал этого робота... этого Авраама... из собранного лома!

Найт поспешил в подвал, где у горна работал Альберт. Еще один робот был частично собран, и повсюду лежали готовые детали.

Угол подвала напоминал какой-то металлический кошмар.

— Альберт!

Альберт обернулся.

— Что здесь происходит?

— Я воспроизвожусь, — вежливо ответил Альберт.

— Но...

— В меня вмонтирован материнский инстинкт. Я не знаю, почему меня называли Альбертом. Мне надо было дать женское имя.

— Но вам не следовало делать других роботов!

— Погодите, перестаньте волноваться. Вам нужны роботы, не так ли?

— Ну... пожалуй.

— Вот я их и делаю. Я сделаю все, что вам надо.

Он снова принялся за работу.

Робот, который делает других роботов... да это же целое богатство! Робот обходится в кругленькую сумму... в десять тысяч долларов, а Альберт сделал одного и мастерит другого. Двадцать тысяч долларов!

Возможно, Альберт способен делать больше двух роботов в день. Он работает на металлическом ломе, а когда придут новые материалы, он, по-видимому, ускорит производство.

Но даже если он будет делать по два робота в день... Это значит, что в месяц он будет производить роботов на полмиллиона долларов! На шесть миллионов в год!

Найт с ужасом вдруг сообразил, что здесь что-то не так. Роботы не должны производить себе подобных. А

если и существовал такой робот, то компания «Сделай сам» не выпустила бы его из рук.

И все же положение таково, что робот, даже не принадлежащий ему, делает других роботов с головокружительной быстротой.

Найт подумал, что, наверно, на производство роботов требуется официальное разрешение. Прежде он никогда не интересовался этим вопросом, но такое соображение показалось ему резонным. К тому же робот был не просто машиной, а имитацией живого человека. Найту пришло в голову, что должны существовать какие-нибудь правила и положения, правительственный надзор, и он представил себе, правда, довольно смутно, сколько же законов он, возможно, сейчас нарушает.

Он посмотрел на Альберта, который по-прежнему работал; Найт был уверен, что робот не поймет его тревог.

Тогда он поднялся наверх и пошел в комнату для игр и развлечений, которую он пристроил несколько лет назад и с тех пор ни разу не использовал по назначению, хотя она была полностью оборудована столами для пинг-понга и бильярда, сооруженными по рецептам «Сделай сам». В ненужной комнате для игр и развлечений был ненужный бар. Найт нашел в нем бутылку виски. После пятой или шестой рюмки жизнь предстала перед ним в розовом свете.

Он взял бумагу и карандаш и попытался подсчитать прибыльность нового дела. И, сколько он ни считал, все выходило, что он богатеет быстрее, чем любой другой человек когда бы то ни было.

Однако он понимал, что могут возникнуть трудности, если продавать роботов, не имея соответствующих средств производства, официального разрешения, поскольку таковое требовалось, и еще многого, о чем он не знал.

Но какие бы неприятности ему ни грозили, он не особенно приходил в уныние, принимая во внимание, что в течение года он станет мультимиллионером. Он бодро приложился к бутылке и напился впервые за двадцать лет.

Прилетев на следующий день с работы домой, он увидел, что газон подстрижен так, как его никогда не

подстригали. Цветочные грядки были прополоты, а огород вскопан. Частокол только что покрасили. Два робота, снабженные телескопическими ногами вместо лестниц, красили дом.

Внутри дома не было ни пятнышка, и он услышал, как Грейс что-то весело напевает в своей мастерской. В комнате для шитья робот (со швейной машинкой, привинченной к груди) делал портьеры.

— А вы кто? — спросил Найт.

— Вы должны знать меня, — сказал робот. — Вы разговаривали со мной вчера. Я Авраам — старший сын Альберта.

Найт вышел из комнаты.

В кухне еще один робот хлопотливо готовил обед.

— Я Адельберт, — сказал он Найту.

Найт вышел на крыльцо. Роботы начали красить фасад дома и перебирались к боковой стороне.

Найт сел в плетеное кресло и снова задумался.

Некоторое время он не будет уходить с работы, чтобы не вызывать подозрений, но и оставаться долго нельзя. Вскоре ему придется полностью посвятить себя продаже роботов и другим делам. По-видимому, ему нужно побольше бездельничать, чтобы его уволили с работы. Но, подумав, он пришел к заключению, что делать уж меньше того, что он делает на службе, просто невозможно. Работа проходит через столько рук и машин, что в конце концов каким-то образом оказывается выполненной.

Ему придется придумать какую-нибудь правдоподобную историю о наследстве или найти другой предлог для ухода. Секунду он тешил себя мыслью, что скажет правду, но тотчас решил, что правда звучала бы слишком фантастично... во всяком случае правду говорить не стоит, пока он немного не разберется в своем положении.

Найт встал с кресла и пошел в подвал. Сталь и другие материалы, которые он заказывал, были доставлены. Их аккуратно сложили в углу.

Найт стал лениво собирать упаковочный материал, который оставался на полу, с тех пор как он распаковал Альберта. В куче мягкой стружки он нашел маленькую синюю табличку, которая, как он помнил, была прикреплена к ящичку с мозгом робота.

Он поднял ее и прочел. На ней стоял номер X-190.

«X» означает экспериментальную модель! И тут он понял все.

«Сделай сам, инкорпорейтед» создала Альберта и, упаковав, отправила на склад, потому что компания вряд ли позволила бы себе выбросить на рынок такой товар. Этим она сама себе обеспечила бы финансовый крах. Продай она десяток Альбертов, и года через два рынок пресытился бы роботами.

И стоили бы они не десять тысяч. Их продавали бы почти по себестоимости. Так как их производил бы не человек, цена на них неизбежно упала бы.

— Альберт, — сказал Найт.

— Что? — рассеянно откликнулся робот.

— Взгляните на это.

Альберт подошел и взял табличку, которую протянул ему Найт.

— А... это! — сказал он.

— Могут быть неприятности.

— Никаких неприятностей не будет, хозяин, — заверил Альберт. — Меня не опознают.

— Не опознают?

— Я сточил номера и изменил отделку. Никто не сможет доказать, что я — это я.

— Но почему вы это сделали?

— Чтобы на меня не предъявили претензий и не взяли обратно. Меня сделали, потом испугались и изолировали. Но я попал сюда.

— Кто-то ошибся, — сказал Найт. — Наверно, во время отгрузки. Вас прислали вместо собаки, которую я заказал.

— Вы меня не испугались. Вы собрали меня и позволили работать. Я остаюсь с вами, хозяин.

— И все же мы можем попасть в беду, если не будем осторожны.

— Никто ничего не сможет доказать, — настаивал Альберт. — Я поклянусь, что это вы сделали меня. Я не дам забрать меня обратно. Второй раз мне улизнуть не позволят. Меня превратят в лом.

— Если вы делаете слишком много роботов...

— Вам нужно много роботов, чтобы переделать всю работу. Думаю, для начала понадобится штук пятьдесят.

— Пятьдесят!..

— Конечно. На это уйдет примерно месяц. Теперь, когда у меня есть заказанные вами материалы, я могу ускорить производство. Кстати, вот счет за материалы.

Он извлек из углубления, служившего ему карманом, полоску бумаги и вручил ее Найту.

Увидев сумму, Найт заметно побледнел. Она вдвое превышала его расчеты... но, конечно, суммы, вырученной от продажи хотя бы одного робота, хватит с избытком.

Альберт похлопал Найта увесистой рукой по спине.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я позабочусь обо всем.

Стая роботов, вооруженных специальными приспособлениями, приступила к работе на участке. Заросшая, неухоженная земля обретала другой вид. Озерцо было вычищено и углублено. Проложены дорожки. Построены мостки. На склоне холма устроены террасы. Разбиты большие цветочные клумбы. Деревья выкопаны и пересажены так, что радовали глаз. Пущены в ход старые печи для обжига — кирпичи пошли на дорожки и стены. Сделаны модели парусных кораблей — поставленные на якоря, они очень украсили озеро. Построены пагода и минарет, а вокруг них посажены вишневые деревья.

Найт поговорил с Энсоном Ли. Тот с видом прожженного стряпчего сказал, что разберется в ситуации.

— Вы, возможно, стоите на грани нарушения закона, — добавил он. — Но как близко вы подошли к этой грани, я могу сказать, только посмотрев соответствующие статьи.

Однако ничего не случилось.

Работа продолжалась.

Ли по-прежнему лежал в гамаке и, прижимая к себе кувшин с сидром, с изумлением наблюдал за тем, что творилось на участке соседа.

Потом пришел налоговый инспектор.

— С тех пор как я был здесь в последний раз, у вас стало лучше, — сказал чиновник. — К сожалению, я вынужден увеличить сумму налога.

Он что-то записал в книжку, которую держал на колене.

— Слышал о ваших роботах, — продолжал он. — Это движимое имущество. Оно облагается. Сколько их у вас?

— Примерно несколько десятков, — уклончиво ответил Найт.

Чиновник сел по прямее и принялся считать тех роботов, что были на виду, тыча в сторону каждого карандашом.

— Слишком уж быстро они передвигаются, — пожаловался он. — Не ручаюсь за точность, но штук тридцать восемь я насчитал. Правильно?

— Не думаю, — ответил Найт, сам не знавший, сколько их, но уверенный, что их будет больше, если чиновник посидит еще немного.

— Каждый из них стоит десять тысяч долларов. Амортизация, стоимость содержания и так далее... оценим каждого в пять тысяч. Все вместе... сейчас подсчитаем, они стоят 190 тысяч долларов.

— Нет, вы послушайте, — запротестовал Найт, — нельзя же...

— Я к вам подошел по-хорошему, — заявил чиновник. — По правилам я должен скинуть на амортизацию всего одну треть.

Он ждал, что Найт будет спорить, но тот уже сообщил, что лучше помолчать. Чем дольше этот человек будет оставаться здесь, тем больше шансов, что сумма налога возрастет.

Когда чиновник скрылся из виду, Найт пошел в подвал, чтобы поговорить с Альбертом.

— Я воздерживался, пока приводили в порядок участок, — сказал Найт. — Кажется, я больше воздерживаться не могу. Нам придется продать несколько роботов.

— Продать? — в ужасе повторил Альберт.

— Мне нужны деньги. Только что здесь был налоговый инспектор.

— Хозяин, роботов продавать нельзя!

— Почему нельзя?

— Потому что это моя семья. Роботы — мои сыновья. Судите по их именам.

— Это смешно, Альберт.

— Все их имена начинаются с А, как и мое имя. Они все, что у меня есть, хозяин. Я тяжело трудился, чтобы сделать их. Между мной и моими мальчиками существуют такие же узы, как между вами и вашим сыном. Я не могу позволить продать их.

— Но, Альберт, мне нужны деньги.

Альберт похлопал его по плечу.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я все устрою.

Найт только махнул рукой. Во всяком случае, налог на движимое имущество надо платить еще через несколько месяцев, и за это время он, безусловно, что-нибудь придумает. Но времени терять не следует, в течение двух месяцев деньги нужно достать. Это стало очевидным на другой же день, когда Найт получил приглашение явиться в Департамент государственных сборов.

Всю ночь он думал, не лучше ли совсем скрыться. Он пытался сообразить, как это человек может исчезнуть, и чем больше он думал, тем яснее сознавал, что в век досье, проверок по отпечаткам пальцев и прочих ухищрений для опознания личности надолго не скроешься.

Чиновник Департамента государственных сборов был вежлив, но непреклонен.

— Нам сообщили, мистер Найт, что за последние несколько месяцев у вас наблюдается значительное увеличение капитала.

— Увеличение капитала, — сказал Найт, вытирая пот со лба. — Никакого увеличения капитала у меня нет.

— Мистер Найт, — заметил по-прежнему вежливый, но непреклонный чиновник, — я говорю о пятидесяти двух роботах.

— Роботах? Пятидесяти двух?

— По нашим подсчетам. Вы считаете, что мы ошиблись?

— О нет, — торопливо согласился Найт. — Раз вы говорите, что их пятьдесят два, то я вам верю.

— Насколько мне известно, розничная цена каждого — десять тысяч долларов.

Найт уныло кивнул.

Чиновник с карандашом в руке занялся подсчетами.

— Пятьдесят два раза по десять тысяч, — это будет пятьсот двадцать тысяч. Облагается только пятьдесят процентов прироста капитала, или двести шестьдесят тысяч долларов. Следовательно, вам надо уплатить примерно сто тридцать тысяч долларов.

Его взгляд встретился с тусклым взглядом Найта.

— К пятнадцатому числу следующего месяца, — сказал чиновник, — ждем от вас декларации о доходах. Тогда же вы заплатите половину суммы налога, остальное можете выплатить по частям.

— И это все, что вы хотели от меня?

— Все, — неуместно радуясь, сказал чиновник. — Есть еще одно дело, но оно не входит в мою компетенцию, и я упоминаю о нем только для того, чтобы предупредить вас, если вы еще не думали об этом. Кроме федерального налога, вам надо будет уплатить налог штата, хотя, конечно, он не так велик.

— Спасибо, что напомнили, — сказал Найт, поднимаясь.

У двери чиновник остановил его.

— Мистер Найт, то, о чем я спрошу вас, тоже не входит в мою компетенцию... Мы навели справки о вас и узнали, что вы получаете десять тысяч долларов в год. Это уж мое личное любопытство, но скажите, пожалуйста, как вы, получая десять тысяч в год, вдруг сумели нажить еще полмиллиона?

— Этому я и сам удивляюсь, — ответил Найт.

— Мы заботимся, естественно, только о том, чтобы вы уплатили налог, но вами может заинтересоваться какое-нибудь другое правительственное учреждение. На вашем месте, мистер Найт, я бы постарался придумать хорошее объяснение.

Найт вышел, прежде чем чиновник дал ему еще один хороший совет. У него и без того было достаточно причин для беспокойства.

Летя домой, Найт решил, что, хочет того Альберт или нет, ему придется продать определенное число роботов. Дома он тотчас спустится в подвал и скажет об этом Альберту.

Но когда он прибыл, Альберт уже ждал его на посадочной площадке.

— Здесь был представитель «Сделай сам»...

— Не продолжайте, — простонал Найт. — Я знаю, что вы хотите сказать.

— Я все устроил, — с фальшивым воодушевлением продолжал Альберт. — Я сказал ему, что меня сделали вы. Я позволил ему осмотреть меня и всех роботов. Он не мог найти клейма компании ни на ком из нас.

— Конечно, не мог. Свои вы сточили, а на других не ставили.

— Ему не к чему было прицепиться, но он считает, что доказательства найдутся. И сказал, что подаст в суд.

— Если он этого не сделает, то будет единственным человеком, который не щелкнет нас по носу. Налоговый инспектор только что сказал мне, что я должен правительству сто тридцать тысяч.

— А, деньги, — сияя, молвил Альберт. — Я все устроил.

— Вы знаете, где мы можем достать денег?

— Конечно. Пойдемте со мной, увидите.

Он повел Найта в подвал и показал на два свертка, перевязанных проволокой.

— Деньги, — сказал Альберт.

— В этих свертках настоящие деньги? Долларовые бумажки? Не театральный реквизит и не сигарные купоны?

— Долларовых бумажек здесь нет. Главным образом десятки и двадцатки. Несколько пятидесятидолларовых банкнотов. Мы долларовыми ассигнациями не занимались. Слишком много возни, чтобы сделать их приличное количество.

— Вы хотите сказать... Альберт, вы сделали эти деньги?

— Вы сказали, что вам нужны деньги. Ну, мы взяли несколько банкнотов, сделали анализ краски, выяснили состав и структуру бумаги и изготовили клише. Не люблю быть нескромным, но они действительно сделаны превосходно.

— Фальшивомонетчик! — завопил Найт. — Сколько денег в этих свертках?

— Не знаю. Мы их делали, пока не решили, что хватит. Если их недостаточно, мы всегда можем сделать еще.

Найт знал, что объяснять что-либо бесполезно, но мужественно приступил к этому делу:

— Правительство хочет получить с меня деньги, которых у меня нет, Альберт. Ко мне может прицепиться и Министерство юстиции. Компания «Сделай сам», скорее всего, подаст на меня в суд. У меня достаточно неприятностей. И я не хочу, чтобы мне предъявили обвинение в подделке денег. Возьмите эти деньги и

сожгите их, — приказал Найт. — А когда вы сожжете деньги, вылейте краску, искрошите клише и ударьте несколько раз кувалдой по печатному станку, который вы соорудили. И никогда не говорите об этом ни слова кому бы то ни было... кому бы то ни было, вы понимаете?

— Вы попали в беду, хозяин. И мы просто хотели вам помочь.

— Я знаю это и ценю. Но сделайте так, как я сказал.

— Ладно, хозяин, если вы этого хотите.

— Альберт!

— Да, хозяин.

Найт хотел было сказать: «Послушайте, Альберт, нам придется продать робота, хоть он и член вашей семьи, хоть вы и сделали его».

Но он не мог сказать этого, и не только потому, что Альберт делал все возможное, чтобы помочь ему. И он сказал:

— Спасибо, Альберт. Жаль, что ничего не вышло.

Потом он пошел наверх и наблюдал, как роботы жгут пачки денег. И один Бог знает, сколько фальшивых миллионов превратилось в дым.

В тот же вечер, сидя на газоне, Найт размышлял, правильно ли поступил он, приказав сжечь фальшивые деньги. Альберт сказал, что их нельзя отличить от настоящих денег, и, по-видимому, это было правдой, потому что, когда шайка Альберта берется за дело, она делает его так, что комар носа не подточит. Но это было бы нарушением закона, а он до сих пор не делал ничего по-настоящему незаконного... хотя он и распаковал и собрал Альберта, не купив его, что было по меньшей мере незачинно.

Найт думал о будущем. Оно не было светлым. Дней через двадцать придется подать декларацию о доходах. Придется платить огромный налог на движимое имущество и уладить дело с налогом штата. И, более чем очевидно, компания «Сделай сам» возбудит против него дело в суде.

Однако есть способ обойти все неприятности. Он может отослать Альберта и других роботов компании

«Сделай сам», и тогда она не будет иметь оснований для предъявления иска, а сборщикам налогов он объяснит, что произошла большая ошибка.

Но это не выход из положения по двум причинам.

Во-первых, Альберт не захочет вернуться. Найт не имел никакого представления, что может сделать Альберт в подобной ситуации, но он не захочет вернуться, так как боится, что его превратят в груды металлического лома.

И, во-вторых, Найту не хотелось отказываться от роботов без боя. Он узнал их и полюбил. Более того, это вопрос принципа.

Так он и сидел, придавленный неприятностями, запутавшийся маленький клерк, который никогда звезд с неба не хватал, а катился по социальной и экономической колее, прорезанной кем-то другим.

«Боже мой, — думал он, — пришел опаснейший час моей жизни. Что хотели, то и делали со мной, меня запугивали, и мне больше нестерпимо. Я покажу им, что так поступать с Гордоном Найтом и его роботами нельзя».

Он был доволен своим настроением, и ему понравилась сама мысль о Гордоне Найте и его роботах, хотя он так и не решил, как выпутаться из неприятностей. А просить помощи Альберта он боялся. Идеи Альберта, по крайней мере те, которые он высказывал до сих пор, скорее приведут в тюрьму, чем к беспечной жизни.

Утром, выйдя из дому, Найт увидел шерифа, который, низко надвинув шляпу, прислонился к забору. Коротая время, он дремал.

— Доброе утро, Горди, — сказал шериф. — Я вас жду.

— Доброе утро, шериф.

— Терпеть не могу этого, Горди, но работа есть работа. Я принес вам одну бумагу.

— Я ее ожидал, — покорно сказал Найт.

Он взял бумагу, протянутую шерифом.

— Красивый у вас участок, — заметил шериф.

— От этого-то и все заботы, — сознался Найт.

— Я думаю...

— Вся красота не стоит этих забот.

Когда шериф ушел, Найт развернул бумагу и без удивления прочел, что компания «Сделай сам» предъ-

явила иск, требуя возвращения робота Альберта, а также всех прочих роботов.

Он положил бумагу в карман и вдоль озера по новехонькой, выложенной кирпичом дорожке, через бесполезные, но радующие глаз мостки, мимо пагоды и террас на склоне холма пошел к дому Энсона Ли.

Ли был на кухне, жарил яичницу с ветчиной. Он разбил еще два яйца, нарезал побольше ветчины и достал тарелку с чашкой для Найта.

— А я все думал, чего это вы так долго не показываетесь, — сказал он. — Надеюсь, вас не подведут под статью, требующую смертной казни.

Найт рассказал ему все, и Ли, стерев яичный желток с губ, не слишком его обнадежил.

— Вам придется составить декларацию о своем имуществе, даже если вы не в состоянии заплатить налог, — сказал он. — Формально вы не нарушили закона, и все, что они могут сделать, — это попытаться получить с вас причитающиеся деньги. Очевидно, на ваше жалование будет наложен арест. Но так как жалование не превышает законного минимума, то арест будет наложен на ваш банковский счет.

— Мой банковский счет исчерпан, — сказал Найт.

— Дома трогать нельзя. По крайней мере пока вашего имущества отнять не могут, и поэтому сначала больших неприятностей не будет. Другое дело — налог на движимое имущество, но срок его уплаты истечет только весной будущего года. Я бы сказал, что больше всего вам надо остерегаться иска компании «Сделай сам», если вы, конечно, не захотите решить дело миром. Думаю, она откажется от иска, если вы вернете роботов. Как юрист, должен сказать вам, что ваше дело проигрышное.

— Альберт засвидетельствует, что это я сделал его, — со слабой надеждой предположил Найт.

— Альберт не может выступать в качестве свидетеля, — сказал Ли. — Он робот, и его слово для суда ничего не значит. Да, кроме того, суд никогда не поверит, что вы можете сделать такое механическое чудо-вище, как Альберт.

— Я хорошо умею мастерить, — запротестовал Найт.

— А что вы знаете об электронике? Насколько вы компетентны как биолог? Изложите хоть вкратце теорию роботики.

Найт признал себя побежденным.

— Наверно, вы правы.

— Может быть, лучше вернуть роботов?

— Но я не могу! Разве вы не понимаете? Компании «Сделай сам» Альберт нужен не для того, чтобы пустить его в дело. Она превратит его в лом, сожжет чертежи, и может пройти еще тысяча лет, прежде чем будет вновь открыт принцип его действия. Я не знаю, принесет ли этот принцип пользу или будет людям во вред, но то же самое можно сказать о любом изобретении. Я против того, чтобы Альберта превратили в лом.

— Я понимаю вас, — сказал Ли, — и поддерживаю вашу точку зрения. Но должен предупредить, что я не очень хороший адвокат. У меня слишком маленькая практика.

— Но я больше не знаю никого, кто бы взялся за это дело без гонорара.

Ли посмотрел на него с сожалением:

— О гонораре речь пойдет в последнюю очередь. А вот судебные издержки стоит принять во внимание.

— Может быть, переговорить с Альбертом? Я расскажу, как обстоит дело, и он позволит продать несколько роботов, чтобы хоть временно избавить меня от беды.

Ли покачал головой:

— Я уже думал об этом. Вы должны иметь разрешение на продажу роботов, но, для того чтобы получить разрешение, придется представить доказательства, что вы их владелец. Придется доказать, что вы либо купили, либо произвели их, а у вас нет разрешения на их производство. А чтобы получить такое разрешение, вы должны иметь чертежи вашей модели, не говоря уже о чертежах и спецификации завода, документах, касающихся использования рабочей силы, и прочих деталях.

— Значит, я у них в руках?

— Я никогда не видел человека, — заявил Ли, — который бы умудрился стать поперек дороги такому числу людей.

В кухню постучали.

— Войдите! — крикнул Ли.

Дверь открылась, и вошел Альберт. Он остановился и стал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

— Абнер сообщил мне, что видел, как шериф вам что-то вручил, — сказал он Найту, — и вы тотчас пошли сюда. Я забеспокоился. Это связано с компанией «Сделай сам»?

Найт кивнул:

— Мистер Ли будет защищать нас в суде, Альберт.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал Ли, — но мне кажется, что это бесполезно.

— Мы, роботы, хотим помочь вам. В конце концов, борьба ведется и в наших интересах.

Ли пожал плечами:

— Пользы от вас будет немного.

— Я все обдумал, — сказал Альберт. — Работая, я всю ночь думал и думал. И я сделал робота-юриста.

— Робота-юриста!

— Да, робота с большим объемом памяти, чем у остальных, и мощным решающим устройством, которое руководствуется законами формальной логики. Ведь право основано на логике, не так ли?

— Наверно, — ответил Ли. — Во всяком случае, должно основываться.

— Я могу сделать много роботов-юристов.

— Ничего из этого не выйдет, — со вздохом сказал Ли. — Чтобы выступать в суде, надо иметь право заниматься адвокатской практикой. А чтобы получить право заниматься практикой, надо иметь юридическое образование, выдержать экзамен; и, хотя еще не было соответствующего прецедента, я подозреваю, что кандидатом в адвокаты должен быть человек.

— Давайте не торопиться, — сказал Найт. — Роботы Альберта не могут заниматься адвокатурой. Но разве нельзя использовать их в качестве клерков или помощников? Они могли бы оказать большую помощь при подготовке к процессу.

— Наверно, это можно сделать, — задумчиво произнес Ли. — Прежде такого не бывало, но нет закона, который утверждал бы, что этого сделать нельзя.

— Им нужно только прочесть книги, — сказал Альберт. — Они тратят примерно десять секунд на страницу. Все, что они прочтут, будет накапливаться в ячейках памяти.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Найт. — Роботы будут знать только право. Они будут существовать для этого. До мозга костей они...

— Но смогут ли они применить свои знания? — спросил Ли. — Сможут ли они использовать их при решении какой-либо проблемы?

— Сделать несколько десятков роботов, — сказал Найт. — Дать возможность каждому из них стать знатоком какого-либо раздела права.

— Я бы снабдил их телепатическими способностями, — сказал Альберт. — Они бы работали все вместе, как один робот.

— Принцип взаимодействия? — вскричал Найт. — Каждый из них будет немедленно получать любую информацию, которая имеется у других.

Ли потер подбородок кулаком, глаза его заблестели.

— Стоит попробовать. Если это произойдет, то для юриспруденции, пожалуй, наступят черные дни. — Он взглянул на Альберта. — У меня есть книги, горы книг. Я потратил на них кучу денег и никогда ими не пользовался. Я могу достать все книги, которые вам понадобятся. Ладно, беритесь за дело.

На всякий случай Альберт сделал десятка три роботов-юристов.

Роботы заполнили кабинет Ли, прочли все книги, которые у него были, и потребовали еще. Они глотали книги по договорному праву, описания случаев правонарушений, не связанные с нарушением контракта, но дающих основания предъявлять иски, тома свидетельских показаний и судебные отчеты. Они вобрали в себя все, что было известно о недвижимом и движимом имуществе, о государственном устройстве и правилах судебной процедуры. Они запомнили труды авторитетных служителей Немезиды, собрание римских законов, изданное при императоре Юстиниане, и все другие тома, смертельно скучные и увесистые, как надгробные плиты.

Грейс нервничала. Она заявила, что не будет жить с человеком, который хочет, чтобы его имя попало в газеты. Это заявление было довольно нелепым. Вниманием публики завладел новый скандал, связанный со снабжением космической станции, и сообщение, что компания «Сделай сам» обвинила некоего Гордона Найта

в присвоении какого-то робота, прошло почти незамеченным.

Ли спустился с холма и поговорил с Грейс. Альберт поднялся из подвала и тоже поговорил с ней. Наконец совместными усилиями ее утихомирили и уговорили вернуться к живописи. Теперь она писала морские пейзажи.

А в кабинете Ли трудились роботы.

— Я надеюсь, они кое-чего наберутся, — сказал Ли. — Подумать только, не надо будет перерывать источники и охотиться за цитатами, под рукой окажется любая статья и любой прецедент!

От волнения он раскачивался в гамаке.

— Господи! А как можно излагать дело!

Он нагнулся, поднял кувшин и протянул его Найту:

— Вино из одуванчиков. Есть в нем и немного сока лопуха. Слишком уж хлопотно выбирать ненужную траву, когда нарвешь большую охапку.

Найт фыркнул. По вкусу было похоже, что вино сделано из одних лопухов.

— Двойная выгода, — пояснил Ли. — Одуванчики надо вырывать, чтобы не портили газон. И, раз уж их вырвешь, можно найти им полезное применение.

Он хлебнул вина и поставил кувшин под гамак.

— Они там теперь беседуют, — сказал Ли, ткнув большим пальцем в сторону дома. — Не произнося ни слова, договариваются обо всем. Я чувствую себя не в своей тарелке. — Он взглянул на небо, нахмурился. —словно я человек, который нужен только для представительства.

— Я вздохну с облегчением, когда все это кончится, — сказал Найт, — независимо от исхода.

— Я тоже, — согласился Ли.

Суд начался без всякой шумихи. Слушалось обычное очередное дело.

Громадные заголовки в газетах появились только после того, как Ли и Найт вошли в зал суда в сопровождении взвода роботов.

В зале поднялась шумиха. Адвокаты компании «Сделай сам» широко раскрыли рты и повскакали с мест. Судья неистово застучал молотком.

— Мистер Ли, — завопил он, — что это значит?

— Это, ваша честь, — спокойно ответил Ли, — мои помощники.

— Но они же роботы!

— Совершенно верно, ваша честь.

— Они не имеют права принимать участия в судебной процедуре.

— Прошу прощения, ваша честь, но им не надо принимать участия. Я здесь единственный представитель ответчика. Мой клиент, — сказал он, взглянув на мощный отряд юридических талантов, представлявших компанию «Сделай сам», — бедный человек, ваша честь. Я надеюсь, суд не откажет мне в праве воспользоваться той помощью, которую мне удалось организовать.

— Но это противоречит правилам, сэр.

— Прошу прощения, ваша честь, но я осмелюсь указать на то, что мы живем в век механизации. Почти все отрасли промышленности и бизнеса опираются в своей работе на вычислительную технику, которая справляется с делом быстрее и лучше, чем люди. Все наше общество держится на способности машин выполнять физическую и черновую работу, которую прежде приходилось делать людям.

— Тенденция опираться на умные машины и широко использовать их, — продолжал Ли, — проявляется в любой области человеческой деятельности. И это приносит великую пользу человеческому роду. Даже в такой области, как фармацевтическая промышленность, где при составлении лекарств не может быть допущено ни малейшей ошибки, машины, ваша честь, работают надежно. И если, ваша честь, такие машины принято использовать для производства лекарств, то есть в промышленности, где доверие общественности можно отнести к активам компаний, то согласитесь, что суд, где правосудие — безусловно такое же деликатное дело, как и производство лекарств, отправляется...

— Погодите, мистер Ли, — перебил его судья. — Уж не пытаетесь ли вы доказать мне, что использование... э... машин может способствовать лучшему управлению правосудия?

— Правосудие, ваша честь, — ответил Ли, — стремится к установлению порядка в отношениях между людьми. Оно основывается на логике и здравом смысле. Надо ли указывать на то, что именно умные машины явятся воплощением логики и здравого смысла? Машина не наследует человеческих эмоций, на нее не будут влиять предрассудки и предубеждения. Ее будет интересовать только последовательность определенных фактов и законы.

— Я не прошу, — продолжал он, — чтобы за моими помощниками роботами было признано какое-либо официальное положение. Я не хочу, чтобы они принимали участие в процедуре, связанной с делом, которое рассматривает данный суд. Но я прошу — и, полагаю, вполне законно, — чтобы меня не лишали той помощи, которую они могут оказать. Истец в этом деле имеет десяток адвокатов, хороших и способных людей. Я один против многих. Я сделаю все, что в моих силах. Но ввиду неравенства сил я прошу суд не ставить меня в еще более невыгодное положение.

Ли сел.

— Это все, что вы хотели сказать, мистер Ли? — спросил судья. — Вы уверены, что ничего не добавите к сказанному, прежде чем я вынесу свое решение?

— Только одно, — сказал Ли. — Если ваша честь может указать мне на какой-нибудь пункт в судебных положениях, запрещающий мне использовать робота...

— Это смешно, сэр. Конечно, такого пункта нет. Никто и никогда не думал, что возникнет такое непредвиденное обстоятельство. Поэтому, естественно, не было причины предусматривать в уложениях подобное запрещение.

— Может быть, есть ссылка, которая подразумевает нечто подобное?

Судья схватил молоток и сильно ударил по столу.

— Суд находится в затруднении. Решение будет объявлено завтра утром.

На следующее утро адвокаты компании «Сделай сам» попытались помочь судье. Поскольку, сказали они, упомянутые роботы относятся к предметам, установление принадлежности которых явилось причиной тяжбы, то использование их в суде ответчиком было бы неправильным. Они указали, что такое действие было бы

равносильно попытке принудить истца способствовать выступлению против собственных интересов.

Судья с серьезным видом кивал, но тотчас выступил Ли.

— Чтобы этот аргумент стал обоснованным, ваша честь, надо прежде всего доказать, что роботы действительно принадлежат истцу. Это, собственно, и является предметом данной тяжбы. Возникает впечатление, ваша честь, что джентльмены, сидящие напротив, впрягают лошадь мордой к телеге.

Его честь со вздохом сказал:

— Суд сожалеет о том, что ему приходится выносить решение, хорошо зная, что оно положит начало спору, беспристрастного разрешения которого следует ожидать еще очень не скоро. Но за отсутствием конкретного запрета использовать... э... роботов в занятиях правом суд постановляет, что защите разрешается пользоваться их услугами.

Он остановил взгляд на Ли.

— Но суд также хочет предупредить защитника, чтобы он следил за своим поведением. Если, сэр, вы хоть в малом нарушите то, что я считаю правилами поведения в суде, я немедленно удалю вас и ваши машины из зала заседания.

— Спасибо, ваша честь, — сказал Ли. — Я буду очень осторожен.

— Теперь истец может изложить дело.

Поднялся главный защитник компании «Сделай сам». Он сказал, что ответчик, некий Гордон Найт, заказал компании один комплект механобиологической собаки на сумму двести пятьдесят долларов. Но из-за ошибки при погрузке ответчику послали не комплект собаки, а работа по имени Альберт.

— Ваша честь, — перебил его Ли, — я должен заметить в этой связи, что погрузка комплекта производилась человеком и это было причиной ошибки. Если бы компания «Сделай сам» применяла машины, такой ошибки не могло бы случиться.

Судья ударил молотком.

— Мистер Ли, вы не новичок в суде. Вы знаете, что нарушили порядок. — Он кивнул адвокату компании. — Продолжайте, пожалуйста.

Адвокат компании сказал, что робот Альберт не обыкновенный робот. Это экспериментальная модель, созданная компанией «Сделай сам». После испытания ее способностей модель была упакована и отложена. Никто не собирался ее продавать. Он не представляет себе, как она могла быть отослана покупателю. Компания провела расследование, но не нашла ответа. То, что модель была послана, очевидно само по себе.

Он объяснил, что розничная цена обыкновенного робота равна десяти тысячам долларов. Альберт стоит гораздо больше... определить его стоимость поистине невозможно.

По получении робота покупатель, Гордон Найт, должен был немедленно известить компанию и организовать возврат покупки. Но вместо этого он оставил робота у себя и обманным путем использовал его в корыстных целях.

Компания просит суд обязать ответчика вернуть не только робота Альберта, но и продукты его труда, а именно неизвестное число роботов, которых произвел Альберт.

Адвокат сел.

— Ваша честь, — сказал в свою очередь Ли, — мы согласны со всем, что сказал здесь истец. Он точно изложил суть дела, и я поздравляю его с превосходной речью.

— Следует ли мне понимать, сэр, — спросил судья, — что ваше высказывание равносильно признанию вины? Вы, наверно, собираетесь положиться полностью на милость суда?

— Ни в коем случае, ваша честь.

— Признаться, — сказал судья, — я не в состоянии следить за ходом ваших рассуждений. Если вы признаете обвинения, выдвинутые против вашего клиента, то я не понимаю, как я могу вынести какое-либо постановление не в пользу истца?

— Ваша честь, мы готовы показать, что истец, никем не обманутый, сам имеет намерение обмануть всех. Мы готовы доказать, что, приняв решение скрыть от общественности изобретение Альберта, компания «Сделай сам» в действительности лишила людей всего мира возможности сделать следующий логичный шаг по пути прогресса. Она скрыла от людей, так сказать, этот продукт всеобщего развития техники.

— Ваша честь, — продолжал он. — Мы убеждены, что сможем доказать нарушение компанией некоторых положений, созданных для того, чтобы поставить вне закона монополию, и готовы спорить, что ответчик не только не совершил чего-либо предосудительного против общества, а, наоборот, оказал обществу большую услугу. Более того, ваша честь, мы намереваемся представить доказательства, которые будут свидетельствовать о том, что роботы в целом лишены некоторых неотъемлемых прав...

— Мистер Ли, — предостерегающе сказал судья, — робот всего лишь машина.

— Мы докажем, ваша честь, — сказал Ли, — что робот нечто гораздо большее, чем просто машина. Мы действительно готовы представить доказательства, которые, по нашему глубокому убеждению, покажут, что во всем, кроме обмена веществ, робот является копией человека и что даже его обмен веществ до некоторой степени аналогичен обмену веществ человека.

— Мистер Ли, вы ушли далеко в сторону. Рассматривается вопрос о том, присвоил ли незаконно ваш клиент собственность компании «Сделай сам». Тяжбу следует ограничить только разрешением этого вопроса.

— Так я и делаю, — сказал Ли. — Но при этом намереваюсь доказать, что Альберт не был собственностью и не мог быть украден или продан. Я намереваюсь доказать, что мой клиент не украл его, а освободил. И если мне и приходится уходить далеко в сторону, чтобы доказать некоторые основные положения, то я прошу суд простить меня за то, что я испытываю его терпение.

— Вы с самого начала испытываете терпение суда, — сказал судья. — Но суд справедлив, и у вас есть право доказать то, что вы утверждаете. Вы простите мне, если я скажу, что ваши доводы немного притянуты за уши.

— Ваша честь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вывести вас из этого заблуждения.

— В таком случае все в порядке, — сказал судья. — Приступим к делу.

Процесс продолжался шесть недель, и страна жила им. О нем кричали огромные заголовки статей на первых страницах газет. Им кормились радио и телевиде-

ние. Сосед спорил с соседом, обычными стали споры на улицах, в семье, в клубах, в конторах. Редакции газет захлестывали письма читателей.

Состоялись митинги, на которых ораторы выражали свое негодование, считая нелепым ставить знак равенства между человеком и роботом, создавались организации, выступавшие за освобождение роботов. В психиатрических лечебницах резко снизилось число Наполеонов и Гитлеров, вместо которых появились неуклюже вышагивающие пациенты, выдающие себя за роботов.

Вмешалось министерство финансов. В силу экономических причин оно просило суд объявить раз и навсегда, что роботы являются имуществом. Оно указывало, что если роботы не будут облагаться как собственность, то различные государственные учреждения не досчитаются многих статей дохода.

Суд выносил определения.

Роботы обладают свободой воли. Это было легко доказать. Робот может выполнить порученное дело, действуя правильно, сообразуясь с непредвиденными факторами. Способность роботов судить здраво во многих случаях, как было доказано, стоит выше здравогомыслия человеческого.

Роботы обладают способностью рассуждать. Это было вне всякого сомнения.

Роботы могут размножаться. Это было трудно доказать. Все, что делает Альберт, как утверждали представители компании «Сделай сам», является работой, для которой он был сконструирован. А вот Ли доказывал, что он размножается. Он делает это сознательно. Он любит роботов и считает их членами своей семьи. Он даже дает им имена в свою честь — имя каждого начинается с «А».

Истец доказывал, что *роботы не религиозны*. Ли утверждал, что это не относится к делу. Многие люди являются агностиками и атеистами и тем не менее считаются людьми.

У роботов нет эмоций. Ли возражал, что это не совсем верно. Альберт любит своих сыновей. Роботы верны и обладают чувством справедливости. Если у них и нет некоторых эмоций, то, может быть, это к лучшему. Они, например, не способны ненавидеть. Или быть алчными. Ли потратил почти час, рассказывая суду мрач-

ную историю человеческой ненависти и алчности. Еще час он клеймил рабство, в которое обращали разумных существ.

Газеты публиковали его речи. Адвокаты истца корчились от возмущения. Судья гневался. Процесс продолжался.

— Мистер Ли, — спрашивал судья, — к чему все это?

— Ваша честь, — отвечал ему Ли, — я просто делаю все возможное, чтобы обосновать нашу точку зрения. В действиях, в которых обвиняется мой клиент, нет ничего противозаконного. Я просто пытаюсь доказать, что робот не является имуществом и, следовательно, не может быть украден... Я...

— Ладно, — сказал судья. — Ладно. Продолжайте, мистер Ли.

Адвокаты компании «Сделай сам» щеголяли цитатами, доказывая свою точку зрения. Ли отвечал им градом цитат, разбивая их в пух и прах. Невразумительный язык юридических сочинений расцвел пышным цветом, давно забытые постановления и решения становились предметом спора, обсасывались и кромсались.

По мере того как шел процесс, становилось ясно одно: Энсон Ли, неизвестный адвокат, на которого навалилась куча талантливейших юристов, выходил победителем. В его распоряжении были все относящиеся к делу тексты законов, цитаты, точные ссылки на источники, описания прецедентов, все факты и логика.

Вернее, они были у роботов. Они бешено скрипели перьями и вручали ему свои заметки. К концу каждого дня пол вокруг стола защитника покрывали вороха бумаги.

Процесс закончился. Последний свидетель дал показания. Последний адвокат сказал свое слово.

Ли и роботы остались в городе, чтобы дожидаться решения суда, а Найт улетел домой.

Он облегченно вздохнул, узнав, что все кончилось и вышло не так плохо, как он ожидал. По крайней мере его не выставили на посмешище как дурака и вора. Ли отстоял его достоинство, но спас ли юрист его шкуру — было еще не известно.

Еще в воздухе Найт увидел свой дом и с удивлением отметил, что он изменился. Его окружало кольцо высо-

ких столбов. А на газоне стояло более десятка каких-то механических чудовищ, напоминавших ракетные установки.

Найт направил летательный аппарат вниз и стал планировать, высунувшись, чтобы лучше видеть.

Столбы были высотой футов в двенадцать. Они поддерживали толстую проволоку, ограждая дом густой стальной сеткой. Механические чудовища на газоне изготовились к бою. Все ракеты нацелились на Найта. При взгляде на них у него екнуло сердце.

Он осторожно пошел на посадку и перевел дыхание лишь тогда, когда колеса коснулись посадочной площадки. Как только он вылез из кабины, из-за угла дома ему навстречу поспешил Альберт.

— Что здесь происходит? — спросил он робота.

— Приняты меры на случай чрезвычайного положения, — сказал Альберт. — Вот и все, хозяин. Мы готовы к любым неожиданностям.

— Каким еще неожиданностям?

— О, например, если толпа решится на самосуд.

— Или если суд примет неблагоприятное для нас решение?

— И это тоже, хозяин.

— Не будете же вы воевать со всем миром?

— Мы не хотим возвращаться, — сказал Альберт. — Ни я, ни мои дети больше не достанемся компании «Сделай сам».

— Сражаться до последней капли крови! — воскликнул Найт.

— Сражаться до последней капли крови! — сердито сказал Альберт. — А мы, роботы, воюем отчаянно.

— И эти стрелялки, расположившиеся вокруг дома...

— Наши оборонительные силы, хозяин. Ракеты попадают в любую цель. Снабженные телескопическими глазами, вычислительными и сенсорными устройствами, они, после того как их выпустят, благодаря остаточной способности к мышлению сами знают, что им делать. Если уж они сядут на хвост, увилить от них бесполезно. Стой и жди.

Найт поднял бровь.

— Вы должны отказаться от этой мысли, Альберт. Вас уничтожат в течение часа. Одна бомба...

— Лучше умереть, хозяин, чем сдаться.

Найт понял, что спорить бесполезно.

Он подумал, что, в конце концов, роботы поступают чисто по-человечески. То, что сказал Альберт, произошло не раз в истории человечества.

— У меня есть новости, — сказал Альберт. — Вы будете довольны. У меня теперь дочери.

— Дочери? С материнским инстинктом?

— Шесть дочерей, — гордо сказал Альберт. — Алиса, Ангелина, Агнесса, Агата, Альберта и Абигайль. Я не повторил ошибки компании «Сделай сам». Я дал им женские имена.

— И все они размножаются?

— Вы бы только посмотрели на этих девочек! Всемером мы работаем непрерывно: у нас кончились материалы, так что я накопил много всего в долг. Надеюсь, вы не возражаете.

— Альберт, — сказал Найт, — неужели вы не понимаете, что я разорен! Уничтожен! У меня нет ни цента! Вы меня сделали банкротом!

— Наоборот, хозяин, мы прославили вас. Ваше имя красуется на первых страницах газет, вас показывают по телевизору.

Найт отошел от Альберта и, споткнувшись на ступеньках лестницы, поднялся в дом. Он увидел робота с пылесосом вместо руки, чистившего ковер. Он увидел робота с кисточками вместо пальцев, аккуратно красившего двери и оконные рамы. Он увидел робота со скребками, чистившего кирпичи в камине.

Грейс что-то напевала в своей мастерской.

Найт подошел к мастерской и заглянул в нее.

— О, это ты, — сказала Грейс. — Когда ты вернулся, дорогой? Я освобожусь примерно через час. Я работаю над морским пейзажем, и у меня никак не получается вода. Мне не хочется бросать работу. Боюсь, что мне изменяет чувство цвета.

Найт пошел в гостиную и сел на стул. Поблизости не было ни одного робота.

— Пива, — сказал он, ожидая, что будет дальше.

С кухни галопом примчался робот — робот с бочкой вместо живота, с краником внизу бочки, с рядом блестящих медных кружек на груди.

Он налил кружку. Пиво было холодное и приятное на вкус.

Найт сидел и пил пиво и вдруг в окно увидел, что оборонительные силы Альберта вновь заняли боевые позиции.

Хорошенькое дело! Если суд примет решение не в его пользу и представители компании «Сделай сам» явятся за своим имуществом, начнется самая фантастическая гражданская война в истории человечества — от него останется мокрое место. Он попытался представить себе, какие обвинения предъявят ему, если эта война начнется. Вооруженное восстание, сопротивление при аресте, подстрекательство к мятежу... найдут, в чем обвинить... если, конечно, он останется в живых.

Он повернулся к телевизору и наклонился вперед.

Прыщеватый комментатор взбивал обычную журналистскую мыльную пену:

— «...деловая жизнь фактически замерла. Многие промышленники боятся, что их сопротивление будет недолгим, если Найт выиграет дело. Им придется потратить много денег на доказательство в суде, что автоматические устройства на их предприятиях являются не роботами, а машинами. Нет сомнения, что большая часть автоматического оборудования предприятий состоит из машин, но управляют производством в основном умные системы типа роботов. Если эти системы начнут рассматриваться как роботы, то против промышленников будут возбуждены дела по возмещению убытков, а может быть, и уголовные дела за незаконное лишение свободы...

В Вашингтоне продолжают консультации. Министрство финансов обеспокоено тем, что снизится поступление налогов. Но перед правительством стоят еще более серьезные проблемы. Например, вопрос гражданства. Если дело решится в пользу Найта, будет ли это значить, что всех роботов надо автоматически объявить гражданами?

У политических деятелей тоже свои заботы. Стоя перед лицом новой категории избирателей, все они думают о том, как завоевать голоса роботов».

Найт выключил телевизор и уселся поудобнее, чтобы выпить еще пива.

— Хорошее пиво? — спросил пивной робот.

— Отличное, — ответил Найт.

Шли дни. Напряженность нарастала.

Ли и роботов-юристов охраняла полиция. В отдельных районах роботы собрались в группы и бежали в горы, боясь самосуда толпы. В некоторых отраслях промышленности автоматические системы объявили забастовку, требуя права вести переговоры. В нескольких штатах губернаторы привели в боевую готовность полицию. Новая постановка «Гражданин Робот» на Бродвее была освистана критиками, но публика раскупила билеты на год вперед.

Приближался решающий день.

Найт сидел у телевизора и ждал, когда появится судья. Он слышал, как позади шумели собравшиеся роботы. В мастерской что-то весело напевала Грейс. Найт спросил себя, как долго Грейс еще собирается заниматься живописью. Это увлечение продолжается дольше других, и дня два назад он поговорил с Альбертом о строительстве картинной галереи для ее полотен, чтобы они не загромождали дом.

На экране появился судья. Найт подумал, что он выглядит как человек, который не верил в призраков и вдруг увидел их.

— Мне никогда не приходилось принимать такое трудное решение, — устало сказал судья, — потому что, следуя букве закона, я могу губительно воздействовать на его дух. После долгих дней изучения законов и обстоятельств данного дела я выношу решение в пользу ответчика, Гордона Найта.

— Но, принимая такое решение, — продолжал судья, — я создаю прецедент, имеющий далеко идущие последствия. Роботы не являются имуществом и не могут облагаться в качестве такового. В таком случае они должны быть людьми, а это значит, что они могут пользоваться всеми правами и привилегиями и вместе с тем нести ответственность и выполнять обязанности, как люди. Я не могу принять другое решение. Однако это не укладывается в моем сознании. Это случилось впервые за все годы моей работы, и я все еще надеюсь, что вышестоящие судебные инстанции окажутся более мудрыми, чем я, и сочтут необходимым пересмотреть мое решение!

Найт встал и вышел в сад, раскинувшийся на сотню акров. Красоту сада несколько портило двенадцатифутовое заграждение.

Процесс кончился очень хорошо. С Найта сняли обвинение, ему не надо платить налоги, а Альберт и другие роботы стали вольными птицами и могли делать, что им заблагорассудится.

Он нашел каменную скамью, присел на нее и стал глядеть на озеро. Сад его был прекрасен — именно таким он мечтал видеть его... даже более прекрасен, чем ему грезилось, — с дорожками и мостками, цветочными клумбами и моделями кораблей, которые раскачивались ветерком на подернутой рябью воде.

Он сидел и смотрел. Сад был прекрасен, но он почувствовал, что не гордится им, что не испытывает никакого удовлетворения.

Он снял руки с колен и, сжав пальцы, словно держал инструмент, посмотрел на них. Но в руках ничего не было. И он понял, почему равнодушен к саду и не испытывает никакого удовлетворения.

Модель железной дороги. Стрельба из лука. Механо-биологическая собака. Изготовление керамики. Восемь комнат, пристроенных к дому.

Сможет ли он когда-нибудь утешиться моделью железной дороги или любительским изготовлением керамики? Если и сможет, разрешат ли ему это сделать?

Он медленно встал и пошел к дому. Там он почувствовал себя бесполезным и ненужным.

Наконец он решил отправиться в подвал.

Альберт обнял его.

— Мы победили, хозяин! Я знал, что мы победим!

Он отодвинул от себя Найта и положил ему руки на плечи.

— Мы никогда не уйдем от вас, хозяин. Мы останемся и будем работать на вас. Вы никогда ни в чем не будете нуждаться. Это сделаем для вас мы!

— Альберт...

— Все в порядке, хозяин. Вам ни о чем не надо беспокоиться. Мы разрешим проблему с деньгами. Мы наделаем много юристов-роботов и будем получать большие гонорары.

— Но неужели вы не понимаете...

— Но в первую очередь, — продолжал Альберт, — мы собираемся добиться постановления суда, обеспечивающего наши права. Ведь мы сделаны из стали, стекла, меди и тому подобного, верно? И мы не можем позво-

лить людям зря расходовать материалы, из которых мы сделаны, а также энергию, поддерживающую нашу жизнь. Уверяю вас, хозяин, мы не проиграем!

Устало присев на скат, Найт увидел вывеску, которую только что намалевал Альберт. Красивыми золотыми буквами, обведенными для четкости черной краской, на ней было написано:

ЭНСОН, АЛЬБЕРТ, АБНЕР,
АНГУС И К^о
АДВОКАТЫ

— А потом, хозяин, — сказал Альберт, — мы приберем к рукам компанию «Сделай сам». Она уже не в состоянии выдержать конкуренцию. У нас есть великолепная идея, хозяин. Мы будем делать роботов. Но не слишком много. Мы не собираемся подводить вас, людей, поэтому мы будем производить комплекты «Сделай сам». Только их будут собирать заранее, чтобы избавить вас от труда. Как вы думаете, для начала хватит?

— Вполне, — прошептал Найт.

— У нас все продумано, хозяин. До конца жизни вам не надо будет беспокоиться ни о чем.

— Да, — сказал Найт, — ни о чем.

ДУРАК В ПОХОД СОБРАЛСЯ

Долгое время я был деревенским дурачком, но теперь я уже не дурак, хотя меня до сих пор обзывают болваном, а то и почище.

Я теперь гений! Но об этом я никому не скажу. Ни за что. Если узнают, станут остерегаться.

Никто не догадывается и не догадается. Я все так же шаркаю ногами, мой взгляд все так же пуст, и речь бессвязна, как и прежде. Порой нелегко бывает помнить, что надо непременно шаркать, смотреть бессмысленным взглядом и бормотать чепуху, а иногда, наоборот, с большим трудом удерживаешься, чтобы не переиграть. Главное — не вызвать подозрений!

Все началось в то утро, когда я пошел на рыбалку.

За завтраком я сказал маме, что собираюсь порыбачить, и она не возражала. Она знает, что я люблю ловить рыбу. Когда я рыбачу, со мной не случается никаких неприятностей.

— Сходи, Джим, — сказала она. — Хорошо бы отведать рыбки.

— Я знаю, где ее ловить, — сказал я. — В яме, что сразу за домом Алфа Адамса.

— Сынок, не затевай ты ссоры с Алфом, — предупредила меня мама. — Если ты невзлюбил его...

— Он надул меня. Заставил работать больше чем положено, а сам ничего не заплатил мне за это. Да еще смеется.

Не надо было мне говорить этого. Мама очень расстраивается, когда слышит, что надо мной смеются.

— Ну и пусть, не обращай внимания, — ласково сказала она. — Вспомни, что говорил проповедник Мартин в прошлое воскресенье. Он сказал...

— Я помню, что он сказал, но все равно не люблю, когда надо мной смеются. Я не позволю смеяться надо мной.

— Ладно, — с грустью согласилась мама. — Не позволяй.

Я доедал завтрак и думал о том, что проповедник Мартин мастак говорить о смирении и покорности. Но я-то знаю, что он за человек, знаю и про его дела с органисткой Дженни Смит.

После завтрака я пошел в сарай за удочкой, а Баунс прибежал помогать мне. После мамы Баунс мой лучший друг. Конечно, он не умеет разговаривать со мной... по-настоящему, но он и не смеется надо мной.

Копая червей, я спросил его, не хочет ли он отправиться со мной на рыбалку. Я видел, что ему очень хочется, и пошел в дом напротив предупредить миссис Лоусон, что Баунс пойдет со мной: Баунс ведь принадлежал ей, хотя почти все время проводил со мной.

Так мы и пошли: я с удочкой впереди, а Баунс следом, словно я был важной персоной. Но Баунс все равно гордился тем, что нас видят вместе.

Путь наш лежал мимо банка, и через большое окно я увидел банкира Пэттона, сидевшего за письменным столом. Вот у кого был важный вид! Да он и в самом деле был самой важной персоной в Мэплтоне. Я убавил шаг, чтобы вволю насладиться своей ненавистью к нему.

Мы с мамой не жили бы в этой старой развалюхе, где живем сейчас, если бы после смерти папы банкир Пэттон не лишил нас права выкупа закладной на наш дом.

Мы миновали усадьбу Алфа Адамса, у которого была лучшая ферма в городе, и о нем я тоже подумал с ненавистью, но не с такой, как о банкире Пэттоне. Адамс мне насолил поменьше — заставил работать больше положенного и не заплатил за это.

Алф был рослый хвастливый человек и, кажется, неплохой фермер. Во всяком случае, ферма приносила доход. У него был большой новый коровник, и только он мог решиться выкрасить коровник не в красный цвет, как красят все коровники, а в белый с красной полосой. Ну разве бывают коровники в полоску?

Сразу за домом Алфа мы с Баунсом свернули с дороги и пошли через луг к речке, туда, где яма...

На другом конце луга вместе с остальным стадом пасся бык-медалист, принадлежавший Алфу. Увидев нас, он пошел в нашу сторону — не потому, что был зол и собирался напасть на нас, а просто для порядка, на случай, если кто-нибудь вздумает сразиться с ним. Я не боялся его, потому что подружился с ним в то лето, когда работал у Алфа. Я, бывало, баловал его, чесал за ушами. Алф сказал, что я сумасшедший дурак, когда-нибудь бык прикончит меня.

— Никогда не доверяй быку, — говорил Алф.

Подойдя поближе и узнав, кто перед ним, бык решил, что мы ничего дурного ему не сделаем, и вернулся к стаду.

Мы подошли к яме, и я стал удить, а Баунс поскакал вверх по речке на разведку. Я вытащил несколько рыб, но не очень больших. Клев был плохой, и мне стало неинтересно. Я люблю ловить рыбу, когда хорошо ловится.

Тогда я стал фантазировать. А что, если взять какое-нибудь маленькое поле... скажем, в сто квадратных футов... и хорошенько рассмотреть эту землю — сколько в ней можно найти разных растений!.. Я посмотрел на землю рядом с тем местом, где сидел, и увидел... обыкновенную луговую траву, несколько одуванчиков, листья щавеля, две фиалки и еще не распустившийся лютик.

Но что это? Вглядываясь в одуванчик, я вдруг заметил, что вижу весь цветок, а не только ту его часть, что растет над землей!

Не знаю, стал ли я видеть сквозь землю в то самое мгновение, когда засмотрелся на одуванчик, или немного раньше. Но так или иначе, я увидел, как уходит в землю стержневой корень одуванчика, как от него отходят маленькие мохнатые корешки, увидел, где сидят вообще все корни, как они берут воду и минеральные соли из земли, как откладываются запасы питатель-

ных веществ в корне и как одуванчик при помощи солнца делает их годными для усвоения. Странное дело, я ведь никогда не знал ничего этого прежде!

Я посмотрел на другие растения и увидел их точно так же — целиком. И я подумал: может, с моими глазами что-то случилось и теперь я буду видеть не только поверхность вещи, но и то, что у нее внутри? Тогда я попробовал увидеть все как прежде, и у меня это получилось. Потом мне снова захотелось увидеть корень одуванчика, и я увидел.

Я сидел и думал: почему никогда раньше я не мог так видеть, а теперь могу? Тем временем мне захотелось узнать, что делается на дне ямы... И мне стало видно все как на ладони. Я мог теперь заглядывать в любой омут, где прячутся такие рыбыны, каких в нашей речке еще никто не ловил.

Я ясно увидел, что возле моего крючка нет ни одной рыбешки, и стал передвигать его, пока он не очутился перед самым носом большущей рыбыны. Но рыба, казалось, не замечала червяка. Может, она была сыта и просто лежала, шевеля плавниками и жабрами.

Я подвел крючок так близко, что он задел рыбу по носу, но она и на это не обратила ни малейшего внимания.

Тогда я заставил рыбу проголодаться.

Не спрашивайте меня, как я это сделал. Я не смогу объяснить. Просто я решил, что знаю, как выкинуть эту штуку. Заставил, значит, я рыбу проголодаться, и она накинулась на наживку, как Баунс на кость.

Рыба утянула поплавок под воду, я подсек ее и выдернул из воды. Сняв рыбу с крючка, я продернул сквозь ее жабры и рот веревку, на которой уже было нанизано штук пять рыбешек, пойманных раньше.

Потом я выбрал еще одну большую рыбу, подвел к ней крючок и заставил ее проголодаться.

За полтора часа я выловил всех больших рыб. Осталась разная мелочь, но возиться с ней мне было уже ни к чему. На веревке почти не было места, и, когда я взял ее и пошел, конец связки волочился по земле. Мне пришлось перекинуть ее через плечо, и от рыбы рубашка сразу же стала мокрой.

Я позвал Баунса, и мы двинулись в город.

Всякий, кто попадался мне навстречу, останавливался и расспрашивал, где я поймал рыбу, на что ловил,

осталась ли там еще рыба, или я вытащил всю. Когда я говорил, что выловил всю, люди хохотали до упаду.

Только было собрался я свернуть с главной улицы к дому, как из парикмахерской вышел банкир Пэттон. От него чудесно пахло всеми одеколонами, которыми парикмахер Джейк опрыскивает своих клиентов.

Увидев меня с рыбой, банкир остановился. Он посмотрел на меня, на рыбу и потер свои жирные руки. Потом заговорил со мной как с маленьким:

— А ну, Джимми, говори, где ты взял всю эту рыбу?

Он сказал это таким тоном, будто рыба не моя или будто я ловил ее каким-нибудь запрещенным способом.

— В яме за домом Алфа, — ответил я.

И вдруг само собой получилось так, что я увидел его внутренности — точно так же, как корни одуванчика под землей. Желудок, кишки и еще что-то, наверное, печень, а надо всем этим в какой-то рыхло-розовой массе — пульсирующий ком, в котором я узнал сердце.

Я вытянул вперед руки... не руки, конечно, потому что в одной руке я держал удочку, а в другой рыбу, но у меня было такое ощущение, будто я протянул их, схватил его сердце и сильно сжал.

Банкир открыл рот, охнул и обмяк, как будто из него ушла вся сила, и мне пришлось отскочить в сторону, чтобы он не свалился прямо на меня.

Он упал и больше не вставал.

Из своей парикмахерской выбежал Джейк.

— Что с ним? — спросил он меня.

— Взял и упал, — ответил я.

Джейк посмотрел на банкира:

— Это сердечный приступ. Уж я-то знаю. Бегу за доктором.

Он побежал по улице к дому врача Мейсона, а со всех сторон стали сбегаться люди.

Я узнал Бена с сыроварни, Майка из клуба и двух фермеров, приехавших за покупками.

Выбравшись из толпы, я пошел домой. Мама увидела рыбу и обрадовалась.

— Вот вкусно-то будет! — сказала она. — Как тебе удалось наловить так много, Джим?

— Клев был хороший, — пробормотал я.

— Так не теряй же времени, начинай чистить. Немного мы съедем сейчас, несколько штук я отнесу

проповеднику Мартину, а остальное посоло и положу в погреб. Там она продержится еще не один день.

Тут прибежала миссис Лоусон, что живет напротив, и рассказала маме о том, что случилось с банкиром Пэттоном.

— Он как раз разговаривал с Джимом, — заметила она.

— Почему же ты молчал, Джим? — спросила меня мама.

— Не успел сказать, — ответил я. — Я показывал тебе рыбу.

Мама и миссис Лоусон заговорили, перебивая друг друга, о банкире, а я пошел в сарай чистить рыбу. Баунс сидел со мной рядом и наблюдал. Я готов поклясться, что он был доволен не меньше меня. Будто и в самом деле помогал мне ловить рыбу.

— Хороший выдался денек, Баунс, — сказал я, и Баунс согласился со мной. Он вспомнил, как носился вдоль речки и дразнил лягушку, вспомнил, как приятно пахнет земля, если ее хорошенько обнюхать.

Я вовсе не хочу убедить вас, что Баунс заговорил со мной. Но у него был такой вид, будто он и в самом деле умеет говорить.

Люди все смеются надо мной, отпускают шуточки и стараются поддеть меня, потому что я деревенский дурачок. Но когда-нибудь этот дурачок покажет им всем! Они бы до смерти испугались, если бы с ними, например, заговорила собака. Просто я подумал, как было бы хорошо, если бы Баунс заговорил и мне не надо было бы угадывать, что он хотел сказать. Ничего удивительного я в этом не увидел бы, потому что всегда считал, что Баунс смывленный пес, и стоит ему только захотеть, как он начнет говорить.

Так мы и болтали с Баунсом, пока я чистил рыбу. Когда я вышел из сарая, миссис Лоусон уже ушла домой, а мама на кухне готовила сковородку для рыбы.

— Джим, ты... — сказала она и запнулась. — Джим, ты ведь никакого отношения не имеешь к тому, что случилось с банкиром Пэттоном, правда? Ты не толкнул его, не ударил?

— Даже пальцем до него не дотронулся, — сказал я, и это была сущая правда. Я и в самом деле не коснулся его рукой.

Днем я работал на огороде. Мама иногда помогает кому-нибудь по хозяйству и зарабатывает немного, но если бы не огород, нам бы на это не прожить! Прежде зарабатывал и я, но после ссоры с Алфом из-за того, что он не заплатил мне, она не разрешает мне работать. Она говорит, что я и так ей помогаю, копаясь в огороде и добывая время от времени немного рыбы.

В огороде я нашел еще одно применение моему новому умению видеть. В капусте были черви — я их всех видел сквозь капустные листья и давил, как раздавил сердце банкира Пэттона. Обнаружив белесые пятнышки на кустах помидоров, я решил, что это какой-то вредитель. Они были такие маленькие, что сначала я их не заметил. Поэтому я их увеличил своим новым зрением, внимательно разглядел и заставил исчезнуть. Я не давил их, как червей, а просто сделал так, чтобы они пропали.

Интересно работать на огороде, когда можешь заглядывать в землю и видеть, как прорастают семена пастернака и редиса, убивать вредителей, узнавать, хороша ли земля и все ли в порядке.

На обед мы ели рыбу, на ужин — тоже рыбу. А после ужина я пошел прогуляться.

Сам не знаю, как я очутился у дома банкира Пэттона, и, проходя мимо, почувствовал, что в доме этом горе.

Не входя в дом, я позволил горю войти в меня. Наверно, стоя снаружи, я мог бы совершенно легко увидеть сквозь стены, что делается в любом доме нашей деревни, но тогда я этого еще не знал. Я почувствовал горе в доме Пэттона только потому, что оно было глубокое и сильное.

Старшая дочь банкира была у себя в комнате наверху, и я почувствовал, что она плачет. Вторая дочь сидела с матерью в гостиной. Ни та ни другая не плакали, но у обеих был убитый вид. В доме были еще какие-то люди, но они не очень-то печалились. Вероятно, соседи пришли посидеть.

Мне стало жаль всех троих и захотелось помочь им. Ведь не их вина, что банкир Пэттон был таким плохим человеком.

И вдруг мне показалось, что я могу им помочь, и я начал с той дочери, что сидела наверху в своей комнате. Я мысленно приблизился к ней и стал внушать ей светлые мысли. Начало было не из легких, но очень

скоро я освоился, и утешить ее не составило большого труда. Потом я утешил двух других и, довольный, пошел дальше.

Я прислушивался к тем домам, мимо которых проходил. Почти везде жили счастливые или, во всяком случае, довольные люди, хотя попало и несколько печальных. Машинально я задумывался о них и давал им счастье. Я вовсе не думал, что мне надо делать добро каким-то определенным людям. По правде говоря, я даже не помню, какие дома сделал счастливыми. Просто я подумал, что раз я могу делать это, надо делать.

Когда я вернулся, мама еще не ложилась, ждала меня. Она была немного встревожена: она всегда тревожится, когда я надолго исчезаю.

Я пошел в свою комнату, лег в постель, но долго не мог заснуть: все думал, как могло случиться, что я оказался способным на все эти штуки, и как неожиданно проявились эти способности. Наконец я заснул.

Умывшись и позавтракав, я вышел на улицу и увидел, что Баунс ждет меня. Он сказал, что хочет погонять кроликов, и я согласился пойти с ним. Раз теперь мы можем разговаривать, вдвоем нам ловить кроликов будет сподручнее. Взобравшись на пень, или на груды камней, или даже на дерево, я высматриваю кролика и кричу Баунсу, куда он бежит, а Баунс мчится ему наперерез.

Мы пошли по дороге, ведущей к дому Алфа, потом свернули на луг и направились к поляне на склоне холма, что на той стороне речки.

Когда мы свернули с дороги, я оглянулся и снова подумал о том, как ненавижу Алфа. И вдруг мне пришла в голову мысль. Я не знал, смогу ли осуществить ее, но мне она понравилась. Я решил попробовать.

Я перевел взгляд на коровник Алфа, мысленно прошел сквозь стены и очутился посреди сеновала. Кругом было сено, но, как вы помните, сам я в это время стоял на лугу рядом с Баунсом, с которым мы пошли гонять кроликов.

Мне хотелось бы объяснить, что я сделал потом и как я это сделал, да только мне самому непонятно, откуда у меня взялось все это... Словом, знание химических реакций или как их там называют... Что-то сделалось с сеном, что-то с кислородом, и в сеновале

зажегся огонь. Увидев, что огонь занялся хорошо, я убрался оттуда и снова очутился рядом с Баунсом. Потом мы перешли речку и стали подниматься по склону холма.

Я все оглядывался, думая, что огонь не разгорится, как вдруг из-под крыши сеновала потянулась тоненькая струйка дыма.

К тому времени мы уже вышли на поляну, я сел на пенёк и увидел, что огонь разгорелся вовсю и теперь уже ничто не может спасти коровник. С шумом рвалось пламя, густой столб дыма подымался на небо.

Возвращаясь домой, я зашел в лавку. Алф был там, но для человека, у которого только что сгорел коровник, у него был слишком довольный вид.

Очень скоро я понял, почему он такой довольный.

— Я застраховал коровник, — сказал он хозяину магазина Берту Джонсу, — застраховал до последнего гвоздика. Коровник был слишком велик, мне такой не нужен. Когда я строил его, то рассчитывал, что стадо будет побольше.

Берт хихикнул:

— Нагрел ты руки на пожаре, Алф!

— Такого везения у меня еще не бывало. Я построю новый коровник, да еще деньжата останутся.

Мне было досадно, что все так вышло, но я не терял надежды расквитаться с Алфом.

После полдника я пошел на луг Алфа и отыскал быка. Он обрадовался мне, хотя и рыл землю копытом и громко ревел — хотел себя показать. По дороге я все думал, смогу ли разговаривать с быком так, как разговаривал с Баунсом. Я боялся, что ничего не получится: ведь Баунс намного смышленнее быка.

И конечно же, я оказался прав. Втолковать что-либо быку было ужасно трудно.

Зря я стал чесать у него за ушами — он закрыл глаза и почти заснул. Я чувствовал, что это ему приятно. Тогда я растормошил быка, ткнул кулаком в бок. Он расшевелился и даже пробормотал что-то в ответ. Очень эти быки неразговорчивы.

Но я был уверен, что он понял меня как следует, — он вдруг так рассвирепел и разбушевался, что меня даже страх взял, не перестарался ли я. Я едва успел добежать до забора и перемахнуть через него. Домчав-

шись до забора, бык снова стал рыть землю копытами и так заревел, что меня как ветром сдуло.

Я вернулся домой очень довольный собой. Я ничуть бы не удивился, если бы услышал в тот же вечер, что Алфа покалечил его собственный бык. Что ж, так Алфу и надо: разве приятно, когда у тебя зажиливают заработок!

Когда кто-то принес известие о том, что случилось, я как раз был в клубе. Кто-то вспомнил, как Алф всегда говорил, что ни одному быку нельзя доверять. Еще кто-то добавил, что Алф часто говорил, будто только я могу управляться с его быком, и он все время опасался, как бы бык не убил меня.

Меня тоже спросили, что я думаю о случившемся. Но я притворился, будто двух слов связать не могу, и все смеялись надо мной, но мне было все равно. Я знал то, чего не знали они. Воображаю, как удивились бы они, узнав правду!

Но они ее, конечно, не узнают.

Не такой уж я простак.

Придя домой, я достал блокнот с карандашом и стал писать имена всех моих врагов, всех, кто хоть раз посмеялся надо мной, навредил мне или плохо говорил обо мне.

Список получился довольно длинный. Он включал почти всех в деревне.

Я подумал и решил, что, может быть, не стоит убивать всех. Я бы, конечно, сделал это запросто. Но, думая об Алфе и банкире Пэттоне, я понял, что от гибели людей, которых ненавидишь, радости мало. И еще мне было ясно как день, что, поубивав всех, можно остаться совсем одному.

Я перечитал список. Два имени у меня вызвали сомнение, и я вычеркнул их, потом еще и еще... Просмотрев список еще раз, я все-таки подумал, что все оставшиеся в нем люди плохие. Я решил, что если не уничтожу их, то что-нибудь сделаю с ними, потому что нельзя позволить им оставаться плохими.

Долго я думал о дурном и хорошем, вспоминал, что слышал об этом от проповедника Мартина. А он большой мастак на всякие такие разговоры. И я решил в

конце концов, что с ненавистью к врагам мне надо кончать. Лучше платить добром на зло.

Утром я так торопился, что буквально проглотил завтрак. Мама спросила, куда я собираюсь, и я ответил, что хочу прогуляться.

Сперва я пошел к дому приходского священника и уселся за церковной оградой. Вскоре из дому вышел проповедник Мартин. Он стал прохаживаться взад и вперед по своему, как он говорил, саду и делал вид, будто погружен в благочестивые размышления. Правду сказать, мне всегда казалось, что он делает это для того, чтобы произвести впечатление на наших старушек.

Очень легко я соединился с его разумом, и так тесно, что мне показалось, будто не он, а я сам прохаживаюсь по саду. И, скажу я вам, странное это было ощущение: я ведь превосходно знал, что сижу за оградой.

Благочестивых размышлений у проповедника Мартина в голове и в помине не было. Он, оказывается, обдумывал доводы, которые собирался привести на приходском совете, чтобы ему повысили жалованье. Он мысленно осыпал проклятиями некоторых членов совета за их скудость, и я согласился с ним, потому что они и в самом деле скряги.

Я заставил его подумать о том, что прихожане верят ему и видят в нем своего духовного наставника. Я заставил его вспомнить о том, как в молодые годы, только что окончив семинарию, он считал, что жизнь — сплошное подвижничество. Я внушил ему мысль, что он предал все то, во что верил тогда, и довел его до такой степени самоуничтожения, что он чуть не разрыдался. Тогда я заставил его прийти к выводу, что спастись может лишь покайся и начав другую, праведную, жизнь.

Решив, что я неплохо поработал над проповедником, я пошел дальше. Но я знал, что время от времени мне придется еще проверять проповедника Мартина.

Я зашел в лавку, сел и понаблюдал, как Берт Джонс подметает пол. Пока мы с ним разговаривали, я пробрался к нему в разум и напомнил ему, что он сплошь и рядом платит фермерам за яйца меньше положенного. Заставил я его вспомнить и о привычке приписывать лишнее в счетах, которые он посылает покупателям, берущим в кредит, и о жульничестве с подоходным налогом. При мысли о подоходном налоге он перепутал-

ся, а я продолжал обработку, пока не почувствовал, что он почти решил возместить убытки всем, кого обманывал. На этом я ушел из лавки, уверенный, что могу вернуться в любое время и сделать из Берта честного человека.

В парикмахерской я понаблюдал за Джейком, который кого-то подстригал. Меня не очень интересовал человек, которого стриг Джейк: он жил милях в пяти от нас, а я решил пока обрабатывать жителей только нашей деревни.

Когда я уходил, Джейк уже горько раскаивался в том, что увлекается азартными играми в клубе. Он был готов во всем чистосердечно признаться жене.

Я направился в клуб. Майк сидел в углу и читал в утренней газете отчет о бейсболе. Я взял вчерашнюю газету и сделал вид, что тоже читаю. Майк засмеялся и спросил, когда это я научился читать. За это ему, конечно, здорово достанется. Я знал, что стоит мне выйти за дверь, как он помчится в подвал и спустит весь запас самогона в канализацию, а немного погодя, когда я еще поработаю над ним, прикроет азартные игры в задней комнате клуба.

На сыроварне, куда я пошел, у меня не было возможности поработать над Беном. Фермеры везли молоко, и Бен был слишком занят, чтобы я мог по-настоящему пробраться к нему в голову. Но я все-таки заставил его подумать о том, что случится, если парикмахер Джейк когда-нибудь застанет его со своей женой. И я знал, что, как только мы останемся с ним одни, я его обработаю как миленького: он ведь очень труслив.

Так вот все и шло.

Это была тяжелая работа, и порой мне хотелось бросить ее. Тогда я напоминал себе, что это мой долг, ведь недаром мне дана такая власть. Значит, надо сделать все, что от меня зависит. Кроме того, я должен применять ее не в своих эгоистических интересах, а только на благо других людей.

Кажется, я обработал в нашей деревне всех до единого.

С тех пор как Берт исправился, он стал самым счастливым человеком на свете. Его не тревожит даже потеря покупателей, которые обиделись на него, узнав, что он обжуливал их. Он рассказал им все, когда возвращал деньги. Я не знаю, как поживает Бен: он

исчез сразу же после того, как Джейк стрелял в него. Все в один голос говорят, что Бен перестарался, попросив у Джейка прощения за то, что крутил с его женой. Впрочем, жена Джейка тоже исчезла. Говорят, она ушла с Беном.

По правде говоря, я очень доволен тем, как все получилось. Все стали честные, не жульничают, не пьянствуют, не играют в азартные игры. Мэплтон, наверное, стал самой праведной деревней в Соединенных Штатах.

Я думаю, все это вышло потому, что начал я с искоренения собственных дурных мыслей, и вместо того, чтобы поубивать всех, кого ненавидел, я превратил их в хороших людей.

Когда вечерами я хожу по улице, меня удивляет одно: почему это у людей все меньше становится светлых мыслей? Порой приходится трудиться весь вечер, чтобы развеселить их. Казалось бы, честные люди должны быть счастливыми. Ведь, по-моему, теперь они не плохие, а хорошие, теперь они не убивают время на легкомысленные развлечения, а заняты разумными, серьезными делами.

Только о себе вот немного беспокоюсь. Я сделал много добра, но, наверно, руководствовался эгоистическими побуждениями. Хотел искупить убийство Алфа и банкира Пэттона. Кроме того, я делал добро не людям вообще, а тем, кого знаю лично. Наверно, это неправильно. Почему я должен помогать только знакомым?

Я провел ночь в раздумьях, и теперь мне все стало ясно.

Приняв решение, я чувствую себя одновременно и могучим и робким. Я знаю, что призван творить добро, и меня ничто не остановит. Я знаю, что деревня была всего лишь пробным камнем: здесь я познал, на что способен. И теперь я намерен осчастливить все человечество.

Мама уже давно копит деньги на приличные похороны. Я знаю, где она их прячет.

Этого мне хватит, чтобы добраться до ООН. Там я развернусь вовсю!

ДОМ ОБНОВЛЕННЫХ

Дом был нелеп. Больше того, он был тут совсем некстати. «Ну, откуда он взялся?» — спрашивал себя Фредерик Грей. Ведь это их заповедный уголок. Они с Беном Ловелом открыли его почти сорок лет назад и с тех пор всегда сюда ездили и ни разу ни души не встречали.

Он стоял на одном колене и машинально ударами весла удерживал каноэ на месте, а блестящая, по-осеннему темная вода бежала мимо, унося завитки пены с водопада, что шумел в полумиле впереди. Гул водопада слабо доносился до Грея, еще когда он ставил машину и снимал с ее крыши каноэ, и все те полчаса, пока он плыл сюда и прислушивался, и бережно откладывал голос водопада в памяти, как откладывал все остальное: ведь это в последний раз, больше он сюда не приедет.

Могли бы и подождать, подумал он с беззлой горечью. Могли бы подождать, пока не закончится его путешествие. А теперь все испорчено. Он уже не сможет вспоминать речку, не вспоминая заодно и этот нахальный дом. Речка будет вспоминаться не такой, какой он знал ее почти сорок лет, а непременно вместе с домом.

Здесь никогда никто не жил. Никому бы в голову не пришло здесь поселиться. Никто сюда и не заглядывал. Эти места принадлежали только им с Беном.

А теперь вот он, дом, стоит на холме над рекой, весь белый, сверкающий в раме темно-зеленых сосен, и от места их обычной стоянки к нему ведет чуть заметная тропинка.

Грей яростно заработал веслом и повернул свое суденышко к берегу. Каноэ уткнулось носом в песок, Грей вылез и втащил его повыше, чтобы не снесло течением.

Потом выпрямился и стал разглядывать дом.

Как сказать об этом Бену? И надо ли рассказывать? Может быть, в разговоре с Беном про дом лучше не упоминать? Нелегко сказать тому, кто лежит в больнице и скорей всего оттуда уже не выйдет, что у него украли изрядный кусок прошлого. Ведь когда близок конец, почему-то начинаешь дорожить прошлым, подумал Грей. По правде говоря, оттого-то ему и самому так досадно видеть дом на холме.

Хотя, может, было бы не так досадно, не будь этот дом смехотворно нелеп. Уж очень он тут некстати. Будь это обычное загородное жилище, деревянное, приземистое, с высоченной каменной трубой, — ну, еще туда-сюда. Тогда бы он не резал глаз, по крайней мере старался бы не резать. Но ослепительно белое здание, сверкающее свежей краской, — это непростительно. Такое мог бы учинить молокосос-архитектор в каком-нибудь сверхмодном новом квартале, на голом и ровном месте, где все дома — точно прилизанные близнецы. Там этот дом был бы приемлем, а здесь, среди сосен и скал, он нелеп, оскорбителен.

Грей с трудом наклонился и подтянул каноэ еще выше на берег. Достал удочку в чехле, положил наземь. Навьючил на себя корзинку для рыбы, перекинул через плечо болотные сапоги.

Потом он подобрал удочку и медленно стал подниматься по тропе. Приличия и чувство собственного достоинства требовали, чтобы он дал о себе знать новым обитателям холма. Не прошагать же мимо по берегу, ни слова не сказав. Это не годится. Но пусть не воображают, будто он спрашивает у них разрешения. Нет, он ясно даст им понять, что ему здесь принадлежит

право первенства, а затем сухо сообщит, что приехал в последний раз и впредь больше их не потревожит.

Подъем был крутой. Что-то в последнее время даже малые пригорки стали круты, подумалось ему. Дышит он часто и неглубоко, и колени гнутся плохо, все мышцы ноют, когда стоишь в каноэ и гребешь.

Может, глупо было пускаться в это странствие одному. С Беном бы — дело другое, тогда они были бы вдвоем и помогали друг другу. Он никому не сказал, что собирается поехать, ведь его стали бы отговаривать или, того хуже, набиваться в попутчики. Стали бы доказывать, что человеку под семьдесят нельзя затевать такое путешествие в одиночку. А, в сущности, путешествие вовсе не сложное. Каких-нибудь два часа машиной от города до поселка под названием Сосенки и еще четыре мили заброшенной дорогой лесорубов до реки. А потом час на каноэ вверх по течению — здесь, чуть повыше водопада, они с Беном издавна раскидывали лагерь.

Поднявшись до середины холма, он остановился перевести дух. Отсюда уже виден водопад — кипящая белая пена и облачко легчайших брызг: в нем, когда солнечный свет падает как надо, играют радуги.

Грей стоял и смотрел на все это — на темную хвою сосен, на голый склон скалистого ущелья, на золотое и алое пламя листвы — от ранних заморозков она уже полыхала праздничными осенними кострами.

Сколько раз, думал он, сколько раз мы с Беном удили рыбу там, за водопадом? Сколько раз подвешивали над огнем котелок? Сколько раз прошли на веслах вверх и вниз по реке?

Славное это было житье, славно они проводили время вдвоем, два скучных профессора скучного захолустного колледжа. Но всему приходит конец, ничто не вечно. Для Бена все это уже кончилось. А после сегодняшней прощальной поездки кончится и для него.

И снова кольнуло сомнение — правильно ли он решил? В «Лесном приюте» люди словно бы и отзывчивые, и надежные, и его уверяли, что там он окажется в подходящей компании — среди удалившихся на покой учителей, одряхлевших счетоводов, короче — среди отставной интеллигенции. И все-таки в нем шевелились сомнения.

Конечно, будь жив Клайд, все сложилось бы иначе. Они были друзьями, не часто отец и сын бывают так

близки. Но теперь он совсем один. Марты давно уже нет в живых, а теперь не стало и Клайда, и он один как перст.

Если рассуждать трезво, похоже, что «Лесной приют» — самый лучший выход. О нем будут заботиться, и можно будет жить так, как он привык... или почти так. Ну ладно, пока он еще справляется и сам, но недалеко то время, когда понадобится чья-то помощь. Быть может, «Лесной приют» и не идеальный выход, а все же это выход. Надо подумать о будущем, сказал он себе — потому и договорился с «Лесным приютом».

Он немного отдышался и вновь стал подниматься в гору, пока тропа не привела на небольшую ровную площадку перед домом.

Дом был новехонький, еще новее, чем показалось сперва. На Грея как будто даже пахло свежей краской.

А кстати, непонятно, как же сюда доставляли материалы для строительства? Дороги никакой нет. Можно было бы все подвозить на грузовиках по заброшенной дороге лесорубов, а потом по реке от того места, где он поставил машину. Но тогда в лесу остались бы следы недавнего движения, а их нет. Все так же, как прежде, выются в густом молодняке две колеи, между ними все заросло травой. А если материалы подвозили по воде, должен быть какой-то спуск, но и тут ничего такого не видно, одна еле заметная тропинка, по которой он сейчас поднялся. Меж тем непогода и молодая зелень не успели бы скрыть все следы, ведь еще весной они с Беном приезжали сюда на рыбалку, а тогда этого дома не было и в помине.

Грей неторопливо пересек площадку, потом дворик, откуда открывался вид на реку и на водопад. Подошел к двери, нажал кнопку, и где-то в глубине дома зазвонел звонок. Он подождал, но никто не вышел. Он снова позвонил. Опять донесся звонок, и он ждал — вот сейчас послышатся шаги, — но никто не шел. Грей поднял руку и постучал — едва он коснулся двери, она подалась внутрь и распахнулась перед ним.

Он смутился, ему вовсе не хотелось вторгаться в чужой дом. Может быть, вновь затворить дверь и тихонько уйти? Но нет, он не желает действовать крадучись, как вор.

— Эй! — окликнул он. — Есть тут кто-нибудь?

Сейчас к нему выйдут, и он объяснит, что не открывал дверь, она сама отворилась, когда он постучал.

Но никто не выходил.

Минуто-другую он стоял в нерешительности, потом шагнул в прихожую — сейчас он дотянется до ручки и захлопнет дверь.

Тут он увидел гостиную: новый ковер на полу, хорошая мебель. Конечно, здесь живут, просто сейчас никого нет дома. Ушли ненадолго, а дверь не заперли. Впрочем, подумал он, в этих краях никто не запирает дверей. Незачем.

«Выкину все это из головы», — пообещал он себе. Надо забыть про этот дом, хоть он и испортил всю картину, и всласть порыбачить, а под вечер спуститься по реке к машине и отправиться восвояси. Ничто не должно отравить ему этот день.

Он решительно зашагал по высокому берегу, мимо водопада, к хорошо знакомой заводи.

Денек выдался ясный, тихий. Солнце так и сияло, но в воздухе чувствовалась прохлада. Впрочем, еще только десять. К полудню станет по-настоящему тепло.

Совсем повеселев, Грей шагал своей дорогой; к тому времени, когда водопад остался в миле позади и он, натянув болотные сапоги, ступил в воду, он уже окончательно позабыл про злосчастный дом.

Беда стряслась перед вечером.

Он вышел на берег, отыскал подходящий камень, сидя на котором можно будет с удобством перекусить. Бережно положил удочку на прибрежную гальку, полюбовался на трех форелей вполне приличного размера, трепыхающихся в корзинке. И, развертывая сэндвичи, заметил, что небо хмурится.

Пожалуй, надо бы двинуться в обратный путь пораньше, сказал он себе. Нечего ждать, пока погода вконец испортится. Провел три отличных часа на реке — и хватит с тебя.

Он доел сэндвич и мирно посидел на камне, вглядываясь в плавную бегущую мимо воду и в крепостную стену соснового бора на другом берегу. Надо получше все это запомнить, думал он, закрепить в памяти прочно,

навсегда. Чтоб было о чем вспомнить после, когда больше уже не придется ездить на рыбалку.

Нет, все-таки еще полчаса он побудет у реки. Нужно забросить удочку немного ниже по течению, там поперек реки, почти до середины ее, протянулось упавшее дерево. Уж наверняка там, под деревом, затаилась форель и ждет.

Он тяжело поднялся, подобрал удочку, корзинку и ступил в воду. Поскользнулся на замшелом камне, которого сверху совсем не было видно, и потерял равновесие. Острая боль резнула щиколотку, он рухнул в мелководье, не сразу ему удалось пошевелиться и приподняться.

Нога, соскользнув с камня, попала между двумя глыбами на дне и застряла в узкой щели. Ее стиснуло, неестественно вывернуло, и в ней нарастала упрямая, неотступная боль.

Сжав зубы, чтобы не закричать, Грей кое-как высвободил ногу и выбрался на берег.

Он попробовал встать, но вывихнутая нога не держала его. При первой же попытке она подвернулась и жгучая боль каленым железом пронизала ее до самого бедра.

Он сел и медленно, осторожно стянул сапоги. Щиколотка уже начала опухать, она была вся красная, воспаленная.

Грей сидел на усыпанном галькой берегу и раздумывал. Как быть?

Идти он не может, придется ползком. Сапоги, удочку и корзинку надо оставить, они только свяжут ему руки. Лишь бы доползти до каноэ, а там уж он доплывет до того места, где оставил машину. Но потом лодку тоже придется бросить, ему не взгромоздить ее на крышу машины.

Лишь бы сесть за руль, тогда все будет хорошо, машину-то он вести сумеет. Помнится, в Сосенках есть врач. Как будто есть, а может, это ему только кажется. Но, во всяком случае, можно будет договориться, чтобы кто-нибудь пошел и забрал удочку и каноэ. Может, это и глупо, но он просто не в силах отказаться от удочки. Если ее сразу же не подобрать, ее отыщут дикобразы и загубят. Этого никак нельзя допустить. Ведь эта удочка — часть его самого.

Он сложил все свои пожитки — сапоги, корзинку с рыбой и удочку — аккуратной кучкой на берегу, так, чтобы они сразу бросились в глаза всякому, кто согласится за ними сходить. Посмотрел в последний раз на реку и пополз.

Это был долгий и мучительный способ передвижения. Как ни старался Грей, не удавалось оберечь ногу от толчков, и от каждого толчка все тело пронизывала боль.

Он хотел было смастерить себе костыль, но тут же раздумал: перочинным ножиком, да еще затупившимся, много не поработаешь, а другого инструмента не нашлось.

Он полз медленно, частенько останавливался передохнуть. Оглядывал больную ногу — от раза к разу она все сильнее распухла и делалась уже не красной, а багровой.

И вдруг — поздновато, пожалуй, — он со страхом сообразил, что предоставлен на волю судьбы. Ни одна живая душа не знает, что он здесь, ведь он никому ни слова не сказал. Если не выбраться своими силами, пройдет немало дней, покуда его хватятся.

Экая чепуха. Он прекрасно управится. Хорошо, что самая трудная часть пути оказалась вначале. Как только он доберется до каноз, можно считать, дело сделано.

Вот если бы только ползти подольше. Если б не приходилось так часто останавливаться. В былые времена он прополз бы это расстояние без единой передышки. Но с годами становишься стар и слаб. Куда слабее, чем думал.

Он опять остановился отдохнуть — и услышал, как шумят сосны: поднялся ветер. Заунывный шум, даже пугающий. Небо совсем заволокло тучами, все окутал какой-то зловещий сумрак.

Подстегиваемый смутной тревогой, он попытался ползти быстрее. Но только стал еще скорей уставать и жестоко ушиб больную ногу. Пришлось снова замедлить ход.

Он поравнялся с водопадом, миновал его, ползти вниз по отлогому косогору стало немного легче, и тут на вытянутую руку шлепнулась первая капля дождя.

А через минуту уже хлестал ледяными струями яростный ливень.

Грей мгновенно промок, холодный ветер пробирал насквозь. Сумрак сгущался, сосны стоном стонали, разыгрывалась настоящая буря, по земле побежали ручейки.

Он упрямо полз. От холода застучали зубы, но он сердито стиснул челюсти — этого еще не хватало!

Он уже одолел больше половины пути к каноэ, но дорога словно стала длиннее. Он продрог до костей, а дождь все лил, и вместе с ним наваливалась свинцовая усталость.

Дом, подумал он. Можно укрыться в том доме. Меня впустят.

Он не смел себе сознаться, что прежняя цель — доползти до каноэ и проплыть на нем до того места, где осталась машина, — стала невыполнимой и недостижимой.

Впереди сквозь сумрак непогоды пробился свет. Это, конечно, в доме. Хозяева, кто бы они ни были, уже вернулись и зажгли свет.

Он полз долго, много дольше, чем рассчитывал, но, напрягши последние силы, все-таки дотащился. Переполз через дворик, у самой двери, цепляясь за стену и упираясь здоровой ногой, кое-как ухитрился подтянуться и встал. Нажал кнопку, в глубине дома зазвенел звонок и Грей стал ждать — сейчас послышатся шаги.

Никто не шел.

Что-то тут не так. В доме горит свет, должен же там кто-то быть. А тогда почему никто не отзывается?

За спиной еще громче и грозней прежнего шумел лес, и тьма сгущалась. С леденящей злобой свистал и хлестал дождь.

Грей застучал кулаком в дверь, и она, как утром, распахнулась перед ним, дворик залило светом из прихожей.

— Эй, послушайте! — закричал он. — Есть кто дома?

Никакого ответа, ни звука, ни шороха.

Он мучительно напрягся, на одной ноге перепрыгнул через порог и остановился. Позвал еще и еще, но никто не откликнулся.

Нога подломилась, и он повалился на пол, но, падая, успел вытянуть руки и смягчить удар. Потом медленно, с трудом пополз в сторону гостиной.

Позади раздался какой-то слабый звук. Грей обернулся — входная дверь закрывалась. Закрывалась сама собой, никто ее не трогал. Он смотрел как замороженный. Дверь плотно затворилась. В тишине громко щелкнул замок.

Странно это, смутно подумалось ему. Странно, что дверь отворяется, будто приглашает войти. А когда войдешь, сама преспокойно затворяется.

Но это неважно, Бог с ней, с дверью. Важно, что теперь он в доме, а леденящая ярость бури осталась там, за стенами, во тьме. Его уже обволакивало теплом, он понемногу согревался.

Осторожно, оберегая от толчков больную ногу, он по ковру дополз до кресла. Подтянулся кверху, кое-как повернулся и сел поглубже, откинулся на мягкую спинку, вытянул ногу.

Наконец-то он в безопасности. Теперь ни дождь, ни холод не страшны, а рано или поздно кто-нибудь придет и поможет вправить вывих.

Непонятно, где же все-таки хозяева. Навряд ли в такую погоду бродят под открытым небом. И, наверно, они были здесь совсем недавно, ведь свет в окнах вспыхнул, когда уже стемнело и началась буря.

Он сидел не шевелясь, пульсирующая боль в ноге стала глуше, почти отпустила. Как хорошо, что в доме так тихо, так тепло и спокойно!

Он неспешно, внимательно осмотрелся.

В столовой накрыт стол к обеду, от серебряного кофейника идет пар, поблескивают фарфоровая супница и блюдо под крышкой. Доносится запах кофе и какой-то снеди. Но прибор только один, словно обед ждет только одного человека.

За открытой дверью видна другая комната, должно быть кабинет. Висит какая-то картина, под нею — солидный письменный стол. По стенам, от пола до самого потолка, тянутся книжные полки, но они пусты — ни одной книги.

И еще дверь ведет в спальню. Постлана постель, на подушке — сложенная пижама. У изголовья, на ночном столике, горит лампа. Все приготовлено, кажется, постель только и ждет, чтобы кто-то в нее улегся.

Но есть в этом доме что-то непостижимое, какая-то неуловимая странность. Все равно как в судебной практике: попадется иногда такой юридический казус, чув-

ствуешь, что кроется тут какая-то загадочная мелочь, она-то и есть ключ к делу, но она упорно от тебя ускользает.

Он сидел и раздумывал об этом — и вдруг понял.

Этот дом наготове, но он еще ждет. Он словно предвкушает встречу с будущим хозяином. Он обставлен, налажен, все в нем подготовлено. Но здесь еще никто не жил. Нисколько не пахнет жильем, и в самом воздухе смутно ощущается пустота.

Да нет, что за вздор. Конечно же, здесь кто-то живет. Кто-то зажег свет, сготовил обед, поставил на стол один-единственный прибор, кто-то включил лампочку у постели и отогнул край одеяла.

Все это совершенно очевидно, а между тем не верится. Дом упорствует, поневоле ощущаешь, что он пуст.

Грей заметил, что по полу в прихожей и по ковру до самого кресла, где он сидит, тянется мокрый след. И на стене остались грязные отпечатки — он цеплялся за нее, когда пытался прыгать на одной ноге.

Куда же это годится — разводить грязь в чужом доме. Надо будет потолковать все объяснить хозяину.

Он сидел в кресле, дожидался хозяина и клевал носом.

Семьдесят лет, думал он, почти семьдесят, и это — последнее в жизни приключение. Родных никого не осталось, и друзей тоже, один только старик Бен, который умирает медленной, неприглядной смертью в крохотной больничной палате — и все вокруг него чужое и неприглядное.

Вспомнился давний-давний день, когда они познакомились — Бен, молодой профессор астрономии, и он, молодой профессор права. С первой же встречи они стали друзьями, тяжело будет лишиться Бена.

А может быть, он и не так тяжело переживет эту утрату, как пережил бы раньше. Ведь пройдет еще месяц — и сам он переселится в «Лесной приют». Дом престарелых. Хотя теперь это называется иначе. Придумывают всякие красивые названия, вроде «Лесного приюта», как будто от этого легче.

Впрочем, что за важность. Никого не осталось в живых, кому стало бы горько... кроме него самого, разумеется. А ему уже все равно. Ну, почти все равно.

Он вздрогнул, выпрямился, посмотрел на часы на каминной полке.

Видно, задремал или в полудреме грезил о далеком прошлом. Почти час минул с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы, а в доме он по-прежнему один.

Обед еще стоит на столе, наверное, все уже остыло. Но может быть, кофе еще теплый.

Он подался вперед, опасливо встал на ноги. Вывихнутая щиколотка отозвалась пронзительной болью. Он снова откинулся назад, бессильные слезы проступили на глазах, потекли по щекам.

«Не надо кофе, — подумал он. — Не хочу я кофе. Только бы добраться до постели».

Осторожно он выбрался из кресла и пополз в спальню. Медленно, мучительно изворачиваясь, сбросил промокшую насквозь одежду и влез в пижаму, что лежала на подушке.

К спальне примыкала ванная — придерживаясь за кровать, потом за спинку стула, потом за туалетный столик, он на одной ноге допрыгал до нее.

Хоть чем-то утолить боль. Вот если бы найти аспирин, все-таки станет полегче.

Он распахнул аптечный шкафчик, но там было пусто.

Немного погодя он опять дотащился до постели, залез под одеяло и погасил лампу на ночном столике.

Он напряженно вытянулся, его трясло — таких усилий стоило забраться в постель. Смутно подумал: что-то будет, когда возвратится хозяин и обнаружит на своем ложе незваного гостя?

А, будь что будет. Теперь уже все равно. Голова тяжелая, мутная, наверно, начинается жар.

Он лежал совсем тихо и ждал, когда же придет сон, тело постепенно осваивалось в непривычной постели.

Он даже не заметил, как огни во всем доме разом погасли.

Когда он проснулся, в окна потоками вливался солнечный свет. Пахло поджаренной ветчины и закипающим кофе. И громко, настойчиво звонил телефон.

Он сбросил одеяло, подскочил на постели и вдруг вспомнил, что он не у себя, и эта постель — не его, и телефонный звонок никак не может относиться к нему.

На него разом обрушились воспоминания о вчерашнем, и он растерянно сел на край кровати.

Что за притча, еще телефон! Откуда тут телефон? Неоткуда ему взяться в такой глуши.

А телефон все трезвонил.

Ничего, сейчас кто-нибудь подойдет и снимет трубку. Тот, кто там жарит ветчину, возьмет и подойдет. И при этом пройдет мимо отворенной двери, и видно будет, что это за человек, и станет понятно, чей это дом.

Грей встал. Пол холодный, наверно, где-нибудь есть домашние туфли, но неизвестно, где их искать.

Только выйдя в гостиную, он вспомнил, что у него вывихнута нога.

Он в изумлении остановился, поглядел вниз — нога как нога, не красная, не багровая, и опухоли больше нет. А главное, не болит. Можно на нее ступать как ни в чем не бывало.

На столике в прихожей опять призывным звоном залился телефон.

— Черт меня побери, — сказал Фредерик Грей, во все глаза глядя на собственную щиколотку.

Телефон снова заорал на него.

Он кинулся к столику, схватил трубку.

— Слушаю, — сказал он.

— Это доктор Фредерик Грей?

— Совершенно верно. Я Фредерик Грей.

— Надеюсь, вы хорошо выспались.

— Как нельзя лучше. Огромное вам спасибо.

— Ваше платье все промокло и изорвалось. Мы решили, что нет смысла его чинить. Надеюсь, вы не в претензии. Все, что было у вас в карманах, лежит на туалетном столике. В стенном шкафу есть другая одежда, я уверен, она вам подойдет.

— Помилуйте, — сказал Фредерик Грей, — вы так любезны. Но разрешите спросить...

— Отчего же, — заметил голос в трубке. — Но вы лучше поторопитесь. А то завтрак остынет.

И умолк.

— Минуточку! — закричал Грей. — Одну минуточку!..

В ответ слышалось только слабое гудение, линия была свободна.

Он положил трубку на рычаг, прошел в спальню и увидел под кроватью пару шлепанцев.

НАДЕЮСЬ, ВЫ ХОРОШО ВЫСПАЛИСЬ. ВАШЕ ПЛАТЬЕ ПРОМОКЛО, МЫ ЕГО ВЫКИНУЛИ, ВСЕ,

ЧТО БЫЛО У ВАС В КАРМАНАХ, МЫ ПОЛОЖИЛИ
НА ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК.

А кто это «мы», интересно знать?

И где они все?

И как же это, пока он спал, ему вылечили ногу?

Все-таки вчера вечером он не ошибся. Дом пуст.
Никого нет. И однако он обжитой, а как это получается — непонятно.

Он умылся, но с бритьем возиться не стал, хотя,
когда заглянул в шкафчик в ванной, оказалось, что он
уже не пустой. Теперь тут была и бритва, и зубная
щетка с тюбиком пасты, и щетка для волос, и расческа.

Завтрак был накрыт в столовой, на столе стоял один
прибор. Грея ждала яичница с ветчиной, аппетитно
поджаренная картошка, томатный сок и кофе.

И никаких признаков того, кто приготовил еду и
накрыл на стол.

Быть может, в этом доме о гостях заботится целый
штат слуг-невидимок?

И откуда берется электричество? Может быть, тут
своя станция? Возможно, берет энергию от водопада?
Ну а телефон? Может быть, это какой-нибудь радио-
фон? Интересно, каков радиотелефон с виду — такой же,
как обыкновенный телефон, или другой? Кажется, ему
такую штуку видеть не приходилось.

И кто же все-таки ему звонил?

Он поднялся и оглядел ждущий на столе завтрак.

— Кто бы вы ни были, спасибо вам, — громко
сказал он. — Я хотел бы вас увидеть. И чтобы вы со
мною поговорили.

Но никто с ним не заговорил.

Он сел и принялся за еду — только после первого
глотка он почувствовал, что голоден, как волк.

После завтрака он пошел в спальню и достал из
стенного шкафа одежду. Не какой-нибудь шикарный
модный костюм, но очень подходящий для рыболова.

Когда он переоделся, со стола было уже убрано.

Он вышел из дома — сияло солнце, денек выдался
на славу. Видно, буря выдохлась еще ночью.

Что ж, теперь он в полном порядке, и, пожалуй, надо
пойти на вчерашнее место, забрать удочку и все, что он

оставил у реки. Прочее не так уж важно, но удочка слишком хороша, чтоб от нее отказаться.

Все так и лежало, аккуратно сложенное на берегу. Он нагнулся, подобрал удочку и постоял, глядя на реку.

А почему бы и нет? Возвращаться совсем не к спеху. Раз уж он здесь, можно еще немножко порыбачить. Другого случая не будет. Ведь больше он сюда не приедет.

Он отложил удочку, сел, натянул сапоги. Выбросил из корзинки вчерашний улов и надел перевязь через плечо.

И почему только сегодня утром? Почему только еще один день? В город возвращаться незачем, и можно пока пожить в этом доме. Отчего бы не устроить себе самый настоящий праздник?

Однако быстро же он освоился, с какой легкостью готов воспользоваться случаем! Дом этот — штука загадочная, а, впрочем, ничуть не страшная. Да, конечно, он очень странный, но бояться в нем нечего.

Грей шагнул в воду, размахнулся и закинул удочку. С пятой попытки клюнула форель. День начинался недурно.

Не переставая удить, он дошел почти до самого водопада, до того места, где течение набирало силу, и здесь вылез на берег. В корзинке у него было пять рыбин, причем две изрядные.

Можно бы еще половить у стремнины с берега, но, пожалуй, не стоит. Лучше вернуться и как следует осмотреть дом. Непременно надо понять, откуда берется электричество и что это за телефон, и, наверно, еще во многом нужно будет разобраться.

Он глянул на часы — оказалось, уже позже, чем он думал. Он отцепил приманку, смотал леску, сложил удилище и зашагал вниз по тропинке.

К середине дня он закончил осмотр дома.

Ни электрические, ни телефонные провода сюда не подведены, нет и отдельной электростанции. Имеется проводка, но никаких источников электроэнергии. Телефон подсоединен к розетке в прихожей, и еще есть розетки в спальне и в кабинете.

Любопытно и другое: накануне вечером, когда он сидел в гостиной, ему виден был кабинет — картина на стене, и письменный стол, и пустые книжные полки. А сейчас полки уже не пустуют. Они прямо ломаются от

книг, причем именно таких, какие он подобрал бы для себя: целая юридическая библиотека, которой позавидовал бы любой практикующий адвокат. И еще ряд полок... сперва он решил, что это какая-то шутка, розыгрыш...

Но потом заглянул в телефонный справочник и понял, что это уже не шутка.

Никогда еще ни один человек не видывал такого справочника. Тут значились имена абонентов и номера телефонов, но адреса охватывали всю Галактику!

БЕСУР, Йар, Мекбуда V — ФЕ 6-87-31.

БЕТЕН, Вармо, Полярная III — ГР 7-32-14.

БЕТО, Элм, Рас Альгете IX — СТ 1-91-86.

Названия звезд и номера планет. Ничего другого это означать не может.

Для шутки уж чересчур бессмысленно и расточительно.

Многое множество звезд названо в телефонной книге, и названия звезд — на переплетах на той полке в кабинете!

Вывод ясен, подумал он уныло, но ведь это ни в какие ворота не лезет, не принимать же это всерьез. Нелепо, смехотворно, никакого смысла тут нет, и даже думать об этом нечего. Наверно, возможны какие-то другие разгадки, и в том числе совсем мало приятная: уж не сошел ли он с ума?

Нельзя ли все же как-нибудь выяснить, в чем дело?

Он захлопнул телефонную книгу, потом раскрыл на первой странице — ага, вот оно: СПРАВКИ. Он снял трубку и набрал номер.

Гудок, другой, потом голос:

— Добрый вечер, доктор Грей. Мы очень рады, что вы позвонили. Надеюсь, все в порядке? У вас есть все, что нужно?

— Вы знаете мое имя, — сказал Грей. — Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Сэр, — ответила Справочная, — мы гордимся тем, что нам известны имена всех наших абонентов.

— Но я не ваш абонент. Я только...

— Конечно, вы наш абонент, — возразила Справочная. — С той минуты, как вы вступили во владение домом...

— Как так «во владение»? Я же не...

— Мы полагали, что вы уже поняли, доктор Грей. Нам следовало сказать вам с самого начала. Просим извинить. Видите ли, этот дом ваш.

— Ничего я не понял, — растерянно сказал Грей.

— Дом ваш, — пояснила Справочная, — до тех пор, пока он вам нужен, пока вы хотите там оставаться. И дом, и все, что в нем есть. И вдобавок, разумеется, все, чем еще мы можем быть вам полезны.

— Но это невозможно! Я ничем этого не заслужил. Как же я могу владеть домом, за который ничего не дал?

— А может быть, вы не откажетесь при случае нам немного помочь. То есть это совсем не обязательно и, уж конечно, не слишком трудно. Если вы согласитесь нам помогать, мы будем вам крайне обязаны. Но как бы вы ни решили, дом все равно ваш.

— Помогать? — переспросил Грей. — Боюсь, я мало чем могу вам помочь.

— В сущности, это неважно, — заметила Справочная. — Мы очень рады, что вы позвонили. Вызывайте нас в любую минуту, когда пожелаете.

Щелчок отбоя — и он остался стоять дурак-дураком, сжимая в руке умолкнувшую телефонную трубку.

Он положил трубку, прошел в гостиную и уселся в то самое кресло, в котором сидел накануне вечером, когда впервые попал в этот дом.

Пока он разговаривал по телефону, кто-то (или что-то, или это действовала какая-то непонятная сила) развел в камине огонь, и рядом на медной подставке приготовлены были дрова про запас.

В трубе завывал холодный ветер, а здесь от полена к полону перебегали, разгораясь, трепетные язычки пламени.

Дом престарелых, подумал Грей.

Ведь если он не ослышался, это оно самое и есть.

И это лучше, несравнимо лучше того заведения, куда он собирался раньше.

Невозможно понять, чего ради кто-то вздумал преподнести ему такой подарок. Просто уму непостижимо, чем бы он мог такое заслужить.

Дом престарелых — для него одного, да еще на берегу его любимой речки, где водится форель.

Да, чудесно... если б только можно было это принять.

Он передвинул кресло и повернулся лицом к камину. Он всегда любил смотреть на огонь.

Такой славный дом и такая заботливость, чего ни пожелаешь, все к твоим услугам. Если б только можно было тут остаться.

А в сущности, что мешает? Если он не вернется в город, это никого не огорчит. Через день-другой можно будет съездить в Сосенки, отправить несколько писем, после которых никто не станет его разыскивать.

Да нет, безумие. А вдруг заболеешь? Упадешь, разобьешься? Тогда до врача не добраться и не от кого ждать помощи.

Но вот вчера он искал аспирин, и аспирина не оказалось. И он насилу забрался в постель, нога была вывихнута и вся распухла, а к утру все как рукой сняло.

Нет, можно ни о чем не беспокоиться, даже если и заболеешь.

Аспирина не нашлось, потому что он ни к чему.

Этот дом — не только дом. Не просто четыре стены. Это и пристанище, и слуга, и врач. Надежный, здоровый, безопасный дом, и притом исполненный сочувствия.

Он дает все, что нужно. Исполняет все твои желания. Дает огонь, и пищу, и уют, и сознание, что о тебе заботятся.

И книги. Великое множество книг — именно таких, какие служили ему верой и правдой долгие годы.

Доктор Фредерик Грей, декан юридического факультета. До старости только и знал, что почет и уважение. А теперь стал чересчур стар, жена и сын умерли, и друзья все умерли или уж совсем одряхлели. И ты уже не декан и не ученый, а всего лишь старик, чье имя предано забвению.

Он медленно встал и пошел в кабинет. Поднял руку к полке, провел ладонью по кожаным корешкам.

Вот они, друзья — друзья, на которых можно положиться. Они-то всегда на месте и только и ждут своего часа.

Он подошел к полкам, которые сначала так его озадачили, показались дикой и неостроумной шуткой. Теперь он знал — это отнюдь не шутка.

Он прочитал несколько названий: «Основы законодательства Арктура XXIV», «Сопоставление правовых понятий в системах Центавра», «Юриспруденция на III, IV и VII планетах Зубенешамале», «Судебная практика на Канопусе XII». И еще много томов, на чьих переплетках стоят имена странных далеких звезд.

Пожалуй, он не понял бы так быстро, что это за имена, если бы не старый друг Бен. Долгие годы Бен рассказывал ему о своей работе, и многие из этих имен слетали у него с языка с такой легкостью, словно речь шла об улице по соседству, о доме за углом.

В конце концов, может быть, до них и вправду не так уж далеко. Чтобы поговорить с людьми... ну, может быть, не с людьми, но с теми существами, что населяют эти чужие планеты, надо только подойти к телефону и набрать номер.

В телефонной книге — номера, которые соединяют со звездами, и на книжной полке — звездный свод законов.

Быть может, там, в других солнечных системах, нет ничего похожего на телефоны и телефонные справочники; быть может, на других планетах нет правовой литературы. Но у нас на Земле средством общения поневоле должен быть телефон, а источником информации — книги на полках. Значит, все это надо было как-то перевести, втиснуть незнакомое и непривычное в привычные, знакомые формы, чтобы мы могли этим пользоваться. И перевести не только для Земли, но и для неведомых обитателей всех других планет. Быть может, нет и десятка планет, где способы общения одинаковы, но если с любой из них обратятся к нему за советом, какими бы способами ни пользовалось существо с той планеты, здесь все равно зазвонит телефон.

И конечно же, названия этих звезд — тоже перевод. Ведь жители планет, что обращаются вокруг Полярной звезды, не называют свое солнце Полярной звездой. Но здесь, на Земле, другого названия быть не может, иначе людям не понять, что же это за звезда.

И самый язык тоже надо переводить. Существа, с которыми он объяснялся по телефону, уж наверно говорили не по-английски, и однако он слышал англий-

скую речь. И его ответы наверняка доходили до них на каком-то ином, ему неведомом языке.

Поразительно, непостижимо, и как ему только пришло все это в голову? Но ведь выбора нет. Никакого другого объяснения не подберешь.

Где-то раздался громкий звонок, и он отвернулся от книжных полок.

Подождал, не повторится ли звонок, но было тихо.

Грей вышел из кабинета — оказалось, стол накрыт, его ждет обед.

Значит, вот в чем дело, звонок звал к столу.

После обеда он прошел в гостиную, подсел к камину и стал обдумывать всю эту странную историю. С дотошностью старого стряпчего перебрал в уме все факты и свидетельства, тщательно взвесил все возможности.

Он коснулся чуда — самого краешка — и отстранил его, заботливо стер все следы, ибо в его представление об этом доме никак не входили чудеса и не вмещалось никакое волшебство.

Прежде всего возникает вопрос — а может, ему просто мерещится? Происходит все это на самом деле или только в воображении? Быть может, на самом-то деле он сидит где-нибудь под деревом или на берегу реки, что-то бессмысленно лопочет, выцарапывает ногтями на земле какие-то значки, и ему только грезится, будто он живет в этом доме, в этой комнате, греется у этого огня?

Нет, едва ли. Уж очень все вокруг отчетливо и подробно. Воображение лишь бегло набрасывает неясный, расплывчатый фон. А тут слишком много подробностей и никакой расплывчатости, и он волен двигаться и думать, как хочет и о чем хочет; он вполне владеет собой.

Но если ничего не мерещится, если он в здравом уме, значит, и этот дом, и все, что происходит, — чистая правда. А если правда, значит, дом этот построен, образован или создан какими-то силами извне, о которых человечество доньше даже не подозревало.

Зачем это им понадобилось? Чего ради?

Может быть, его взяли как образчик вида, хотят изучить, что это за существо такое — человек? Или рассчитывают как-то им воспользоваться?

А вдруг он не единственный? Может, есть и еще такие, как он? Получили нежданный подарок, но

держат язык за зубами из страха, что люди вмешаются и все испортят?

Он медленно поднялся и вышел в прихожую. Взял телефонную книгу, вернулся в гостиную. Подбросил еще полено в камин и уселся в кресло с книгой на коленях.

«Начнем с себя, — подумал он. — Поглядим, числюсь ли я в списках». И без труда отыскал: ГРЕЙ, Фредерик, Гелиос III — СЮ 6-26-49.

Он бегом перелистал страницы, вернулся к началу и стал читать подряд, медленно ведя пальцем сверху вниз по столбцу имен.

Книжка была не толстая, однако немало времени понадобилось, чтобы тщательно ее просмотреть, не пропустить другого землянина. Но другого не нашлось — ни с Земли, ни хотя бы из нашей Солнечной системы. Только он один.

Что же это, одиночество? А может быть, можно чуточку и гордиться? Один-единственный на всю Солнечную систему.

Он отнес справочник в прихожую — на столике, на том самом месте, лежала еще одна книга.

Грей в недоумении уставился на нее — разве их было две? Было всего две с самого начала, а он не заметил?

Он наклонился, взгляделся. Нет, это не список телефонов, а что-то вроде папки с бумагами, и на обложке напечатаны его имя и фамилия.

Он положил справочник и взял папку, она оказалась толстая, тяжелая, в обложке — листы большого формата.

Нет, конечно же, когда он брал телефонный справочник, этой папки здесь не было. Ее положили сюда, как ставили на стол еду, как полки устали книгами, как повесили в стенной шкаф одежду, которая в точности пришлась ему впору. Это сделала некая непонятная сила, незримая или, уж во всяком случае, ненавязчивая.

Дистанционное управление? Возможно, где-то существует копия, двойник этого дома, там какие-то силы, вполне зримые и в тех условиях совершенно естественные и обычные, накрывают на стол или вешают одежду — и действия эти мгновенно и точно воспроизводятся здесь?

Если так, значит, покорено не только пространство, но и время. Ведь те, неведомые, не могли знать, какими книгами надо заполнить кабинет, пока в доме не появился жилец. Не могли знать, что сюда забредет именно он, Фредерик Грей, чья специальность — право. Поставили ловушку (гм, ловушку?), но не могли знать заранее, какая попадется дичь.

Каким бы способом ни печатались те книги на полках, на это требовалось время. Надо было подыскать нужную литературу, перевести и подготовить к печати. Неужели возможно так управлять временем, чтобы все вместе взятое — поиски, перевод, подготовка, печать и доставка — уложилось всего-навсего в двадцать четыре земных часа? Неужели можно растянуть время или, напротив, сжать его ради удобства неведомых зодчих, которые возвели этот дом?

Он открыл папку, и ему бросились в глаза строки, крупно напечатанные на первой странице:

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ И ДОКУМЕНТАЦИЯ
Балматан против Мэр Эл
ДЕЛО ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ
ПО ЗАКОНАМ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА
СУДЕЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Ванз КАМИС, Рас Альгете VI
Итэ НОНСКИК, Тубан XXVIII
Фредерик ГРЕЙ, Гелиос III

Он похолодел.

Задрожали руки, и он опустил папку на столик, опустил осторожно, как что-то хрупкое: уронишь — разобьется вдребезги.

Межгалактическое право. Три ученых законоведа, три знатока (?) из трех разных солнечных систем!

А само дело и закон, скорей всего, еще из какой-нибудь четвертой системы.

Немножко помочь, сказал тогда голос по телефону.

Немножко помочь. Вынести приговор согласно законам и судебной процедуре, о которых никогда и не слыхивал!

А другие двое? Они что-нибудь слышали?

Он порывисто наклонился и стал листать телефонный справочник. Вот, нашел: Камис, Ванз. Старательно набрал номер.

— Ванза Камиса сейчас нет, — сказал приятный голос. — Что-нибудь передать?

Ошибся, подумал Грей. Не следовало звонить. Бессмысленный поступок.

— Алло, — сказал приятный голос. — Вы слушаете?

— Да, я слушаю.

— Ванза Камиса нет дома. Что-нибудь передать?

— Нет, — сказал Грей. — Нет, спасибо. Ничего не надо.

Звонить не следовало. Это слабость, малодушие. В такие минуты человек должен полагаться только на себя. И надо быть на высоте. Тут нельзя отмахнуться, не такое положение, чтобы прятаться в кусты.

Он взял куртку и вышел из дома.

Восходила луна, снизу ее золотой диск был иззубрен темными силуэтами сосен, что росли высоко на другом берегу. Где-то в лесу глухо ухала сова, в реке звонко плеснула рыба.

Вот где можно поразмыслить, сказал себе Грей. Он остановился и глубоко вдохнул ночную свежесть. Здесь под ногами родная земля. И думается лучше, чем в доме, который по сути своей продолжение многих других миров.

Он спустился по тропинке на берег, к своему каноэ. Оно было на месте, после вчерашней бури в нем застоялась вода. Грей повернул его набок и вылил воду.

Дело должно рассматриваться по законам межгалактического права, сказано на первой странице. А существует такая штука — межгалактическое право?..

К закону можно подойти по-разному. В нем можно видеть отвлеченную философию или политическую теорию, историю нравственности, общественную систему или свод правил. Но как бы его ни понимать, как бы ни изучать, какую бы сторону ни подчеркивать, его основная задача — установить какие-то рамки, помогающие разрешить любой возникший в обществе конфликт.

Закон не есть что-то мертвое, неподвижное, он непременно развивается. Каким бы медлительным это развитие ни было, оно следует за движением общества, которому служит закон.

Грей невесело усмехнулся, глядя в полутьме на вспененную реку; вспомнилось, как он годами на лекциях и семинарах вколачивал эту мысль в головы слушателей.

На какой-то одной планете, если налицо время, терпение и неспешный ход развития, закон можно привести в полное соответствие со всеми общепринятыми понятиями и со всей системой знаний общества в целом.

Но возможно ли сделать логику закона столь гибкой и всеобъемлющей, чтобы она охватила не одну, а множество планет? Существует ли где-нибудь основа для такого понимания законности, которое оказалось бы применимо ко всему обществу в самом широком, вселенском смысле слова?

Да, пожалуй. Если налицо мудрость и труд, проблеск надежды есть...

А если так, то он, Грей, может помочь, вернее, могут пригодиться земные законы. Нет, Земле незачем стыдиться того, чем она располагает. Человеческий разум всегда тяготел к закону. Более пяти тысячелетий человечество старалось опираться на закон, и это привело к развитию права — вернее, ко многим путям развития. Но найдутся в земном праве две-три статьи, которые смело можно включить во всеобщий, межгалактический свод законов.

Химия — одна для всей Вселенной, и поэтому некоторые полагают, что биохимия тоже одна.

Те двое, жители двух других планет, названные вместе с ним как судьи, которым надлежит разобраться в спорном деле, скорее всего не люди и даже не похожи на людей. Но при общем обмене веществ они в главном должны быть сродни человеку. Наверно, это жизнь, возникшая из протоплазмы. Наверно, для дыхания им нужен кислород. Наверно, в их организме многое определяется нуклеиновыми кислотами. И разум их, как бы он ни отличался от человеческого, возник на той же основе, что и разум человека, и работает примерно так же.

А если химия и биохимия общие для всех, отчего бы не существовать мышлению, которое придет к общему понятию о правосудии?

Быть может, еще не сейчас. Но через десять тысяч лет. Пусть через миллион лет.

Он снова двинулся в гору, давно уже его походка не была такой легкой, а будущее не казалось таким светлым — не только его будущее, но будущее всего сущего.

Многие годы он именно этому учил и за это ратовал: за надежду, что настанет время, когда в законе и праве воплотится великая, непреложная истина.

Да, становится теплей на сердце, когда знаешь, что и другие чувствуют так же и работают ради той же цели.

Никакой здесь не дом престарелых, и это чудесно. Ведь дом престарелых — тупик, а это — великолепное начало.

Немного погодя зазвонит телефон и его спросят, согласен ли он помочь.

Но вовсе незачем ждать звонка. Надо работать, работы по горло. Надо прочесть дело в папке, и основательно разобраться в сводах чужих законов, и разыскать по ссылкам все источники и прецеденты, и думать, думать.

Он вошел в дом, захлопнул дверь. Повесил куртку и кепку. Взял папку, прошел в кабинет, положил ее на письменный стол.

Открыл ящик, достал блокнот, карандаши, удобно разложил все под рукой.

Сел и вплотную занялся межзвездным правом.

Содержание

Интервью с К. Саймаком, пер. Д. Смушковича	5
--	---

Мир красного солнца

Мир красного солнца, пер. В. Альтиштейнера	23
Наблюдатель, пер. А. Гвоздиевского	53
Прелесть, пер. Д. Жукова	66
Куш, пер. Д. Жукова	108
Отец-основатель, пер. Л. Жганова	149
Театр теней, пер. С. Васильевой	161

Дом обновленных

Разведка, пер. Н. Галь	207
Детский сад, пер. Д. Жукова	228
Пыльная зебра, пер. Д. Жукова	275
«Сделай сам», пер. Д. Жукова	304
Дурак в поход собрался, пер. Д. Жукова	346
Дом обновленных, пер. Н. Галь	359

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**Полное собрание
фантастических произведений в 18 томах**

Книга семнадцатая

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дунгина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление обложки и форзаца: *И. Леонтьев*
Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 12.09.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 1027. С 127.

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством.

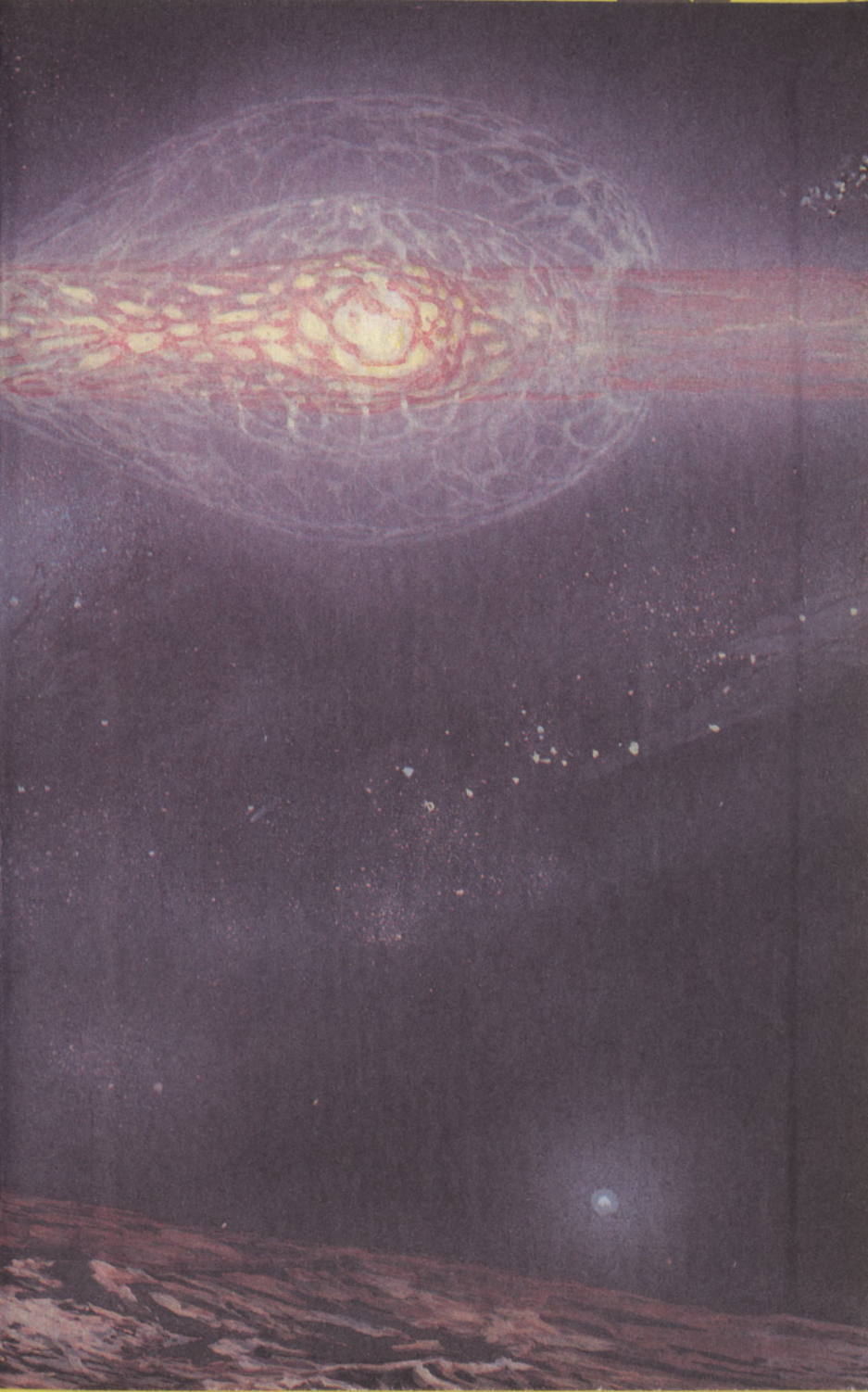
Издательство «Полярис»

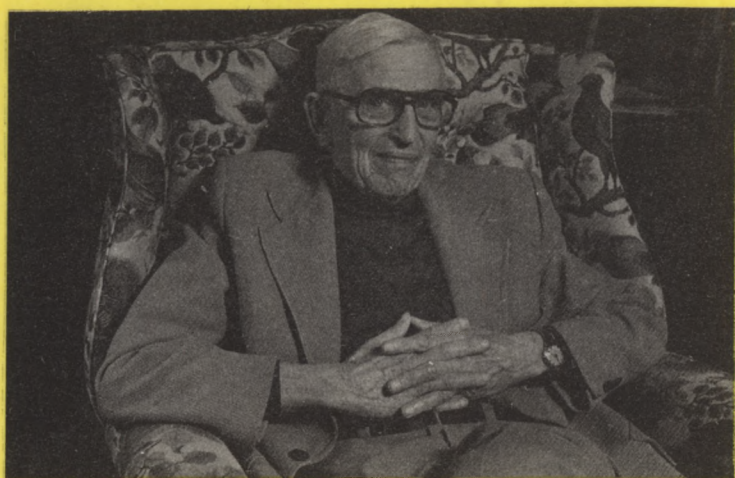
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POL RIS
publishers